

ISSN 0130-7673

НОВЫЙ
МИР

12

НОВЫЙ
МИР

12

1983

1983

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1925 г.

№ 12

Декабрь, 1983 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ЛЕВ ОЗЕРОВ — <i>Земная ноша</i> , стихи	3
ЮРИЙ ГОРДИЕНКО — <i>Окружная дорога</i> , поэма	5
ВЛАДИМИР КАРПОВ — <i>Полководец</i> , документальная повесть. Окончание	8
ЯКОВ БЕЛИНСКИЙ — <i>Голос Анголы</i> , стихи	102
ВЛАДИМИР ДАГУРОВ — <i>Никитские ворота</i> , стихи	105
ЮРИЙ ГЕЙКО — <i>Испытание</i> , повесть	108
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ — <i>Басни</i> . Из новой книги	156
ПУБЛИЦИСТИКА	
ФЕЛИКС НОВИКОВ — <i>Единство и крайности архитектуры</i>	158
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
ЭРНСТ ГЕНРИ — <i>Заговор против Европы</i>	172
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ	
И. РОДНИНА, А. ЗАЙЦЕВ — <i>Последняя Олимпиада</i> . Предисловие Мариса Лиены. Литературная запись А. Чайковского	181
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
НИКОЛАЙ САМВЕЛЯН — <i>Гимн мудрому городу</i>	202
ИРИНА ЛУНАЧАРСКАЯ — <i>Поэтическое наследие Луначарского</i>	207
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Г. ПОЛОЗОВ — <i>Образ справедливости</i> . Заметки юриста	218
ФЕЛИКС КУЗНЕЦОВ — <i>В кривом зеркале</i>	227

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

	Стр.
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
	242
Александр Топчян. Миссия человеческая.	
В. Оскоцкий. Жизнь, рассеченная надвое.	
Авдей Нуйкив. Высокий счет гражданственности.	
<i>Политика и наука</i>	
	255
А. Зверев. Повествование без вымысла.	
КОРОТКО О КНИГАХ:	
Александр Ливанов. — Владимир Мирнев. Знакомое лицо. Роман. Владимир Мирнев. Живое дерево. Повесть. ♦	
Эдуард Пронилов. — Татьяна Кузовлева. Веретено. Стихи. Татьяна Кузовлева. Общее небо. ♦	
Е. Алексеева. — Н. В. Станкевич. Избранное. ♦	
Н. Голованова. — Воспоминания о Семене Данилове. ♦	
Василий Новиков. — Ушанги Рижинашвили. Дом. Повести и рассказы. Ушанги Рижинашвили. Шакро. Повесть. ♦	
И. Кон. — Н. А. Ерофеев. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825—1853 гг. ♦	
И. Забелин. — Д. Биленкин. Путь мысли	261
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	266
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 1983 ГОД	267

ЛЕВ ОЗЕРОВ

ЗЕМНАЯ НОША

Легка мне тяжелая ноша земная.
А впрочем, не знаю, какая иная
Отпущена ноша, не ведал иного,
Чем наше такое стозвонное слово.
Ты вымолвишь тихо — аукнется громом
Над всюю вселенной, над маленьким домом,
Где вырос мальчишка, — от бабкиной сказки
Он в космос открытый шагнул без опаски.

* * *

У последней четверти века
Есть своя особая вежа
И особая мета есть:
Без пощады душа и рынок
Роковой ведут поединок,
На арене — бесчестье и честь.

Появляется новая нота
Окончательного отсчета
Или чувство других планет.
Человек, я у звездной цели,
Но трава земной колыбели
По старинке — спасенье от бед.

* * *

Растаяла в копытном звоне
Та песнь, которую певал.
Что я успел? Где побывал?
От лихолетья, от погони

Куда вы проскакали, кони?
Какой остался перевал?
Жизнь на последнем перегоне...
Я жить еще не начинал.

* * *

В глубокой ночи
И при свете дня
Приходит мысль,
Ощутима до дрожи:

Все меньше тех,
Кто старше меня,
Все больше тех,
Кто меня моложе.

* * *

Птица держит небо в клюве
И напоминает мне
О чудесном стеклодуе
В гусь-хрустальной стороне.
С человеческим дыханьем
В это гнущее стекло

Осторожное сиянье
Медленно перетекло.
Успеваю удивиться
У фабричного окна,
Как трепещет в клюве птицы
Сизая голубизна.

* * *

Запах мороза анисовый.
 В первых бликах зари
 Самозабвенно-истово
 Прыгают снегири.
 Снег накатан и голубо
 Розовеет вдали.

Как воркованье голубя,
 Скрип январской земли.
 Хожено-перехожено
 В этой жизни, и вот
 Вновь душа растревожена
 Видом этих красот.

* * *

И переходит осень в белый стих.
 Сперва природе не ясна задача,
 И роща перемены ждет и, плача,
 Не может сосчитать стволов своих.
 Остановился счет, но в некий миг
 Нежданно — снег, бело на белом свете,
 И жизнь жива, и радуются дети,
 И переходит осень в белый стих.
 И я не знаю, где мои года
 Ушедшие, и сколько их осталось,
 И где там зрелость переходит в старость,
 И где там наступают холода.
 Я этого покуда не постиг,
 Я в эпицентре жизни, я в работе,
 И в поиске, и в песне, и в заботе,
 И переходит осень в белый стих.

* * *

Я твой должник
 Который год.
 Как долг возник?
 Как он растет!
 Долг не в мошне,
 И не солгу,
 Сказав — во мне,
 Я весь в долгу.

Как долг верну?
 Верну когда?
 Идти ко дну —
 Блажь, ерунда.
 Взмывать ли ввысь?
 В том вижу толк.
 Отдать всю жизнь —
 Верну ли долг?!

ЮРИЙ ГОРДИЕНКО

★

ОКРУЖНАЯ ДОРОГА

Поэма

Это — на век, без срока,
С важным самым в ряду.

... Окружная дорога
В сорок первом году.
Нас тогда из Сибири,
В гимнастерках парней,
Перегнав, «позабыли»
С эшелонем на ней...
Хочешь — пой, хочешь — брейся,
Лезь на нары к своим...
То покатим по рельсам,
То опять постоим.
Слева — город великий,
Справа — двор с муравой
У дороги, на стыке
Подмосковья с Москвой.

Время осени. Палый
Лист на той Окружной.
Смех и шутки на шпалах
Перед встречей с войной:
— Разных тут операций
Жди, коль немцы рванут!
Может, в Куйбышев, братцы,
Нас теперь повернут?
— Вот несет ахинею,—
Кто-то слово берет,—
Просто груз поважнее
Пропускают вперед... —

Словно всхлип на баяне,
У депо, за углом,
Лязгнув, в рыжем бурьяне
Стал в тупик эшелон.
Нет на запад с востока
Проходной колеи...
Окружная дорога
С водокачкой вдали.
Шлак рабочих предместий.
Ржавый локомотив.

Фуры на переезде...
Далеко ты, Сибирь!
Ах, судьба-ворожея,
В жизнь длиной — колея!
Оглянусь: неужели
Мальчик тот — это я?
Хмурый чуть и неловкий,
Будто кто-то другой,
Я — тот мальчик в пилотке
В лагерях за рекой?..
Борщ с подцветкой томатной,
Пыль маневров и грязь.
— Выше ногу! — команда.
И команда: — Оправьсь! —
Чу! У лагеря прямо
Кто-то кличет в тенек...
— Ты откуда тут, мама?
— Разыскала, сынок!
Как тут в лямке солдатской?
Да ведь я не одна,
И другим повидаться
Разрешил старшина! —

Мама... Губы в морщинках...
Боль и стойкость твои
В тихой той, в беззащитной,
В деловитой любви:
Напечет и нажарит...
— Тростин! — друга зову.
Поняла. И сажает
Рядом нас на траву.

Сын — из школы едва лишь,
Молод и несмышлен.
Это сына товарищ,
Старше, опытней он.
И еду из авоськи —
Что тут знать-понимать! —
В «поддержание войску»
Делит поровну мать.
И всего-то — немного
Посидеть, оделя..

... Окружная дорога,
Сосны и тополя.
Хрустнув, падает ветка...
Через сквер поперек
Мы идем «на разведку» —
Я и Тростин — в ларек.
И, удаче не веря,
Покупаем вина.
Ждет с закуской в сквере,
Разрешил старшина.
Шутим, сидя в подросте,—
Перевалочный быт...

... Мы не знаем, что Тростин
Завтра будет убит.
Скрытый бруствером, в нише
Охнет он — и с концом.
Грудь осколком пронижет
Ниже чуть, под сосном.
В небе лопнет бризантный
Неприцельный — и в рай
Или в ад... Но до завтра
Время — хоть отбавляй!
... И застолье уместно...
Но еще наяву
Поглядеть интересно
С краю хоть на Москву.

... Доты, надолбы, колья
Ощетинились, встав
По всему Подмосковью
И в Москве у застав.
И, печально и страстно,
Души наши смутив,
С пихты в радиораструб
Льется песни мотив.
В спешке будней осадных
Как по крику: «В ружье!» —
С Кумачом Александров
Написали ее.
Не заботясь о стиле,
Эту песню они
Сочиняли в квартире
Кумача не одни.
За юпитром их скромным
В грозных бликах войны
Тень стояла огромной
Вставшей насмерть Страны.
Реквием. И солдатский
Марш. И клятва. И гимн...

... Много вырастет братских
В Подмосковье могил.
Путь за запад тернистый
Дастся нам не за так:
Враг железный — под Истрой,
Под Нахабином — враг.
Словно зверь на приваду,
По-над тульским мешком
Танки Гудериана

Сжались перед броском;
Каждый вентиль и поршень
Наготове давно...
Это — раньше ли, позже —
Нам узнать суждено.
... Пусть с устатку мы пьяны,
Чара та — не в вину!
Смерть у Красной Поляны
Ждет уже старшину.

— Он при танковых силах...
Ну дак што? Ни рожна! —
В смертный час, как Панфилов,
Скажет нам старшина.—
Хоть зубами, а надо
Тут за каждую пядь
Нам держаться, однако —
Некуда отступить... —

Скажет. Встанет. По знаку
Нас поднимет вперед
И споткнется.— Однако
Ранен я... — И умрет.
... Понесет Окружная
Похоронку в Сибирь...
... О грядущем не зная,
Мы спокойно сидим.
Припекает нас поздний
Лета бабьего зной.
О стратегии Тростин
Спорит со старшиной.
Неусидчив с кагора —
Мне их прения в нудь! —
Я зову их на город
Чуть пошире взглянуть.
— Дуй! Но к сроку, и четко! —
Говорит старшина.

... Это что за девчонка?
И сидит что княжна!
С книжкой...
Надо ж... Присниться!
Плохи наши дела:
Вот такие ресницы
На меня подняла!
Не шутник от природы,
Я шучу, поражен:
— Ба! Вы помнится, родом
Из московских княжон! —

В куньей шапочке — осень! —
Смотрит, не отстранясь.
Взгляд шутив и серьезен:
— Благодарствуйте, князь! —

Сад. Метелки глициний...
— Что ж, что княжеский род?
Я учусь медицине...
Скоро тоже на фронт! —
Верим мы и не верим,

Так близки мы уже,
 — И куда же мы?
 — В терем
 На шестом этаже! —
 Шутим в принятом стиле,
 Все легко, не всерьез...
 ...Ночь в пустынной квартире
 С легким запахом роз.
 В рамах — тени искусства...
 Ту открытость, и грусть,
 И безвыходность чувства
 Описать не берусь.

— Я люблю тебя, милый!..
 Расставаться пора! —
 Будто мать, покормила,
 Обняла, как сестра.
 — Стой! — И, сбитому с толку,
 Мне на грудь медальон,
 Сняв с себя... От осколка
 Будет с вмятиной он.
 Будет — с самою близкой,
 Все четыре зимы
 И потом — переписка.
 Но не встретимся мы.
 Разных встреч будет много.
 А такой не найду...

Окружная дорога
 В сорок первом году.

Глушь и темень предместья.
 — Так-то, «князь» и «барон».
 Где окажешься, если
 Упустил эшелон?
 ...Под пилоткой солдатской —
 Лоб мой, чувствуя, взмок.

...Я судьбою обласкан,
 Мне еще невдомек,
 Что от этих окраин

Путь пойдет далеко,
 Что не раз буду ранен
 Тяжело и легко,
 Что безмерной ценою,
 Кровью, потом своим
 Мы врага остановим
 И Москву отстоим.
 За травинку держаться
 Будем вплоть до зимы,
 Выйдем к Вязьме и Гжатску,
 К Минску вырвемся мы.
 Солнцем, стужей палимы,
 Будем брать города,
 Мы дойдем до Берлина
 От Москвы... Но тогда,
 Все рогатки минуя,
 Сквозь редешую тьму,
 Выйдя на Окружную,
 Был я рад и тому,
 Что с чайнками в кружке,
 Свежий, к сроку в строю
 Я у нашей теплушки
 До поверки стою...

Нары. Сена охвостья.
 Утро. Даль. Тишина.
 Умывается Тростин.
 Делит хлеб старшина.
 Как на выгоне стадо
 Тучных пестрых коров,
 В небе — азростаты
 С подмосковных дворов.
 Лезут пушки, фургоны
 К переезду — на взвоз.

Лязгнув сцепкой, к вагонам
 Нашим стал паровоз,
 И от лязга сорока
 Сорвалась со столба..

Окружная дорога,
 Фронтальная судьба.

ВЛАДИМИР КАРПОВ

★

ПОЛКОВОДЕЦ*

Документальная повесть

Часть вторая

БИТВА ЗА КАВКАЗ

Командующий фронтом

Получив назначение на один из высших постов в армии, Иван Ефимович Петров теперь в подлинном смысле и, если можно так сказать, юридически становился полководцем в современном понимании этого звания. Дело в том, что в прошлые века полководцами называли военачальников, у которых были армии небольшие по численности. Например, в сражении при Каннах у Ганнибала было 40 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы. По нынешним понятиям — это всего корпус, но Ганнибал считался одним из величайших полководцев именно за победу в битве при Каннах. В полках Александра Невского на Чудском озере было около 17 тысяч воинов — сегодня это около дивизии. Полностью разгромив врага, одержав блестящую победу, Невский вошел в историю как один из талантливейших полководцев.

Росла численность армий, развивалось военное искусство, менялись и критерии, по которым определялось высокое звание полководца. Советская военная наука не каждого крупного военачальника считает полководцем. Этого высокого звания удостоиваются военные деятели, умело руководящие вооруженными силами государства или такими объединениями, как фронт, одержавшие крупные победы над врагом в ходе войны, заслужившие за это всенародное признание.

Став командующим Северо-Кавказским фронтом, Петров вступал на труднейшую полководческую стезю, принимая на свои плечи груз огромнейшей ответственности не только перед боевыми соратниками, но и перед партией и народом. Теперь в его подчинении было восемь общевойсковых армий (9-я, 37-я, 44-я, 58-я, 18-я, 46-я 47-я, 56-я) и две воздушные (4-я и 5-я). Ему оперативно подчинились Черноморский флот и Азовская флотилия. В этих армиях находились многие сотни тысяч людей, жизнь которых зависела и от распорядительности, мастерства, опыта, талантливости и многих других личных качеств командующего.

*О к о н ч а н и е. Начало см. «Новый мир» № 11 с.г.

Новое назначение Петрова свидетельствует о высокой оценке этих его качеств Генеральным штабом, Государственным Комитетом Обороны, Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным, Центральным Комитетом нашей партии, ибо кандидаты на должность командующего фронтом утверждались этими инстанциями. Такая оценка, такое доверие к Петрову подтверждаются еще и тем, что он назначается на маршальскую должность, будучи еще в звании генерал-лейтенанта. Отныне прямым начальником Петрова становился Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин.

Учитывая широкие стратегические масштабы, в которых предстоит теперь действовать Ивану Ефимовичу, необходимо ввести и читателей в эти «высокие материи». Я сознаю, что не всем они будут понятны и интересны, однако при описании деятельности полководца без этого обойтись нельзя. Постараюсь писать возможно проще и короче, не вдаваясь в чисто военные подробности.

Итак, нам необходимо если не на уровне мышления Петрова, то хотя бы в общих чертах представить себе обстановку на фронтах и особенно намерения противника — главного объекта, противодействующего полководцу, и главного объекта, на который он должен воздействовать.

После отступления на Северном Кавказе и потери 6-й армии под Сталинградом Гитлер, как это ни странно, не отказался от своих планов захвата нефтеносных районов на Каспии, в районе Баку. Это у него была уже какая-то навязчивая идея.

То, что осуществить захват нефтеносных районов было невозможно, мы сейчас можем сказать твердо и определенно — не было у гитлеровцев сил, чтобы провести в жизнь план «Эдельвейс» или какой-то его новый вариант. Но Гитлеру все еще казалось: если сосредоточить все, что у него осталось, все, что еще возможно собрать, и бросить опять-таки на захват Баку, то можно надеяться на благоприятный выход из создавшегося сложного положения.

О том, что Гитлер именно на это рассчитывал, свидетельствуют и документы, и воспоминания генералов из его окружения, да и сам ход событий в 1943 году. Генералы Вагнер, Филиппи и Гейм в своих воспоминаниях пишут, что в период отступления от Сталинграда и с Северного Кавказа Гитлер больше думал не о Ростове, а о том, чтобы закрепить на Кубани и на Таманском полуострове и сохранить таким образом трамплин для возобновления наступления на Кавказ.

Генерал Вольфганг Пиккерт, командир 9-й зенитной дивизии, прикрывавшей кубанский плацдарм, в своей книге «От Кубанского плацдарма до Севастополя» пишет:

«Ясно, что немецкое верховное командование собиралось обосноваться здесь надолго и все еще рассматривало плацдарм как исходный пункт для новых наступательных операций» (26, стр. 6 *).

Вот дела, подтверждающие эти намерения. В районе Керченского пролива шло строительство подвесной дороги, которая соединила бы Крым с Таманским полуостровом. По ней немецкие войска на кубанском плацдарме должны были снабжаться боеприпасами и всем необходимым. И эта дорога была построена. Она работала и обеспечивала боевые действия гитлеровских войск. Кроме того, Гитлер приказал построить через тот же Керченский пролив настоящий, капитальный мост длиной более пяти километров. Этот мост должен был быть двухэтажным: для железнодорожного и автомобильного транспорта.

* Ссылки на источники вынесены в конец повести, в скобках указаны порядковый номер издания и страница, с которой приведена цитата.

Министр вооружений гитлеровской Германии Альберт Шпеер в своих мемуарах о строительстве этого моста писал подробно и, нужно сказать, со знанием дела, потому что Шпеер по профессии архитектор:

«Весной 1943 года Гитлер потребовал начать строительство пятикилометрового моста для автомобильного и железнодорожного транспорта через Керченский пролив. Здесь мы уже давно строили подвесную дорогу, которая была пущена 14 июня и доставляла ежедневно тысячу тонн груза. Этого хватало для потребностей обороны 17-й армии. Однако Гитлер не отказался от своего плана прорваться в Персию через Кавказ. Приказ о строительстве моста он обосновывал необходимостью перебросить на Кубанский плацдарм войска и материальную часть для наступления.

Фронтовые генералы давно оставили эту мысль. Когда я посетил Кубанский плацдарм, они хором утверждали, что думают только о том, как удержаться на позициях перед лицом сильного противника. Когда я доложил об этом Гитлеру, он пренебрежительно заметил: «Все это отговорки! Енеке и Генштабу не хватает веры в новое наступление!..» (26, стр. 7).

Однако чтобы осуществить свою заветную цель, прежде чем снова ударить на Баку с кубанского плацдарма, Гитлеру надо было предварительно решить некоторые политические и стратегические задачи. После крупных поражений авторитет Германии среди союзников несколько пошатнулся. Надо было всячески его укреплять. Об этом стремлении свидетельствует хотя бы разговор министра иностранных дел Риббентропа с министром иностранных дел Италии Бастианини 8 апреля 1943 года, в ходе которого Риббентроп заверял своего коллегу, что русские за зимнюю кампанию истощили свои силы и окончательно ослабли и что поэтому решающая задача войны заключается теперь лишь в том, чтобы рядом повторных ударов уничтожить всю Красную Армию.

Но это разговор, дипломатическая игра, а Гитлеру надо было восстанавливать престиж конкретными действиями, и прежде всего наступлением, которое привело бы к захвату стратегической инициативы.

В эти дни Гитлер проводил ряд совещаний, советовался со всеми командующими группами армий, и в конечном итоге было намечено провести операцию в районе курского выступа. Этот район был выгоден им тем, что советские войска вдавались здесь обширной дугой в расположение гитлеровских войск и представляли, таким образом, возможность нанесения концентрических ударов с двух направлений под основание этой дуги. Такое окружение позволило бы гитлеровцам взять реванш за Сталинград и захватить инициативу.

Для выполнения этой операции нужны были силы, нужна была техника, а германская армия, как известно, понесла большие потери. И вот для осуществления задуманного плана начинается гигантская подготовительная работа. Объявляется тотальная мобилизация всего населения, всех сил нации. В армию призываются все мужчины вплоть до пятидесятилетнего возраста, женщины и дети привлекаются на трудовой фронт. К этому времени промышленность Германии уже освоила и начала массовый выпуск новой техники. Особенно большие надежды Гитлер возлагал на танки типа Т-6 «тигр», Т-5 «пантера» и самоходное орудие «фердинанд», имевшие очень толстую броню. По своим техническим возможностям эти танки действительно представляли серьезное оружие. Гитлер дал указание сделать все возможное, чтобы к началу операции их было как можно больше. Возможности выполнить это указание были. Министр Шпеер доложил Гитлеру:

«Общее число изготовленных легких и тяжелых танков увеличилось во много раз. Производство тяжелых танков возросло с февраля по май на 200%» (3, т. 3, стр. 238).

К этому времени был создан и пущен в массовое производство новый самолет «Фокке-Вульф-190А». Для тех лет это был, пожалуй, самый лучший самолет, на вооружении его были 4 пушки, 6 пулеметов, скорость его была свыше 600 километров в час. Немцы рассчитывали с помощью этого самолета захватить полное господство в воздухе, потому что равного ему действительно в то время еще не было.

За короткое время по тотальной мобилизации было призвано около двух миллионов человек, и численность немецкой армии была доведена до 11 миллионов 280 тысяч человек.

На советско-германском фронте летом 1943 года гитлеровцы имели на 43 дивизии больше, чем к началу нападения на нашу страну.

В середине апреля разработка плана операции была завершена. Операция получила кодовое название «Цитадель». Это название означало, что данная операция представляет крупное наступление на последний, как им казалось, оплот сопротивления русских.

1 июня Гитлер вызвал в свою ставку в Восточной Пруссии всех командующих группами армий, командующих армиями, командиров корпусов — тех, чьи войска должны были принять участие в наступлении. Он сделал обширный доклад, в котором убеждал, что сосредоточены такие силы и в распоряжение командиров даны такие замечательные танки и самолеты, что они безусловно создадут преимущество для немецкой армии. Гитлер был уверен в полном успехе операции.

Группе армий «А», противостоявшей войскам генерала Петрова, как не участвующей в операции «Цитадель» задачи поставлены не были, но в приказе № 5 было определено:

«Командование группой армий «А» должно ясно осознать, что главной, хотя и требующей лишений и больших усилий задачей является высвобождение сил для других фронтов. Чем больше сил будет высвобождено и, самое главное, чем скорее это произойдет, тем лучше и эффективнее группа армий выполнит свою задачу.

Для переброски войск следует использовать все средства и способы.

Далее, задача группы армий состоит в удержании любой ценой Кубанского плацдарма — Крыма. Необходимо всеми средствами совершенствовать оборонительные позиции на побережье Крыма, с тем чтобы, как и на Западе, сделать их неприступными для вражеских десантов» (7, стр. 500).

Как развивалась битва под Курском, читателям хорошо известно из других книг и статей, поэтому я не буду здесь рассказывать о ней. Хотя генерал Петров непосредственно в этой битве не участвовал, но все его действия в дни подготовки и ведения Курского сражения следует оценивать с точки зрения содействия этой великой битве, ибо боевые дела всех фронтов, и Северо-Кавказского в том числе, конечно же, следует рассматривать в общей стратегической ситуации того времени.

Наилучшей и самой эффективной помощью нашим войскам на Курской дуге было — не дать гитлеровцам возможность снять с Таманского полуострова части и перебросить их на тот фронт, где готовилась грандиозная битва. Выполнением этой задачи Петрову и предстояло заниматься в течение ближайших месяцев. Насколько это было нелегко, видно из планов и действий противника.

Даже летом 1943 года, когда гитлеровским генералам было ясно, что надежды на новое наступление с таманского плацдарма бес-

смысленны, Гитлер с прежней настойчивостью требовал спешить со строительством моста через Керченский пролив, необходимого ему для осуществления наступательных намерений.

Но одного моста Гитлеру казалось недостаточно для обеспечения его далеко идущих планов. Было приказано начать сооружение нефтепровода через пролив.

Работы велись непрерывно, и о них начиная с зимы 1943 года одно за другим поступали указания. 12 февраля командование группы армий «А» получило директиву продолжать строительство подвесной дороги, а со строительством нефтепровода подождать. 15 февраля опять директива:

«Согласно новому решению ОКХ (главное командование сухопутных войск.— В. К.) нефтепровод через Керченский пролив все-таки будет строиться, причем немедленно. Это поручается штабу технических войск 17-й армии» (26, стр. 8).

В дополнение Гитлер приказал начать строительство цепи дотов на кубанском плацдарме, использовав для этого запасы цемента новороссийских цементных заводов. 21 апреля новая директива: мост через Керченский пролив должен быть закончен к 1 августа 1944 года. В протоколе совещания Шпеера и Гитлера от 6 июня 1943 года говорится:

«Фюрер считает подвесную дорогу весьма ценной. Одновременно он указал, что строительство моста не должно откладываться» (26, стр. 8).

А в протоколе их совещания от 8 июля 1943 года записано:

«Фюрер выслушивает доклад о Керченском мосте и принимает к сведению обещание гаулейтера Заукеля (генеральный уполномоченный по вопросам рабочей силы.— В. К.) поскорее обеспечить необходимую рабочую силу, дабы избежать срыва сроков. Фюрер приказывает докладывать ему ежемесячно» (26, стр. 7).

На нашей стороне в эти месяцы происходило следующее.

В мае 1943 года в связи с назначением генерала Петрова командующим Северо-Кавказским фронтом освободилась должность начальника штаба этого фронта, которую он занимал раньше. Из Москвы из Главного управления кадров предложили на должность начальника штаба генерала Ласкина. Петров спросил: «Не тот ли это Ласкин, Иван Андреевич, который командовал Сто семьдесят второй дивизией в боях за Севастополь?» Ему ответили, что это тот самый Ласкин; после Севастополя он был начальником штаба 64-й армии, а затем начальником штаба 7-й гвардейской армии. Генерал Ласкин участвовал в Сталинградском сражении и теперь как опытный работник назначался с повышением на должность начальника штаба фронта. Петров согласился на это назначение, и вскоре генерал Ласкин прибыл на Северо-Кавказский фронт.

В первой части книги, рассказывая о боях за Севастополь, я приводил немало выдержек из воспоминаний И. А. Ласкина, относящихся к тем дням, отрывков из разговоров с ним. Приступая к описанию боев за Кавказ, я опять неоднократно встречался с Иваном Андреевичем, подробно расспрашивал его о тех битвах, в которых он участвовал вместе с Петровым начиная с мая 1943 года.

Иван Андреевич живет сейчас в Минске, я бывал в его небольшой квартире и записал на магнитофон наши беседы. Кроме того, Иван Андреевич закончил работу над новой книгой воспоминаний, которую назвал «Через огни и воды». В этих воспоминаниях, еще неопубликованных, несколько глав уделяется сражениям на кавказских рубежах. И естественно, наряду с документами и мемуарами других участников битвы за Кавказ я буду приводить как устные рассказы, так и написанное Иваном Андреевичем. Хочу подчеркнуть:

Иван Андреевич — участник событий, знающий до тонкостей обстановку, людей, ход боевых действий, в эти дни он был ближайшим помощником Ивана Ефимовича. Все это придает большую ценность и достоверность тому, что я узнал от него.

Итак, утром 19 мая 1943 года генерал Ласкин прибыл на командный пункт Северо-Кавказского фронта, который находился в лесу, неподалеку от станицы Крымская. Иван Андреевич почистился с дороги и пошел к командующему, чтобы представиться по случаю прибытия и назначения.

— Жду, жду, Иван Андреевич, заходите, — сказал Петров, поднимаясь навстречу и протягивая руку.

Иван Ефимович не скрывал, что ему приятно видеть своего соратника по боям за Севастополь. Он был рад назначению Ласкина, тому, что им придется теперь воевать и работать вместе.

— Наслышан и начитан о том, как вы задали жару гитлеровцам под Сталинградом, прекрасная, блестящая победа, поздравляю вас, Иван Андреевич, с этой огромной победой! Теперь нам всем полегче будет. Много дивизий вы там расколошматили. Говорят, что именно ваша армия Паулюса в плен взяла?

— Не только армия, товарищ командующий, но я сам лично брал в плен этого Паулюса.

Иван Ефимович лукаво посмотрел из-за поблескивающих стекол пенсне и, улыбаясь, сказал:

— Ну уж, Иван Андреевич, пленных-то, наверное, брали все-таки солдаты, сержанты да офицеры помоложе и помладше вас в звании. Вы все-таки генерал.

Иван Андреевич тоже улыбнулся, но продолжал настаивать:

— Нет, фельдмаршала я брал лично. Не один, конечно, а с сопровождавшими меня офицерами и солдатами, но все-таки был при этом и я.

— Как же это случилось? Расскажите, пожалуйста.

Дальше я привожу рассказ самого Ивана Андреевича:

— Иван Ефимович пригласил меня сесть к своему рабочему столу, и я стал ему рассказывать. На рассвете тридцать первого января позвонил командир Тридцать восьмой мотострелковой бригады полковник Бурмаков и доложил командующему нашей армией Шумиллову, что его батальоны подошли вплотную к площади Павших борцов и сейчас приближаются к зданию бывшего универмага. Как сообщили пленные, в этом здании находился штаб Паулюса и сам Паулюс. Комбриг сообщил также, что из здания универмага вышел немецкий офицер с белым флагом. Навстречу этому белому флагу от нас пошел старший лейтенант Ильченко и поговорил с офицером. Вернувшись, он сообщил, что гитлеровцы готовы подписать капитуляцию, но переговоры они вести хотят только с представителем Рокоссовского и не ниже генерала. И вот я по поручению командующего армией и командующего фронтом Рокоссовского направился на участок Тридцать восьмой бригады. Взял с собой нескольких офицеров. Пришли к универмагу. Первым, как человек, уже побывавший здесь, спустился в подвал старший лейтенант Ильченко. Я с полковником Бурмаковым и переводчиком Губановым спустился некоторое время спустя. В подвале было сыро, полутемно, освещался он керосиновыми лампами и свечами. Было накурено, стоял прогорклый табачный запах. Навстречу мне шагнул генерал и, приложив руку к головному убору, представился: «Начальник штаба Шестой армии Шмидт». Затем шагнул навстречу другой генерал и тоже доложил: «Командир

Семьдесят первой пехотной дивизии Роске, командующий Южной группировкой». Я посмотрел на этих очень удрученных, бледных и подавленных наших недавно столь грозных противников и спросил: «Где фельдмаршал Паулюс?» Начальник штаба Шмидт ответил, что фельдмаршал находится в отдельной комнате, он нездоров и в настоящее время армией не командует, потому что армия расчленена на отдельные группы и фактически как целая армия не существует. Я даже засомневался, здесь ли вообще Паулюс и жив ли он. Может, застрелился? Поэтому я твердо потребовал от Шмидта, чтобы он немедленно указал мне комнату, где находится фельдмаршал. Кстати, Паулюс был генерал-фельдмаршалом всего первые сутки, потому что Гитлер присвоил ему это звание только накануне, тридцатого января, за сутки до того, как он попал к нам в плен. Шмидт показал на дверь комнаты, около которой стоял часовой. Я немедленно приказал отойти немецкому часовому и поставил у входа нашего. Шмидт вошел в комнату Паулюса и тут же вышел, сказав, что фельдмаршал просит двадцать минут на сборы. Ну, я разрешил ему собраться, а тем временем предложил Роске написать приказ о капитуляции. Приказы стали печатать на машинке. Я прочитал текст и сказал Роске, чтобы добавил пункт, приказывающий всем сдаваться в плен. Печатавший офицер после слов «немедленно сложить оружие» допечатал «и организовано сдать в плен». Майор Рыжов взял этот приказ и тут же вместе с немецким офицером отправился сообщать его содержание гитлеровским частям. Пока печатался приказ, прошло двадцать минут, а Паулюс все не выходил. Я начал беспокоиться: не решил ли он покончить жизнь самоубийством? И поэтому сказал, что фельдмаршалу пора выходить. Но Паулюс попросил еще двадцать минут. Тут уж я ответил, что просьбу фельдмаршала я первый раз выполнил, но больше откладывать не могу, и сам в сопровождении своих офицеров вошел в комнату, где находился Паулюс.

Паулюс, высокий, худой, был одет в шинель и ходил из угла в угол. Комната была полутемной, дневной свет поступал лишь из окна под потолок, ни свечей, ни ламп не было. Я представился, что я генерал Ласкин и объявляю его, фельдмаршала Паулюса, пленным. Он подошел ко мне, сверху вниз — он был гораздо выше меня — посмотрел на меня, поднял правую руку и на ломаном русском языке сказал: «Фельдмаршал германской армии Паулюс сдается Красной Армии в плен». Я сказал ему, чтобы он отдал распоряжение Северной группировке о прекращении огня и о капитуляции. На это Паулюс ответил, что у него нет связи с Северной группировкой и вообще он уже не является ее начальником. Затем я его спросил: «Готовы ли вы к отъезду?» Паулюс ответил, что готов, все необходимые распоряжения им отданы раньше. Я предложил: «Может быть, вы хотите попрощаться со своими ближайшими офицерами?» Паулюс ответил: «Я не могу это сделать, потому что это связано с очень тяжелыми переживаниями»... Другие генералы и офицеры тоже подготовились к сдаче, их чемоданы были уже упакованы. Они даже хотели ехать на своих машинах в наше расположение. Машины тоже были подготовлены. Но я не разрешил Паулюсу садиться в его машину, а показал на «эмку», в которой приехал. Тут Паулюс попросил послать впереди «эмки» еще другую машину, так как местность всюду была заминирована. Я подумал: недавно он шагал по своей комнате и, видимо, собирался застрелиться, а теперь вот жизнью дорожит, не хочет подорваться на mine... На дороге мы обгоняли длинные колонны. Пленные шли, обмотанные тряпками, небритые, грязные, потерявшие не только солдатский, но и человеческий облик. У фельдмаршала дергалась щека и лицо было серым. Он сказал: «Это ужасно!» Я привез Паулюса в штаб Шестьдесят четвертой армии, который находился в Бекетовке, и доложил командующему генералу Шумилову о выполнении задания. Здесь Паулюс еще раз уже Шумилову сказал, как и

мне там, в подвале, что сдается в плен Красной Армии... Вот так я брал в плен Паулюса,— закончил свой рассказ Иван Андреевич и, улыбаясь, сказал мне: — Конечно, Владимир Васильевич, я своего языка брал не так, как вы, и привез его даже на машине. Но все-таки, как видите, хотя мне довелось взять только одного языка, но зато довольно крупного...

По свидетельству начальника генерального штаба Цейтцлера (а также судя по стенограмме совещания в «Волчьем логове» 1 февраля 1943 года), когда пришло известие о том, что Паулюс попал в плен, Гитлер устроил настоящую истерику. Главной причиной его возмущения было то, что Паулюс не застрелился. Кстати, Паулюс в течение двух месяцев получил подряд два звания. 6-ю армию он вел к Сталинграду, будучи генерал-лейтенантом. 1 декабря 1942 года ему было присвоено звание генерал-полковника, а 30 января 1943 года Гитлер присвоил ему звание генерал-фельдмаршала. Гитлер полагал, что этим он просто обяжет Паулюса застрелиться, ибо генерал-фельдмаршалы не должны сдаваться в плен. И вот — на тебе! — на второй день после присвоения такого высокого звания свежиспеченный генерал-фельдмаршал сам сдается в плен. Гитлер кричал:

«Ведь так легко пустить себе пулю в лоб. Каким надо быть трусом, чтобы испугаться этого. Ха! Лучше уж дать заживо закопать себя. Тем более он (Паулюс.— В. К.) хорошо знал, что его смерть послужит стимулом для того, чтобы люди выстояли в другом котле... Тут можно только сказать: надо было застрелиться, поступить так, как раньше поступали полководцы,— броситься на меч, убедившись в том, что дело потеряно. Это ведь само собою разумеется» (28, стр. 375).

Гитлер заявил, что в эту войну никто больше не получит звания фельдмаршала. Это звание будут получать только после окончания войны.

Однако вернемся к тем дням, когда на Кавказ прибыл Ласкин. Я продолжаю его расспрашивать о встрече с Петровым.

— Поскольку я прибыл из-под Курска,— говорит Иван Андреевич,— куда в мае сорок третьего года вышла наша Седьмая гвардейская армия, я стал рассказывать Петрову, как оформлялась та самая Курская дуга, на которой позднее произошла всем известная битва. Выслушав меня, Петров сказал: «Ну а теперь возьмемся за наш фронт. У вас там Курская дуга, а у нас «Голубая линия». Она перерезает Таманский полуостров от моря и до моря. Видимо, и «Голубым» назвали этот мощный укрепленный рубеж обороны потому, что его фланги упираются в голубые моря — Черное и Азовское и на большей его части в систему обороны включены плавни, озера и лиманы, тоже все голубые. Слыхали об этой линии?» «Слышал, но о сути ее знаю мало», — ответил я. «Неужели? Она мочалит нам мозги уже несколько месяцев». Петров пригласил меня к карте, развернутой на столе, стал знакомить с положением дел на фронте и с оборонительным рубежом «Голубая линия». «Силы врага, засевшего на этом рубеже, как и на всем Таманском полуострове, очень большие,— продолжал Иван Ефимович.— Фронту противостоит Семнадцатая немецкая армия под командованием генерал-полковника Руоффа. Со всем недавно войска нашего фронта проводили наступательную операцию с целью разгрома таманской группировки гитлеровцев. Но прорвать «Голубую линию» нам не удалось. Наступление развития не получило и было нами остановлено. Приезжал к нам маршал Жуков, провел разбор операции, поругал, конечно, и убыл в Москву. Я думал, он чем-нибудь поможет, но через день-два после его убытия из состава фронта было взято в резерв Ставки несколько артиллерийских, зенитно-артиллерийских и танковых частей и соединений. И несмотря на такое серьезное ослабление нашего фронта в огневых и ударных

силах, мы получили приказ Ставки подготовить и провести новую наступательную операцию с той же целью — разгромить армию и очистить Таманский полуостров. Подготовка этой операции уже заканчивается. Поскольку вы еще не знаете ни противника, ни «Голубой линии», ни местности, а здесь она особо сложная, то беритесь за изучение всего этого. Совсем недавно я сам был начальником штаба этого фронта и могу сказать, что коллектив, составляющий штаб и управление фронта, — хорошо подготовленные люди. Они быстро введут вас в курс дела».

Ну что ж, принял меня командующий хорошо, — рассказывал дальше Иван Андреевич, — а как станет относиться в будущем, зависит во многом от меня самого. Уж я-то его знаю: за хорошую работу станет уважать, не будешь справляться со своими обязанностями — ни приятельские отношения, ни старое знакомство не помогут. Бывает в нашей службе, и особенно на фронте, что судьба офицера и генерала зависит не от них самих, а часто определяется всякого рода обстоятельствами, работой их подчиненных, порой даже настроением начальника. Но Иван Ефимович не из таких — глаз у него наметан, он быстро и точно распознает, кто есть кто, с ним надо всегда говорить только о деле и по-деловому... Затем я представился членом Военного совета фронта. Генерал Александр Яковлевич Фоминых легко сходился с людьми, я не был в этом смысле исключением, и очень скоро у нас сложились хорошие товарищеские отношения. Генерал Владимир Антонович Баюков обладал совсем другим характером. Мне не импонировало в нем то, что он почти постоянно был мрачен, не понимал юмора... Дня через два-три, посчитав, что хорошо разобрался с положением дел в войсках фронта, я направился к командующему, с тем чтобы доложить, как понимаю обстановку, и высказать впечатление о штабе фронта. Но этого мне сделать не удалось. Петров сказал: «Знаю, Иван Андреевич, разобрались в обстановке. Но вы уяснили ее через штаб. Теперь вам надо выехать в армии, побывать в войсках, изучить глубже дело на месте и, кстати, познакомиться с командующими и начальниками штабов армий. Тогда у вас легче пойдет работа». Это был стиль Петрова — как можно чаще бывать в войсках, советоваться с подчиненными, учить их и учиться у них. Так он работал в Севастополе да и раньше.

«Голубая линия»

Вскоре генерал Петров вызвал Ласкина и сказал:

— Наступление начнем двадцать шестого мая. Если позволит погода и если подует небольшой ветерок в сторону немцев, то летчики-штурмовики поставят дымовую завесу, она должна ослепить противника, закрыть ему глаза на время, необходимое пехоте, чтобы ворваться на немецкие передовые позиции. Указания на этот счет командующий Четвертой воздушной армией Вершинин и его летчики получили от меня. С рассвета двадцать шестого мая выедем на НП командарма Пятьдесят шестой армии Андрея Антоновича Гречко. Там же будет командарм воздушной Константин Андреевич Вершинин. Заберем с собой и командующего артиллерией фронта Аркадия Кузьми-ча Сивкова.

По решению Петрова главный удар наносился силами 37-й и 56-й армий по центру оборонительного рубежа «Голубой линии». Правее, в направлении на Темрюк, должна была наступать 9-я армия, левее, на Новороссийск, — 18-я. 4-я воздушная армия должна была поддерживать наступление нанесением ударов противнику на аэродромах и в воздушных боях над полем боя, а также надежно прикрывать наши наземные войска с воздуха. Учитывая мощь обороны врага, продолжительность артподготовки была назначена в полтора часа.

Еще затемно Петров прибыл на наблюдательный пункт 56-й армии, где его встретили командующий этой армией генерал Гречко и командующий 4-й воздушной армией генерал Вершинин. Гречко был сдержан и немногословен, а Вершинин, по натуре более общительный, пытался даже шутить. Петров по телефону заслушал доклады командующих 37-й армией генерал-лейтенанта К. А. Коротеева, 9-й армией генерал-лейтенанта А. А. Гречкина и 18-й армией генерал-полковника К. Н. Леселидзе о готовности к действиям.

Ровно в 5 часов началась артиллерийская подготовка. Вскоре в небе показалась и наша авиация. Крупные группы бомбардировщиков бомбили цели в глубине обороны противника на направлении главного удара. В конце огневой подготовки, проверив, дует ли хотя бы слабый ветерок в сторону гитлеровцев, Иван Ефимович сказал Вершинину:

— Константин Андреевич, давайте приказ на вылет штурмовиков для постановки дымовой завесы.

Через несколько минут низко над землей вдоль переднего края пронеслись около 20 «Илов» и вылили смесь. Над окопами противника повисла белая стена дыма. Смещаясь в глубину обороны, завеса закрыла траншеи и ослепила гитлеровцев. Наши войска пошли вперед. Петров напряженно вглядывался в дымовую завесу, но, как и другие, не мог рассмотреть, что там, за ней, происходит. Как выяснилось позднее, часть гитлеровцев отошла из первой траншеи, те, кто остался, были уничтожены нашими бойцами. Ветер был слабый, он не понес дымовую завесу дальше в глубину, как рассчитывал Петров. Наши передовые подразделения, попав в полосу дыма, тоже оказались слепыми, и продвижение их почти остановилось.

Через полчаса дымовая завеса стала редеть и вскоре рассеялась. Наши части снова пошли вперед. Но и у противника открылись глаза. Особенно напряженные бои разгорелись на участке 11-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора М. Ф. Тихонова и 22-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор В. Ф. Сергацков. Здесь гитлеровцы оказывали сильное сопротивление и переходили в контратаки. Перед вечером большие группы бомбардировщиков противника, до ста и более самолетов, стали наносить массированные удары по наступающим войскам, и наше продвижение приостановилось. Наступление войск на главном направлении фронта в этот день развития не получило. Только на отдельных участках частям 56-й армии удалось захватить первые позиции и овладеть несколькими опорными пунктами.

Это была явная неудача. Подвела мелочь: слабый ветер не погнал дымовую завесу в глубину, а если бы это произошло, эффект был бы несомненным. Ну что поделаешь, бывают просчеты и у полководцев. Больше других переживал, конечно же, сам Иван Ефимович.

Перед отъездом с командного пункта Петров сказал Вершинину:

— Требую от вас, Константин Андреевич, организовывать ночные налеты на вражеские аэродромы. Надо снизить активность вражеской авиации. Но эти ваши налеты озлобят врага. Предвижу, что в небе будет жарко.

Предвидение Петрова оправдалось. На следующий день завязались тяжкие бои не только на земле, но и в небе. Противник крупными группами по 50—80 самолетов бомбил наши войска, чем задержал их наступление и сковал маневр наших резервов. Воздушные бои продолжались и в последующие дни и часто принимали размах настоящего воздушного сражения. Только за 26—28 мая в воздушных боях наши летчики сбили 158 самолетов.

Генерал Петров хотел разобраться, что же произошло на участке 37-й армии, составлявшей вместе с 56-й ударную группу фронта. Ран-

ним утром 28 мая он выехал туда. Этой армией командовал генерал-майор Константин Аполлонович Коротеев, тот самый, который в боях на рубеже реки Терек командовал 9-й армией. На вопрос Петрова, в чем причина неуспеха, Коротеев ответил:

— На северном фланге оборона противника в горах неприступна, на юге — плавни, туда ни артиллерию, ни танки непустишь. Единственное место для прорыва — центр. Противник это тоже понимает. Поэтому здесь особенно укрепил оборону, сосредоточил сюда огонь артиллерии, нацелил авиацию.

Логика Коротеева была убедительной. Петров и сам знал все это, слова командарма подтверждали его мысли.

Рано утром 30 мая Петров был на НП у Гречко. Войска армии вели наступление. Била артиллерия. Слышались мощные взрывы бомб, сбрасываемых самолетами обеих сторон. В небе шли бои истребителей. На низких высотах летали и строчили из пулеметов наши штурмовики. Казалось, что войска продвигаются вперед. Однако донесений об этом не поступало ни от командиров корпусов, ни от командиров дивизий.

— Молчат, значит, не продвигаются, — сказал, ни к кому не обращаясь, Петров. И тут же повернулся к Гречко. — Надо лучше разобраться, почему там не идет наступление. Наверное, не только «Голубая линия» виновата, но и наша организация. Андрей Антонович, основные артиллерийские средства фронтового подчинения и авиация работают на вашу армию. И артиллерист ваш, генерал Соколовский, вроде опытный специалист, а проку пока нет.

Командарм Гречко продолжал настойчиво вызывать по телефону командиров корпусов и некоторых командиров дивизий. Их доклады были неутешительны: противник ведет сильный пулеметный огонь из дотов. Наступление задержано.

Затем Петров спросил Вершинина, в чем, по его мнению, причина неудачи. Вершинин ответил Петрову:

— Летчики-истребители почти непрерывно ведут борьбу с авиацией врага, однако срывать их бомбовые удары не всегда удается. Немцы дополнительно подбросили на это направление бомбардировщики с аэродромов юга Украины, в результате чего они стали превосходить нас. Мы не можем завоевать господства в воздухе.

— Это серьезный момент, — сказал Петров. — А в чем видите причину неуспеха наступления вы, Андрей Антонович?

— Местность для наступления очень тяжелая, — сказал Гречко. — Нанесение главного удара силами двух армий по центру полуострова, конечно, наиболее выгодно, так как мы кратчайшим путем выходим к Керченскому проливу. Но на этом участке «Голубая линия» имеет наиболее сильные укрепления и огневое насыщение. Мы не можем подавить огонь обороны. У нас не хватает артиллерии, особенно тяжелой. Авиация противника господствует в воздухе. Наступление целесообразно приостановить до создания необходимых условий для более успешного решения задач.

Командующий фронтом и сам сознавал целесообразность прекращения атак, но надо было выяснить все причины неудачи, чтоб они не повторились в следующей операции.

Иван Ефимович выезжал на самые передовые наблюдательные пункты артиллеристов, где не через стереотрубы, а простым глазом были видны рубежи обороны противника. На первый взгляд и препятствий-то никаких эта местность не представляла — длинная гряда небольших, покрытых травой холмиков. Но голые эти холмики были насыпные, высота их три-четыре метра. Каждый холмик — это ма-

ленькая крепость, в ней три-четыре пушечных и пулеметных дота и дзота, взаимодействующих между собой и с соседними узлами обороны. За первой линией холмов проходит вторая огневая линия, за второй — третья. А все вместе они составляют передовую позицию оборонительного рубежа «Голубая линия». Перед первыми холмами расположены проволочные заграждения в несколько рядов и минные поля. Подавить огонь таких дотов — дело сложное. По ним надо бить только прямой наводкой.

Вечером 5 июня состоялось заседание Военного совета фронта. Были вызваны командующий 4-й воздушной армией К. А. Вершинин, командующий артиллерией фронта А. К. Сивков, начальник оперативного управления штаба П. М. Котов-Легоньков и начальник разведывательного управления Н. М. Трусов. Иван Ефимович, никогда не трагивший время на пустословие, сразу приступил к делу. Он сказал:

— Наступление ни на одном направлении не получило развития. Только на отдельных участках Пятьдесят шестой армии нам удалось захватить передовые траншеи немцев. Нам надо разобраться в причине неуспеха и извлечь уроки. Вот начальник штаба фронта свежим глазом, возможно, увидел то, что мы не замечали, что нам уже примелькалось. Вам слово, Иван Андреевич.

Генерал Ласкин рассказал мне об этом докладе так:

— Это было мое первое выступление в роли начальника штаба фронта, я волновался, но постарался взять себя в руки. Мой доклад по оценке обстановки был коротким и отражал взгляды командующих армиями и в целом штаба фронта, а также мои личные суждения и выводы. Доклад вызвал самое активное обсуждение. Много вопросов задавал Иван Ефимович и члены Военного совета. Под конец совещания Петров подвел такой итог: «Первое. О «Голубой линии» противника мы говорим, но знаем ее недостаточно, а вернее слабо. И огневые средства врага мы не можем подавить не только из-за нехватки артиллерийских средств, но и потому, что не обнаружили многие цели, которые мешали продвижению войск. Значит, надо полнее и точнее знать расположение сил и огневых средств врага. Второе. Мы не смогли завоевать господства в воздухе, поэтому авиации противника удалось многое сделать, чтобы наши войска не смогли развить наступление. Значит, надо ударами по аэродромам ослабить силы авиации врага. И в небе следует иметь больше наших истребителей, а тем, которые есть, прикрывать войска более активно. Третье. Черноморский флот и Азовская флотилия представляют собой большую силу. Но в проводимой операции они не имеют активных задач и поэтому их боевые возможности используются не в полной мере. Четвертое. Стрелковые подразделения, саперы и артиллеристы недостаточно подготовлены к совместным действиям при прорыве укрепленной обороны. По этой теме надо провести усиленную учебную работу с командирами, штабами и войсками. И в заключение изложу мою оценку сложившейся обстановки на фронте и наши задачи. Затишье на всех фронтах говорит о том, что стороны усиленно готовятся к решающим летним сражениям. А наш фронт по приказу Ставки проводит наступательную операцию. Однако ни на одном из направлений, в том числе и на главном, войска не только не смогли прорвать оборону, но даже и захватить первые позиции. По данным разведки, гитлеровское командование продолжает непрерывно возводить новые укрепления как на самой «Голубой линии», так и в глубине Таманского полуострова. Это говорит о том, что на самом южном фланге советско-германского фронта противник рассчитывает удержать за собой полуостров и Новороссийск. И мы видим, как цепко и упорно дерутся гитлеровцы за каждую позицию, за каждый окоп. Местность на Тамани способствует противнику в достижении цели. Для прорыва такой укрепленной обороны у нас явно не хватает артиллерии, а вместе с тем и

умения. Ставка не может направить фронту дополнительные артиллерийские соединения. Но ведь во фронте много своих сил, которые либо не в полной мере, либо не так умело нами используются. Все это ведет к ненужным потерям и нашим неудачам. Считаю целесообразным наступательные действия на всех направлениях временно прекратить, закрепиться на достигнутых рубежах и приступить к более тщательной подготовке операции. Операцию надо готовить, памятуя о том, что сильную четырехсоттысячную Семнадцатую армию немцев на Тамани обязаны разгромить мы с вами, войска нашего фронта, совместно с Черноморским флотом и Азовской флотилией. Больше никому. Для этого надо теперь же начать глубокую и всестороннюю разведку противника во всей полосе фронта и на воде. Готовить операцию всесторонне, тщательно по всем службам, обратив особое внимание на взаимодействие родов войск. Все время подготовки операции использовать на обучение войск и штабов прорыву укрепленных районов».

На следующий день Петров направил в Генеральный штаб доклад, где сообщал, что проводившаяся наступательная операция не имела успеха, не получила своего развития, и просил утвердить его решение о прекращении наступления. Ставка с его мнением согласилась и приказала:

«Впредь до особого распоряжения Ставки от активных наступательных действий... следует воздержаться. На всем фронте перейти к прочной обороне на занимаемых рубежах, пополнить войска, привести их в порядок и иметь резервы...» (8, стр. 500).

Но 28 июня Ставка, словно позабыв о своем распоряжении, прислала новую директиву:

«Сосредоточенными ударами главных сил фронта сломить оборону противника на участке Киевское, Молдаванское (т. е. опять же по центру обороны.— В. К.) и, проведя последовательные наступательные операции, иметь конечной целью очищение района Нижней Кубани и Таманского полуострова от противника» (8, стр. 500—501).

Однако никаких дополнительных огневых средств фронту выделено не было.

А враг, как только прекратились наши наступательные действия, сразу же резко усилил строительство новых оборонительных сооружений на всей «Голубой линии»: возводились новые доты и дзоты с пушками и пулеметами, устанавливались минные поля и проволочные заграждения. Весна и начавшееся лето работали на руку противнику: буйно разросшаяся зелень замаскировала и укрыла заграждения и большинство огневых точек. Поэтому новое наступление, несмотря на мощную и разумно проведенную огневую артиллерийско-авиационную обработку обороны, на сильный состав сил и средств фронтовой ударной группировки, развития не получило. Мы несли неоправданные потери. Военный совет фронта снова счел необходимым временно приостановить наступление.

Почему Петров, известный своим бережным отношением к людям, умением найти какое-то оригинальное решение, вдруг здесь, при штурме «Голубой линии», проявил несвойственные ему черты — дважды начинал наступательные операции, нанося главный удар на одном и том же направлении, не производя перегруппировки и не внося никаких изменений в замысел? В чем дело? Что сдерживало Петрова? Что влияло на него? Мне хочется привести здесь ответ на эти вопросы, данный генералом Ласкиным. Он немало размышлял об этом и благодаря своему оперативному мышлению нашел точное и убедительное объяснение, которое четко сформулировал:

— Если наступление дважды не получилось, значит, либо командование фронта, либо Генеральный штаб в чем-то допускают серьезные

ную ошибку. На войне, если не достигнуто выполнение поставленной цели, еще не значит, что виновато только командование. Тут может быть много обстоятельств, и одно из них, и очень важное,— вражеские силы и планы их командования. Кроме того, мы были связаны приказом Ставки, нам было точно определено направление главного удара и сроки начала наступления, не давалось время на подготовку, перегруппировку. Почему Ставка, несмотря на неуспех наступления войск фронта в центре «Голубой линии», все же вновь потребовала взломать оборону врага на этом же направлении?.. Нанесением здесь сосредоточенного удара главными силами фронта рассекалась бы вся 17-я немецкая армия, окружалась наиболее сильная ее группировка в районе Новороссийска, наши силы кратчайшим путем выходили бы к Керченскому проливу и лишали противника возможности эвакуировать войска и технику в Крым.

Но это только одна сторона дела. Вторая — это сугубо стратегические соображения Ставки. Дело в том, что Красной Армии в самые ближайшие же дни предстояло решать крупную и важную стратегическую задачу по разгрому главной гитлеровской группировки в районе Курской дуги. И надо было активизировать действия некоторых фронтов, которые притянули бы на себя силы противника, не позволили бы снять с их участков и перебросить войска на Курскую дугу. Против Северо-Кавказского фронта была мощная группировка почти в четыреста тысяч человек. При хорошо подготовленной обороне можно было бы часть ее бросить под Курск, тем более что дуга была неподалеку. Все это противник мог осуществить, если бы мы сидели, как говорится, сложа руки и утешали себя, что сил для наступления у нас маловато. Кроме того, наша активность не допустила участия в сражении под Курском больших сил авиации противника. Вот поэтому важно было активизировать наш фронт. Но в случае нанесения главного удара на вновь избранном направлении нам потребовалось бы много дополнительного времени для перегруппировки и сосредоточения там сил и средств и для подготовки самой операции. А время не ждало, грозные события приближались. На центральном направлении ударная группировка фронта уже была готовой. Вот эти обстоятельства и заставляли Генштаб ставить нам задачи на наступление, что вынуждало Петрова действовать на первый взгляд однообразно...

Дальше я расскажу читателям, как Петров искал выход и что он предпринимал. В создавшейся обстановке командующему фронтом надо было принимать новое решение: это ответственнейший момент в работе командира любого ранга — от отделения, в котором около десятка человек, до фронта, где людей может быть до миллиона и более. Принимается решение не вдруг, ему предшествует большая, я бы сказал, мыслительная работа. Тут дело не только в том, чтобы взять высоту, город, прорвать фронт врага, тут ведь надо послать на смерть десятки или тысячи людей, в зависимости от того, каких масштабов командир и какое решение он принимает. Путь к победе в жестоком деле войны выстилается жизнями людей. И в распоряжении каждого командира людей этих строго ограниченное количество. Он должен их направить в бою на такие уязвимые места противника, чтобы как можно меньше потерять своих бойцов и как можно больше уничтожить солдат противника. Таков неотвратимый закон войны. По сути дела, от мастерства командного состава зависит, какая сторона истребит больше врага и сохранит больше своих сил. Победитель тот, у кого в конце войны осталось больше сил, и он, опираясь на них, диктует свою волю.

Когда-нибудь, в более поздние века, будут поражаться кровавым делам на войне, дикости людей, которые уничтожали друг друга миллионами и расходовали на это уничтожение огромные богатства, тех-

нику, губили природу. Все тысячелетия, когда на земле велись войны, будут отнесены, наверное, к эре дикости и варварства, потому что достижения цивилизации бледнеют на фоне кровавых войн, которые человечество вело в эти века, беспощадно и безрассудно истребляя созданное своими руками и самих себя.

Ни одно государство никогда до появления нашего, первого социалистического не обращалось к людям земли: опомнитесь, прекратите эти войны, давайте жить в мире! Я не буду вдаваться в теоретические глубины, почему государства с капиталистическим укладом не могут жить без войны. Скажу только одно — справедливость наших защитительных войн очевидна. Наши командиры, военачальники, государственные деятели всегда вынуждены были вести военные действия для защиты нашей страны, народа, всего нами созданного на своей земле. И, следовательно, советские командиры, облеченные доверием народа и поручением распоряжаться нашими жизнями в бою, обременены чувством огромной ответственности, высоким сознанием — кого и ради чего они ведут в бой. Вот эти чувства и переживания, это понимание заставляют командиров отдавать максимум сил и способностей уже на первой стадии организации боя или сражения — выработкой и принятием решения. Командиры, у которых это чувство ответственности приглушено, никогда не пользовались уважением и авторитетом ни у подчиненных, ни у начальников. Но, к сожалению, были и такие, и только горькая неотвратимость войны вынуждала терпеть таких командиров ради их каких-нибудь боевых, волевых и других качеств, особенно нужных в бою.

Иван Ефимович Петров не случайно пользовался авторитетом у соотечественников от солдата до Верховного Главнокомандующего — его бережливость по отношению к людям, умение вести бои с наименьшими потерями общеизвестны. Нам еще раз представляется возможность убедиться в этом, когда знакомишься с выработкой решения на проведение Новороссийской операции.

Петров, исходя из общей обстановки, понимал, что скоро поступит директива Ставки о переходе в наступление. Под Курском шли тяжелые бои, наши войска отразили удары врага неимоверной силы и сами перешли в контрнаступление. Значит, вот-вот будет дано указание перейти к активным действиям и здесь, на юге. По недавнему опыту Петров знал, что после приказа о наступлении времени на организацию операции не будет. А подготовка — это залог успеха.

Вот и стал Петров заранее обдумывать свое решение и готовить войска. Прорывать придется сильно укрепленную «Голубую линию», значит, подготовку, обучение войск надо вести уже сейчас. В директиве Ставки могут быть некоторые перемены в деталях, но в целом, конечно же, будет поставлена та же задача — освободить от врага Таманский полуостров. Значит, нужно уже сегодня искать наиболее эффективный способ выполнения этой задачи.

Все необходимые исходные данные для этой работы имеются: противник — вот он, на «Голубой линии», надо только учесть последние изменения. А они немаловажные — за летние месяцы гитлеровцы еще больше укрепили свою оборону. Петров подолгу беседовал с начальником разведки Трусовым. Николай Михайлович вспоминает, как дотошно расспрашивал его Петров об обороне и силах противника, уж, казалось бы, до тонких тонкостей разведанного и изученного здесь, на Тамани. Не удовлетворяясь этим, командующий фронтом ставил новые задачи: брать языков, перехватывать радиопереговоры, получать самые свежие сведения от партизан.

Не раз командующий и начальник разведки мысленно переносились в расположение врага и, представляя себя на месте его руководства, перебирали все возможные варианты действия. Почти полмиллион-

на солдат и офицеров, засевших в обороне, которая представляет собой укрепленный район,— сила большая!

Наши войска по сравнению с предыдущими зимними наступлениями ослаблены: Ставка вывела из Северо-Кавказского фронта 37-ю, 44-ю, 46-ю, 47-ю армии. У генерала Петрова к началу Новороссийско-Таманской операции осталось всего четыре общевойсковые армии — 9-я, 18-я, 56-я, 58-я, в оперативном подчинении был Черноморский флот и с воздуха поддерживала 4-я воздушная армия. Читателям не надо быть стратегами, чтобы понять разницу в силах между восемью и четырьмя армиями.

Это обстоятельство очень осложняло положение Петрова. Он понимал: его решение станет основой для определения конкретных задач войскам, в нем должна быть главная идея, замысел — как он намеревается взять верх над противником и разбить его. Принятие решения — это ответственный творческий процесс, требующий глубоких знаний в военном деле, способности предвидеть события, проявления воли, смелости, инициативы и организованности.

После принятия решения оно объявляется в форме приказа, устного, глядя в глаза подчиненным, а затем дублируется письменно. Все это напишет, напечатает, нанесет на карты штаб. Но это будет потом, а пока этот гигантский запутанный клубок знаний, опыта, обстановки, противоречий, сомнений, опасений перекачивается в голове командира дено и ночью, не дает ему покоя, поглощает целиком и полностью. Внешне в эти дни Петров выглядел спокойно, руководил повседневной работой, встречался, беседовал с генералами, офицерами, бойцами, отвечал на звонки «сверху», сам звонил «вниз», но внутренне он был полностью поглощен этой адски напряженной работой — выработкой решения. Командующие всех родов войск, отделы штаба готовили Петрову справки о возможностях подчиненных им войск, о количестве боеприпасов, продовольствия, имущества, о пропускных способностях железных, шоссейных и полевых дорог, прогнозы погоды и многие другие сведения. А Петров, впитывая все это, думал. Куда ударить главными силами, чтобы рухнула вся «Голубая линия»? Есть ли такое место? Где оно? Рухнет ли оборона врага от такого удара? А если нет? А если не туда будет направлен удар? Какую сделать перегруппировку, чтобы удар получился сильным? Как осуществить эту перегруппировку скрытно от противника? И опять-таки — куда же нанести этот удар? Куда стягивать свои силы? Откуда отвлечь внимание, силы врага и как это сделать?

После долгих и тщательных размышлений генерал Петров пришел к выводу: ключевой позицией «Голубой линии» является укрепленный Новороссийск. С потерей его начнет рушиться оборона гитлеровцев. Значит, надо брать Новороссийск. Но как? Окружить, обходить, штурмовать? Одна неудачная операция уже проведена. В строительном деле давно известна истина: лучше создавать что-то заново, чем переделывать неудачно построенное. В военном деле еще труднее, тут проигранную битву не переделаешь. Что утрачено, то утрачено. Тех, кто в братских могилах, не воскресишь, корабли со дна морского не поднимешь.

Обстановка для Петрова осложнялась именно тем, что предыдущая неудачная операция предельно насторожила противника в Новороссийске, заставила его провести ряд мер по усилению обороны. Но ничего другого для направления главного удара Петров не видел. Придется идти прямо в пасть врагу. Но идти в пасть — это еще не значит идти на гибель, пасть в то же время самое уязвимое место: если ударить в эту пасть умело, чудище может сдохнуть!

Петров не был тщеславным человеком. Ему, конечно, не было чуждо здоровое желание добиться успеха, похвалы за свои действия, но

он всегда действовал ради дела, а не ради того, чтобы быть замеченным. Есть люди, которые стремятся к вершине потому, что на ней они будут видны всем. Петров был из тех, кто если шел к вершине, то для того, чтобы видеть шире и дальше.

Вот почему, приняв решение, Иван Ефимович, не заботясь о своем авторстве и приоритете, стал советоваться с товарищами, готовый принять их критику, поправки, пожелания или одобрение. Разумеется, для сохранения тайны он знакомил со своим замыслом очень ограниченный круг генералов.

Первым, главным советником и оппонентом в спорах у командующего обычно бывает начальник штаба. Иван Ефимович поделился своими соображениями с Ласкиным. Иван Андреевич так передал мне суть разговора с Петровым:

— Командующий изложил мне свое решение в общих чертах: главный удар нанести совместными силами Восемнадцатой армии и Черноморского флота по новороссийской группе врага. Разгром ее и освобождение Новороссийска считать первым главным объектом наступательной операции. «Восемнадцатая армия уже стоит на этом направлении, перегруппировка здесь не нужна. Будем высаживать десант прямо в Новороссийск! Да, придется лезть в пекло. Здесь самые мощные укрепления, доты, береговая артиллерия, заграждения. Но я рассчитываю в порту пробить их торпедной атакой. Катера ворвутся в бухту и выпустят торпеды по береговому укреплению, тем самым вместе с артиллерией, авиацией обеспечат высадку сюда десанта. Да, прямо сюда — в порт! Риск огромный, но и победа верная! Одновременно с высадкой десанта переходит в наступление Восемнадцатая армия с плацдарма, то есть с Малой земли, и севернее Новороссийска. Начинают наступление Девятая и Сорок шестая армии, чтобы не дать возможности противнику маневрировать резервами».

Ласкин понимал, какой огромный риск таится в замысле командующего, но аргументы Петрова, нейтрализующие этот риск, были убедительными. Иван Андреевич поддержал решение Петрова.

Потом Иван Ефимович пригласил вице-адмирала Льва Анатольевича Владимирского. Командующий Черноморским флотом тоже одобрил это решение.

На следующий день Петров выехал на КП командарма 18-й. Генералу Леселидзе план командующего пришелся по душе. Для Петрова не только одобрение, но искренняя поддержка его замысла была очень важна, он понимал — успех дела во многом зависит от того, чтобы командиры-исполнители действовали от души, с охотой, а не только по приказу.

И еще Петров сказал своему начальнику штаба:

— В прошлой неудачной операции войска не виноваты, плохо работали командно-штабные инстанции. Поэтому, Иван Андреевич, все руководство операцией я беру на себя, а вы мне обеспечьте надежную связь со всеми ее участками.

Как это бывало на других фронтах да и здесь, на Кавказе, перед развертыванием больших событий прибыл представитель Ставки Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко. Он поселился в небольшом домике в лесу, неподалеку от командного пункта фронта.

Генерал Петров вместе с Ласкиным пришел к маршалу с докладом об обстановке и о своих намерениях. Он развернул на столе карту с наметками операции.

— А есть ли директива Ставки? — спросил Тимошенко.

— Такой директивы нет,— ответил Петров,— но наступать, конечно, придется. А для нового наступления необходимо принять новое решение, вот мы и подготовились.

— Я убежден, командующий и штаб основательно поработали над выработкой решения. Может быть, мне и рассматривать не надо,— пошутил Семен Константинович.

— Одно дело, как думает командующий фронтом, и совсем другое, когда о таком важном мероприятии скажет свое слово представитель Ставки,— сказал Петров.

— Ну раз так, давайте подумаем вместе.

Петров коротко изложил обстановку и замысел операции.

— Значит, Новороссийск берете в клещи и бьете в лоб,— резюмировал Семен Константинович. И тут же спросил: — Как используется огонь артиллерии крупных морских кораблей? Какими средствами и как рассчитываете уничтожить укрытые бетоном огневые средства в районе Новороссийска?

Петров ответил:

— Артиллерийский огонь крупных кораблей с моря будет использован для обеспечения наступления западной группы на плацдарме, поскольку там нет ни тяжелой, ни реактивной артиллерии, нет и танков. А для уничтожения огневых средств в дотах, расположенных в районе Новороссийска, используем всю тяжелую артиллерию Восемнадцатой армии фронта и береговую артиллерию флота. Сооружения в порту намереваемся взломать торпедной атакой. Считаю необходимым часть долговременных сооружений разрушить методическим артиллерийским огнем еще задолго до начала операции.

— Вижу, решение вами выстрадано и вы уже привязаны к нему. Это хорошо,— сказал маршал. — Против такого замысла не возражаю. А директива Ставки на наступление к вам должна скоро поступить.

Итак, решение принято, одобрено, но... Как известно, без этого «но» у Петрова редко обходилось.

Командующий Черноморским флотом Л. А. Владимирский доложил Петрову, что им получены указания наркома Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецова о том, что ввиду сильного минирования противником прибрежных вод Черного моря южнее Таманского полуострова и наличия у него все еще сильной авиации Ставка не считает нужным рисковать крупными кораблями в данной операции. Это очень огорчило Петрова. Ведь именно мощный огонь артиллерии крупных кораблей должен поддерживать высадку десанта и наступление с Малой земли. Но, как говорится, палка в колесе появилась, надо искать выход. И Петров его находит.

Командующий фронтом вызвал с плацдарма командующего артиллерией полковника И. М. Рупасова, чтобы с ним рассмотреть вопрос огневого обеспечения наступления малоземельцев. Полковник Рупасов был хорошо известен Петрову по Севастополю. Во время всей героической обороны этого города он был начальником артиллерии 172-й дивизии, которой командовал Ласкин. Поэтому, собираясь выехать на КП 18-й армии, Иван Ефимович сказал Ласкину:

— Завтра, Иван Андреевич, поедете со мной к Леселидзе, ведь вы после Севастополя, кажется, не виделись с Рупасовым.

На КП Леселидзе были рассмотрены огневые возможности на плацдарме. Было решено для более надежного огневого обеспечения наступления с Малой земли выделить крупные силы авиации — штур-

мовики и бомбардировщики — и нацелить туда огонь дальнбойной артиллерии фронтового подчинения и береговой обороны флота. А лично на полковника Рупасова была возложена ответственность за организацию четкой корректировки артиллерийского огня и за своевременное обозначение переднего края при полете нашей авиации.

В эти дни на Северо-Кавказский фронт прибыл еще один представитель Ставки — нарком Военно-Морского Флота адмирал Николай Герасимович Кузнецов. Вот что пишет об этом сам Кузнецов:

«...меня вызвали в Ставку. Разговор начался с вопроса о важности Новороссийска как порта и как флот может помочь его освобождению. Я доложил наши наметки.

— Не спешите,— ответили мне.— Поезжайте на юг и лично разберитесь во всем.

Уже привыкший к тому, что И. В. Сталин очень строго заботился о секретности предстоящих операций, я не счел удобным подробно расспрашивать о разрабатываемом плане. Решил воспользоваться уже испытанным приемом: выяснить что можно через своих работников в Генштабе. Но оказалось, что и они пока мало осведомлены.

18 августа я вылетел в Краснодар к командующему Северо-Кавказским фронтом генерал-полковнику И. Е. Петрову.

Встретились как давние и добрые друзья. Моряки прониклись любовью и уважением к И. Е. Петрову еще при обороне Одессы и Севастополя, когда он командовал Отдельной Приморской армией. Он всегда высоко ценил моряков и умело организовывал взаимодействие сухопутных войск и флота. И сейчас он уделял большое внимание этому вопросу, очень чутко прислушивался к мнению моряков и возлагал большие надежды на их помощь. Часто он прямо звонил мне в Москву, чтобы разрешить тот или иной вопрос. Иван Ефимович предложил засветло проехать на машинах на его КП. Он ознакомил с замыслом операции. Цель ее заключалась в том, чтобы разгромить всю вражескую таманскую группировку.

Прежде чем приступить к прорыву «Голубой линии», предусматривалось освободить Новороссийск. Планировались внезапные удары по вражеским войскам в городе одновременно с трех направлений — с востока, юго-запада и юга. Удар будет наноситься и с суши и с моря. С востока должна была наступать восточная группа войск 18-й армии; с юго-запада, с мысхакского плацдарма — западная ее группа, в том числе и 83-я морская стрелковая бригада, со стороны моря должен был высадиться десант.

Здесь у нас произошел спор. Генерал И. Е. Петров настаивал высадить десант в Анапе. Я не согласился с этим: далеко от наших баз. Как бы не повторился печальный опыт Южной Озерейки. Десанту снова пришлось бы сражаться без тесного взаимодействия с армией, его не могла бы поддержать наша артиллерия.

Не лучше ли высаживать десант непосредственно в Новороссийске?

После некоторого раздумья Иван Ефимович согласился, что наше предложение, пожалуй, перспективнее, а затем окончательно отказался от высадки в Анапе» (22, стр. 302—303).

Я с величайшим уважением всегда относился к замечательному флотоводцу адмиралу Кузнецову, совсем не хотел бы упрекать его в ошибке памяти, но, как говорится, Платон мне друг, но истина дороже. Приведенное выше описание того, как Петров принимал решение, как беседовал с Ласкиным, Владимирским, Леселидзе, свидетельствует о том, что решение высаживать десант в Новороссийске принадлежит самому Петрову и принято оно было до приезда Кузнецова. О том, что память могла подвести адмирала, говорит и такое обстоятельство: Кузнецов в приведенной цитате называет Петрова генерал-полковником, в то время как Иван Ефимович в те дни был еще генерал-лейтенантом. Но не в этом дело, сам же адмирал Кузнецов в своих воспоминаниях несколькими страницами позже пишет о Новороссийской операции и о роли Петрова:

«Бывает, что и хорошие планы не всегда удается в точности проводить в жизнь. Новороссийская операция и в этом отношении может служить примером: план ее выполнялся точно и без всяких отступлений» (22, стр. 305).

Но это будет позже, а сейчас Кузнецов приехал на КП Петрова перед проведением Новороссийской операции.

Энергичный, обаятельный молодой адмирал (ему тогда был срок один год) пользовался большим уважением не только на флоте, но и в сухопутной армии.

Перебросившись шутками с командующим И. Е. Петровым, Николай Герасимович ознакомил Военный совет и командование фронта с положением дел на основных направлениях советско-германского фронта, сделал особый упор на Северном и Балтийском флотах.

Дальше я передаю слова присутствовавшего при этой беседе Ласкина:

— Для нас, поглощенных событиями на юге страны, его информация была интересной, она раскрывала глаза на многие государственные вопросы. По твердости каждой формулировки, убедительности высказывания чувствовалось, что Кузнецов выражает не только свое мнение, а в целом Ставки и Генштаба. В его манерах была естественная простота и изящность. Серьезное лицо его обращалось ко всем нам с дружеской улыбкой. Николай Герасимович умел шутить. Помню, Иван Ефимович сказал ему, что в целях ослабления авиации противника он приказал периодически наносить удары по аэродромам врага и что на днях летчики Четвертой воздушной армии совершили налет на крупный аэродром в Крыму и уничтожили тринадцать самолетов на земле. Николай Герасимович сказал: «По немецким данным, они четырежды перетопили наш флот, особенно подводные лодки, пять раз уничтожили все наши самолеты, побили все сухопутные армии и вовсю кричат, что у нас исчерпаны все резервы. Конечно, если полностью верить всем донесениям наших фронтов и флотов о нанесенных врагу потерях, то и мы поуничтожали немцев столько, что вроде Гитлеру и воевать скоро будет нечем». Находившийся здесь член Военного совета генерал Баюков, человек, не понимавший и не принимавший шуток, без которых и в жизни и тем более на фронте не обойтись, сказал: «Выходит, что и донесения нашего фронта вы не будете полностью верить?» Кузнецов не среагировал на это и продолжал: «Но гитлеровцы еще очень сильны. Это нам надо знать и с этим надо считаться». Затем стал говорить Петров, которого Николай Герасимович слушал с большим вниманием. Иван Ефимович завел речь об использовании сил Черноморского флота в предстоящей операции. Ознакомив адмирала с замыслом-решением на операцию, он подчеркнул важную роль, выполняемую в ней флотом, в частности морским десантом. Зашел разговор и о месте высадки его. Но чувствовалось, что обо всем, что говорил Петров, Кузнецов уже знал и поэтому без промедления высказался за то, чтобы десант высадить в Новороссийске, то есть полностью поддержал соображения Петрова и командующего Черноморским флотом Владимирского. Иван Ефимович по опыту героической обороны Одессы и Севастополя хорошо знал и высоко ценил роль мощного огня орудий крупных кораблей в поддержке сухопутных войск, действовавших в прибрежной зоне. Поэтому теперь не преминул сказать об этом наркомвоенмору, видимо все же рассчитывая заполучить корабли для действий в предстоящей операции. Николай Герасимович сразу понял Петрова и сказал: «Решение Ставки не применять крупные корабли в данной операции не самоцель сохранить корабли, ведь и они создаются для боя. И когда надо было любой ценой удерживать Севастополь, то туда направлялись самые крупные наши корабли. Это вполне оправдывалось тяжелой фронтовой обстановкой тех дней на юге страны. В данной операции ваш фронт решает не менее важную задачу. Но теперь совсем иная оперативно-стратегическая обстановка, другие у вас и возможности. Вы под Новороссийском сосредоточиваете огромную массу артиллерии, гвардейские минометы «катюши», большие силы авиации. В этих условиях нет необходимости использовать крупные корабли. К тому же

противник усыпал прибрежные воды противокорабельными минами, имеет сильные торпедные катера и бомбардировочную авиацию. Таким образом, теперешняя наша забота — сохранить крупные корабли — полностью оправдывается самым ходом военных событий. До конца войны еще далеко, они потребуются для последующих боевых дел».

Потом Николай Герасимович стал с большой похвалой говорить о Петрове: «Вы, Иван Ефимович, уже два года воюете вместе с моряками. За вами Одесса, Севастополь. И если в то время вы подчинились командующему Черноморским флотом, то теперь он подчинен вам. Вы стали вроде флотоводца! Моряки давно наслышаны о вас и прониклись к вам большим уважением. А моряки-офицеры, кроме этого, выражают удивление тем, что командующий фронтом считается с их мнением при выполнении боевых задач, решаемых морскими силами, и возлагает на моряков большие надежды». Петров, не любивший похвал, отнекивался: «Ну что вы, всего-то я и научился что отличать катер от эсминца. Но зато многое узнал о мужестве, об истинном коллективизме и отваге личного состава кораблей и морской пехоты. Их решительные и героические боевые дела видел всюду. Я надеюсь, верю в новые подвиги моряков в предстоящих наступательных боях». «Ваша оценка боевых дел моряков нас радует,— сказал Кузнецов.— В их мужестве, видимо, сказывается и более длительная служба матросов на флоте, и сама морская стихия. Корабль и море по-особому сплавивают людей в одно нераздельное целое, в одну боевую семью и готовят к свершению героических дел. Да, о героических подвигах моряков знают воины всех фронтов, знает весь наш народ, знает о них и враг.— Потом Кузнецов спросил:— А не имеете ли вы, Иван Ефимович, каких-либо претензий к морякам?» «Одно не ладится у них: не могут даже на один-два дня предвидеть погоду на море. Так было в феврале, так, чувствуется, будет и теперь»,— сказал Петров. «Это бывает... В погоде ошибаются и сами ученые-метеорологи»... Эту беседу двух крупных военачальников я слушал с большим вниманием и интересом, видимо, поэтому основные мысли ее крепко запали в моей памяти,— завершил Ласкин свой рассказ.

Встреча с Верховным

В конце августа была получена долгожданная директива Ставки. В ней приказывалось Северо-Кавказскому фронту совместно с Черноморским флотом и Азовской флотилией одновременными ударами с суши и моря прорвать оборону противника, разгромить его таманскую группировку и не допустить ее эвакуации в Крым.

Много раз перечитал Петров этот короткий, но емкий приказ, вникая в его общий смысл и в каждое слово. Радость, удовлетворение росли по мере чтения директивы: не пропала даром трудоемкая предварительная работа. Но на подготовку операции почти нет времени: через несколько дней предлагается лично доложить план Верховному.

Петров читал: «Одновременными ударами с суши и моря...» — и думал, что это совпадало с его намерением наступать общевойсковыми армиями и высадить десант. Правда, в директиве не упоминается Новороссийск, но, видимо, Ставка не хотела ограничивать свободу действий командующего, полагаясь на его опыт. Ему предоставляется возможность выбора маневра, главного удара, создания группировки. В общем, директива была на редкость краткая, доверяющая Петрову многое решать самому.

Командующий пригласил членов Военного совета и начальника штаба. Не скрывая своего хорошего настроения, сказал Ласкину:

— Никаких изменений в решении не будет. Но время подпират. Хорошо, что у нас вроде все вопросы уже подработаны. Возьмитесь, Иван Андреевич, за окончательную доработку нашей директивы и плана операции. Самым тщательным образом, поминутно должны быть отработаны вопросы взаимодействия между артиллерийскими огнями, ударами авиации и действиями морского десанта. Ведь начинаем в темную южную ночь.

Член Военного совета генерал А. Я. Фоминых, прочитав директиву, сказал:

— Выходит, намеченный вами главный удар на Новороссийск остается в силе. Ну что ж, будем готовить обращение к бойцам.

Фоминых всегда сохранял сдержанность и для партийного работника был даже слишком молчаливым. В повседневной работе нетороплив, в обращении с людьми вдумчив и деловит.

Член Военного совета В. А. Бажков, прочитав директиву, сказал:

— Директива не говорит, где наносить главный удар. Но можно и на Новороссийск. Правильно понимаю, товарищ командующий?

Петров подтвердил. Бажков продолжал размышлять вслух:

— Но ведь здесь самая прочная оборона. Значит, рассчитывать надо на самый сильный огонь. Ну что ж, будем готовиться. Снарядов и мин подвезем, продовольствием обеспечим. А вот как будет организован прорыв «Голубой линии», это еще не совсем ясно. Уж если и на этот раз мы ее не прорвем, всех нас надо снимать с должностей, — неожиданно заключил Владимир Антонович.

Петров приказал штабу подготовить карты, справки и другие документы для доклада в Генеральном штабе и Верховному.

Когда все было готово, генерал Ласкин и начальник оперативно управления фронта генерал П. М. Котов-Легоньков пришли к командующему. Иван Ефимович снова перечитывал директиву, всматривался в карты, негромко рассуждал, как бы еще раз приглашая генералов послушать его суждения:

— Мы наносим довольно сильный удар на Новороссийск, и подготовлен он неплохо. Что же касается общего замысла всей Новороссийско-Таманской операции, то он бледен, слишком прост. Нет в нем смелых фланговых, обходных ударов, ведущих к окружению врага. Сделать это не позволяет нам тяжелая для наступления местность. Единственный плюс состоит в том, что теперь отпала угроза вражеских ударов по флангам наших армий. Это позволяет нам сосредоточивать максимум усилий на определенных направлениях, с тем чтобы рассекать Семнадцатую армию, окружать и уничтожать ее по частям. Дальше. Темп наступления запланирован невысокий. Думаю, и это правильно. От войск надо требовать то, что они могут выполнить при напряжении всех сил. А в условиях такой тяжелой местности, мощной обороны и сильного огня врага они большего дать не могут. И все же войска фронта вместе с флотом способны в конечном итоге выполнить задачу и сумеют разгромить гитлеровцев на таманской земле. Ну что ж, кажется, все продумано, все рассчитано. Надо только умело доложить Верховному.

Вечером Иван Ефимович ходил на доклад к маршалу С. К. Тимошенко, тот не только заслушал его, но и посоветовал, как держаться в Ставке. Семен Константинович, когда был наркомом обороны, часто общался со Сталиным, знал его привычки.

В Москву с Петровым вылетел начальник оперативного управления фронта генерал-майор Павел Михайлович Котов-Легоньков.

В Москве план операции сначала рассматривался в Главном оперативном управлении Генерального штаба, затем в Главном морском штабе. После этого командующего пригласил первый заместитель начальника Генерального штаба Алексей Иннокентьевич Антонов. Он принял Петрова очень радушно. Совсем недавно, в июле — нояб-

ре 1942 года, генерал Антонов был начальником штаба Северо-Кавказского фронта, затем Черноморской группы войск и Закавказского фронта. В декабре 1942 года он был назначен на высокую должность в Генштабе. Выбор Ставки был не случаен, генерал Антонов проявил себя талантливым штабным работником. Да, есть и такой талант. И встречается так же редко, как талант в любой другой профессии.

Алексей Иннокентьевич полностью поддержал замысел Петрова и тоже дал несколько дружеских советов, как держаться во время беседы со Сталиным, так как знал, что от этой встречи зависит не только утверждение плана предстоящей операции, но и дальнейшая служба Петрова.

Это была первая встреча Петрова со Сталиным, и, конечно же, Иван Ефимович волновался еще задолго до того, как вошел в кабинет Верховного.

Дальше я пишу об этой встрече по рассказу самого Ивана Ефимовича:

— Сталин встретил меня пристальным, внимательным взглядом. Подошел. Поздоровался. Я с удивлением обнаружил на его лице несколько рябинок — следов оспы. Раньше на портретах я их никогда не видел, наверное, поэтому удивили. Лицо его было смуглым и бледным. Он оказался ростом чуть ниже меня, и это тоже было неожиданно. Я его видел раньше издали да в кинохронике, и всегда он был в моих глазах более крупным. «Докладывайте, товарищ Петров», — коротко сказал Сталин и указал на стол, где можно развернуть карты. Я изложил замысел операции, все время стараясь быть кратким, понимая, что каждая минута Верховного дорога. После моего доклада Сталин спросил Антонова: «Какое мнение у Генерального штаба?» «Генеральный штаб рассмотрел план операции Северо-Кавказского фронта и считает возможным его одобрить», — ответил Антонов. Сталин заговорил не торопясь, как бы размышляя вслух: «Значит, на Тамани против вас Семнадцатая немецкая армия, укрепленный рубеж и тяжелая для наступления местность. Но у этой армии позади Керченский пролив. А с вами Черноморский флот и Азовская флотилия. Ваш двухлетний опыт совместных действий с флотом дает основание считать, что в этой операции вы сумеете правильно использовать его силы. Ваша задача утопить немецкую армию в плавнях, лиманах и проливе. Кстати, в Ставке вас считают специалистом обороны. Но этот период войны для нас закончился. Вам предстоит проявить себя в руководстве наступательными операциями. Верховный утвердил план без изменений и поправок. Никаких других тем не коснулся. Подошел, прощаясь, пожал руку и добро сказал: «Желаю вам, товарищ Петров, успеха в этой операции».

В тот же день Петров возвратился на Кавказ. Сталин и раньше, заочно, относился к Петрову доброжелательно, ценя его заслуги в трудную пору 1941 года, упорную защиту Одессы и Севастополя. Отражение удара на Баку несомненно еще больше укрепило это уважение, о чем свидетельствует назначение его командующим Черноморской группой войск, а затем и Северо-Кавказским фронтом.

Ну а самым убедительным подтверждением теперь уже не только уважения, но и расположения Верховного к Петрову стало то, что буквально вслед за возвращением Ивана Ефимовича из Москвы пришла телеграмма о присвоении ему звания генерал-полковника. Видно, Сталин рассмотрел, что у такого достойного и заслуженного генерала маловато звезд на погонах. Повышение до начала операции, когда еще неизвестно, что ожидает впереди — победа или провал, разумеется, означало, что Петров действительно произвел очень хорошее впечатление на Верховного.

Что же касается Ивана Ефимовича, то он, окрыленный одобрением плана, присвоением звания и весьма благоприятным исходом

встречи со Сталиным, с еще большим жаром взялся за подготовку войск к сражению.

Да, так уж устроены люди, им нужно совсем немного: доброе слово, приветливый взгляд — и дети и полководцы от доброго отношения счастливы.

Я думаю, именно хорошее настроение, ощущение радостной приподнятости позволило провести с блеском одну из трудных и ярких операций Великой Отечественной войны, которую до сих пор изучают в академиях: о ней написаны многие исследования, защищены кандидатские и докторские диссертации.

Новороссийская операция

В ночь с 8 на 9 сентября 1943 года генерал Петров выехал на свой наблюдательный пункт. Он был оборудован в районе горы Дооб, в четырех километрах восточнее Новороссийска. Неподалеку от него находился НП командующего Черноморским флотом, а еще несколько южнее — НП командующего 18-й армией. Близость друг от друга лиц, ответственных за ход операции, упрощала и делала более устойчивым управление в ходе наступления. Петров ехал в машине и знал, что в окружающем мраке на огромном пространстве побережья Черного моря сейчас идет напряженная, торопливая работа, завершающая всю длительную, многонедельную подготовку к броску в Новороссийск. Он живо представлял лица людей, с кем встречался и беседовал вечером, тех самых, кому придется выполнять труднейшую часть операции: вести бой, идти на врага грудь в грудь.

Петров накануне приказал собрать командно-политический состав частей, участвующих в десанте, всех — от командира роты и кавера до командира десанта. На эту встречу прибыли члены Военных советов фронта и 18-й армии. Это был не митинг, не собрание — был разговор боевых товарищей перед большим и ответственным боем. Петров вел этот разговор в обычной для него манере беседы. Вот как описывает эту встречу присутствовавший на ней адмирал Холостяков:

«Нетрудно представить, сколько у генерал-полковника Петрова забот перед наступлением фронтового масштаба. Вряд ли удастся ему сегодня побывать, как он это любит, на исходном рубеже какой-нибудь роты. Но не повидаться с командирами, которые первыми должны ворваться с моря в укрепленный противником порт, Иван Ефимович, очевидно, не может. Ему нужно не только напутствовать их, но и послушать, самому почувствовать, насколько они готовы к такому бою. Командующий фронтом обращается поочередно к младшим офицерам из разных частей, и они докладывали о своей задаче, о том, как подготовились, чем обеспечены к бою, чего недостает. Почти каждого генерал-полковник спрашивает о настроении бойцов, некоторых — о том, где воевали, за что награждены (про двух или трех, еще не имевших орденов, велел что-то записать «дьюжанту»). Армейцев и моряков он слушает одинаково внимательно, с живым интересом знакомясь с новыми людьми и, вероятно, многих запоминая.

Потом генерал Петров говорит сам. Он не вдается в замысел операции.. Подробно останавливается на роли младшего офицера в наступлении, на том, насколько зависит общий успех от каждого лейтенанта, от его умения организовывать неотразимый натиск, поддержать соседа, вселить в подчиненных уверенность в победе. Дает совет — не уменьшать перед бойцами трудностей предстоящих боев, не скрывать правду о том, как силен еще враг, ибо это надо помнить и учитывать, чтобы его одолеть.

— А разгромить врага,— заканчивает командующий,— мы можем и обязаны!» (24, стр. 332—333).

Иван Ефимович умел не только понять, почувствовать настроение людей, но и зажечь их сердца, воодушевить на подвиги.

После совещания в тот же день, 7 сентября, Петров дал указа-

ние командующему Черноморским флотом адмиралу Владимирскому и командующему 18-й армией генералу Леселидзе начать штурм в ночь с 8 на 9 сентября в 2 часа 15 минут. Вот как строго хранится тайна на войне, когда дело связано с тысячами жизней! Час атаки до последнего допустимого предела знал только сам Петров. Операция разработана, все готово, а когда наступит «Ч» — время атаки, — знал только один командующий, определивший его давно. С подобной предосторожностью у Петрова мы уже встречались.

На наблюдательном пункте было ветрено и сыро. Моросил мелкий дождь. В ночном небе плыли тяжелые низкие тучи. Ветер все усиливался. Море загудело. Петров, обеспокоенный неблагоприятной погодой, поехал в Геленджик к адмиралу Владимирскому, чтобы вместе определить, можно ли начинать десантирование. Моряки ничего определенного Петрову не сказали. Командир бригады катеров капитан 2-го ранга Проценко предложил для пробы выйти катерам в море. Как только катера вышли из бухты, их тут же стало заливать водой. А ветер все усиливался. Все моряки сходились на том, что при такой погоде выпускать в море суда с десантом опасно. Но успокаивали Петрова тем, что этот норд-ост не осенний, он будет непродолжительным. Учтя этот прогноз, командующий перенес начало операции на сутки, назначив штурм в ночь на 10 сентября.

Отсрочка всегда плохо действует на людей. Ожидание боя связано с напряжением нервов. Петров хорошо знал цену на войне фактору времени, который всегда носит обоюдоострый характер. Не успел или отложил что-то сделать ты, может упредить противник. Но бросать десант в бушующее море — это поражение до боя.

Прошли сутки в томительном ожидании. Утром 9 сентября погода улучшилась. Моряки предсказывали и дальнейшее улучшение.

Петров, переговорив со своими помощниками, уточнив готовность всех сил к действию, выехал в войска. На этот раз он побывал в бригаде катеров Проценко, выполнявшей в операции очень ответственную задачу. Надо было, чтобы люди помнили об этом, не расслаблялись из-за переноса атаки.

Перед вечером были проведены короткие митинги во всех десантных отрядах, стрелковых и артиллерийских подразделениях. На некоторых митингах выступили И. Е. Петров и маршал С. К. Тимошенко.

В ходе одной из бесед с десантниками командир высадки контр-адмирал Г. Н. Холостяков доложил Петрову:

— Десантники отказываются брать с собой трехдневный сухой паек и сверх всякой нормы загружают свои сумки и карманы патронами, а на пояс вешают побольше гранат. Довод один: без галет, сала и консервов воевать можно, а боеприпасам в бою расход большой.

Такая рассудительность моряков радовала Петрова.

Вечером на КП фронта возвратились Петров и член Военного совета В. А. Баюков. К командующему сразу же пришел на доклад обеспокоенный генерал Трусов:

— Получены агентурные данные о том, что командование Семнадцатой немецкой армии имеет приказ оставить Таманский полуостров. Мною направлены самолеты-разведчики с задачей выявить отход войск врага. Они возвратились — никаких признаков отхода не обнаружено.

— Такой выгодный рубеж навряд ли немцы оставят без боев и без крайней опасности, — сказал Иван Ефимович. — А если они пошли на это, значит, что-то серьезное им угрожает. Видимо, боятся, что развивающееся наступление наших войск на юге Украины огрежет Крым и тогда Семнадцатой армии с Таманского полуострова не выбраться.

Но поскольку ни воздушная разведка, ни наземное наблюдение не установили никаких изменений в положении врага, агентурные данные были поставлены под сомнение. Принимая решение начать операцию, Петров брал на себя огромную ответственность. Если бы противник отошел, по пустому месту были бы выпущены сотни тысяч снарядов, сброшено множество бомб (а все это стоит огромных денег), не говоря уж об ущербе для престижа полководца, который прозевал противника.

Позже стало известно, что Гитлер действительно издал приказ от 4 сентября 1943 года, в котором требовал от командующего группой армий «А» к 10 сентября доложить свои соображения и расчет времени на отвод 17-й армии. В нем указывалось:

«...а) все сооружения, жилые здания, дороги, постройки, плотины, которые противник может использовать в своих интересах, должны быть разрушены на длительное время;

б) все железные дороги, в том числе полевые, должны быть демонтированы или полностью разрушены;

в) все бревенчатые покрытия дорог привести в негодность или убрать;

г) все находящиеся на кубанском плацдарме сооружения для добычи нефти должны быть полностью уничтожены;

д) порт Новороссийск следует так разрушить и заминировать, чтобы русский флот длительное время не мог пользоваться им;

е) к мероприятиям по разрушению относится также установка в широких масштабах мин, в том числе замедленного действия;

ж) противнику должна достаться на длительное время полностью непригодная для использования и жилая пустыня, где на протяжении месяцев будут взрываться мины» (3, т.7, стр. 221).

Но 10 сентября, к началу операции, все части гитлеровских войск на Тамани находились на своих прежних позициях, что и подтвердила разведка.

В столовой адъютант командующего Юрий Петров негромко уговаривал отца:

— Поешь, целый день на ногах. И такая ночь впереди. Поешь.

Но к еде Петров не притронулся. Не до еды. Все существо его — в предстоящем сражении.

Иван Ефимович попросил принести два стакана крепкого чая. Подлил в них по паре ложечек коньяка для аромата. Выпил чай не торопясь. Затем посмотрел на часы, сказал:

— Пора. Поехали на НП.

В 21 час командующий флотом Владимирский доложил:

— Посадка личного состава морского десанта на катера и суда закончена. Даю приказ начать движение.

Петров, приняв доклад, пожелал боевых успехов.

Итак, от пристаней Геленджика ушли в море, к Цемесской бухте, три отряда, составлявшие первый эшелон десанта.

Самый большой отряд — 2,5 тысячи человек — составляла 255-я бригада морской пехоты под командованием полковника А. С. Потапова, старого севастопольца.

Второй отряд, 1100 человек, — 393-й отдельный батальон морской пехоты под командованием капитан-лейтенанта В. А. Ботылева, участника прошлой операции.

Третий отряд, тысяча с лишним человек, — 1339-й стрелковый полк 318-й стрелковой дивизии под командованием подполковника С. Н. Каданчика.

Впереди каждого отряда шла группа катеров под командованием капитан-лейтенанта П. И. Державина, капитан-лейтенанта Д. А. Глухова и капитана 3-го ранга Н. Ф. Масалкина. Этим катерам было назначено ликвидировать надводные и подводные заграждения и захватить кромку суши.

Сложный механизм десантной операции запущен. Петров смотрел в сторону противника. Что там? Скользнул и потух луч прожектора. Бледными пятнами поднимаются ракеты в районе Мысхако. В порту черно и тихо. Десант туда уже плывет. Может быть, противник, зная об этом, затаился и, как только подойдут суда, встретит их шквальным огнем? Может быть. На войне все может быть. Ожидание порой тяжелее напряжения в бою. Уж скорее бы...

На море между тем усиливался ветер, все выше поднимались волны. При таком волнении не могли выдерживать заданную скорость катера, тянущие баржи. А те, которые могли идти быстрее, стали сбавлять ход, чтобы не оторваться от тихоходных. Несмотря на все меры, принимаемые моряками, накапливалось опоздание к назначенному часу высадки, вскоре оно дошло до сорока минут. Уже зазвонили тревожно телефоны, полетели вызовы по радио: как быть? Этот вопрос поднимался во все более старшие инстанции и наконец встал перед руководителем операции генералом Петровым. Назрела возможная путаница, как в прошлой, неудачной операции. Петров спокойно и твердо приказал:

— Перенести «Ч» на три ноль-ноль. Сообщить это и получить подтверждение от всех отрядов и поддерживающих средств.

Связь работала безукоризненно. Приказ и подтверждение о новом отсчете времени были получены всеми. С командного пункта флота доложили:

— Десант вошел в зону обстрела батарей противника, они огня пока не ведут.

Петров сказал:

— Значит, немецкое командование либо не знает о нашем намерении, либо готовится нанести массированный удар по десанту в момент подхода к берегу.

Позвонил командарм Леселидзе и доложил, что у него все в порядке, поэтому он в новый назначенный срок даст приказ о начале артподготовки.

На НП фронта была тишина. Все почему-то говорили тихо, чуть ли не шепотом. Вдруг на низких высотах проплыла группа наших бомбардировщиков, перелетела Цемесскую бухту, и вскоре в районах севернее и юго-западнее Новороссийска блеснули вспышки и оттуда посылались раскаты взрывов. Это «ночники» бомбили ближайшие тылы и артиллерийские позиции врага. Их удары по времени не совпадали с новым графиком. Оказалось, что распоряжение об изменении «Ч» до командира бомбардировочного полка дошло с опозданием, когда самолеты уже поднялись с аэродрома. Это не смутило Петрова, он спокойно сказал:

— Такие налеты наши ночники совершали часто, не думаю, чтобы это насторожило противника.

Настала долгожданная минута! В 2.44 открыли огонь 800 орудий и минометов, не считая нескольких сотен минометов 82-миллиметрового калибра. Загрохотали орудия Большой и Малой земли. Берег и горы у Новороссийска озарились огнем. На воду бухты лег красный, как кровь, отблеск. Потом прилетели далекие и глухие разрывы тысяч снарядов и мин.

— Ну, началось! — сказал Петров.

Ночную темноту прорезали огненные струи реактивных снарядов. Словно кометы понеслись они в сторону врага. Это дали первый залп 227 установок «катюш». На переднем крае врага полыхнул яркий огонь.

Вскоре на разных высотах волнами пошли ночные бомбардировщики 4-й воздушной армии и Черноморского флота. Шум моторов и артиллерийский огонь отвлекали внимание противника от приближающегося десанта. Бомбардировщики били по артиллерийским позициям, командным пунктам, по скоплениям войск.

Дальше мне хочется передать слово Герою Советского Союза вице-адмиралу Холостякову, который был ближе к тому, что происходило в Цемесской бухте. Перед написанием этих строк я навещал Георгия Никитича в его квартире.

Георгий Никитич сидел в кресле у письменного стола, я сбоку у этого же стола. Холостяков говорил о боях, как всегда, взволнованно и горячо:

— На молах у входа в порт гитлеровцы соорудили доты. Их надо было уничтожить первыми, чтобы открыть путь десанту. К этим огневым точкам на максимальном ходу подлетели торпедные катера со штурмовыми группами и уничтожили гитлеровцев так быстро, что они не успели сделать ни одного выстрела. Дальше пришло время действовать группе старшего лейтенанта Куракина. Ей поручалось открыть ворота в порт — подорвать натянутый под водой трос. Они сделали это за девять минут! Дали сигнал — путь открыт! Шестерка торпедных катеров на максимальном, тридцатиузловом ходу — это километр в минуту — ворвалась в порт. Их вел смелый командир капитан-лейтенант Алексей Федотович Африканов. Со стороны, когда я смотрел на эти катера, казалось, они мчались прямо на огненную стену. Катера дали залп торпедами по берегу. Торпеды нами специально переделывались для атаки по наземным целям, и вообще это была первая на флоте торпедная атака берега! Почти тридцать дотов и дзотов, самых близких к воде и самых опасных для десантников, были уничтожены! Представляете, скольким людям это сохранило жизнь?! В общем, все шло, как было предусмотрено, только погибли два катера, а остальные получили повреждения от снарядов и осколков.

Георгий Никитич — человек энергичный, порывистый, и я легко представляю его в ту ночь.

С 3 часов 10 минут к берегу начали подходить катера и суда трех отрядов с главными силами. Подразделения второго отряда во главе с капитан-лейтенантом В. А. Ботылевым начали высадку. Они высаживались на заминированные, бьющие огнем причалы. Как только морские пехотинцы прыгнули с катеров на берег, сразу же наткнулись на гитлеровцев. Завязался рукопашный бой в траншеях, в ходах сообщений. Кто из гитлеровцев не убежал, был уничтожен, десантники прорвались на набережную. Через полчаса из батальона Ботылева на берегу было уже 800 человек. Все они неудержимо стремились вперед. Упорно пробиваясь по переулкам и дворам, они овладели пристанями Элеваторная, Нефтеналивная и устремились в город в сторону вокзала. Но чем глубже они вторгались в оборону врага, тем ожесточеннее становилась борьба. Дрались на улицах, в домах, подвалах. В уличных боях, да еще ночью, не представляется возможным руководить непосредственно всеми бойцами. Вольно или невольно отрываются отдельные группы. Так было и здесь. Рота автоматчиков под командованием капитан-лейтенанта А. В. Райкунова углубилась в город. А группа во главе с комбатом Ботылевым, выбив гитлеровцев из нескольких зданий, заняла клуб матросов.

Левее батальона В. А. Ботылева к берегу шли катера и суда первого десантного отряда — 255-я бригада морской пехоты полковника А. С. Потапова, а правее высаживался третий отряд — 1339-й стрелковый полк подполковника С. Н. Каданчика.

Но не всем десантникам удалось высадиться на берег. Часть судов, имевших глубокую осадку, села на мель в восьмидесяти — ста метрах от берега, не смогла подойти к нему. Люди прыгали за борт и двигались по горло в воде. Кроме личного оружия — автомата, гранат, — они тащили на себе пулеметы, коробки с патронами, минометы. Волны накрывали их с головой, сваливали, но они выходили на берег и тут же бежали вперед, навстречу врагу, ведя огонь из автоматов. Вскоре и здесь десантники дошли до первых траншей и столкнулись с гитлеровцами в рукопашной. Враг, поняв, где происходит высадка, открыл более прицельный огонь. Заговорили десятки артиллерийских батарей и шестиствольных минометов, затрещали пулеметы. Снаряды и мины взрывались среди высаживавшихся десантников и подходивших судов. За считанные минуты подорвались на минах и были подбиты артиллерийским огнем семь катеров и судов, на которых шли десантники 255-й бригады. Многие бойцы оказались в море далеко от берега. Чтобы не утонуть, они сбрасывали одежду, сапоги. Оружие держали в руках до последнего. Прямо скажем, не всем удалось доплыть до берега.

Особенно тяжелая обстановка сложилась на участке между Западным молот и мысом Любви, где высаживалась бригада Потапова. Здесь был сосредоточен очень сильный артиллерийский огонь врага, поэтому некоторые суда уклонились от назначенного участка высадки. С трудом удалось высадиться самому командиру и штабу бригады. К тому же у них сразу была разбита штабная радиостанция.

Нелегко сложилась обстановка и у третьего отряда, полка Каданчика. На участке от пирса до электростанции, где он высаживался, противник вел сильный огонь. И все же за тридцать минут высадилась большая часть полка — 1247 человек, они сразу вступили в бой. Но самому командиру полка Каданчику высадиться на берег не удалось. Его катер, не дойдя до берега, загорелся от прямых попаданий мин и затонул. Некоторых из находившихся на борту людей, в том числе и подполковника Каданчика, спасло судно, возвращавшееся в Геленджик. Начальнику штаба этого полка капитану Д. С. Ковешникову, который шел на другом катере, удалось достичь берега, и он тут же взял в свои руки руководство полком. Кстати, Ковешников мой одноклассник и воспитанник Петрова по ташкентскому училищу. Сейчас: он Герой Советского Союза, генерал-лейтенант в отставке. Многие рассказал он мне о тех боях.

Итак, благодаря высочайшему героизму и хорошей предварительной подготовке десант в новороссийский порт высадился.

Утром, когда рассвело, Петров увидел в море возвращающиеся катера и суда. Одни шли с креном на борт, другие глубоко осели в воду, третьи чадили обгоревшими надстройками. Зрелище было нерадостное. По виду этих судов можно было предположить, какой ад царил при высадке десанта. Но главная задача выполнена — десант на берегу. И ой как трудно ему там!

Петров вызвал Холостякова. Вот что адмирал писал об этом:

«Утром меня вызвал командующий фронтом. Я приготовился доложить о высадке первого эшелона, но этого не потребовалось. Генерал-полковник И. Е. Петров провел часть ночи на командном пункте 18-й армии, неоднократно связывался по телефону с нашим КП, и о десанте ему было известно почти все. Он задавал лишь уточняющие вопросы: о потерях в высадочных плавсредствах, об их состоянии в данный момент.

— Сегодня ночью вам опять предстоит большая работа,— пояснил Иван Ефимович.

И сообщил, что во второй эшелон десанта дополнительно включается еще один полк 318-й дивизии — 1337-й стрелковый подполковника Г. Д. Бульбуляна.

Высадить его надлежало на правом фланге, где действовал полк С. Н. Каданчика. Безусловно, И. Е. Петров решил это уже раньше. Однако, верный своему правилу советоваться с младшими, он спросил, куда, по-моему, следует направить самое крупное подкрепление. Не колеблясь я назвал правый фланг. Как ни нуждался в поддержке Ботылев, Каданчик был ближе всех к войскам, наступающим по суше, и мог, получив свежие силы, быстрее двигаться им навстречу.

Попутно командующий фронтом объявил, что батальон Ботылева остается до соединения с другими частями в моем подчинении (в принципе десантники подчиняются командиру высадки только до того, как закрепятся на берегу). Вероятно, И. Е. Петров хотел подчеркнуть ответственность Новороссийской базы и вообще моряков за плацдарм, занятый морской пехотой в центре порта. Впрочем, практически это мало что меняло. Кому бы ни подчинялись высаженные части, наша база продолжала отвечать за их снабжение, за доставку подкреплений, за поддержку десанта береговой артиллерией.

Вскоре я получил приказ командующего флотом, в котором общая численность десантников, подлежащих высадке вторым эшелонем в ночь на 11 сентября, определялась в 2900 человек» (24, стр. 352—353).

Одновременно с высадкой десанта после артподготовки перешли в наступление части 18-й армии северо-восточнее и южнее Новороссийска. Город штурмовался с трех направлений. Чтобы противник не перебросил сюда резервы с других участков, Петров приказал наступать 56-й и 9-й армиям. Таким образом, на фронте протяжением в сто километров войска гитлеровцев были под ударами наших войск. Однако прорвать фронт не удавалось. Артиллерия не уничтожила врага в мощных сооружениях и в подвалах домов, приспособленных к обороне. Полки 18-й армии не смогли овладеть даже первой траншеей.

Генерал Леселидзе докладывал Петрову, что еще раз обрабатывает артиллерией доты и попытается пробить дорогу пехоте. Петров одобрил эти действия, но понимал при этом, что раз противник удержал части на сухопутье, то он сможет все силы бросить против десанта. Командующий попросил генерала Вершинина активнее поддержать авиацией действия десантников и особенно не допустить подхода в город резервов противника.

Но с рассветом вступили в бой большие силы авиации гитлеровцев. Вершинин, командуя по радио, посылал свои истребители очистить небо. В воздухе шли массовые бои. Падали на землю и в море, оставляя дымовые шлейфы, сбитые самолеты. За истребителями вскоре пошли наши штурмовики и бомбардировщики. Командующий 4-й воздушной армией узнавал многих своих летчиков по почерку, называл их фамилии, искренне радовался удачным действиям. И все же чем дальше, тем становилось яснее — в первый день наступления намеченные цели не достигнуты. Правда, десант высажен, сражается героически, но положение его очень непрочное. Особенно это относилось к 255-й бригаде морской пехоты. Она попала под сильный огонь артиллерии и авиации противника, продвижение бригады прекратилось. А противник ввел в бой танки.

Петров переехал на НП Леселидзе, чтобы быть поближе к самым горячим местам боя. Желая помочь бригаде Потапова, приказал генералу Швареву активнее действовать с Малой земли, соединиться с потаповцами. Этого добиться не удалось. Потаповцы оказались в очень трудном положении. Не менее горячо было в 393-м отдельном батальоне морской пехоты Ботылева. Как уже говорилось, он овладел Домом моряков и клубом, где и закрепился. Но через несколько часов Ботылев доложил: в батальоне осталось 40 человек, 90 тяжело-раненых, остальные погибли. Танки противника подошли вплотную

и пробиваются через окна на первый этаж. Ботылев вызывал огонь на себя.

Группа десантников во главе со старшим лейтенантом А. В. Райкуновым овладела вокзалом. Она отбила тринадцать атак гитлеровцев, поддержанных танками, и продолжала вести бой.

Третий отряд, 1339-й стрелковый полк под командованием Д. С. Ковешникова, начальника штаба, заменившего командира полка, овладел всеми портовыми зданиями от электростанции до Импортной пристани. Но к концу дня в результате семи мощных контратак противник оттеснил десантников почти к берегу моря.

Петров, Владимирский, Леселидзе с одного наблюдательного пункта предпринимали все возможные меры, чтобы поддержать десантников артиллерией и авиацией.

Что же, опять провал? Сколько готовились! Чего не предусмотрели? Кажется, было сделано все! Такие думы одолевали всех, но, наверное, больше других руководителя операции, автора ее плана, генерала Петрова. Вот что говорит об этом находившийся рядом с Иваном Ефимовичем всю ночь и день генерал Ласкин:

— Кажется, все было продумано, предусмотрено, расставлено и нацелено. И вдруг такое... Ну, раз не получилось, значит, в чем-то ошиблись. Каждый из начальников чувствовал себя неловко, искал, в чем его упущение, недосмотр. Думал и переживал не меньше других, конечно, и я. Тут было важно побыстрее осмыслить случившееся. Сразу встал главный вопрос: это крупный оперативный просчет или поправимая заминка, какие бывают на войне в ходе боев? Командование фронта твердо считало, что это не оперативный просчет и что нам не потребуется вносить никаких существенных поправок в решение. Главная причина беды — в особо прочной обороне врага. Значит, потребуется вносить только отдельные коррективы. А на войне редко бывает так, чтобы ход боевых действий шел по плану. Коррективы — это постоянное явление, поскольку идут непрерывные изменения в обстановке. Важно своевременно понять суть необходимых изменений. Иван Ефимович, всегда сознававший свою особую ответственность за ход операции, по-моему, переживал тяжелее всех. С него главный спрос. И можно было заметить, что на лице его за одни эти бессонные тревожные сутки прибавилось морщин — следов предельного нервного и умственного напряжения. Но опыт войны учит (знал это и Петров): в такие часы командованию особенно важно проявить волю, сохранить выдержку и уверенность, набраться терпения, чтобы глубже проанализировать ход сражения и оценить события во всем их объеме, правильно среагировать решением, а затем со всей энергией взяться за проведение его в жизнь. Скажу прямо, командующие Петров и Владимирский обладали такими качествами. В чем же мы недооценили оборону врага? Мы правильно считали, что оборона на южном фланге, и особенно в районе Новороссийска, является самой прочной по сравнению со всеми другими участками «Голубой линии». В Новороссийске — система бетонированных дотов и очень высокая плотность огня: на километр фронта шестьдесят пулеметов, двадцать минометов и до двадцати пяти артиллерийских орудий. Следовательно, не все огневые средства противника нами были вскрыты и подавлены. Вот одна из причин неуспеха. И еще одно важное обстоятельство. Под Сталинградом и на Курской дуге плотность советских артиллерийских средств составляла сто шестьдесят — сто восемьдесят стволов на километр фронта. В нашей же операции она достигала всего сорок — сорок пять артиллерийско-минометных стволов, а если взять одни артиллерийские орудия, то их приходилось только двадцать пять на километр. Это очень малая плотность, в шесть-семь раз меньше желаемой для наступления. Поэтому нельзя укорять наше командование за то, что перед атакой пехоты огневая система врага оказалась недостаточно подавленной.

Ведь организация огня была построена на самом высоком уровне, а на недостаток огневой мощи никто из нас тогда не мог сослаться. Поставленная задача должна была быть выполнена при полном напряжении сил и умения всех...

Командующий понимал: противник, опираясь на такие сильные укрепления, будет стремиться удерживать Новороссийск и «Голубую линию» в целом и с утра может начать контратаки, чтобы выйти к берегу, восстановить прежнее положение и этим окончательно сорвать наше наступление. Следует ожидать ввода в бой крупных резервов.

Это предвидение оправдалось. Перед вечером авиаразведка обнаружила несколько колонн пехоты с артиллерией, двигающихся с севера на юг. Не вызвало сомнений, что противник снимает резервы с участка 9-й армии и направляет их к Новороссийску. Это означало, что десантникам придется вести борьбу с превосходящими во много раз силами врага, в неимоверно тяжелых условиях.

Но десантники выстояли! Они оттянули на себя крупные силы врага, нанесли им большие потери и этим облегчили войскам 18-й армии условия для наступления на сухопутных участках.

Петров, как командующий фронтом, воздержался вносить скороспелые коррективы и пока не мешал командующим соединениями управлять своими войсками в бою. Но он, постоянно следя за развитием событий во всей полосе фронта, на каждом направлении, помогал им продуманными советами и огнем. Оценив все происходящее, он решил максимально нарастить силы на участках десантных отрядов, еще раз двинуть вперед обе группы 18-й армии, охватывающие город, и приказал продолжать более решительное наступление войскам 9-й армии, поскольку с ее участка противник начал снимать резервы.

Петров дал распоряжение за ночь высадить на берег дополнительные десантные силы: второй эшелон 255-й бригады, 290-й стрелковый полк НКВД под командованием подполковника Пискарева и 1337-й стрелковый полк 318-й дивизии подполковника Бульбуляна. Большие подкрепления оказалось невозможно подобрать, почти половина плавсредств вышла из строя прошлой ночью.

Перед артиллерией ставились задачи: более точным огнем подавлять огневые средства противника, создавая условия для наступления наших войск.

Полковые противотанковые пушки Петров потребовал выдвинуть непосредственно в боевые порядки пехоты, чтобы прямой наводкой уничтожать огневые точки в домах, дзотах, на позициях и отражать удары танков. Бомбардировочной и штурмовой авиации командующий приказал: взламывать оборону, подавлять артиллерию, расчищать путь наступающей пехоте и не допускать подхода резервов противника к Новороссийску.

Друг выяснилось, что судьба десантного отряда полковника Потапова неизвестна, сам же командир 255-й морской бригады оказался почему-то на Малой земле. Петров приказал немедленно вызвать Потапова. Здесь нам представляется возможность увидеть, как Иван Ефимович относился даже к старым боевым товарищам, если они допускали оплошность. И опять, чтобы рассказ шел от лица очевидца, я предоставляю слово Ласкину, который присутствовал при этом разговоре:

— Командующий фронтом приказал вызвать Потапова на КП фронта для разговора на Военном совете. Потапов, конечно, знал, что вызывается не для получения ордена или медали, а на крутой разговор. Поэтому вначале зашел ко мне как боевому другу по Севастопо-

лю в надежде получить мою поддержку. Прошло всего несколько дней, как мы виделись с ним в Геленджике в дни подготовки десанта, но как он изменился! Обветренное лицо сделалось каменно-бледным, щеки ввалились, глаза воспаленные. Чувствовалось, что он давно не спал. По тому, как он смотрел, я понял, что на сердце у него тяжело. Вдвоем мы вошли в столовую Военного совета. Столовая служила и залом заседаний. Вместе с Петровым здесь сидели члены Военного совета: генерал-майор Баюков и первый секретарь Краснодарского крайкома Селезнев. У Петрова глаза за стеклами пенсне были непривычно твердыми. Я знал: если Петров так на кого-нибудь смотрел, значит, он был в высшей степени раздражен. Это плохой признак! Разговор с Потаповым сразу же начался строгий. Петров и Баюков сердито, с пристрастием выясняли, почему он оставил бригаду и оказался на плацдарме Мысхако. Вот что негромко и коротко докладывал Потапов: «В ходе высадки на берег бригада попала под сильный огонь и понесла значительные потери. Сразу же было потоплено семь катеров, погибло много людей. С большим трудом высадились на берег я и штаб. В первых же схватках с гитлеровцами на берегу погиб начальник политотдела бригады Видов и была разбита радиостанция штаба бригады. Я лишился связи. С утра противник стал нас атаковать. Посылаемые в батальоны мои связные и офицеры не могли пробраться сквозь сильный вражеский огонь, многие не возвратились. В таких условиях организовать управление бригадой мне не удалось. Батальоны действовали разобщенно. Я знал, что отдельные наши группы вышли на улицы Губернского и Лейтенанта Шмидта, но помочь им, образовать сплошной фронт я не мог, приходилось все время отбиваться — на наш НП наступали большие силы врага. Потом гитлеровцы стали бить из орудий прямой наводкой, на нас пошли танки. Отбивались гранатами. Перед вечером был убит и начальник штаба бригады Хлябич. Со мной оставалась совсем небольшая группа людей. В такой обстановке я не мог рассчитывать, что смогу выйти к своим батальонам. А противник нас все теснил. За нами море, и мы остались без боеприпасов. Возможности продолжать бой не было. Поэтому я принял решение — с находившимися при мне бойцами пробиться вдоль побережья на плацдарм». Все слушали Потапова с большим напряжением. Баюков резко осуждал Потапова за то, что он оторвался от своих батальонов, и высказывался за серьезное наказание вплоть до строжайшего наказания. Селезнев выразил несогласие с таким строгим наказанием. Командующий фронтом Петров заключил так: «Вначале мы намеревались за совершенный проступок наказать вас очень серьезно. Но вы прошли через все опасности в Севастополе. Бригада под вашим командованием стойко и храбро воевала на плацдарме Мысхако. Вы и в этом десанте бились с врагом до последних сил. Мы обязаны это учесть. Но управлять бригадой вы не смогли. Мало того, вы совершили проступок на поле брани — оставили батальоны без управления. Вы должны были пробиваться не в сторону плацдарма, а к своим батальонам, и намного раньше, до безвыходной обстановки. Военсовет вынесет свое решение. А сейчас поезжайте в распоряжение командующего флотом и отдохните».

Военный совет фронта вынес решение об освобождении полковника Потапова от должности командира бригады.

Настала вторая ночь наступления.

В 2.30, когда суда были на подходе к берегу, по противнику опять ударила наша артиллерия, а с неба посыпались бомбы ночных бомбардировщиков.

Около 3 часов ночи по требованию командиров отрядов артиллерия перенесла огонь в глубину. На всех участках началась высадка десантов. Проходила она везде по-разному.

290-й полк подполковника И. В. Пискарева захватил пристань Каботажную и стал продвигаться вперед. А на правом фланге к месту, где воевал полк догнавшего свою часть подполковника Каданчика, шел 1337-й полк Бульбуляна. Но к этому часу обстановка здесь серьезно осложнилась. После тяжелого боя противнику удалось занять весь берег, и полк Каданчика оказался в окружении. А так как у Каданчика была разбита полковая радиостанция, то ни командарм Леселидзе, ни Петров не знали истинного положения дел на этом участке. Следующему сюда десанту, с которым шел и командир 318-й дивизии полковник В. А. Вруцкий, предстояла нелегкая задача: высадиться на берег, занятый противником, соединиться с окруженным полком и развивать наступление. При подходе десанта к берегу противник встретил его сильным артиллерийско-минометным огнем. Некоторые суда рванулись вперед, другие, уклоняясь от огня, выходили к берегу на широком фронте. Многим десанникам пришлось бросаться в воду. Но все же они достигли берега, сразу вступили в тяжелый бой и сквозь шквальный огонь пошли вперед. Всю ночь кипел жаркий бой. На отдельных направлениях наши продвинулись вперед, но соединиться с окруженным полком не удалось.

Настало утро, артиллерийский обстрел велся по фронту и в глубину вражеской обороны. С аэродромов поднимались и летели на врага одна за другой группы самолетов. Ударил мощный залп «катюш», и земля вздрогнула. По плану этот залп был сигналом «вперед» для полков 18-й армии, охватывавших город с востока и с запада. Пехота пошла вперед. Восточная группа 18-й армии в течение дня вклинилась в оборону всего на глубину одного километра. Западная, наступавшая с плацдарма Мысхако, отвоевала первые траншеи противника.

А в городе и прибрежной полосе Цемесской бухты противник предпринимал отчаянные усилия, чтобы сбросить десант в море. В районе вокзала держалась рота старшего лейтенанта Райкунова. В районе клуба моряков часть батальона возглавлял комбат Ботылев. Обе эти группы находились в окружении врага и вели тяжелые бои с превосходящими силами. За ночь и два дня боев каждая из групп отразила около 20 атак гитлеровцев.

Наконец поступили доклады: 1337-й полк Бульбуляна соединился с полком Каданчика и вместе в упорном бою они отвоевали заводы «Пролетарий» и «Красный двигатель». Поступило и второе радостное донесение: 142-й и 327-й батальоны соединились с разобщенными подразделениями своей бригады и образовали сплошной фронт.

Даже из коротких эпизодов, приводимых мной, читатели видят — главная трудность в этой операции легла на плечи моряков и пехотинцев, которые высаживались десантом. Там каждый был героем. Можно много еще рассказать (и уже немало написано) о доблести и мужестве этих замечательных бойцов. Но я не могу расширять повествование, памятуя о главном своем намерении — рассказать о жизни И. Е. Петрова. Да простят мне это многие не упомянутые здесь герои и даже целые подразделения и части.

Генерал Петров, хотя и не летели в него пули и осколки, тоже был активнейшим участником этого сражения, и от его искусства зависел исход битвы — победа или поражение. Никак нельзя было допустить, чтобы жертвы, приносимые нашими бойцами и командирами, оказались напрасными.

Как же проявилось искусство Петрова на этой стадии операции?

Одна из особенностей талантливых полководцев — умение создавать и использовать резервы. В тех немногих исторических примерах,

которые я приводил выше, решающую роль в победном исходе играли резервы: у Ганнибала это была кавалерия, которую он пускал в дело в переломные минуты сражения, у Александра Невского в Ледовом побоище — засадные полки, которые изменили весь ход битвы и опрокинули прорвавшихся рыцарей.

Резервы создаются заранее, еще при планировании операции. Без резервов не воюют. В зависимости от соединений, которыми руководит командир, резервы бывают тактические (в дивизии, корпусе), оперативные (в армии), оперативно-стратегические (во фронте). Это, разумеется, весьма упрощенная схема, которую я привожу лишь для общей ориентировки читателей.

Создается резерв для решения задач, внезапно возникающих в ходе боя, операции: для наращивания усилий на решающем направлении, там, где наметился успех; для отражения контрударов противника; для обеспечения флангов и стыков; для уничтожения десантов, которые могут высадиться в тыл с воздуха или с моря; для замены частей, потерявших боеспособность. В общем, все неожиданности, возникающие в динамической схватке, полководец преодолевает резервами. Определить время, когда наступила пора для ввода резервов, не так просто: израсходуешь их раньше — противник вводом своих тебя одолеет, пошлешь с опозданием — не успеешь повлиять на ход боя, не остановишь покотившиеся назад войска. Кстати, «резерв» — слово латинское, означает оно «сберегаю», «храню». Вот это умение придержать часть сил, приберечь их для решающего момента, уловить, не пропустить этот момент — одно из тех чувств, которым обладает не каждый полководец, а лишь талантливый.

Планируя Новороссийскую операцию, генерал Петров сам создавал резервы и всем подчиненным напоминал об этом. А как он их мастерски использовал, я сейчас постараюсь показать.

На третий день боев ни на одном участке все еще не создались условия для ввода резервов, успех нигде не обозначился. Но и держать резервы в бездействии, когда нет успеха, тоже нет смысла. Как быть? Куда послать усиление? На плацдарм нечем: нет плавсредств. На сухопутные участки? Но там не прорвана даже первая позиция.

Петров знал тактику гитлеровцев: они умеют определить главное направление в сражении и, определив его, сосредоточить здесь все усилия. Одержав верх на главном участке, они добивают остальные части, теряющие устойчивость после падения основных.

Главным в «Голубой линии» был Новороссийск, сюда стянули гитлеровцы все силы. Петров решил дать здесь противнику решающий бой, перемолоть его войска умелым применением резервов и одновременно готовил удары 9-й и 56-й армиями по тем участкам, которые противник ослабит, посылая с них все что возможно под Новороссийск.

Вот как Петров осуществил этот замысел. С утра 13 сентября он приказал генералу Леселидзе ввести его резерв — 176-ю дивизию генерала Бушева с плацдарма Мысхако, а восточнее Новороссийска нарастить удар 89-й стрелковой дивизией полковника Н. Г. Сафаряна.

Кроме того, Петров из своего резерва передал в подчинение Леселидзе 55-ю гвардейскую стрелковую дивизию, но задачу ее командиру генералу Б. Н. Аршинцеву поставил сам в присутствии командующего 18-й армией. Задача эта в общих чертах заключалась в следующем: войти в бой из-за фланга 319-й дивизии и, наступая в направлении вокзала, соединиться с батальоном Ботылева, в дальнейшем вместе с 318-й дивизией наступать в направлении Мефодиевки. Для обеспечения успеха дивизии Аршинцева Петров усилил ее самоходным артиллерийским полком, истребительным противотанковым артиллерийским полком, инженерным батальоном и, кроме того, под-

держивал этот довольно мощный кулак армейской артиллерийской группой и авиацией 4-й воздушной армии.

Дивизия Аршинцева, ломая сопротивление врага, пошла вперед. Двинулась и дивизия с Малой земли. Ожесточенные бои опять длились целый день, рукопашные, кровопролитные схватки шли почти непрерывно, но решающего успеха не было.

Генерал Трусов доложил командующему фронтом:

— Противник тоже ввел в бой две дивизии — Сто двадцать пятую и Сто первую. Руофф понял нашу цель — добиться перелома.

Петров знал теперь — успех будет зависеть не только от введения резервов, но и от того, кто быстрее и точнее станет наращивать усилия.

— Что докладывает ваша воздушная разведка? Откуда подтягиваются резервы? — спросил Петров генерала Вершинина.

— Крупных колонн пока не наблюдаем.

— Если они появятся, сделайте вашей авиацией все, чтобы они не дошли до Новороссийска. Не подпускайте их как можно дальше к городу!

Чтобы еще больше усилить удар, Петров дает из своего резерва генералу Леселидзе 5-ю гвардейскую танковую бригаду полковника П. К. Шуренкова, усилив ее истребительно-противотанковым артиллерийским полком, одним стрелковым и одним инженерным батальонами. И опять Петров сам лично поставил задачу этому резерву.

К полудню Вершинин доложил Петрову:

— С севера к Новороссийску подходят четыре колонны пехоты с артиллерией.

— Я надеюсь на вас и на ваших летчиков, Константин Андреевич. Авиаторы сделали все, чтобы рассеять и не допустить к городу эти резервы.

Дивизия Аршинцева и танковая бригада Шуренкова между тем с упорными боями продвигались вперед. Свежие резервы Петрова делали свое дело. Чувствуя это, Иван Ефимович делает еще один решительный шаг — передает Леселидзе из своего резерва 414-ю стрелковую дивизию под командованием полковника Г. Г. Курашвили.

Теперь уже враг израсходовал свои резервы, надо было его добивать! Сопротивление гитлеровцев было отчаянное, но на всем фронте под Новороссийском наши войска уже продвинулись на три-четыре километра.

Командующий фронтом потребовал с утра 14 сентября завершить прорыв «Голубой линии» и развить успех в глубь Таманского полуострова. В решительное наступление посылались теперь 56-я и 9-я армии: ослабленный противник уже не сможет их удержать.

Не позволяя Руоффу опомниться, не давая передышки, Петров выбивал его армию с мощного оборонительного рубежа.

Последние часы были самыми трудными для десантников, четвертые сутки сражавшихся в полном окружении. Их осталось мало. Резервом у Ботылева и Райкунова были бойцы, раненные по три-четыре раза, — отлежавшись, передохнув, они снова и снова возвращались в строй, некоторых по их просьбе выносили, чтобы они могли вести огонь. Известного снайпера Рубахо — у него были перебиты обе ноги — переносили на плащ-накидке от окна к окну, и он, будучи несколько раз раненным, уничтожил 70 гитлеровцев.

И вот наконец с этими и другими группами соединились наши

наступающие части. Петров, услышав от Владимирского подробности о мужестве десантников, сказал:

— Никогда не было и нет моряков, равных по героизму нашим советским!

Западная и восточная группы войск Леселидзе упорно продвигались навстречу друг другу. Сдерживать их противнику больше было нечем. Понимая, что грозит окружение, гитлеровцы стали спешно отводить части из города.

— Бегут!— радостно доложил Петрову на рассвете командующий 4-й воздушной армией Вершинин.— Мои летчики хорошо видят — бегут!

Петров, наверное, впервые за всю операцию улыбнулся и попросил:

— Ну и дайте им в хвост и в гриву, Константин Андреевич!

— Дадим, товарищ командующий, за все дадим!

И действительно, летчики поработали на завершающем этапе на славу, нанеся огромные потери врагу.

16 сентября Новороссийск встретил утро снова свободным городом. Пять суток длилась операция по его освобождению, наверное, ни в какой другой операции не было так много рукопашных схваток; бились за каждую стену, за каждый угол и развалину дома. Со взятием Новороссийска «Голубая линия» была надломлена.

Позднее Новороссийску было присвоено звание город-герой — это был уже третий город, удостоенный такого высокого звания, в полководческой аттестации генерала Ивана Ефимовича Петрова.

Высокие правительственные награды получили все генералы, руководившие вместе с Петровым этой операцией. Сам Петров не был награжден. Верховный, видимо, ждал, пока будет выполнено указание Ставки о разгроме 17-й армии гитлеровцев и освобождении Таманского полуострова.

Военная наука отмечает наиболее характерные для Новороссийской операции черты: смелый и решительный замысел комбинированного наступления сухопутных войск и флота, хорошее планирование и тщательная организация, четкое взаимодействие всех родов войск, флота и авиации. Залогом успеха были героические действия личного состава армии и флота, воинское мастерство бойцов, командиров и политработников, их высокий боевой дух и самоотверженность, крепкая боевая дружба армейцев и моряков, перерастающая в настоящее братство. И все это, естественно, явилось не само собой, а было создано благодаря умелому руководству со стороны Военного совета и командования Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота.

Еще шли бои, но Петров, конечно же, не мог усидеть на НП, он отправился в освобожденный город. Адмирал Холостяков так рассказывает о первом деле, которое совершил командующий, ступив на горячую после боя землю:

«Мы не успели еще осмотреться в порту, когда Л. А. Владимирского и меня потребовал к себе генерал-полковник И. Е. Петров...

— Ну так кого из ваших орлов представляем к званию Героя?— сразу спросил командующий фронтом...

Л. А. Владимирский предоставил мне первому назвать достойных. Подумав немного, я начал:

— Капитан-лейтенант Ботылев, капитан-лейтенант Райкунов (это звание ему было присвоено Владимирским за десять минут до встречи с командующим фронтом.—В. К.), капитан-лейтенант Африканов, капитан-лейтенант Сипягин.

— Пока будет,— улыбнулся Иван Ефимович.

Л. А. Владимирский согласился с названными кандидатурами. Объяснять И. Е. Петрову, кто эти офицеры и чем отличились, не требовалось: очень памятный на людей, он уже знал всех четверых» (24, стр. 368—369).

Это высокое звание было присвоено также подполковникам И. В. Пискареву и С. Н. Каданчику (посмертно), майору А. И. Леженину, младшему лейтенанту В. А. Михайлову и старшине 1-й статьи, снайперу Ф. Я. Рубахо.

Командующему хотелось своими глазами увидеть доты. Далеко идти не пришлось. Их было множество. Петров подошел к одному, другому, стоявшим впритык к разрушенным зданиям. Осмотрел и ошупал более чем полуметровые бетонированные стены и сказал командующему артиллерией Сивкову:

— Вот видите, Аркадий Кузьмич, своим огнем вы поразрушили дома, а многие доты стоят целехоньки.

— Чтобы разрушить такой дот,— ответил Сивков,— его надо видеть и ударить прямой наводкой из стопятидесятидвухмиллиметровой пушки. В городе это сделать трудно. Артиллеристы вели огонь метко, нам казалось, что на данном участке все должно быть уничтожено, но укрепления с полуметровыми бетонированными стенами все же сохранились.

— Сохранились и находившиеся в них гитлеровцы,— сказал Петров,— поэтому по нашим солдатам велся такой губительный огонь.

Солдатский беспроволочный телеграф мгновенно разнес, что по городу ходит командующий фронтом. Петров подошел к группе солдат и моряков. Они сразу узнали Ивана Ефимовича. Завязалась беседа. Минут через пять вокруг собралось уже более сотни человек, большинство в белых повязках, прихрамывающие. Они ждали подхода водного транспорта для эвакуации. Командующий весь светился, с великим интересом слушая рассказы своих героических бойцов. Большинство говорили не о себе, а о делах товарищей. Наконец Петров сказал:

— Было очень приятно повидаться и поговорить с такими испытанными воинами. Все вы с честью выдержали испытание. Спасибо вам за победу. Всем объявляю благодарность. Уверен, что ваше командование представит вас к награде. Но враг еще силен. Лечитесь, поправляйтесь, я надеюсь встретиться с вами в новых боях. Будем добивать гитлеровцев.

Победа под Новороссийском была отмечена специальным приказом, который воздавал должное героическим войскам и увековечил их подвиг, присвоив особенно отличившимся частям наименование Новороссийских.

«ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Генерал-полковнику ПЕТРОВУ

Вице-адмиралу ВЛАДИМИРСКОМУ

Войска Северо-Кавказского фронта во взаимодействии с кораблями и частями Черноморского флота в результате смелой операции ударом с суши и высадкой десанта с моря после пятидневных ожесточенных боев, в течение которых разгромлены 73-я пехотная дивизия немцев, 4-я и 101-я горнострелковые дивизии немцев, 4-я горнострелковая дивизия румын и портовые команды морской пехоты немцев, сегодня, 16 сентября, штурмом овладели важным портом Черного моря городом Новороссийск.

В боях за Новороссийск отличились войска генерал-лейтенанта Леселидзе, моряки контр-адмирала Холостякова, летчики генерал-лейтенанта авиации Вершинина и генерал-лейтенанта авиации Ермаченкова.

Особенно отличились...» (365, стр. 32).

Дальше шло перечисление особенно отличившихся соединений, частей и их командиров, затем список частей, которым присваивалось наименование Новороссийских. Я надеюсь, что после моего, по неволе очень краткого, описания боев читатели вспомнят, в какие

решающие моменты сражения внесли свою лепту в победу эти части: 318-я стрелковая дивизия, 83-я Краснознаменная отдельная морская стрелковая бригада, 5-я гвардейская танковая бригада, 290-й отдельный стрелковый полк войск НКВД, 393-й отдельный батальон морской пехоты и другие стрелковые, авиационные, артиллерийские, флотские части.

Затем в приказе говорилось:

«Сегодня, 16 сентября, в 20 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим город Новороссийск, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

Кораблям Черноморского флота в это же время произвести салют двенадцатью залпами войскам и кораблям, освободившим от немецко-фашистского ига вторую базу Черноморского военно-морского флота — Новороссийск.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение города Новороссийск.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!
Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН» (35, стр. 34).

В воспоминаниях наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова есть такие слова:

«В день освобождения Новороссийска я был в Кремле. И. В. Сталин, довольный, слушал по радио звучный голос Левитана, читавшего приказ Верховного Главнокомандующего. Потом все мы наблюдали салют, Верховный улыбался.

— Хорошо поработали,— проговорил он, поглаживая усы» (22, стр. 305).

На узкой полоске земли на окраине Новороссийска, что тянется вдоль Приморского шоссе и железнодорожной линии, между цементными заводами и морем сейчас как реликвия Великой Отечественной войны стоит на высоком постаменте обыкновенный железнодорожный вагон. Собственно, это уже не вагон, а лишь его железный остов, весь изрешеченный пулями и осколками... На вагоне не осталось ни куска дерева! На этом своеобразном памятнике надпись:

«Здесь 11 сентября 1942 года доблестные воины частей Советской Армии и Черноморского флота преградили путь врагу на Кавказ, а через 360 дней во взаимодействии с морским десантом и частями с «Малой земли» начали штурм Новороссийска и 16 сентября 1943 года, разгромив фашистские войска, освободили город» (11, стр. 145).

Приведя эту надпись, маршал Гречко пишет дальше:

«360 дней держали здесь чудо-богатыри героическую оборону, поддержанные огнем кораблей флота. 360 дней — это почти год непрерывных, упорнейших боев, сотни отраженных атак. Это множество ярких эпизодов, раскрывающих мужество советских бойцов и командиров, их боевое мастерство, инициативу и находчивость» (там же).

Полностью соглашаясь с высокой оценкой мужества защитников Новороссийска, данной маршалом, хочу внести одно существенное дополнение, касающееся участия в боях за Новороссийск генерала Петрова. В 1942 году бои непосредственно за город шли с 19 августа по 26 сентября, то есть 39 дней и ночей, и, как видим, почти весь город был сдан. В эти дни Петров еще был командующим 44-й армией. В первых числах октября 1942 года Петров уже был командующим Черноморской группой войск и, следовательно, включился в руководство боями за Новороссийск. Вот и получается, что из 360 дней героической обороны Новороссийска более 300 дней этой обороной руководил Петров. И за эти 300 дней войска, оборонявшие окраины города, уже не отошли ни на шаг. Разумеется, главная заслуга в этом принадлежит мужественным защитникам города. Но, несомненно, сыграл положительную роль и севастопольский опыт Петрова.

Освобождение Тамани

Даже порадоваться победе у полководца нет времени. Петров осматривал еще дымящийся после боев Новороссийск, беседовал с людьми, а думы его были далеко от этих развалин, там, где продолжались бои трех армий. Противник просто так не уйдет с Таманского полуострова, прорвана только первая полоса «Голубой линии», или линии «Готенкопф». Дальше, в глубине, выстроено еще несколько позиций. Опять надо оценивать обстановку — где, какие силы врага, куда, как и когда бить. В общем, опять надо принимать решение. Причем на этот раз быстро, чтобы, как говорится, на плечах отходящего противника ворваться в следующую полосу обороны, пока враг не успел закрепиться, организовать систему огня.

Не буду описывать весь процесс этой очередной работы командующего, сообщу коротко суть принятого им решения, которое он сформулировал так:

— Продолжая наступление, упредить противника в выходе на тыловой рубеж обороны по рекам Кубань и Старая Кубань, перехватить пути отхода его главных сил к портам в западной части полуострова.

Если охарактеризовать это решение одним словом, то я бы употребил здесь слово «стремительность». Я говорил о том, что в такой обстановке казалось бы целесообразным врваться на плечах противника в следующую позицию. А Петров выбирает еще более энергичную форму маневра — упредить, то есть выйти на тыловой рубеж раньше противника! Прямо скажем, это дерзкое решение, если учесть, что противник был еще силен. Удастся ли упредить такого далеко не деморализованного врага? Но Петров верил в свои войска, показавшие высокие мастерство и боевой дух.

Мне хочется обратить внимание читателей на особенность военного командного языка, на его лаконичность и предельную ясность. Перечитайте, пожалуйста, решение Петрова на освобождение Тамани. Всего два десятка слов, а какой огромный смысл! Все сказано: что делать, как и куда наступать, где упредить, где перехватить противника и куда его не допустить после разгрома на тыловом рубеже. Поразительная четкость, предельная ясность, высший пилотаж в командно-штабном искусстве! Это дается не сразу и не каждому, вырабатывается многолетним опытом, подкрепляется талантом. И еще — чудом самого языка, позволяющего при глубоком знании его и умелом пользовании им создавать стихи, прозу или вот такое командирское творение, относящееся тоже к искусству, только военному.

Вообще язык — это безмерный океан возможностей, но выловить из него то, что нужно для конкретного произведения, не так просто. Если перенести эту метафору на мою работу и представить, что в мою сеть, забрасываемую в океан, попадают сплошь золотые рыбки шолоховского языка, то мне с ними в повести о делах военных просто нечего делать. Секрет шолоховского языка в его теме, в жизни его героев. Моя тема требует военного языка, мне нравятся краткость и точность, которые так блестяще проявились в решении Петрова, побудившем меня к этим рассуждениям.

Итак, Петров, приняв решение, определил его конкретных исполнителей, поставил задачи каждой армии, а сам, не выпуская из своих твердых рук четкое управление, резервы, артиллерию, авиацию, спецвойска, все, чем он может влиять на ход боев, тут же, без малейшей паузы приступил к осуществлению следующей операции на фронте от Азовского до Черного моря.

Здесь было бы очень полезно для ясного понимания происходящего взглянуть на карту. Таманский полуостров похож на огромную губку, пропитанную водой,— озера, плавни, лиманы, заболоченные берега рек, озер, лиманов. Прибавьте к этому осенние дожди, дороги и поля раскисли, проходимость для транспорта и войск резко снизилась. Это затрудняло действия и обороняющихся, но все же было им выгодно, потому что наступающим нужно продвижение вперед, а гитлеровцам — стабильность, чтоб не сдвинули с занимаемых рубежей. В том месте, где развернутся боевые действия, о которых пойдет разговор, ширина полуострова от Черного до Азовского моря чуть больше ста километров, а от фронта до Керченского пролива, то есть глубина расположения противника,— примерно восемьдесят километров и меньше.

Наступление развивалось на всех направлениях. Казалось, что вот-вот дивизии выйдут на оперативный простор и сделают резкий бросок вперед. Но это не удавалось, да и простора как такового не было, в глубине поджидали новые укрепления между озерами и лиманами. Противник сумел занять вторую полосу и организовать оборону до подхода наших войск. Упредить, ворваться на плечах не удалось. И опять надо организовывать прорыв обороны укрепленного рубежа.

В полосе 18-й армии гитлеровцы оказали особо упорное сопротивление. Двое суток тяжелых боев потребовалось нашим войскам, чтобы сломить здесь оборону и 19 сентября овладеть Верхнебаканским. Но и дальше рывка не было. Враг хорошо использовал местность и задерживал наступление. С трудом продвигались и войска 56-й и 9-й армий на центральном и приазовском направлениях. Это очень беспокоило Петрова, он понимал: несмотря на потерю противником ключевого пункта обороны — Новороссийска, а теперь и главной полосы обороны «Голубой линии», противник нигде не бежит, не отходит, а продолжает упорно драться, удерживает каждый выгодный рубеж. Но цель этих оборонительных боев для противника заключается не в удержании Таманского полуострова, а в выигрыше времени для эвакуации войск в Крым. Надо сорвать этот замысел немецкого командования!

Более удобная местность для наступления и наиболее короткий путь к Керченскому проливу — на центральном участке, в полосе 56-й армии. Рывок ее вперед решил бы задачу по срыву эвакуации вражеских сил, рассек бы таманскую группировку и ускорил ее разгром. Но у 56-й армии свои затруднения: здесь наиболее сильны вражеские укрепления и наиболее широко применены противотанковые и противопехотные минные заграждения. Все населенные пункты, дороги, мосты, тропинки, возвышенности усеяны огромным количеством мин. Но выбора не было! Генерал Петров передал 56-й армии несколько инженерно-саперных батальонов, большую часть артиллерии фронтового подчинения и все силы 4-й воздушной армии и потребовал от командарма Гречко ускорить наступление.

Понимая, что медленное прогрызание обороны врага позволит последнему осуществить эвакуацию в Крым и повлечет большие потери наших войск, Петров нашел способ обойти эти трудности. Он приказал командующим Черноморским флотом и 18-й армией 21 сентября высадить десант с моря в районе Чайкино и станицы Голубицкая, чтобы здесь перерезать дороги и не допустить отхода противника к проливу.

Утром 21 сентября корабли Черноморского флота ворвались в анапский порт, обстреляли берег и высадили десант морских пехотинцев, а войска 18-й армии — танковая бригада Шуренкова и полки 318-й и 56-й гвардейской дивизий — разбили врага в районе станицы

Раевская и подошли к Анапе. Удары с суши и с моря были для врага так неожиданны, что он даже не успел воспользоваться шестнадцатью стоявшими в порту судами, приготовленными для посадки на них войск. В Анапе танкисты и десантники истребили сотни метавшихся по улицам гитлеровцев, захватили 49 орудий, 180 пулеметов, 77 минометов, 4 тысячи винтовок и автоматов, 40 складов с различным имуществом.

Дальше 18-й армии пришлось наступать по узкому перешейку между морем и Кизилташским лиманом. Учитывая предстоящие ей трудности, Петров 22 сентября приказал командующим Черноморским флотом и 18-й армией высадить еще два десанта с артиллерией: первый (в составе 166-го гвардейского стрелкового полка 55-й гвардейской дивизии под командованием Героя Советского Союза подполковника Г. К. Главацкого и 143-го отдельного батальона морской пехоты) — на косе, близ станицы Благовещенская, чтобы отрезать врагу путь отхода по береговой кромке к проливу; второй (в составе 83-й морской бригады под командованием подполковника Ф. Д. Овчинникова) — в районе озера Соленое с задачей развить наступление на город Тамань, овладеть им и не допустить эвакуации противника из этого порта в Крым.

В ночь на 25 сентября десанты высадились в назначенных им районах. Десант Главацкого в 820 человек смелым броском разгромил противника в прибрежной полосе, вышел западнее станицы Благовещенская и отрезал врагу путь отхода на запад. Одновременно ударили туда же, на Благовещенскую, с суши войска 18-й армии. Совместными усилиями группировка врага в этом районе была полностью разгромлена.

Но тут наши части уперлись в Витязевский лиман. Командарм Леселидзе направил часть сил армии в обход его с севера, рассчитывая вместе с войсками, наступающими вдоль Черноморского побережья, окружить группировку врага в районе Тамани.

Не везде успех сопутствовал десантам. 83-я морская бригада в районе озера Соленое встретила укрепленный рубеж, занятый большими силами противника, и продвижение ее было задержано. Вскоре гитлеровцы сильными контратаками отбросили бригаду почти к самому берегу моря. Как только Петрову стало известно об этом, он приказал командарму-18 генералу Леселидзе и командующему Черноморским флотом адмиралу Владимирскому срочно перебросить в этот район дополнительные десантные силы в составе 103-й и 8-й гвардейской стрелковых дивизий, а командующему ВВС флота нанести ряд ударов по артиллерии врага в районе западнее озера Соленое. Уже 26 сентября эти бригады были высажены, и на подступах к Тамани разгорелись ожесточенные бои.

Интересный эпизод, связанный с высадкой десанта в этом районе, вспоминает адмирал Холостяков:

«Были минуты, когда закрадывалась мысль: не получилось бы тут, как под Южной Озерейкой в феврале... Решив, что командующий фронтом не простит мне, если не узнает вовремя, какая сложилась обстановка у озера Соленое, я дал радиограмму об этом на его КП.

А высадка продолжалась. Ни сорвать ее, ни отрезать высадившиеся части от моря врагу в конечном счете не удалось. Вклиниваясь в его тылы, десантники к утру овладели на этом направлении станицей Веселовка.

Когда общий успех десанта уже определился, до меня дошла через штаб 18-й армии телеграмма командующего фронтом. Он выражал удивление недисциплинированностью контр-адмирала Холостякова и требовал продолжать высадку во что бы то ни стало. Оказывается, кто-то на фронтовом КП понял из моего донесения, что она была приостановлена.

При первой встрече со мною после этого генерал-полковник Петров спросил:

— Та телеграмма, где я вас отчитал, при вас?

И размашисто написал на бланке: «Вопрос считать исчерпанным. Информирован был неверно. Ив. Петров».

Этот документ я храню до сих пор. Мне кажется, что он много говорит о человеческих качествах Ивана Ефимовича Петрова, о степени его уважения к людям» (24, стр. 374—375).

В ночь на 25 сентября и Азовская флотилия по приказу Петрова высадил два морских десанта на берегу Азовского моря: в Чайкино и восточнее станицы Голубицкая. Корабли подошли к берегу ночью, и десант высадился без выстрела. Но затем завязалась тяжелая схватка. Она длилась шесть часов. Десант одолел гитлеровцев и перерезал дорогу Темрюк — Голубицкая. А в районе Чайкино в это же время высадился 369-й отдельный батальон морской пехоты под командованием майора М. А. Рудя и вел напряженный бой с противником. Эти действия моряков отвлекли на себя часть сил противника из-под Темрюка и тем самым содействовали наступлению войск 9-й армии на город.

С рассветом летчики 502-го и 103-го штурмовых авиационных полков начали громить живую силу и артиллерию врага в районе Темрюка и Голубицкой и этим оказали десантам большую помощь в захвате и удержании плацдармов. Воспользовавшись помощью десантов, 9-я армия стала развивать наступление на Темрюк.

А на центральном направлении войска 56-й армии А. А. Гречко к 20 сентября форсировали реку Псебепс и стали штурмовать укрепленный рубеж, проходивший через станицу Варениковская на юг до станицы Раевская.

Начальник разведки генерал Трусов доложил Петрову:

— Командование семнадцатой армии поняло, что ему не удастся осуществить план «Кримгильда», предусматривающий планомерный отвод войск и эвакуацию их в Крым. Штаб этой армии срочно разработал новый план, предусматривающий ускоренную эвакуацию.

Учитывая это и помня старую истину, что осторожность и медленное развитие наступления к успеху не ведут, Петров потребовал от командармов смелее навязывать врагу свою инициативу, шире применять маневр силами и ускорить выход к Керченскому проливу.

Войска 9-й армии медленно продвигались вдоль азовского побережья. Командующий армией А. А. Гречкин, оправдываясь перед Петровым, жаловался на местность:

— Лучше горы, чем лиманы, плавни и топи. Негде солдату спрятаться от огня — всюду он мишень. Дожди залили, сверху вода, снизу вода, а надо тащить пулеметы, минометы, артиллерию...

Темрюк был превращен в мощный узел сопротивления на самом северном фланге «Голубой линии» и на побережье Азовского моря. Подступы к нему с востока и юга почти сплошь покрыты лиманами и плавнями, а между ними на небольших возвышенностях противник расположил множество закрытых огневых точек, минные поля, проволочные заграждения. Подойти к городу было сложно.

В ночь на 27 сентября полки 227-й стрелковой дивизии полковника И. В. Терехина и 276-й дивизии генерал-майора И. А. Севастьянова обложили Темрюк с двух сторон, а когда начался рассвет, ворвались в восточную часть города. Гитлеровцы пытались отходить на юго-запад. Но тут их встретили десантники со стороны Чайкино. Попав под огонь и удары с трех сторон, фашисты только небольшие подразделения сумели вывести из Темрюка.

Опасаясь быть отрезанными от переправ в Крым, гитлеровцы хлынули на запад, к портам.

Генерал Трусов докладывал Петрову:

— Колонны пехоты с артиллерией двигаются по дорогам на запад, к портам Кучугуры, Тамань, кордон Ильич.

Петров, радостный и возбужденный, приказывал командующему 4-й воздушной армией генералу Вершинину:

— Бросьте всю авиацию для бомбежки живой силы и техники на дорогах и в местах погрузки на суда в районах портов. Топите их, гадов, и при переправе через пролив!

Такие же приказы военно-воздушным силам Черноморского флота отдавал командующий флотом Л. А. Владимирский. И наши летчики работали с полным напряжением сил, совершая по пять-шесть боевых вылетов в день. Пословица гласит: «Как аукнется, так и откликнется». Вот здесь откликнулись фашистам наши беды первых месяцев войны! Сотни барж, катеров, лодок, различных мелких судов были потоплены в портах и в проливе, много самолетов, пытавшихся прикрыть эвакуацию, были сбиты нашими истребителями.

1 октября войска всех армий начали штурм последней укрепленной обороны на подступах к Керченскому проливу.

3 октября освобожден город Тамань. В ночь на 8 октября Черноморский флот высадил морской десант на косу Тузла и к утру очистил ее от врага.

Но на севере полуострова войска 9-й армии продвигались тяжело. Глубокий Ахтанизовский лиман, плавни и засевший на узких проходах противник сдерживали ее продвижение. Наступление здесь приостановилось. Командующий фронтом, чтобы избежать лишних потерь, вывел эту армию в резерв и приказал командарму 56-й А. А. Гречко повернуть фронт наступления армии на север — во фланг и тыл вражеским войскам, оборонявшимся против 9-й армии, — разгромить и не допустить их эвакуации. Это и было осуществлено.

8 октября шли последние суровые бои за порты Кучугуры и Веселовка. Здесь враг, прижатый к морю, был истреблен или взят в плен.

Из древнейших времен пришла поговорка «сжечь свои корабли» и более поздняя, но с тем же смыслом: уничтожить за собой мосты. По-разному объясняются эти поговорки старинными книгами. У Плутарха сказано, например, так: после падения Трои ее воины хотели спастись на кораблях, но женщины-троянки сожгли корабли и таким образом заставили мужчин сражаться. В другой книге рассказывается, что Сиракузы (город на острове Сицилия) были осаждены карфагенянами. Жители города защищались стойко под руководством правителя Сицилии Агафока. Когда стало ясно, что городу все же не устоять, Агафокл прорвался с воинами к морю и ушел с ними на шестидесяти кораблях. Он высадил свое войско в Африке. Чтобы до предела поднять решимость воинов, сжег на их глазах свои корабли: теперь все знали — пути для отступления нет. После этого Агафокл неожиданно появился под Карфагеном и взял его. Таким образом, карфагенское войско осаждало Сиракузы, а Агафокл занял столицу карфагенян. И то, что корабли были сожжены, несомненно побуждало воинов действовать с высочайшей энергией.

История с разрушением мостов связана с нашим соотечественником Дмитрием Донским. Он построил осенью 1380 года мост через Дон, переправил свое войско и приказал уничтожить мост, чем показал, что в схватке с врагом возможна только победа или смерть.

Лев Толстой в «Войне и мире» эту поговорку повернул несколько иначе, подчеркнув безвыходность положения зарвавшихся захватчиков: «Назади была верная погибель; впереди была надежда. Ко-

рабли были сожжены; не было другого спасения, кроме совокупного бегства, и на это совокупное бегство были устремлены все силы французов» (30, стр. 226).

То, что произошло в завершающих боях на Таманском полуострове под руководством Петрова, может, пожалуй, породить новый вариант поговорки, когда корабли сжигались вместе с армией захватчиков. Может быть, станут говорить так: не ходи войной на русских, они тебя сожгут вместе с кораблями! Время скажет свое слово. Главное дело сделано — победа одержана!

В 9 часов 9 октября Петров доложил Верховному Главнокомандующему о завершении разгрома таманской группировки врага и полном освобождении Таманского полуострова. Очень характерна для Петрова выразительность этого рапорта:

«На Кубани и Таманском полуострове не осталось ни одного живого немца, кроме пленных» (24, стр. 375—376).

В этот же день был издан приказ:

«ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
Генерал-полковнику ПЕТРОВУ

Войска Северо-Кавказского фронта ударами с суши и высадкой десантов с моря в результате многодневных упорных боев завершили разгром таманской группировки противника и сегодня, 9 октября, полностью очистили от немецких захватчиков Таманский полуостров.

Таким образом, окончательно ликвидирован оперативно важный плацдарм немцев на Кубани, обеспечивший им оборону Крыма и возможность наступательных действий в сторону Кавказа.

В боях за освобождение Таманского полуострова отличились войска генерал-лейтенанта Леселидзе, генерал-лейтенанта Гречко, генерал-майора Гречкина, генерал-майора Хижняка, генерал-майора Провалова, генерал-майора Сергацкова, генерал-майора Лучинского, летчики генерал-лейтенанта авиации Вершинина, моряки вице-адмирала Владимирского и контр-адмирала Горшкова.

Особенно отличились...» (35, стр. 57).

Дальше, как обычно в таких приказах, перечислялись номера частей и фамилии их командиров, особенно отличившихся в боях. Соединениям и частям присваивались наименования Таманских, Темрюкских, Анапских и Кубанских.

Тут мне хочется попросить читателей: когда вы будете смотреть по телевидению праздничную передачу 7 ноября, обратите внимание на то, что вот уже много лет после войны участвует в парадах на Красной площади гвардейская Краснознаменная ордена Суворова имени М. И. Калинина Таманская мотострелковая дивизия. Глядя на новое поколение солдат и офицеров, вспомните и славных бойцов, которые добыли этой дивизии наименования гвардейская и Таманская. Гвардейской она стала в числе первых четырех советских дивизий в боях под Ельней 18 сентября 1941 года. Командовал тогда ею полковник А. З. Акименко. При получении наименования Таманская ею командовал с августа 1942 до октября 1943 года генерал-майор Ф. В. Захаров. Вспомните и генерала Петрова, под чьим руководством она тогда воевала.

На этом завершилась битва за Кавказ. План «Эдельвейс» был перечеркнут полностью. Ликвидирован плацдарм, на который Гитлер до последних дней возлагал надежды, связанные с повторным походом на Баку.

Многие участники этих боев, рядовые и командиры, были награждены. Командующим 18-й, 56-й, 9-й и 4-й воздушной армиями

К. Н. Леселидзе, А. А. Гречко, А. А. Гречкину, К. А. Вершинину и другим были присвоены очередные звания.

Генерал-полковнику Ивану Ефимовичу Петрову присвоено высшее генеральское звание — генерал армии, он был награжден орденом Суворова 1-й степени. По статусу этим орденом награждаются военачальники, осуществившие в наступлении разгром превосходящих сил противника. Награждение генерала Петрова орденом Суворова 1-й степени было признанием его мастерства в наступательных операциях и навсегда снимало бытовавшее до этого неправильное мнение, что он оборонец.

Начальнику штаба фронта генерал-майору И. А. Ласкину присвоено звание генерал-лейтенант и вручена награда — орден Кутузова 1-й степени. Были награждены и другие работники штаба, но я выделяю Ивана Андреевича потому, что хочу привести ниже его горячие слова о Петрове, и пусть они послужат как бы итоговыми штрихами к портрету Ивана Ефимовича в период его боевой деятельности на Кавказе:

— Он имел светлый ум, умел мыслить по-государственному, глубоко анализировать обстановку, мгновенно схватывать существо оперативной ситуации, принимать продуманные и смелые решения, твердо руководить боевыми действиями многих сотен тысяч людей и не терялся перед лицом любого врага. Иван Ефимович избегал принимать крупные оперативные решения без предварительного заслушивания выводов из оценки обстановки и соображений штаба. Он считался с мнением крупных специалистов, высоко ценил их труд и видел в них своих надежных помощников. А мы — ближайшие его помощники, — ясно сознавая роль единой командирской воли, стремились умом и организаторской работой помочь ему в руководстве борьбой. Но, надеясь на серьезную помощь штаба, Иван Ефимович всегда сознавал свою особую роль и особую ответственность за судьбу сотен тысяч людей, за выполнение поставленной Ставкой задачи и поэтому надеялся прежде всего на самого себя. «Тот, кто отдает приказ на бой, на сражение, первым несет ответственность, первым подставляет голову за сохранение людей и выполнение задачи», — не раз говорил Иван Ефимович. И поэтому всегда все решения принимал на основе собственных глубоких размышлений. Ясным и глубоким умом военного руководителя и кипучей энергией он приводил в движение весь механизм войск и штабов и задавал ему тон. Хорошо известно, что если для солдата и офицера в бою нужны смекалка, смелость и дерзкие действия, то для такого крупного начальника прежде всего нужны глубокий творческий ум, высокомасштабная подготовка, мужество, сила воли и твердость в достижении намеченной цели. Поэтому он работал много, вдумчиво, творчески. Одаренный талантом художника, он любил и требовал от всех подчиненных иметь на картах ярко выраженную обстановку. И не раз говорил: когда на карте показана обстановка ясно, выразительно, то перед моими глазами прямо выплывают вражеские силы, которые подлежат разгрому; сразу видишь, откуда и куда лучше нанести наш удар, чтобы достичь успеха; а за каждым номером нашей части вижу его командира и наших славных солдат.

Иван Ефимович умел шутить добрыми шутками. Обладал тонкой наблюдательностью и поразительной памятью, особенно на людей, и давал точные портреты многим людям. Работая на фронте с этим человеком более года, я всегда видел в нем человека слова, дела, острого ума и чести. Пытливость у него была неиссякаемой! Хорошая была у него и внешность: красивое, выразительное лицо, проникновенный взгляд, энергичные жесты. Об одном я сожалел — у Ивана Ефимовича иногда не хватало времени засидеться на КП, чтобы вместе со шта-

бом до конца вырешить или уточнить отдельные оперативные вопросы. Он почти ежедневно с утра и до вечера находился в войсках, встречался с командирами разных инстанций и доходил до рядовых. Но винить его в этом нельзя, встреча с ними для него была внутренней потребностью.

Иван Ефимович высокопартийный человек, он был творцом высокого духа в своих войсках. Этот человек огромного трудолюбия мог сутками обходиться без отдыха, не требовал, даже избегал комфорта, мог спать и спал не: раздеваясь на кожаном диване, накрывшись шинелью, и часто ел из общего солдатского котла. Наряду с этим Петрова отличала интеллигентность, высокая внутренняя культура, корректность в общении и исключительная забота о людях.

Таков был полководец Иван Ефимович Петров.

И еще мне хочется добавить к сказанному генералом Ласкиным. Не каждый военачальник, занимающий крупный командный пост, может быть назван полководцем. Это не звание и не должность. Полководцем называют лишь того, кто благодаря определенным личным качествам, таланту выделяется среди других военачальников своего времени крупными победами над противником. Полководец, по понятиям буржуазных стратегов, это все, он главный, кто решает — победа или поражение. Советская наука считает: полководец одним своим талантом не может создать нечто такое, для чего еще не созрели соответствующие материальные условия и не подготовлена армия.

Да простят меня военные за то, что в подтверждение этого тезиса я приведу слова не военачальника, а русского писателя Добролюбова: «Не хотят понять, что ведь историческая личность (а полководец всегда историческая личность.— В. К.), даже и великая, составляет не более как искру, которая может взорвать порох, но не воспламенит камней, и сама тотчас потухнет, если не встретит материала, скоро загорающегося. Не хотят понять, что этот материал всегда подготавливается обстоятельствами исторического развития народа и что, вследствие исторических-то обстоятельств, и являются личности, выражающие в себе потребности общества и времени» (32, стр. 125).

Этим и объясняется, что в годы гражданской войны прапорщики и даже унтер-офицеры становились командующими армиями, фронтами и успешно громили царских генералов, потому что те не обладали уже искрами, способными зажечь войска, и войска, состоявшие из народных масс, уже не воспламенялись старыми, монархическими идеалами.

В годы Великой Отечественной войны наши полководцы и их армии были объединены, горели общей любовью к родине и стремлением изгнать фашистов с родной земли, и именно это определило нашу победу.

Некоторые итоги

Я не был участником битвы за Кавказ. И поэтому меня нельзя подозревать в слабости, свойственной авторам иных мемуаров, считающих, что те сражения, в которых они участвовали, оказали решающее влияние на достижение победы. Повторяю: я не участвовал в боях за Кавказ. Но я прочитал много книг, познакомился с сотнями документов, беседовал с очень многими участниками этой битвы. Как я уже говорил, мне думается, что битва за Кавказ пока не оценена по достоинству и значение ее не отражено в должной степени нашей художественной литературой.

Битва за Москву завершилась крахом гитлеровского блицкрига, она похоронила фашистскую идею молниеносной войны. Сталинградская битва была значительным вкладом в коренной перелом в хо-

де Отечественной и вообще второй мировой войны; Сталинград — это самая дальняя точка на нашей земле, куда дошли гитлеровские войска, и именно отсюда началось их изгнание. Курская дуга, как известно, была битвой, поставившей гитлеровцев перед катастрофой. Советское командование с этого времени полностью закрепило за собой стратегическую инициативу.

Все это правильно и справедливо. Но почему же битва за Кавказ не числится среди сражений, имеющих решающее значение? Гитлеровцы немного не дошли до Баку. А если бы были взяты нефтеносные районы, то продолжение борьбы из-за отсутствия горючего для танков, самолетов и другой техники стало бы невозможным.

Я предвижу горячие возражения по поводу такого предположения. Согласен: думать о поражении — кошунство. Но когда? В ходе боев, когда мысли такой не должно быть и все надо отдать достижению цели. Но теперь, спустя много лет, когда победа нами одержана, мы вправе говорить о всех трудностях и даже промахах. Цена нашей победы не снизится, а станет еще выше.

Если вспомнить, что для защиты Кавказа было выделено всего 7 процентов наших вооруженных сил, что, конечно же, было недостаточным, то катастрофа, которая нависла тогда над Кавказом, была почти неминуема.

Беду предотвратила благодаря мужеству и огромной организаторской работе наша партия, вовремя понявшая грозившую опасность, Центральные Комитеты Коммунистических партий Азербайджана, Армении, Грузии, обкомы Дагестанской, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской АССР и крайкомы Краснодарского и Ставропольского краев РСФСР. Эти партийные организации провели колоссальную мобилизационную работу и создали силы, которые отстояли Кавказ. Свыше половины общей численности коммунистов Азербайджана, Армении, Грузии влились в ряды Советской Армии. На одном лишь Закавказском фронте в середине июля 1942 года среди командиров и политработников насчитывалось 3259 грузин, 3736 армян, 1934 азербайджанца. В составе войск только Закавказского фронта насчитывалось 75 108 армян, 71 464 грузина, 66 161 азербайджанец. За короткое время были сформированы дивизии: 4 грузинских, 4 азербайджанских, 3 армянских, 11 смешанных дивизий, укомплектованных представителями многих кавказских народов.

Только в оборонительный период боев на Кавказе было награждено 19 300 воинов, представителей всех национальностей. Многие были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, среди них 41 русский, 14 украинцев, 4 белоруса, 5 грузин, 2 азербайджанца, армянин, дагестанец, черкес, кабардинец, лезгин, курд и другие.

Промышленные предприятия Закавказья и Кавказа были переведены на производство военной продукции: винтовок, автоматов, боеприпасов. Мирное население выходило для постройки оборонительных рубежей. Собирались средства для помощи Советской Армии. Все это позволило создать необходимые силы для обороны Кавказа и дало возможность Верховному Главнокомандованию в напряженные дни битвы на Волге направить резервы не на Кавказ, а под Сталинград и ускорить тем самым разгром трехсоттысячной группировки врага под Сталинградом.

А если это так, то все вышеприведенные цифры и факты подтверждают, что битва за Кавказ была самой лучшей и наглядной демонстрацией дружбы народов при защите нашего отечества. И в битве под Москвой, и в Сталинграде, и на Курской дуге, и во всех других битвах участвовали бойцы разных национальностей, но такого большого количества специальных национальных формирований, как

это было на Кавказе, ни в одной другой битве периода Великой Отечественной войны не было.

Вот поэтому битва за Кавказ должна войти в историю еще и как ярчайшее проявление дружбы народов и успеха национальной политики партии. Той политики, которая проводилась в предвоенные годы и вот теперь, в дни напряженнейшей борьбы, нашла такое яркое воплощение в конкретных делах по защите родины.

Гитлеровское командование возлагало особые надежды на разжигание национализма, на то, чтобы посеять рознь, натравить друг на друга, разобщить народы Кавказа, и предпринимало очень много акций для проведения в жизнь своей политики. Но эта национальная политика, как и авантюристическая военная доктрина гитлеровского командования, особенно наглядно и убедительно потерпела крах именно в боях на Кавказе.

Крах под Сталинградом и на Кавказе подрывал престиж гитлеровцев в глазах союзников. Турция, уже совсем было готовая вступить в войну с СССР, отказалась от своих намерений. С Японией произошло нечто похожее. В странах Ближнего Востока активизировалась народно-освободительная борьба.

Моральный дух резко снизился не только в воинских частях, но и среди верхушки гитлеровской Германии — на всех дохнуло холодом неотвратимого поражения.

Когда начинались бои на рубеже реки Терек в августе 1942 года, фашистская Германия находилась еще в полной силе: третий рейх владел Европой от Франции до Кавказа и от острова Крит до мыса Нордкап в Норвегии. И не случайно именно в это время верховное командование вермахта и фашистские руководители экономики торжественно заявили: теперь наконец имеютсь возможности обратить внимание на самую крупную и стоящую цель — овладение огромными нефтяными районами на Кавказе! Так было в августе 1942 года. А ровно через год советские войска добивали и вышвыривали с Таманского полуострова последние дивизии.

Битва за Кавказ похоронила самый далеко идущий и самый выношенный личный план Гитлера. Не случайно он принял на себя руководство всеми сухопутными войсками именно в этой операции на Кавказе. Это был единственный случай в практике фашистской армии, когда операцию планировал и ее проведение возглавлял сам Гитлер. Но все, что было достигнуто в ходе наступления летом 1942 года, все, что хотел осуществить Гитлер после захвата нефтеносных источников — завоевание Ближнего Востока и Индии, — все это рухнуло. Потеряв на юге около двух миллионов своих солдат, гитлеровцы были отброшены к Дону, в то исходное положение, откуда начиналась эта одна из крупнейших операций гитлеровцев на Восточном фронте.

И еще одно значение победы на Кавказе и над фашистской Германией вообще. Здесь была остановлена волна начатого нашествия на восточные страны варваров XX века — германских фашистов, мечтавших о мировом господстве. Россия несколько веков заслоняла Запад от порабощения монголами, чем спасла цивилизацию Европы. Даже захватив земли Руси, монголы побоялись идти в Европу, имея в своем тылу непокорившихся русичей. Разбив через полтора столетия в Куликовской битве Мамаево войско, Россия навсегда избавила Европу, ее народы, спасла ее культуру от нашествия варваров с Востока.

И вот в XX веке Советская страна, или, как ее называли на Западе, Россия, снова спасает — но на сей раз Восток — от нашествия фашистских вандалов. Ведь Индия, Иран, Ирак, Турция, не говоря о других государствах, уже заняли свои места на страте-

гических немецких картах, а их земли и богатства уже фигурировали в предварительных подсчетах трофеев. И вновь встала Россия щитом на пути поработителей. Фашисты стояли уже на пороге Востока! И битва за Кавказ сыграла историческое значение в судьбах народов Востока.

В это благородное дело генерал Петров внес свою лепту, о чем и было рассказано здесь. 1943-й был его звездным годом, в течение которого он получил все последующие за генерал-майором генеральские звания вплоть до генерала армии.

В одном из откликов на опубликованную первую часть этой повести доброжелательный читатель предостерегает меня, чтобы Петров не выглядел у меня какой-то исключительной личностью, и советует рассказать о других полководцах, а у самого Петрова поискать недостатки, которых не могло же у него не быть.

Разумеется, у Ивана Ефимовича были недостатки, и когда они проявлялись, например при проведении первой Новороссийской операции, я о них писал. Я не скрываю своих теплых чувств и уважения к Петрову, но не идеализирую его. Все положительные качества Ивана Ефимовича, о которых я пишу, видны из его конкретных дел, поступков и одержанных побед над врагом.

Что же касается других полководцев, современников Петрова, то, я надеюсь, их имена хорошо известны читателям. Я не пишу подробно о тех, кто был на других фронтах и не соприкасался с Петровым, но они, конечно же, одерживали не менее значительные, а порой и более блистательные победы. Талантливых полководцев в нашей армии было много, и генерал Петров стоит в их ряду как равный. Я мог бы привести в подтверждение этого многие авторитетные документы, но ограничусь самым последним, вышедшим в свет: в «Правде» 9 мая 1983 года в статье «Бессмертный подвиг» министр обороны маршал Д. Ф. Устинов называет И. Е. Петрова выдающимся военачальником в числе таких прославленных советских полководцев, как Г. К. Жуков, А. М. Василевский, И. Х. Баграмян, Л. А. Говоров, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. К. Рокоссовский, Н. Г. Кузнецов, И. Д. Черняховский и другие.

Поскольку в ходе описания операций я называл непосредственных противников Петрова по ту сторону фронта, давайте посмотрим, к чему привело их единоборство с ним. Первый командующий группой армий «А», вступивший с ней на Кавказ, генерал-фельдмаршал Лист успешно наступал 600 километров. Но дальше рубежа реки Терек продвинуться не смог, понеся здесь огромные потери, и за это был снят Гитлером со своего поста.

Фон Клейст, заменивший Листа, сделал несколько попыток прорваться к Баку, но безуспешно. Он был удостоен Гитлером звания генерал-фельдмаршала. Но все же поражения, нанесенные Клейсту, были настолько ощутимы и имели такие психологические последствия, что генерал-фельдмаршал закончил свою кавказскую кампанию так. 1 декабря 1943 года Клейст по его просьбе был принят Гитлером в ставке под Ангсбургом. После завтрака Гитлер провел фельдмаршала в кабинет и спросил, что его заботит. Клейст обрисовал тяжелую обстановку на фронте, неправильное использование резервов, несогласованность между отдельными частями гигантской военной машины, грозящие опасности в связи с готовящимся зимним наступлением Красной Армии и закончил следующими словами: «Мой фюрер, сложите с себя полномочия верховного главнокомандующего сухопутными силами. Занимайтесь внешней и внутренней политикой!» Гитлер мерил шагами кабинет, отвечал Клейсту торопливо, возбужденно, бессвязно. Нет, он не откажется от руководства вой-

сками! Причины всех бед он видел в том, что плохо исполняются его приказы. Потом, вдруг остановившись и словно приходя в себя, Гитлер жестко спросил, не Клейст ли еще летом заявлял кое-кому из правительства, что война проиграна. В его вопросе явно звучала угроза. Этого разговора Гитлер не забыл. Через четыре месяца Клейст получил орден и... отпуск для поправки здоровья. Это была отставка.

Командующий 17-й армией генерал-полковник Руофф после неудачных боев на Таманском полуострове был снят Гитлером, а на его место был назначен генерал-полковник Енеке.

Ну а сам Гитлер? Он ведь был главным руководителем боев на Кавказе, даже построил себе ставку в Виннице, чтобы быть поближе к месту осуществления своих заветных планов. Как чувствовал себя он? Оказали на него влияние уроки, преподанные здесь, на юге, Красной Армией?

Вот что пишет об этом начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Цейтцлер, назначенный вместо Гальдера:

«Бешенство Гитлера вызывали армии Восточного фронта в целом и особенно командующие армиями и группами армий. Теперь фюрер вел совершенно замкнутую жизнь, одиноко размышляя о своих подозрениях. Ни с кем из генералов он не здоровался за руку. На время обеда или ужина он предпочитал теперь уединяться. Когда ему надо было присутствовать на штабных совещаниях, он входил, холодно кланялся и, сердито нахмурив брови, выслушивал краткие доклады своих советников. Затем опять холодно кивал головой и покидал зал. Лист и Гальдер стали козлами отпущения за провал операции» (5, стр.156).

Гитлер удалился в свое «Волчье логово», находившееся в Растенбурге, самом дальнем углу нацистской империи. Кругом мрачный лес и колючая проволока. Йодль так пишет об этом месте:

«Там было много заборов и много колючей проволоки. На всех дорогах, которые вели к ставке, были установлены заставы, а в центре находилась так называемая «зона безопасности № 1». Постоянного пропуска в эту зону не имели даже сотрудники моего штаба (верховного командования.— В. К.); охранники обыскивали каждого офицера... За исключением военных сводок в эту святая святых из внешнего мира проникала только очень скудная информация» (28, стр. 379).

Конечно же, в ходе боев за Кавказ при невероятных нервных перенапряжениях в течение длительного времени генерал Петров тоже устал, но радость победы, награда, высокое звание порождали прилив новых сил. Они были очень нужны — впереди ждал освобождения Крым. Предстояла новая, еще более сложная операция, на сей раз уже не с преодолением озер и лиманов, а с форсированием широкого Керченского пролива.

Петров — один из немногих советских военачальников Великой Отечественной войны, которому довелось проводить крупные операции на морском побережье с участием сухопутных войск, флота и авиации. Многие большие и малые сражения начиная от обороны Одессы и до полного изгнания гитлеровцев с Кавказа проходили на морском побережье. Эти операции имеют свою специфику, а в организации и осуществлении, пожалуй, сложнее чисто сухопутных.

С первых боев за Одессу генерал Петров подружился с моряками, полюбил их за смелость и отвагу, братскую спайку, которая помогла выстоять в самых трудных испытаниях. Петров всегда с удовольствием встречался и беседовал с моряками. Он получал большое удовлетворение от этих бесед, у него улучшалось настроение, укреплялась уверенность в успехе предстоящего дела. Иван Ефимо-

вич знал и уважал многих адмиралов, морских офицеров и матросов, щедро награждал их орденами и всю жизнь с восхищением рассказывал об их исключительной храбрости, находчивости, умении не падать духом и шутить даже в самых критических обстоятельствах.

Трудно ли перебросить целую армию через такую широкую водную преграду, как Керченский пролив? Судите сами. Наши союзники США и Англия, имея огромный флот, не отважились на операцию с переправой через пролив Ла-Манш ни в 1941, ни в 1942, ни в 1943 годах. Они располагали всем необходимым для этого: кораблями, авиацией, армией. Правда, не было только одного, и очень важного, — желания осуществить эту операцию, помочь нам реально, как полагается союзникам.

Были ли раньше операции с такими трудными форсированиями? Через реки были. Даже через очень широкие. Но через морские проливы не помню. Во всяком случае, в военной истории нашей армии. Правда, в конце 1941 — начале 1942 года была проведена Керченско-Феодосийская десантная операция, но финал тех боев читателям известен по первой части повести, хотя само десантирование прошло удачно. И вот генералу Петрову предстояло осуществить эту труднейшую операцию. Причем обеспеченность его войск была далеко не такая, как у союзников: Черноморский флот и Азовская флотилия понесли значительные потери. В последней Новороссийской операции не хватало плавсредств для доставки подкреплений десантам. Как же переправить целую армию? На том берегу ждут укрепления врага не менее мощные, чем в Новороссийске. Там Керчь, превращенная в крепость, там береговые укрепления, которые строили лучшие инженеры рейха.

Фронт — это люди

Рассказывая об участии генерала Петрова в битве за Кавказ, я все время сталкиваюсь с замечательными героями, яркими личностями, с их славными делами, достойными подробного описания. Мне все время приходится сдерживать свое перо, чтобы не уйти от намеченной темы и чтобы повесть моя не разрослась до необъятных размеров. Постоянно помня, что Петров все боевые дела вершил не один, я стремился показать хотя бы его ближайшее окружение, обрисовать пусть в самых общих чертах характеры тех, кто был рядом. И конечно же, я в долгу перед теми, кто был на передовой, в огне боев, кто, собственно, и осуществлял замыслы Ивана Ефимовича. Он всегда испытывал к ним величайшее уважение и признательность, по-отечески любил, берег, насколько это возможно на войне.

У меня не хватало сил сдерживать себя, я пасовал перед величественной красотой этих людей и написал несколько портретов в главе «Фронт не линия на карте, а люди»: пулеметчица Нина Онилова, командир крейсера «Красный Крым» адмирал Александр Илларионович Зубков, Прокофий Павлович Саенко, своим взрывом уничтоживший много гитлеровцев и техники и потрясший самого Манштейна. Я говорил о счастливом для писателя времени, когда он может общаться с живыми героями, о том, что такая возможность, к сожалению, не вечна. И вот пока я работал над второй частью этой повести, пришло письмо от сына Зубкова, капитана 1-го ранга, он сообщил печальную весть: Александр Илларионович скончался и похоронен в Севастополе. Недавно умер и богатырь Саенко: остановилось сердце — или батарейка стимулятора подвела, или время пришло...

Всех этих людей очень тепло вспоминал Иван Ефимович.

Когда Петров стал командующим фронтом, круг близких ему

людей не только расширился, но и как бы повысился в званиях. И это естественно. Теперь ему реже удавалось бывать на переднем крае, хотя он постоянно стремился при малейшей возможности поговорить с солдатами и младшими командирами. Теперь ему чаще приходилось общаться с командующими армиями, флотами, командирами корпусов, дивизий, ну и, разумеется, с теми, кто был его начальниками,— представителями Ставки, маршалами и даже с самим Верховным.

Мне очень хочется познакомить читателей хотя бы с некоторыми из тех, кто был близок Петрову в период битвы за Кавказ. Их было много, разных по званиям и служебному положению, поэтому я останавливаю свой выбор на нескольких людях, взятых мною, так сказать, с разных ступенек служебной лестницы: командир корпуса генерал-лейтенант Иван Лукич Хижняк; командир дивизии, полковник, а позднее генерал-майор Василий Федорович Гладков; начальник штаба, командир полка, подполковник, а позднее генерал-лейтенант Дмитрий Степанович Ковешников. Причем выбор мой, как и в первом случае, падает на тех, кого близко знал не только Петров, но и я. Это поможет мне создать более достоверные портреты.

Описывая бои на рубеже реки Терек, я упоминал 11-й гвардейский корпус, которым командовали последовательно генералы К. А. Коротеев, И. П. Рослый, И. Л. Хижняк, М. Ф. Тихонов. Гвардейцы этого корпуса стояли насмерть и жгли танки на подступах к Грозному и Баку. Затем читатели встречали фамилию Хижняка при описании боев на «Голубой линии» и освобождении Таманского полуострова. Гвардейская Таманская дивизия, на которую я просил читателей обратить внимание в дни парада на Красной площади, сражалась в составе этого гвардейского корпуса.

Конечно, Хижняка знают многие — однополчане и односельчане, друзья, родные и близкие, жители городов, которые он освобождал от врагов. Но мне кажется, что этого мало. Пусть те, кто знал генерала только по фамилии, просто бегло скользил глазами по ней, встретив в книге или газете, узнают о его жизни и делах подробнее — он достоин этого.

Я познакомился с Хижняком в 1957 году. Он жил в Москве. Пригласил меня к себе домой. Пожилой, кряжистый, с кустистыми седыми бровями, из-под которых глядят мудрые глаза.

Мы сели к столу, раскрыли альбомы с фотографиями и повели неторопливый разговор.

— С чего начнем? — спросил Хижняк.

— С самого начала, Иван Лукич. С тех дней, когда вы впервые соприкоснулись с революционными делами.

— Ну, с революцией я соприкоснулся еще в пятом году. Жил я тогда в Ейске, работал в столярной мастерской. Рабочие не раз поручали мне расклеивать листовки. Кстати, в выпуске прокламаций в те далекие годы в Ейске участвовал и будущий известный писатель Федор Гладков.

Иван Лукич рассказывал негромко, не торопясь, а я, листая альбом, слушал и разглядывал выцветшие фотографии тех дней. В годы первой мировой войны молодой Иван Хижняк побывал на турецком фронте, был дважды ранен, затем попал на западный фронт. Не раз награжден за храбрость в бою, свидетельство тому фотография: Хижняк — георгиевский кавалер с лихо закрученными усами.

— Февраль семнадцатого года меня застал в тифлисской школе прапорщиков, — продолжал рассказ Иван Лукич. — Я уже был членом большевистского кружка, который существовал в школе. Читал нелегальную литературу, участвовал в спорах, беседах, выступал на митингах. После окончания школы прапорщиков опять попал на фронт.

В сентябре того года меня избрали председателем полкового комитета, а в декабре в Харькове вступил в партию большевиков. Партийный билет мне вручал Артем, который тогда возглавлял городскую парторганизацию. Харьков в те дни находился в руках петлюровцев, гайдамаков и эсеров. Когда из Петрограда прибыл отряд во главе с Антоновым-Овсеенко и Сиверсом, к нему примкнули и местные красногвардейцы. Я тогда командовал ротой. После освобождения Харькова Антонов-Овсеенко направил меня на Кубань, в Ейск для организации красногвардейских отрядов. В Ейске комитет РСДРП поручил сформировать отряд Красной Гвардии большевику Балабанову. Он был мой старый знакомый, рабочий, потом фронтовик. Меня назначили начальником штаба. Мы сформировали этот отряд и по указанию комитета РСДРП боролись с местной очень сильной контрреволюционной силой: белогвардейцами, казаками, монархистами, эсерами... Вскоре мы установили в Ейске советскую власть. По приказу Военно-революционного комитета я со своим батальоном выехал на защиту Екатеринодара от Корнилова. Там шли тяжелые бои. Город мы отстояли.

— После этого вы вернулись в Ейск?

— Да. Там вскоре произошел контрреволюционный мятеж, при подавлении его я уже командовал полком. Кстати, Ейск дал в те годы Красной Армии одиннадцать революционных полков и четыре батальона. В Центральном музее Ленина выставлена служебная книжка красноармейца на имя Владимира Ильича. Эту книжку вручила вождю революции в те годы специальная делегация от Сто девяносто пятого Ейского стрелкового полка. Однажды меня вызвали в штаб Батайского фронта, где я встретился с чрезвычайным комиссаром Юга России товарищем Орджоникидзе. Встреча произошла в вагоне. Были здесь Иван Кочубей и еще несколько командиров. Орджоникидзе расспросил нас о состоянии частей, о борьбе с контрреволюцией. Я чувствовал, что скоро нас перебросят на другой участок. И действительно, в июне по приказу главкома полк погрузили в эшелон, и мы прибыли на царцынскую железнодорожную ветку. Здесь бились с отборной офицерской бригадой Деникина, которой командовал Марков. Он был известен своей смелостью и жестокостью. В этом бою его бригада была разбита, а сам Марков погиб. В момент напряженных боев на наш участок прибыл Серго Орджоникидзе. Когда я докладывал ему обстановку, белые прорвались на участок батальона, которым командовал Сеница. «Твое решение?» — спросил Орджоникидзе. «Брошу туда резерв, открою артиллерийский огонь по вражеской коннице», — доложил я. «Правильно!» Я решил и сам поспешить в район прорыва, крикнул, чтобы дали коня. «И для меня коня!» — сказал Орджоникидзе. Я стал возражать: «Вам нельзя, товарищ чрезвычайный комиссар». «Я знаю, знаю. Быстро лошадей!» И мы поскакали к месту прорыва. Очень смелый, горячий и энергичный человек был товарищ Орджоникидзе. Он сам горел и всех зажигал революционной страстностью.

Иван Лукич помолчал, вспоминая, тяжело вздохнул: ведь многих, о ком он рассказывал, уже нет.

— Свела меня фронтовая дорога в те годы еще с замечательными пролетарскими командирами: Ковалевым, Ковтюхом, Жлобой, Книгой, Кочубеем. А вот эти фотографии пришлось много лет хранить припрятанными.

Он подал мне портреты Блюхера, Тухачевского, Гамарника, Егорова, Дыбенко, Примакова, Корка и многих других.

— Если бы узнали тогда, что вы их храните, могли быть неприятности.

— Да. Но я никогда не верил, что эти люди враги. И оказался прав.

Хижняк взял фотографию из другой пачки — на ней советский генерал, на груди его, кроме наших орденов, четыре Георгиевских креста.

— Василий Иванович Книга. В девятнадцатом году спас мне жизнь. Случилось это так. Я заболел тифом, лежал в госпитале во Владикавказе. Белые захватили город, а меня выдал предатель. Два раза выводили на расстрел, случайно остался жив. Перегнали из тюрьмы в тюрьму. В Ростове-на-Дону сидел в камере смертников, ждал расстрела. Это уж третий расстрел намечался, положение было почти безнадежное, но не попался я в лапы смерти и на этот раз! Первая Конная подошла к Ростову. Беляки заторопились, стали расстреливать прямо в камерах. Мы забаррикадировали дверь, не пускали в камеру палачей, но долго не продержались бы. Вдруг слышу — началась перестрелка и крик: «Выходите, товарищи!» Это кричал Василий Иванович Книга. Когда буденновцы захватили город, он со своим эскадронам бросился к тюрьме освобождать заключенных.

— А позднее приходилось вам встречаться с ним?

— Приходилось. Служили рядом в мирные дни и в годы Отечественной неподалеку были — Кавказ под руководством Тюленева и Петрова защищали.

Я попросил Ивана Лукича рассказать об Отечественной: где и как началась для него война?

— Двадцать второго июня сорок первого года я находился недалеко от западной границы, в городе Новозыбкове. Был я в те дни заместителем командира дивизии. Наша дивизия передислоцировалась в Новозыбков. Я приехал пораньше — осмотреть новое место, организовать размещение частей. В общем, когда грянула война, я оказался вблизи границы без войск, с несколькими командирами. Двадцать третьего июня меня назначили старшим воинским начальником жлобинского участка. Здесь и в Рогачеве были большие склады боеприпасов, продовольствия, горючего. Я получил приказ уничтожить склады. Очень жаль было уничтожить добро, но врагу оставить нельзя. Я пошел посоветоваться с секретарем горкома. Предложил раздать имущество воинским частям, сформировать и укомплектовать новые части Красной Армии. Мое предложение было одобрено...

С помощью городской партийной организации полковник Хижняк стал формировать воинские части, вооружал их, обеспечивал всем необходимым, выдвигал на рубежи обороны и сам руководил боем, преграждая путь фашистам. Нарком обороны высоко оценил мужество и инициативу умелого командира. Хижняк был награжден орденом Боевого Красного Знамени. После этих событий Хижняк был назначен командиром 117-й стрелковой дивизии. Она сражалась упорно, но вскоре оказалась в окружении. Со всех сторон наседали враги, а боеприпасы были на исходе.

У Ивана Лукича даже голос стал хриловатым, когда он рассказывал об этой трагической эпопее:

— Приказал я начальнику штаба выводить главные силы, чтобы сохранить их, а сам остался с отрядом прикрытия в сто пятьдесят человек. Я считал: раз командир здесь, то сила отряда увеличится, уверенность бойцов будет крепче. С этим прикрытием бились до

последнего. Дивизия была спасена. Когда нас в прикрытии осталось восемь человек, я был тяжело ранен пулеметной очередью в грудь...

Бойцы вынесли командира из окружения на носилках. Группу возглавлял старшина Шепелев. Лесами и болотами, голодные и обесилевшие бойцы все же выбрались к своим. Хижняка на санитарном самолете отправили в Москву. В воздухе на санитарный самолет напал «мессер», обстрелял и подбил его. Самолет упал. Но Иван Лукич остался жив! В бессознательном состоянии его направили в госпиталь.

Командование сделало все, чтобы спасти жизнь отважному командиру. Его лечил замечательный хирург Сергей Сергеевич Юдин. Поскольку Хижняк находился в тяжелом состоянии и было неизвестно, выживет ли он, в Наркомате обороны было высказано пожелание запечатлеть образ смелого полковника для потомков. Обратились к известному скульптору Вере Игнатьевне Мухиной. Она приступила к работе прямо в госпитальной палате, где лежал Хижняк.

— Я лежал без сознания, — рассказывал об этом Хижняк, — и вот однажды пришел в себя, вижу как в тумане: передо мной женщина в белом. Что-то надо мной колдует эта женщина. Я думал, что уже на том свете, сказал: «Сгинь, ведьма». Она смеется: «Я не ведьма. — Склонилась ко мне и говорит: — Я скульптор Мухина, делаю ваш портрет». Вот оно что! Радостно мне стало, но все же чувствую себя очень плохо. «Не до портретов мне сейчас». Она отвечает: «Я не буду вас беспокоить, просто буду смотреть и лепить. Это очень надо!» «Ну если надо — лепите».

Вера Игнатьевна работала над скульптурным портретом с вдохновением. Очень ей понравился командир, совершивший много подвигов и теперь страдающий от тяжелых ран. Творческий подъем у Мухиной был настолько силен, что она создала один из выдающихся скульптурных портретов и была удостоена за него в 1943 году Государственной премии. И сегодня стоит бюст Хижняка в зале Третьяковской галереи.

— Мы подружились с Верой Игнатьевной в те дни, позднее переписывались. У меня сохранились ее письма, вот почитайте.

Иван Лукич достал из ящика письменного стола стопку писем. Я раскрыл конверт и прочитал одно из писем Мухиной:

«26 июня 1942 г.

Дорогой Иван Лукич, очень была рада, что Вы не забыли и черкнули о себе. Радуюсь за Вас, что начинаете поправляться и раны заживают. Можете сами шинель надеть или еще нет? Я мое обещание не забыла и послала Вам фотокарточки недели через две, как Вы уехали. Так и думала, что письмо не дойдет, ведь говорят, фото посылать нельзя, но я еще раз попытаюсь. За это время сработала еще человека четыре, но Ваша голова, по-моему, лучшая, очевидно, потому, что была очень симпатичная модель! Как будто скоро мои вернутся: муж получил вызов в Москву. Пишите и будьте здоровы. Надеюсь увидеть Вас совсем крепким. Сердечный привет. В. Мухина».

— Сергей Сергеевич Юдин совершил чудо. Он буквально воскресил меня. С Юдиным я тоже подружился и переписывался.

Хижняк показал мне и письма Юдина.

Наш разговор прервала Нина Андреевна — жена и верный друг Ивана Лукича. Она подала нам чай и, увидев, что я читаю письмо Юдина, сказала:

— Сергей Сергеевич долго лечил Ивана Лукича, сам присутствовал на всех перевязках, увозил его с собой в Куйбышев, когда клиника Склифосовского туда эвакуировалась. Все же он поднял

его на ноги. Я учила Ивана Лукича ходить. Руки у него не действовали. Каждый палец мы с ним тренировали, разрабатывали. Ну ничего, окреп, стал двигаться. Хотели его уволить из армии на пенсию. Куда там! Не та у него натура. Здоров, говорит! Только на фронт поеду, больше никуда! О том, какой он «здоровый», знали. Мне разрешили быть при нем. Я ведь его каждый день перевязывала. Рана его еще не зажила, но подчиненные и не подозревали об этом. Он всегда был среди них в полном порядке. Только я знаю, чего это ему стоило.

То, о чем рассказывает Нина Андреевна, как раз и было на терском рубеже, днем Иван Лукич руководил боями, отбивая фашистские танки, а вечерами жена отпаривала ему присохшие бинты, перевязывала и готовила к бою на следующий день. Но об этом они никому не говорили. Боялись — отправят с фронта.

Позднее, вспоминая о боях на «Голубой линии», вот что сказал о Хижняке маршал Гречко (он был тогда командующим 56-й армией, куда входил и 11-й корпус): «Хижняк — смелый, решительный и волевой командир. Быстро оценивает обстановку и принимает решения. Энергично и настойчиво проводит их в жизнь».

Хижняк рассказал мне о прорыве одной из позиций «Голубой линии»:

— Мы решили обмануть врага, изменив обычный наш способ ведения боя. Шаблон в каждом деле вреден. На войне особенно. Потому-то мы и решили начать наступление не днем, не на рассвете, как делали раньше, а глубокой ночью. Мы отказались от артиллерийской подготовки. Основная задача возлагалась на пехоту — надо бесшумно подползти к траншеям фашистов, пустить в ход гранаты и штыки. А уж если дело дошло до штыка, против советского воина никто не устоит! Штык-батюшка не раз выручал русских чудо-богатырей, приносил славу нашему оружию. Мне и самому доводилось ходить в штыковую атаку в годы первой мировой войны, я знал цену русскому штыку. Доложили наш замысел командующему фронтом генералу Петрову. Иван Ефимович любил и сам преподносить врагу сюрпризы, он одобрил нашу затею. Накануне наступления мы провели занятия, потренировали солдат, подучили приемам штыкового боя. И вот третьего августа ровно в полночь поползли бойцы с запасом гранат, с примкнутыми штыками. Бесшумно подобрался к траншеям гитлеровцев и ворвались туда. Наша выдумка осуществилась блестяще! К рассвету мы овладели несколькими траншеями и уничтожили до двух третей состава вражеских подразделений! А с рассветом пошли в бой танки, артиллерия. Прорыв этой позиции удался...

И опять очередное ранение, опять госпиталь. Затем Иван Лукич был назначен заместителем командующего Закавказским фронтом.

После победы над фашистской Германией Хижняк по состоянию здоровья вынужден был уйти в отставку. Как ни тяжело расставаться с армией, но что поделаешь.

Но и на пенсии у Хижняка отдых чисто символический. Не может он сидеть без дела. Много лет Хижняк шефствовал над целинным совхозом «Ейский», причем шефство это было не условное, а самое реальное — доставал для них то лес, то инструменты для духового оркестра.

Много раз мы встречались с Иваном Лукичом и Ниной Андреевной. Я рассказал о нем в телепередаче «Подвиг». Иван Лукич написал книгу «Годы боевые». Упорно работал и через одиннадцать лет написал вторую книгу воспоминаний под этим же названием, в ней рассказано о боях на Кавказе под руководством И. Е. Петрова.

Сегодня уже нет среди нас генерала Хижняка. Он скончался в апреле 1980 года. Закончив эту главу, я позвонил Нине Андреевне, она с грустью сказала:

— Спасибо, это ваш подарок к его девяностолетию. Иван Лукич очень вас любил.

...Я отвлекся от главной темы повести. Но как обещал — о командире дивизии генерале Василии Федоровиче Гладкове, командире полка Дмитрие Степановиче Ковешникове расскажу позже, по ходу боев.

Бросок через пролив

Итак, в течение июля — августа 1943 года Красная Армия нанесла сокрушительное поражение гитлеровцам на Курской дуге. В конце сентября наши войска вышли к Днепру и форсировали его на широком фронте, захватив большие плацдармы на той стороне.

В первой половине октября Северо-Кавказский фронт завершил освобождение Таманского полуострова.

Вполне естественно, встал вопрос об уничтожении 17-й армии гитлеровцев в Крыму.

То, что такая задача встанет, генерал Петров предвидел еще в разгар операции на Таманском полуострове. Руководя этими боями, Иван Ефимович уже обдумывал план форсирования Керченского пролива и выработывал свое решение. Он поставил задачу начальнику разведки генералу Трусову — добыть данные о силах противника в Крыму и на море, о его обороне на побережье и в глубине, о резервах и замыслах.

С начальником штаба фронта Ласкиным командующий поделился первыми наметками плана и просил его в строгой тайне начать разработку операции.

В общих чертах замысел Петрова сводился к следующему: форсировать пролив на широком фронте, чтобы противник рассредоточил свои войска в борьбе с десантами и не мог наносить сильные контрудары.

Для осуществления такого форсирования требовалось много переправочных средств, и Петров дал указания командующим Черноморским флотом адмиралу Владимирскому и Азовской флотилией адмиралу Горшкову доложить, чем они располагают, и готовить как можно больше кораблей всех видов.

Но из доклада моряков выяснилось, что они не могут выделить кораблей столько, сколько необходимо для осуществления замысла командующего фронтом: многие корабли находились в ремонте, мелкие суда угнаны гитлеровцами в Крым при отступлении. Таким образом, с первых же шагов генерал Петров столкнулся с большими трудностями. Форсировать пролив надо, но не на чем. Поддерживать огнем десанты надо, но большая часть артиллерии не достанет врага на том берегу.

Задача на форсирование придет со дня на день, но наступила осень, море почти постоянно штормит, на имеющихся плавсредствах до берега не доберешься, утопишь десанты еще на подходе.

И опять начинаются мучительные поиски выхода из, казалось бы, безвыходного положения. Но пока идут разведка, рекогносцировки, Петров решил это время использовать для подготовки и обучения войск.

Учились все — штабы, командиры частей, войска. Отрабатывали погрузку, выгрузку и бой за овладение береговой полосой. Учились днем и ночью. И никто не проклинал Петрова, несмотря на усталость после недавних боев, все понимали, какое трудное дело предстоит, многие уже побывали до этого в десантных операциях, знали цену хорошей подготовки.

Сам Петров день и ночь носился на своем «виллисе». В порывшей, старой кожаной куртке, полевой фуражке, в разбитых постоянной ходьбой сапогах он, увязая в раскисшей от дождей земле, ходил и ходил по берегу пролива. Было холодно, дул пронизывающий до костей ледяной ветер. Над морем стлался рыхлый туман, крымский берег едва виден вдали мутной темной полоской.

Петров объехал всех командующих армиями, беседовал, советовал с ними. Особенно много времени уделял адмиралам Владимирскому и Горшкову как знатокам этих мест, повадок моря и, главное, средств и возможностей для осуществления переправы.

Бывая в частях, Петров приглядывался к командирам, кто в каком состоянии, подбирая тех, кому придется совершить первый, самый трудный и ответственный бросок.

Как он это делал, лучше всего расскажет генерал В. Ф. Гладков — один из тех, на кого пал выбор Петрова:

«Было это 25 сентября 1943 года. Я получил телефонограмму из штаба фронта: прибыть к генералу армии И. Е. Петрову. Первая встреча с командующим фронтом волновала. От товарищей я слышал о генерале много хорошего. Говорили, что это человек не только обширных военных познаний, опыта, но и большой души. Я не знал, по какому поводу он вызывает меня, командира 318-й дивизии, которая после боев за Новороссийск и Анапу была выведена в резерв фронта.

На командном пункте в лесу близ станицы Крымской дежурный провел меня в палатку командующего. Над рабочей картой, лежавшей на большом столе, склонился полный высокий генерал с чисто выбритой головой и рыжеватыми, опущенными вниз усами. Увидев меня, он выпрямился во весь рост, поправил пенсне и широко шагнул навстречу.

— А, товарищ Гладков! Так быстро доехали?

Я объяснил, что дорога прекрасная, сто километров ехал всего два часа.

Генерал любезно предложил сесть и сам сел рядом, окинув меня взглядом добрых глаз.

Командующий хорошо отозвался о действиях нашей дивизии при освобождении Новороссийска и Анапы.

— Звание Новороссийской ей не зря присвоено, товарищ Гладков. Это имя должно стать гордостью для всех солдат и офицеров. Правительственные награды, как получите, постарайтесь вручить в торжественной обстановке.

Затем И. Е. Петров перевел разговор на славную историю Малой земли, и я сразу насторожился, почувствовав: речь пойдет о главном!..

— Высадка десанта, — говорил командующий, — дело сложное. Оно требует от солдат и командиров особого мужества, инициативы, стойкости, готовности к любым случайностям. Вы это сами знаете по опыту Малой земли. Не хочу скрывать от вас: после овладения Таманским полуостровом нам придется форсировать Керченский пролив. К этому мы должны готовиться уже сейчас. Пролит — большое препятствие, преодоление его будет стоить немалых усилий.

— Буду рад, если доверите эту почетную задачу нашей дивизии.

— Ваш Тридцать девятый полк,— продолжал генерал,— вместе с частями морской пехоты участвовал в форсировании Цемесской бухты. Вот вам костяк будущего десанта в Крым. Используйте солдат этого полка в качестве инструкторов. Добивайтесь, чтобы люди не боялись воды, приучайте к самостоятельным действиям, поощряйте инициативу, воспитывайте у бойцов упорство и стойкость.

В заключение командующий предупредил: о нашем разговоре — никому ни слова. Все это пока предварительная наметка. С командующими армиями и на Военном совете вопрос о десанте еще не решался.

Прощаясь, И. Е. Петров сказал:

— Ну, желаю вам, Василий Федорович, успехов и здоровья. Здоровье в таком деле играет не последнюю роль, тут потребуются такая выносливость!.. Передавайте привет славным новороссийцам!

Много дум вызвала встреча с генералом Петровым. Конечно, взволновало доверие командующего. Петров ведь знал, что я всего неделю назад принял 318-ю, мне еще нужно вживаться в коллектив, «брать его в руки», на что генерал своими советами и нацеливал. Но самое большое впечатление оставила у меня в душе та часть беседы, которая касалась самой нашей дивизии. Несомненно, Петров верил, что она способна на такое трудное дело, как десант в Крым, и пояснил почему, назвав ее людей емким словом «новороссийцы»...» (31, стр. 3—5).

Хочу обратить внимание читателей на дату, когда Гладков был вызван к Петрову,— 25 сентября. В этот день части 56-й армии вели упорные бои в районе станицы Гостагаевская, в этот же день по приказу Петрова 18-я армия во взаимодействии с моряками высадила десант в районе Благовещенской, и бои там были очень напряженные. На всех участках фронта тоже шли ожесточенные схватки. А Петров, оказываясь, уже довольно детально обдумывает форсирование Керченского пролива.

Поскольку генерал Гладков в Керченской десантной операции стал одним из главных героев, да и в дальнейшем, например на Карпатах, будет служить под командованием Петрова, мне хочется познакомиться с ним читателей поближе.

Было ему тогда, на Тамани, сорок пять лет, послужил он в армии немало: в 1918 году добровольцем пошел в Красную Армию. В годы гражданской войны участвовал в боях в этих же местах, на Кубани и в Крыму, был награжден за отвагу и мужество именованным боевым оружием. Между двумя войнами прошел путь от командира эскадрона до командира бригады.

Я был знаком с Василием Федоровичем по делам литературным. После ухода в отставку Гладков стал писать мемуары, много лет посещал литературное объединение при Центральном доме Советской Армии. Руководит этим объединением и по сей день известный писатель Иван Григорьевич Падерин, также фронтовик, много повидавший и повоевавший офицер. По приглашению Падерина я не раз выступал перед членами литобъединения, делился своим писательским опытом. Надо сказать, это объединение отличается от многих таких организаций тем, что здесь собираются не начинающие, желторотые юноши, а в большинстве люди седые, прошедшие войну. Одним из таких был и Гладков. Мы встречались с ним не только на официальных занятиях, Василий Федорович посещал Дом литераторов, а потом выяснилось, что мы живем неподалеку друг от друга, на проспекте Мира — он у Рижского вокзала, а я у Колхозной площади. На прогулках вечером мы не раз с ним встречались. Вот из этих бесед с ним и, конечно же, из его книги «Десант на Эльтиген» я узнал о Петрове много интересного.

...И вот наконец у генерала Петрова полная ясность в вопросе о положении своих войск, о противнике, о всем необходимом для десантирования. Решение созрело.

И как оказался дальновиден Петров, проделав всю подготовительную работу еще в ходе боев за Тамань! 9 октября он доложил в Ставку о том, что «на Кубани и Таманском полуострове не осталось ни одного живого немца, кроме пленных», а 12 октября получил директиву Ставки. В ней Северо-Кавказскому фронту приказывалось подготовить и высадить крупный десант на Керченский полуостров, захватить оперативный плацдарм, чтобы потом развернуть с него наступление на запад и во взаимодействии с войсками Южного (в дальнейшем 4-го Украинского) фронта, который будет наступать с севера, через Перекопский перешеек, освободить Крым.

Вечером того же 12 октября свой нанесенный на карту замысел Петров доложил представителю Ставки Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко. Поскольку Семен Константинович и сам участвовал в рекогносцировке и не раз встречался с командующими армиями и флота, беседовал с И. Е. Петровым, то представленный замысел он полностью одобрил. Ночью решение командующего фронтом на проведение десантной операции было представлено в Генштаб, а 13 октября Ставка утвердила его.

Здесь я вынужден рассказать об одном трагическом эпизоде, поскольку он имел серьезные последствия для Ивана Ефимовича, хотя, как увидят читатели, никакой вины Петрова в этой беде не было.

В те дни, когда Петров проводил рекогносцировку и готовил войска к форсированию пролива, на Черноморский флот прибыл нарком Военно-Морского Флота СССР Н. Г. Кузнецов. О том, что произошло, я расскажу отрывками из его воспоминаний:

«Командующий Черноморским флотом распоряжением от 5 октября 1943 года поставил перед эскадрой задачу силами 1-го дивизиона эсминцев во взаимодействии с торпедными катерами и авиацией флота в ночь на 6 октября произвести набег на морские коммуникации противника у южного побережья Крыма и обстрелять порты Феодосия и Ялта, где разведка обнаружила большое скопление плавсредств. В набег были выделены лидер эсминцев «Харьков», эскадренные миноносцы «Беспощадный» и «Способный». Для их прикрытия выделялись все имевшиеся в наличии истребители дальнего действия. Перед выходом командующий флотом вице адмирал Л. А. Владимирский лично проинструктировал командиров кораблей» (22, стр. 325).

Далее адмирал Кузнецов излагает, как были потоплены противником все три наших боевых корабля. Каждый при желании может прочитать подробности об этом в его книге «Курсом к победе», от мечу лишь то, что имеет отношение к Петрову:

«На войне потери неизбежны. Но случай с тремя эсминцами ничем нельзя оправдать. Вернувшись в Москву, я со всей откровенностью, признавая и свою вину, доложил обо всем И. В. Сталину. В ответ услышал горький упрек. Он был справедлив. Обстрел кораблями побережья Крыма осуществлялся с согласия генерала И. Е. Петрова. Ему тоже досталось от Верховного. А больше всего, конечно, командующему флотом Л. А. Владимирскому. Урок был тяжелый — на всю жизнь» (22, стр. 327).

Я привожу этот случай для того, чтобы показать, в каком душевном напряжении приходилось работать в те дни Петрову. Получить в этом случае нагоняй от Верховного было делом не только неприятным, но и несправедливым. Операцию, в которой погибли корабли, задумал и проводил командующий Черноморским флотом. Во время ее проведения на КП командующего флотом был нарком ВМФ Кузнецов, он же представитель Ставки, то есть старший по отношению к Петрову и по должности и по званию. «Я был в то время на КП Владимирского. Командующий флотом старался чем мог помочь

кораблям...» — пишет сам Кузнецов. При чем же тогда Петров? «Ему тоже досталось от Верховного» — а за что? За то, что «обстрел кораблями по побережью Крыма осуществлялся с согласия генерала И. Е. Петрова»?

Тяжело было всем: погубило несколько сот замечательных моряков, три отличных современных боевых корабля, но Петров понимал — надо во что бы то ни стало перебороть горечь и создать у людей необходимое для операции боевое настроение. И он неутомимо проводит встречи, совещания, беседы. Для примера приведу несколько рассказов очевидцев. Вот что вспоминал В. Ф. Гладков:

«На рассвете к нам приехал генерал И. Е. Петров. Прошел по берегу, посмотрел, как идут тренировки. Похвалил солдат:

— Лихо атакуете. Давайте так же действовать на том берегу.

Командующий фронтом присел на обросший мхом камень, прислушался к рокоту прибоя.

— Шумит волна, шумит... Сколько тут, в этих местах, носит она мертвых гитлеровцев? Привирают фашисты, что им удалось вывести с Тамани свои войска. Эх, Тамань! Кто здесь только не воевал! Греки, гунны, хазары, монголы, турки. Белогвардейцев мы тут били, а теперь вот и фашистов приходится колотить.

— Да, тут каждый камень напоминает о войнах. Я смотрю на ваш орден Суворова, товарищ генерал, и вспоминаю — ведь и Суворов тут воевал, — заметил я.

— Видите ту высоту? — указал Петров.

— Вижу.

— Это и есть Фанагория, та самая знаменитая суворовская Фанагория, последняя крепость на кубанской земле. Суворов немало потрудился тут со своим кубанским полком — целых пять лет!

Мы подошли к группе солдат.

— Как идут занятия, товарищи? — спросил Петров. — Трудновато действовать ночью?

— Никак нет, товарищ командующий! — ответил сержант Толстов. — Мы помним слова Суворова, что тяжело в ученье — легко в бою.

— Да тут все орденосцы! Вы за что получили орден? — обращаясь к Толстову, спросил генерал.

— За Новороссийск.

— Он бронейщик у нас. На плацдарме в районе электростанции своим ПТР разбил в доте два пулемета, — сказал командир роты Мирошник.

— Что ж, товарищ сержант, и в дальнейшем желаю успеха...

Люди обступили командующего фронтом. Чувствовалось, генерал душой отдыхает в тесном солдатском кругу.

Потом мы поехали на встречу с маршалом. Офицеры уселись в автобус. Меня командующий пригласил в свою машину. Шофер осторожно объезжал свежие воронки. На обочинах дороги виднелись разбитые немецкие пушки и танки.

— О чем задумались, Василий Федорович?

— Мои мысли на той стороне пролива, товарищ командующий.

— Уверен, что у вас все будет хорошо. Конечно, задуманный план чрезвычайно труден. Главная беда, что сосредоточение наших войск в Тамани от немцев не замаскируешь. Но вот направление и места высадки можно скрыть. Это в наших возможностях. А ваше дело вцепиться в крымский берег и держаться...» (31, стр. 15—16).

А вот беседа с командирами, на которой был Ласкин и пересказал мне выступление Петрова:

— «Вам партия и народ доверили вести в бой людей. Это ответственное дело. Вы должны действовать полновластно и разумно. Выполняя задачу, всегда думайте о сохранении жизни людей. Чтобы поднять их в атаку, обеспечьте огнем, уловите и не упустите для

этого момент. Конечно, в бой идти всем немного страшновато. Но люди от природы разные, и страх у каждого проявляется по-разному. Один в какой-то момент дрожит от опасности, боится поднять голову из укрытия. В другом тоже проявляется это «немного страшновато», но в нем больше спокойствия и разумности. Такой всегда ищет противника и знает, когда нужно укрыться, когда сделать бросок вперед, когда произвести меткий выстрел. Третьи просто смелые люди, они легко пренебрегают опасностью и даже излишне бравируют на поле боя. Но без таких нет побед. Именно такие часто ведут за собой целый коллектив, в котором находятся. Именно смелыми определяется общий моральный настрой коллектива. И даже тот, кто в один из моментов бояся поднять голову, дрожал от опасности, в другой раз со всеми товарищами смело идет на огонь пулеметов. А если такой прошел через два-три жарких боя, то он уже переродился. И скажем так: страшновато бывает только на первых порах. А когда вошел в жаркий бой, то ненависть и чувство мести к врагу закипело до предела, и тогда о страхе не думаешь. Боец всецело думает о том, как побить противника, как выполнить задачу, а командир — еще и о сохранении людей...»

А кто был на сей раз противником Петрова? Какие задачи он получил, какие замыслы вынашивал? Генерал-полковник Руофф после неудач на Таманском полуострове был отозван. Как раз в те дни, когда Петров получил директиву на форсирование пролива, в командование 17-й немецкой армией вступил генерал Эрвин Енеке, бывший до этого начальником штаба 17-й армии. Так что он не был новичком на этом направлении. И вообще он старый служака: лейтенантом стал еще в 1910 году, в агрессивных походах Гитлера по Европе в 1939 году уже был генерал-майором. Вот несколько слов из аттестации в дни назначения Енеке на должность командующего 17-й армией: «Очень самостоятельный. Выраженный оптимист. Высокая оперативность».

В приказе от 4 сентября 1943 года за подписью Гитлера было сказано:

«Оборона Крыма должна быть организована непременно так, чтобы ни в коем случае не допустить прохода кораблей через Керченский пролив в Азовском море. Поэтому следует своевременно произвести необходимое блокирование и минирование этого пролива, а также поставить под обстрел достаточных сил артиллерии» (7, стр. 527).

Особо предписывалось командующему войсками в Крыму:

«Немецко-румынские войска должны удержаться в Крыму и образовать клин в тылу Красной Армии для возобновления германского наступления на Украине» (31, стр. 37).

Имелось в виду наносить отсюда, из Крыма, удары по флангу и тылу советских войск, вышедших к Днепру.

Генерал Трусов докладывал командующему фронтом последние сведения:

— Придавая важное значение Крыму, гитлеровское командование стремится усилить Семнадцатую армию, серьезно ослабленную в боях на Тамани, и спешно направляет в Крым подкрепления морем и по воздуху. Войска перебрасываются из Франции и Голландии. Особенно заметно идет усиление авиации. В настоящее время в Крыму двенадцать дивизий общей численностью до двухсот тысяч человек, семьсот пятьдесят артиллерийских орудий, восемьсот десять минометов, сто сорок танков. Непосредственно же перед нами на восточном

побережье Керченского полуострова обороняется оперативная группа — Пятый армейский немецкий корпус в составе четырех пехотных дивизий, две дивизии румын и до десяти отдельных частей. Общая численность группы достигает свыше восьмидесяти пяти тысяч человек, у нее имеется сто семьдесят пять орудий полевой и береговой артиллерии и до шестидесяти танков. Немецкое командование, обеспокоенное выходом войск Четвертого Украинского фронта к Перекопу и Сивашу и ожидая высадки десанта через пролив, стремится не допустить смыкания советских войск, наступающих с севера и востока, и принимает все меры к укреплению обороны в наиболее вероятных местах высадки наших десантов. На побережье создана система опорных пунктов, насыщенных огневыми средствами, опоясанных минами и густой сетью проволочных заграждений, установленных на берегу и в воде в нескольких десятках метров от берега. Кроме этого, вдоль всего побережья размещены противокорабельные подводные и надводные мины. В состав противодесантной обороны включены боевые корабли, базирующиеся в портах Керчь, Камыш-Бурун и Феодосия, всего тридцать семь торпедных и двадцать пять сторожевых катеров, шесть тральщиков и свыше шестидесяти быстроходных десантных барж. В малых кораблях враг превосходит нас и может серьезно препятствовать десантированию. Вывод: крупные немецкие сухопутные силы, занявшие оборону на укрепленном рубеже и выгодных высотах по восточному побережью полуострова, имея перед собой широкий пролив, взаимодействуя с морскими силами и поддерживаемые сильной авиацией, могут оказывать нашим войскам самое упорное сопротивление как при высадке десантов, так и в ходе борьбы за завоевание плацдарма. Упорное сопротивление гитлеровцев следует ожидать и в глубине полуострова, поскольку там они тоже подготовили три оборонительных рубежа.

— Ну а слабые стороны? — спросил Петров.

— Существенная слабость Семнадцатой армии заключается в том, что с выходом войск Четвертого Украинского фронта к Перекопу и устью Днепра армия оказалась блокированной, отрезанной от основных сухопутных сил и от глубокого тыла. Снабжение ее может осуществляться только по морским коммуникациям и по воздуху.

— Что и требовалось доказать, — заключил Петров. — Семнадцатая армия в мешке, из которого мы ее не выпустим!

27 октября, накануне высадки десанта, день был тихий, над водами пролива парили чайки. Но к полудню налетел ветер и погода стала резко ухудшаться. Пролит стал вздуваться, и по нему покатились волны. К концу дня загудели Азовское и Черное моря, шторм достиг шести баллов.

Петров, посоветовавшись с вице-адмиралом Л. А. Владимирским и контр-адмиралом С. Г. Горшковым, отложил высадку на три дня. Раньше, по докладам моряков, шторм не утихнет.

И действительно, в конце 30 октября ветер стал ослабевать. Синоптики-моряки предсказывали улучшение погоды.

Командующий фронтом решил начать десантирование в ночь на 1 ноября.

30 октября Петров вышел на западный берег Таманского полуострова и пристально вглядывался в пролив и крымский берег. Ветер еще трепал низкие тучи и гнал по проливу высокие валы, но все же шторм заметно утихал.

Вечером Иван Ефимович выехал в 386-й отдельный батальон моряков. Он знал, что этот батальон шел первым в голове десанта 318-й дивизии. Не снизилось ли здесь настроение в дни ожидания?

— Ну как, пойдём на Крым? — спросил командующий.

— А как же иначе, товарищ генерал? Надо взять. Столько готовились!

К полудню ветер утих. Шли на убыль и волны. Немедленно во всех пунктах началась погрузка тяжелого вооружения, боеприпасов на катера, самоходные баржи, мотоботы.

Командующий фронтом, член Военного совета фронта В. А. Баюков и начштаба Ласкин прибыли в район Темрюка на КП армии.

Командарм 56-й генерал К. С. Мельник и командующий Азовской флотилией С. Г. Горшков еще раз доложили Военному совету фронта о полной готовности войск и переправочных средств к десантной операции и о порядке выдвижения первого эшелона десанта.

Здесь, на главном керченском направлении, в качестве первого эшелона десанта для захвата в Крыму оперативного плацдарма должны были высаживаться части 11-го гвардейского стрелкового корпуса генерала В. Ф. Сергацкова: на участке Маяк — Жуковка 2-я гвардейская стрелковая дивизия генерала А. П. Турчинского, с которой в качестве штурмового отряда шел 369-й отдельный батальон морской пехоты, а южнее, на участке Опасная — Еникале, 55-я дивизия генерала Б. Н. Аршинцева. Через сутки в качестве второго эшелона оперативного десанта планировалась высадка 32-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием полковника Г. Т. Василенко.

Вслед за 11-м гвардейским корпусом должен был высаживаться 16-й стрелковый корпус под командованием генерала К. И. Провалова.

Петров не отказался от мысли растянуть силы противника. Для отвлечения внимания от главного направления на флангах основных десантов выбрасывались два демонстративных десанта: в районе мыса Тархан, на северо-восточном побережье Керченского полуострова, и в районе горы Опук, юго-западнее Эльтигена.

Когда наступила полная темнота, погрузка и посадка уже были закончены. В 21.00 десантные отряды на 150 судах, выделенных Азовской флотилией, должны были выйти в Азовское море, пройти по нему свыше тридцати километров, чтобы к 24 часам оказаться на линии старта кордон Ильич — коса Чушка, а затем броском устремиться через пролив к крымской земле.

На южном, эльтигенском направлении в эти часы проходила точно такая же работа.

Но опять неожиданно подул сильный и холодный ветер. За какие-то минуты небо почернело. Пошел дождь. На воде показались белые гребешки.

Позвонил командарм 18-й К. Н. Леселидзе и доложил Петрову:

— Ветер усиливается, море зашумело. Моряки запаздывают с подачей плавсредств, и посадка затягивается.

— Нажмите, Константин Николаевич, добивайтесь, чтобы десантные отряды вышли на старт к двадцати четырем часам, — потребовал Петров.

Позвонил командующий артиллерией фронта генерал А. К. Сивков:

— Артиллерийские огневые позиции на косе Чушка почти полностью оказались в воде.

— Можно ли вести огонь? — спросил Петров.

— Пока да, — ответил генерал.

Доложил и командующий Азовской флотилией контр-адмирал С. Г. Горшков:

— Азовское море и пролив уже разбушевались, а ветер продолжает усиливаться. Погода имеет тенденцию к ухудшению. Если так будет продолжаться дальше, то целесообразно еще раз перенести срок высадки.

— А если еще с неделю будет такая погода? На войне без риска не обойтись. Ведь уже четвертые сутки штормовая погода срывает нам операцию,— ответил Петров и тут же позвонил командующему Черноморским флотом Владимирскому.

Тот с предложением Горшкова не согласился:

— Шторма не будет. А если пролив и будет шуметь, то это усыпит бдительность противника.

Петров опять позвонил К. Н. Леселидзе. Константин Николаевич тоже докладывал:

— Погода становится хуже. Несмотря на нажим, график посадки поломался. Но если Владимирский считает, что шторм такой силы не опасен и усыпит противника, форсировать пролив будем.

Учтя мнения командующих 18-й армией и Черноморским флотом, непосредственно руководивших этим десантированием на эльтигенском направлении, Петров позвонил и сказал Горшкову и Мельнику:

— Будем высаживать десанты, больше откладывать и ждать нельзя.

И в 21 час на причалах у Темрюка прозвучала команда: «Полный вперед!» Первые корабли пошли в темноту, в Азовское море.

Когда штурмовые отряды десанта вышли в открытое море, волны стали бросать мотоботы во все стороны, угрожая перевернуть их. Суда стали трудноуправляемыми. Выдвижение десанта на исходный рубеж запаздывало более чем на час.

Иван Ефимович волновался, раздумывая о том, что же делать дальше. Но всегда остро чувствующий свою ответственность за выполнение задачи, он старался сохранить спокойствие. В этой сложной ситуации именно он не имеет права терять самообладание, выдержку, твердость. Командующему можно помогать, давать советы, пока идет выработка решения. Но когда оно принято, а тем более началось его осуществление, никто не сунется обсуждать это решение или не соглашаться с ним. И сам Петров ясно сознавал, что в таких ситуациях командующий должен рассчитывать только на себя. Именно ему надлежит преодолеть тяжелые сомнения, пережить сильное нервное напряжение, но он и только он сейчас руководит операцией.

— Шторм на Азовском море уже достигает более шести баллов. Это почти на два балла выше, чем на Черном,— докладывали синоптики.

— Уже...— сказал Горшков.— Значит, может быть еще сильнее?

— Не исключено и весьма вероятно,— ответили синоптики.

Иван Ефимович подозвал Горшкова и спокойно спросил:

— Ну как, Сергей Георгиевич, оцениваете обстановку на море?

— При таком шторме поход в море и через пролив крупным десантом на наших мелких судах считаю невозможным. Десант будет разбросан по морю, может не высадиться, неизбежны большие потери.

Вот так нелегко бывает порой полководцу из-за причин, казавшихся бы не имеющими отношения к делам воинским.

Выше я говорил о том, как в операции «Горы» дороги оказывали чуть ли не решающее влияние на ход боев. И вот теперь — погода! Но что бы ни мешало, полководец должен найти способ преодолеть трудности и привести свои войска к победе. На этом этапе битвы десант надо высадить на берег, а не на морское дно! Стихия оказалась сильнее желаний, приказа, техники — всего, что могли противопоставить ей люди.

И поэтому Петров вынужден был дать распоряжение Горшкову и командарму 56-й Мельнику вернуть десанты в исходное положение.

Ох, нелегко остановить и повернуть запущенный боевой механизм с сотнями кораблей, с войсками в 30 тысяч с лишком человек, с морскими и авиационными службами.

— Если мы сохраним людей и плавсредства,— сказал Петров Ласкину,— то задача все же будет выполнена, хотя и не в эту ночь.

Занимаясь решением задачи на главном направлении, Петров на какое-то время ослабил внимание и контроль за ходом дел в 18-й армии, на эльтигенском направлении. Он знал, что из-за нарушения графика погрузки и посадки войск и там выход десанта задерживался. Петров позвонил Леселидзе:

— Что и как у вас?

— Десант вышел в море с опозданием на два часа,— доложил Леселидзе.— По расчетам, передовые отряды через час должны выйти на исходный рубеж.

Петров проинформировал его о погоде на Азовском море, о положении дел с десантом 56-й армии и приказал вышедший на Эльтиген десант немедленно возвратиться в исходное положение.

Через полчаса Леселидзе докладывал:

— Гладков приказ на возвращение десанта получил. Но до его получения десантные отряды уже успели войти в пролив...

Дальше пусть рассказывает Гладков:

«Резкий ветер бил в лицо. Холодные брызги обдавали людей с головы до ног. Под ударами волн гудели корпуса перегруженных судов, шторм относил их от намеченного курса, но они упорно пробивались вперед. Изредка прожектор рассекал вдалеке своим огненным мечом темноту ночи, на мгновение освещал пенистые гребни. Поднявшись вверх, луч таял в тяжелых иссиня-черных тучах. «Осторожно! Идем через минное поле!»... На секунду похолодело сердце. Хоть бы скорее на берег! Хоть бы скорее начался бой...

Мы были уже близко к цели, когда наш плавучий отряд нащупали немецкие прожекторы. Нестерпимый свет ослепил меня. Заслоня ладонью глаза, я огляделся и увидел вокруг флагмана десятки катеров и мотоботов, баржи, плоты, поставленные на пустые железные бочки. Все это зарывалось в пенящуюся воду, вздымалось и падало на волнах, лавиной катилось к берегу. Лучи вражеских прожекторов вцепились в нас и не отпускали. «Ну, сейчас будет баня!» — мелькнула мысль.

С мотоботов, вырвавшихся вперед, взлетели красные ракеты — требование дать заградительный огонь. Тотчас позади нас полыхнул молниями родной берег Тамани. Над нашими головами с визгом полетели, ввинчиваясь в плотный влажный воздух, сотни снарядов тяжелой артиллерии. С Тамани слышался ровный сильный гул. Одновременно в небе зарокотали моторы. Летчики устремились к берегу Крыма, чтобы подавить вражескую артиллерию.

Мы с жадностью смотрели вперед. Берег перед нами пламенел. Там сверкали разрывы снарядов. Вставали и разламывались столбы дыма. Метались языки огня. Справа что-то ярко вспыхнуло и осветило окрестность ровным желтым светом. Очевидно, сна-

ряд поджег какое-то легкое строение или стог сена. «Огненная земля», — взволнованно произнес кто-то в темноте...

Внезапно палуба ушла из-под ног. В носовой части корабля мелькнула сначала тусклая, потом ослепительная вспышка. Взрыв. Кто-то крикнул. Пригнувшись, пробежали матросы. Потом они прошли обратно с носилками, на которых лежал человек, покрытый с головой черной шинелью.

— Кого убило?

— Капитана третьего ранга Сипягина...

К 5 часам утра штурмовые отряды на плоскодонных судах добрались до берега. С моря мы могли определить это по звукам стрельбы. Было слышно, как затараторили пулеметы немецких дзотов...

Я подошел к офицеру, заменившему Сипягина, и спросил:

— Когда начнете разгрузку катеров и барж? Когда высадите мой штаб?

— Не знаю, товарищ полковник. Высаживаться не на чем.

— Как не на чем?

— Плавсредства не вернулись.

Это была самая большая ошибка в плане десантной операции. Расчет был на плоскодонные суда: доставив передовые отряды, они должны были возвратиться и, курсируя между кораблями, баржами и берегом, высаживать в несколько приемов весь десант. Но большинство плоскодонных судов сразу вышло из строя. Некоторые погибли от огня, несколько подорвалось на минах. Эти неизбежные потери мы учитывали и предвидели. Мы не учли силу шторма: основную часть плавсредств штормовая волна выбросила на берег и разбила о камни. Высаживаться было не на чем...

Подошел морской офицер и сказал:

— По радио получен приказ: вернуть все корабли глубокой осадки в Тамань. Ложусь на обратный курс.

Корабли разворачивались и уходили.

Они уходили от крымского берега.

А там возле самой воды маячила чья-то фигура, потрясая руками над головой. На берегу видели, что корабли уходят. Что подумают высадившиеся бойцы?» (31, стр.28—31).

Вот так и произошло! Столько затрачено сил, на берегу бьется передовой отряд, а главные силы уходят от крымского берега!

Но и моряков здесь нельзя осуждать, им было очень нелегко. Вот первый доклад руководителя высадки десанта контр-адмирала Г. Н. Холостякова командующему фронтом И. Е. Петрову:

— В течение ночи высажено на берег около трех тысяч человек, восемнадцать артиллерийских орудий, много ящиков с боеприпасами. Высадив людей, суда, подхватив первых раненых, с рассветом возвратились в исходные районы — в таманские базы. Но из похода не вернулась почти половина плавсредств — мотоботов и баркасов. Одни из них погибли от артиллерийского огня, другие подорвались на минах, третьих штормовая волна выбросила на берег. Но больше всего — свыше тридцати единиц — погибло от артиллерийского огня и мин. А часть возвратившихся плавсредств получила повреждения и требует ремонта...

Гладков продолжает рассказ:

«Ранним утром 1 ноября катер причалил к пристани Кротково. У пирса стояла машина. «Скорее, командующий ожидает». Мы с Копыловым втиснулись на сиденья и вскоре были в Тамани.

Командующий фронтом принял нас спокойно. Будучи чутким и опытным руководителем, И. Е. Петров понимал наше состояние. Я попросил сообщить, что происходит на том берегу.

— Под утро майор Бершанская доложила, что ее летчицы видели десантников, которые успешно вели бой в Эльтигене. Затем один ваш отряд сам установил с Таманью радиосвязь. Постойте, запомняйте фамилию командира...

- Не Ковешников ли?— вырвалось у меня.
- Точно, он. Хорошо его знаете?
- Еще бы!
- Крепкий офицер?
- Он сделает все, что в человеческих силах.
- Ну тогда нам повезло.

Оказалось, что из трех штабных групп только одна была высажена на берег. Не высадился ночью никто из командиров полков. Воюющие на крымском берегу подразделения до сих пор не имели общего руководства боем. Я спросил, о чем радуется Ковешников. Командующий ответил:

— Он только требует: «Давай огня, давай огня!» Отбивает танковую атаку... Ну, пойдете посоветуемся. Маршал (С. К. Тимошенко.— В. К.) уже давно ждет.

Шагая за командующим фронтом, я напряженно думал о том, что происходит в эти часы на эльтигенском плацдарме. Раз там Ковешников, значит, по меньшей мере высадились батальон капитана Жукова — а это все опытные десантники — и морская пехота, шедшая в одном отряде с ним...

Маршал смотрел на карту, разложенную на столе. Рядом с ним стоял командующий 18-й армией Леселидзе. На карте чуть южнее Камыш-Бурунского мыса был заштрихован небольшой пятачок на крымском берегу. Передовые отряды 318-й дивизии зацепились за эльтигенский плацдарм. Уже несколько часов они вели тяжелый бой.

— Как люди?— спросил Тимошенко, когда мы с Петровым вошли в кабинет.— Выдержат до темноты?

— Уверен, что удержатся до вечера, товарищ маршал,— ответил Петров.

Для такого ответа у командующего фронтом были серьезные основания. Ситуация на плацдарме к тому моменту сложилась так, что береговая оборона противника была сломлена. Но днем о высадке нечего было и думать. Флотилия из сотни судов днем через пролив не пройдет — ее разобьют с самолетов.

«Сотня судов» не пройдет, а одно, может, проскочит,— подумал я. — Всю дивизию перевезти ночью, а управление — сейчас, днем». Я попросил разрешения посадить на мотобот командование дивизии и полков и перебросить на плацдарм. И. Е. Петров ответил, что это рискованно. Один снаряд — и всех командиров к рыбам. Маршал сказал, что действительно рискованно, но, пожалуй, другого выхода нет. Так и было решено...» (31, стр. 30—33).

Пока мотобот Гладкова, осыпaeмый бомбами с самолетов, снарядами и минами с берега, плывет через пролив, почитайте, что происходило на «огненной земле», где высадился десант. И рассказывает об этом тот самый Ковешников, о котором расспрашивал генерал Петров.

Дмитрий Степанович Ковешников сидит передо мной — он теперь Герой Советского Союза, генерал-лейтенант в отставке. Я уже писал, что Ковешников тоже воспитанник Петрова, мы с ним однокашники по ташкентскому Военному училищу имени Ленина.

Дмитрий Степанович не раз рассказывал мне о боях первого десанта на крымской земле да и вообще о своей долгой и замечательной службе. А сейчас я, желая освежить в памяти детали тех жарких схваток на плацдарме, позвонил Ковешникову, и вот мы сидим в его квартире в Давыдкове.

Дмитрий Степанович немного располнел, поседел, но глаза у него все того же веселого, бодрого, жизнерадостного лейтенанта, каким я его увидел впервые на выпускном вечере в 1939 году. Как я ему тогда завидовал! Я был еще курсантом, учился на первом курсе, а он командир с двумя рубиновыми кубарями в петлицах. Да не только я — все мы, салаги нашей роты, смотрели на выпускников с хорошей, доброй завистью. Все сто. Нас было ровно сто в роте. Сегодня я называю эту цифру с щемящей сердце грустью, потому что к 1945 году из ста я встретил в живых только троих, по нашим подсчетам, из выпускников роты уцелело не больше пяти-шести чело-

век. Какие это были отчаянно смелые, беспредельно преданные родине люди! И еще они были необыкновенно чистые и честные в нравственном отношении. Может быть, во мне уже говорит стариковское «а вот в наше время...». Но нет, я не преувеличиваю — уж такие были наши курсанты ташкентского училища предвоенных лет: сильные, мужественные воины и скромные, чистые душой, как девушки.

Об этом и о многом другом мы говорили с Дмитрием Степановичем, прежде чем перейти к рассказу, ради которого я приехал.

— Ну а теперь, Дима, про десант в Крым,— попросил я.

Ковешников заговорил не сразу, долго сидел молча — не то вспоминал, не то преодолевал ком, подступивший к горлу.

— Нас обнаружили примерно в трех километрах от берега. Ну, началось! Сначала пулеметы и минометы открыли огонь. Затем вспыхнули огни прожекторов, осветительных ракет и стала прицельно бить артиллерия. Ужасное состояние! Ни уклониться, ни в землю вгрызться невозможно. Видишь, как огненные трассы крупнокалиберного пулемета летят в наш мотобот, и ничего не можешь поделать. Мы прижаты один к другому, как в трамвае. Мчались на полном ходу к берегу — навстречу пулям: спасение только там! Да и задача была — зацепиться... Не доплыли до берега метров двести — суда сели на мель, ни вперед, ни назад. Дал команду прыгать за борт. Выбросились, а вода холоднющая! Уже ноябрь начался. Глубина кому по шею, кому с головой. А волны всех накрывают. Ну, бредем изо всех сил к берегу, оружие над головой. Подошли поближе, мы — «ура!», моряки — «полундра!», и кинулись на гитлеровцев. Надо сказать, погоду мы хоть и ругали, но все же она нам помогла — не ждали нас фашисты в такой шторм. Вижу, некоторые в нижнем белье бегают, одеться не успели. В эти первые минуты твой коллега писатель Борзенко особенно отличился. Настоящий герой! Мы его сначала встретили скептически — корреспондент, морoka с ним. Отличный мужик оказался. Он с первыми десантниками в воду прыгнул. Выбежали на берег, а тут колючая проволока, мины. Заминка произошла. Борзенко же майор, увидели бойцы его погоны, не знают, что он журналист, кричат: «Что делать, командир?» Ну, он не только писатель, и офицер был настоящий, боевой. «Саперов ко мне!» — кричит. И появились саперы. «Резать проволоку!» — приказал Борзенко. И все это под огнем, справа и слева убитые и раненые падают. Прорезали саперы проход, но говорят: «Там мины могут быть». Борзенко понимал — медлить нельзя. Решают секунды. Крикнул: «А черт с ними, с минами, хоть проход очистим! За мной!» И побежал. Потом он по-настоящему руководил боем на этом участке... Ну, вцепились мы в берег. Очистили от гитлеровцев Эльтиген. Я огляделся — нет командования: ни дивизионного, ни одного командира полка, пока один я — начальник штаба полка. Что делать? Кто будет руководить боем? Без руководства нельзя. И так, вижу, дело идет не очень организованно, одни по поселку пошли, другие куда-то влево. Принять командование на себя? Но мне всего двадцать три. Будут ли меня слушаться? Но там такими тонкостями заниматься было некогда. Так, лишь мелькнуло в голове. Принял я на себя командование. Разослал офицеров выяснять кто где. Смотрю — дело пошло, командиры подразделений связанных с донесениями прислали. Оценил обстановку, понял: на ровном месте и в поселке нам не усидеть. Скоро контратаки начнутся. Будут нас немцы выбивать, в море сбрасывать. Надо во что бы то ни стало овладеть высотами за Эльтигеном, там траншеи гитлеровцев, в них можно будет закрепиться. Рота капитана Мирошника первой ворвалась на эти высоты. За ним рота Тулинова тоже выскочила на холмы левее Мирошника. Когда гитлеровцы опомнились и пошли на нас с танками, мы уже были готовы их встретить. Дали прикурить! Подожгли несколько танков из

ПТР. Организовал я КП, связь на плацдарме. Радиостанцию обнаружил — стали связываться с Большой землей. Очень хорошо поднимал боевой дух оказавшийся здесь, на берегу, замполит полка майор Мовшович. В общем, навели мы порядок, люди почувствовали упорядочение, ободрились и стали действовать увереннее.

Ну, естественно, противник скоро выяснил и что нас не так уж много, и что мы одни на крымской земле, другие десанты ведь не высадились. Вот и началась наша веселая жизнь. И бомбили нас, и контратаки танков и пехоты одна за другой. Спасибо генералу Петрову, он сам подбадривал нас и поддерживал огнем артиллерии и авиацией. Если бы не эта поддержка, смяли бы немцы десант... Видел ты, конечно, на фронте единоборство человека с танком. А вот у нас на плацдарме оно было просто массовым. Артиллерии нет. Отбивать атаки нечем. Только ПТР и гранаты. Но танки есть танки, они лезут, и не так просто их остановить. Когда стало совсем не под силу, отошли мы немного назад, за противотанковый ров, который был у нас в тылу. Очень помогала наша артиллерия из-за пролива, снаряды свистели над головой, а для нас этот свист лучше любой музыки. Генерал Леселидзе, командарм нашей Восемнадцатой, передал мне по радио: «Додержитесь до темноты. Днем пройти через пролив невозможно. Надеемся на вашу отвагу и мастерство». Ну и держались. Раненых было много. Кто мог оставался в строю. Кто немог, тех снасти к берегу, готовили к эвакуации. Вскоре немцы, видно, подбросили свежие силы. Они понимали: надо сковырнуть, пока нас мало, не допустить, чтобы на этот плацдарм другие высадились. Пошли на нас атаки волнами: одна линия — пехота с танками, за ней метрах в трехстах — четырехстах другая, тоже пехота и танки, еще дальше третья... От одного вида такой махины душа в пятки уходит. Били мы их сколько могли. Но в конце дня оттеснили они нас к самому берегу, к обрыву. Оборонялись мы уже на пяточке вокруг своих раненых. Вижу я, дело плохо. Не удержим плацдарм. На нас на Большой земле так надеются, а мы подведем. Собрал я «малый военный совет»: замполита Мовшовича, капитана Жукова, капитана Белякова, корреспондента майора Борзенко, командира минометной роты Цикаридзе, комсорга Алексеева, ну и других, кто при штабе. «Надо, — говорю, — посоветоваться, что будем делать. Останемся на этом пяточке — и нам смерть и плацдарму конец». «Ну а что предлагаешь делать ты, командир?» — спрашивали они меня. «Нужна одна, но решительная контратака». Со мной согласились. Распределил я офицеров, а Мовшович — коммунистов и комсомольцев, чтобы атаку эту хорошо подготовить. С ранеными поговорили, вернулись в строй, кто мог двигаться. Когда все было готово, я дал сигнал, и мы кинулись вперед.

Ковешников посмотрел на меня спокойным взглядом, но я чувствовал, что он очень волнуется.

— Ну ты знаешь, что такое атака. Не раз ходил. Но ты ходил после артподготовки, да еще со своими танками. А мы пошли на сухую — ни того, ни другого. Шли в рост, лишь бы побыстрее до рукопашной. А там уж мы не уступим, хоть и обессилели после ночного купания в холодной воде и дня напряженного боя. Я верил и знал — в рукопашной наши ребята ни за что не уступят! Как выдали «ура» и «полундру», так немцы, не ожидавшие от нас такой «наглости», дрогнули и попятились. Они думали, что нам хана, а мы их бить идем!.. Ну и били, били мы их от души! Но не успели мы закрепиться, их, конечно, погнало офицеры назад, на нас... Наверное, это был для меня самый трудный день войны. Хотя и прежде и потом тяжелых боев пережил я немало... Ну а тут вскоре комдив Гладков прибыл. Доложил я ему: так, мол, и так, все в порядке, плацдарм держим...

Разумеется, Дмитрий Степанович рассказывал мне гораздо подробнее, особенно много говорил о своих боевых друзьях.

Петров, как это будет видно в дальнейшем, минуя корпусные и армейские инстанции, лично руководил боем десанта. Иначе он поступить не мог, когда дело касалось жизни или смерти его боевых товарищей. Он понимал критическое положение высаженных войск. Удержать плацдарм, когда там мало сил, когда нет артиллерии и танков, совсем не просто. В этих условиях лучшей поддержкой эльтигенцам была бы скорейшая высадка крупного десанта на главном направлении — под Керчью. Но не позволяла погода. Со стихией не поспоришь, ее не исправишь. Азовское море и Керченский пролив, особенно в северной его части, где должны идти суда с десантом, продолжали бушевать в полную силу. Шторм доходил до восьми баллов. Петров сам видел эту взбунтовавшуюся стихию и понимал — запускать в море крупный десант невозможно. И все его внимание приковал Эльтиген, нуждающийся в помощи.

Наступала темнота. По плану в ночь на 2 ноября на этот плацдарм должна была высадиться еще одна дивизия 18-й армии — 177-я стрелковая. Но потери плавсредств за первую ночь не позволили этого сделать. Контр-адмирал Г. Н. Холостяков смог отправить от Тамани только один стрелковый, один артиллерийский полки и другие подразделения, всего свыше трех тысяч человек, плюс боеприпасы и продовольствие.

Фашисты, стремясь не допустить новой высадки на плацдарм, пускали с самолетов осветительные ракеты на парашютиках над берегом и проливом, и врагу удавалось накрывать огнем плавсредства на переходе и в местах разгрузки. Шел ожесточенный бой на суше и на море. Десантники опять потеряли 30 единиц плавсредств, но подкрепление на плацдарм было высажено, и Гладков тут же ввел его в боевой порядок. Однако враг продолжал подбрасывать сюда резервы и вскоре после тяжелых боев танками и пехотой потеснил наши подразделения.

С утра Петров ожидал новых сильных ударов по плацдарму и поэтому попросил Вершинина держать наготове авиацию. И он не ошибся. В 8 часов противник открыл по плацдарму сильный артиллерийский огонь, а вскоре показалось до 30 бомбардировщиков. Но тут же над плацдармом появились наши истребители. Они вступили в борьбу с бомбардировщиками и прикрывающими их «мессерами». Часть бомбардировщиков все же смогла бомбить плацдарм, а вслед за первой их группой подлетела вторая. Было ясно — противник решил уничтожить десант. Вскоре началась атака танков и пехоты. Тогда через пролив понеслись наши штурмовики «ИЛы». Снижаясь почти до земли, они штурмовали наступающего противника. Тут же с таманского берега ударила дальнобойная артиллерия. Гладков докладывал, что удары нашей авиации и артиллерийский огонь были очень удачными. Наступление врага остановлено...

— Что у вас нового? — спросил Петров начальника разведки.

— Получил сообщение агентуры: первого ноября в район Багерово (пятнадцать километров западнее Керчи.— В. К.) приезжал командующий Семнадцатой немецкой армией генерал Енеке и провел совещание с руководящим составом Пятого стрелкового корпуса. Енеке указывал, что севернее Керчи ожидается высадка другого нашего десанта, поэтому в данное время надо сосредоточить все силы для удара на Эльтиген. Он выразил уверенность, что второго ноября этот десант будет уничтожен, и дал на этот счет конкретные указания частям. К плацдарму подвозят новые резервы из глубины...

Командующий фронтом вновь и вновь требовал от командарма 18-й К. Н. Леселидзе и от командарма 4-й воздушной К. А. Вершинина, чтобы они всей мощью артогня и всеми силами авиации продолжали наносить удары по резервам и наступающим частям противника, чтобы сорвать его замысел.

2 ноября противник предпринял около 20 атак пехоты и танков на плацдарм. Но наши сумели отразить их и удержать свои позиции.

В этот день Петрову стало известно, что войска соседнего 4-го Украинского фронта, наступая на Крым с севера, захватили плацдарм южнее Сиваша, а на Перекопе вышли к Армянску. Дальше они, к сожалению, продвинуться не смогли. Это поторапливало Петрова — надо наступать! Этого требовала и обстановка у Эльтигена. А шторм все бушевал.

Командующий фронтом обсудил с командующим Азовской флотилией С. Г. Горшковым прогноз погоды и, убедившись, что погода идет на улучшение, решил в эту же ночь форсировать Керченский пролив первым эшелонам 56-й армии на главном направлении и высадить десант на северо-восточную оконечность Керченского полуострова. Согласно ранее разработанному плану в первом эшелоне должны были идти четыре стрелковых полка 2-й и 55-й гвардейских стрелковых дивизий со средствами усиления. Накануне много плавсредств вышло из строя, а Петрову надо было одновременно высадить все четыре полка, так как именно это давало надежду на то, что десант сможет наверняка занять и удержать плацдарм.

Командующий фронтом выехал на КП 56-й армии. После короткого совещания, подчитав вместе с С. Г. Горшковым плавсредства, Петров дал указание — осуществить высадку всех четырех полков в одну ночь двумя рейсами.

Генерал Ласкин так комментировал этот замысел:

— Решение смелое и рискованное, а исполнение исключительно сложное. Во-первых, высадка десанта первого рейса разбудит врага, значит, в проливе, как и на берегу, будет жарко; во-вторых, никто не мог знать, сколько и какие суда останутся после первого рейса; в-третьих, темная осенняя ночь — хоть глаз выколи, а ни на море, ни в проливе нет никаких ориентиров, тут сбиться с невидимых маршрутов, налететь судам друг на друга, не найти назначенного места, где должна проводиться посадка на суда, пара пустяков; в-четвертых, сама посадка войск и погрузка вооружения на суда ночью в какой-то час-полтора — дело нелегкое. Но морские офицеры заверяли командующих, что идущие в десант морские командиры хорошо знают берега Крыма и Таманского полуострова, они свои маршруты не потеряют. Был как-то по-особому уверен в этом и сам командующий флотилией Горшков. А генерал Мельник сказал, что и командиры из Пятьдесят пятой дивизии не подкачают. То обстоятельство, что противник стянул к эльтигенскому плацдарму до двух дивизий и танки, облегчало высадку десанта под Керчью. А удачная высадка под Керчью в свою очередь сразу же улучшила бы положение дел под Эльтигеном, поскольку враг перестал бы не только усиливать там свою группировку, но и снял бы часть сил и отправил их под Керчь. Все это обещало нам успех, хотя мы и сознавали трудность десантирования, поскольку нами был теперь утрачен важный фактор — внезапность...

Задолго до вечерних сумерек Иван Ефимович прибыл в район Темрюка, где шла посадка на суда полков 2-й гвардейской стрелковой дивизии Турчинского — той самой, что теперь ходит на парадах по Красной площади.

Когда все было готово, Петров пожелал боевых успехов десанникам. Контр-адмирал Горшков отдал морякам свои распоряжения, и раздалась команда морского офицера: «Убрать трапы!» И суда первого отряда отчалили от берега.

— В добрый путь! Победы вам! — слышались голоса оставшихся на берегу.

Мотоботы и суда, некоторые с плотами на буксирах, взяли курс к Крыму.

Командующий фронтом приехал на свой НП на прибрежной кромке Таманского полуострова. Неподалеку на своем НП — артиллеристы во главе с командующим артиллерией фронта генерал-лейтенантом Аркадием Кузьмичом Сивковым. Он отсюда должен был руководить огнем всей артиллерии, обеспечивающей форсирование на главном направлении. Была тишина. Ничто не предвещало беды. Сивков вышел из блиндажа. И вдруг разрыв единственного шально-го снаряда у НП артиллеристов. Осколок попал Сивкову в грудь. Смерть наступила мгновенно. В блиндаж артиллеристов тут же пришел Иван Ефимович, склонился к телу своего боевого друга. Аркадий Кузьмич был солдатом трех войн и погиб в бою. Во временное командование артиллерией фронта вступил начальник штаба артиллерии генерал-майор М. Н. Журавлев, а дней через десять на эту должность был назначен генерал-лейтенант артиллерии М. Н. Дмитриев.

А тем временем за первым отрядом в Азовское море уходили второй, третий...

Петров, Ласкин и Вершинин, чтобы быть поближе к десанту, прибыли на НП 56-й армии. В темноте ничего не было видно. Впереди — пролив и в нем пять боевых отрядов.

Вдруг в море послышался сильный взрыв. Как потом выяснилось, это на плавучую мину налетел катер.

Вскоре взвились красные ракеты — просят артогня. С косы Чушка тут же открыли огонь наши орудия береговой и полевой артиллерии. Катера со штурмовыми группами один за другим подходили к крымскому берегу. И в это время по ним ударили артиллерия и пулеметы противника. Десантники прыгали в воду. По пояс, по шею в воде шли они к берегу и сразу кидались врукопашную.

Другие суда, несмотря на огонь врага, шли вперед, и высадка на берег продолжалась. К 1.30 3 ноября на берег было высажено два полка 2-й гвардейской дивизии и 369-й отдельный батальон морской пехоты.

Суда двух правофланговых отрядов, высадив бойцов, тут же взяли обратный курс в район кордона Ильич, где приняли на себя второй эшелон 2-й гвардейской стрелковой дивизии и к 5.00 перебросили его на плацдарм. А суда других трех отрядов возвратились к пристаням косы Чушка, где приняли два полка 55-й гвардейской стрелковой дивизии. В эту ночь моряки работали блестяще!

К 5.00 полностью высадился на берег полк полковника Смирнова 55-й дивизии и тут же перешел в решительное наступление. Рядом с ним высаживался и наступал другой полк этой же дивизии.

Теперь за плацдарм под Керчью боролись две наши дивизии.

После коротких, но ожесточенных ночных схваток десантники очистили от фашистов населенные пункты Маяк, Глейка, Опасное, Жуковка. Но фашисты удержались на высотах, расположенных за этими населенными пунктами.

В эту ночь полковник Гладков сообщил по телефону своим командирам-эльтигенцам: «Наши начали высадку под Керчью. Атакуют!» Это радостное известие быстро дошло до каждого десантника. Но радость была преждевременной. Немецкое командование, увидев десант под Керчью, решил скорее покончить с Эльтигеном, чтобы затем все силы сосредоточить против нового десанта. С утра 3 ноября гитлеровцы с двух направлений перешли в наступление на эльтигенский плацдарм. Завязались тяжелые бои. В центре гитлеровцы были остановлены. А на южном участке танки и пехота вклинились в наши боевые порядки. Но с Большой земли сразу же направили сюда огонь тяжелой артиллерии и нацелили «ИЛы». Штурмовики, летавшие на самых низких высотах, и огонь артиллерии вынудили фашистов приостановить наступление.

А полковник Гладков посчитал, что создалась выгодная ситуация для контратаки потрепанного врага, и ввел в бой только что высаженный на берег полк Нестерова. Дело дошло до рукопашной. К гитлеровцам подоспело подкрепление, начались их новые атаки. В самые напряженные минуты боя над полем опять появились наши штурмовики. Но в это время в небе показались немецкие бомбардировщики, наших же истребителей над полем боя не было. Штурмовик, который вели командир эскадрильи 47-го штурмового авиаполка ВВС Черноморского флота Б. Н. Воловцов и парторг эскадрильи В. Л. Быков, бросился навстречу бомбардировщикам. Завязался воздушный бой. Расстреляв боеприпасы, Воловцов направил машину на головной бомбардировщик «Ю-88» и таранил его. Обе машины, объятые пламенем, упали на берег. Так защищали летчики десантников, понимая, как им тяжело.

В этот день десант отбил 19 атак. Противнику были нанесены большие потери, и цели своей он не достиг. Но и в нашем десанте только раненых было свыше тысячи человек.

Все эти дни десантирования небо было затянуто тучами. Четверо суток пролив кипел от ветра. А с 5—6 ноября над Таманью и Крымом установилась отличная погода — голубое небо и спокойное море.

Воспользовавшись тихим морем, Петров в ночь на 6 ноября высадил на плацдарм под Керчью 32-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которой командовал полковник Г. Т. Василенко. Теперь весь 11-й гвардейский стрелковый корпус генерала Сергацкова был в Крыму. А с вечера 6 ноября с причалов на косе Чушка и у кордона Ильич начал погрузку на суда 16-й стрелковый корпус, которым командовал генерал К. И. Провалов. 8 ноября уже две дивизии этого корпуса были на том же плацдарме.

11 ноября началось наступление наших войск на плацдарме под Керчью, но оно привело лишь к тактическим успехам. Сильно укрепленный рубеж прорвать не удалось. Петров был очень обеспокоен. Он сказал Ласкину:

— Командиры корпусов Сергацков и Провалов не видят группировок противника и не могут в полную силу использовать огонь артиллерии и нацелить удары авиации. А поскольку под Керчью идет главный бой, мы должны быть на том берегу. И нам управлять легче — будем непосредственно видеть поле боя, а значит, сможем более конкретно влиять на ход сражения всей огневой мощью артиллерии и авиации. И люди будут драться увереннее. Организуйте и оборудуйте там передовой пункт управления.

14 ноября Петров с группой офицеров штаба на катере переправился через пролив и появился на плацдарме, глубина которого была всего четыре — шесть километров.

Вопреки советам Иван Ефимович разместился в небольшом домике у поселка Маяк, под огнем полевой артиллерии врага. Саперы быстро усилили стены домика камнем. А рядом отрыли щели для укрытия от воздушных налетов и артогня. Штабные работники расположились в бывшем немецком доде, недалеко от домика.

В этом опять проявился характер Петрова. Обычно командующие фронтами находились в нескольких десятках километров от линии фронта. Но Иван Ефимович, привыкший видеть бой своими глазами и встречаться с командирами дивизий и полков на поле боя, не мог усидеть вдали и управлять войсками из-за пролива.

Петров сказал Ласкину:

— Ну, Иван Андреевич, мы уже на крымской земле. Будем надеяться, что нам, защитникам Севастополя, придется и освободить его. Это было бы знаменательно.

Теперь весь личный состав десантников знал, что Петров с ними на плацдарме. А это много значило. Усиливалась уверенность, что теперь еще лучше будут помогать артиллерия и авиация, и вообще раз командующий здесь — будет полный порядок.

Бои за расширение керченского плацдарма шли упорные, но продвижение было медленным. К середине ноября войска вышли к северо-западной окраине Керчи. Здесь части 16-го корпуса окружили и уничтожили местную группировку противника. На поле боя осталось свыше 1500 вражеских трупов, 26 орудий, 14 минометов, 70 пулеметов, 10 прожекторов. Однако городом овладеть не смогли. Не смогли продвинуться вперед, на запад, и части 11-го гвардейского корпуса. Противник усилил свою группировку. Здесь действовало уже семь дивизий. Наши войска, расширив плацдарм до двадцати пяти километров по фронту и до десяти — двенадцати километров в глубину, уперлись во вторую линию обороны.

Что же в эти дни происходило на плацдарме у Эльтигена?

Петров, руководя высадкой главных сил под Керчью, не забывал помогать десанту Гладкова. Лучшей помощью, конечно же, было отвлечение сил противника под Керчь. Высоко оценивая героизм эльтигенцев, Петров поставил на Военном совете вопрос о представлении многих воинов к высшей награде. Военный совет фронта представил Верховному Главнокомандованию список к награждению с конкретными описаниями героических подвигов.

В ночь на 18 ноября по радио был передан Указ Президиума Верховного Совета СССР. 34 солдатам и офицерам, еще сражавшимся на плацдарме у Эльтигена, было присвоено звание Героя Советского Союза. В их числе были генерал Гладков, майор Ковешников, майор Борзенко, капитан Мирошник и другие. Петров по радио поздравил героев и сказал:

— Впереди еще большая война, и тысячи новых героев встанут в один ряд с вами.

И действительно, вскоре за мужество в боях при форсировании Керченского пролива и действия на керченском плацдарме 23 гвардейца 2-й дивизии получили звание Героя Советского Союза, и столько же воинов получили высшие награды в 55-й гвардейской стрелковой дивизии.

А напряженные бои продолжались на обоих плацдармах.

Поскольку 18-я армия из-за недостатка плавсредств Черноморского флота не могла быть переправлена на плацдарм под Эльтиген, она оставалась бездействующей. 20 ноября решением Ставки она была выведена из состава Северо-Кавказского фронта и направлена на другое стратегическое направление. С армией ушла и артиллерия, которая поддерживала десантников у Эльтигена. Положение десанта в связи с этим резко ухудшилось. Теперь эльтигенцев, кроме авиации с таманского берега, могла поддерживать огнем только дальнобойная артиллерия береговой обороны флота. Противник блокировал десант с моря. Наши одиночные суда с трудом пробивались к плацдарму, чтобы доставить боеприпасы, продовольствие и вывезти раненых.

Петров приказал привлечь для доставки всего необходимого на плацдарм небольшие самолеты «ПО-2».

После убытия из состава фронта 18-й армии поступила директива Ставки о реорганизации Северо-Кавказского фронта в Отдельную Приморскую армию. Ее командующим был назначен генерал армии И. Е. Петров, членом Военного совета — генерал-майор В. А. Баюков. Военному совету армии продолжали подчиняться 4-я воздушная армия, Черноморский флот и Азовская флотилия. Генералу Ивану Андреевичу Ласкину начальник Генерального штаба А. М. Василевский передал, что начальник штаба 4-го Украинского фронта генерал-лейтенант С. С. Бирюзов настойчиво просится на командную должность, и поскольку Северо-Кавказского фронта не стало, то Ласкину предлагают заменить Бирюзова на 4-м Украинском.

Ласкин поблагодарил за доверие и дал согласие. Петров был грустен, расставаясь с Иваном Андреевичем, — они сдружились. Не знали тогда ни Петров, ни Ласкин, какая беда подстерегает Ивана Андреевича в Москве, куда он уезжал за назначением, — впрочем, это тема для отдельного разговора.

В это тяжелое для эльтигенцев время гитлеровцы стали передавать по радио на русском языке: «Матросы и пехотинцы! Вы голодные и грязные. Вас командование бросило. Прекратите сопротивление, переходите к нам, мы обещаем сохранить вам жизнь».

Обстановка здесь становилась критической. И в это время десант под Керчью перешел в наступление. Успешное его продвижение вперед сразу же сказалось бы на ходе дел у Эльтигена. Но этого не случилось. Приморская армия оборону врага прорвать не смогла. А противник продолжал атаковать десант у Эльтигена, стремясь расцечь плацдарм.

И вот настал час, когда держаться на маленьком плацдарме уже было невозможно. Сильный враг прижимал десантников к морю.

Петров отдал приказ командующему Черноморским флотом бросить все имеющиеся плавсредства к Эльтигену и эвакуировать десант. Но противник блокировал плацдарм с моря. В проливе и особенно около берега преградили путь торпедные катера, быстроходные баржи с артиллерийскими орудиями, не допуская подхода наших судов к берегу.

Как бы теперь пригодились три мощных боевых корабля, недавно погубленных под Феодосией! Но их не было... Снять десант с плацдарма оказалось невозможным. Как быть? Отдать десант на разтерзание врагам?

3 декабря Петров отдал приказ за номером 05:

«Десантникам своими силами прорвать переднюю линию противника, пройти по тылам врага и выйти на южную окраину Керчи, где соединиться с войсками 56-й армии. Прорыв должен начаться в ночь на 5 декабря».

На подготовку отводились сутки.

Нелегко отдать такой приказ, еще труднее его выполнить. Но иного выхода не было.

Дальше я приведу документы — телеграммы, которыми обменивались генералы Петров и Гладков. Иногда строгие слова документа обладают большей силой и создают более глубокое впечатление, чем самые высокопарные описания героических дел. И еще я объединяю эти документы короткими комментариями человека, которому было труднее всех в этой операции и кто был ее первым героем, — это Василий Федорович Гладков. К этому времени ему было присвоено звание Героя. Указ Президиума Верховного Совета издан за полмесяца до тех событий, о которых пойдет речь. Но будь моя воля, я бы за новый блестящий подвиг — изумительный по геройству прорыв десанта — дал бы Гладкову это высшее звание вторично.

3 декабря командарму была послана радиограмма такого содержания:

«Изучение противника и его сосредоточения дает право сделать вывод, что противник завтра, видимо, перейдет в наступление с целью уничтожить наш десант. Прошу оказать нам помощь огнем артиллерии, авиацией, а также не допустить атак с моря» (31, стр. 165).

И. Е. Петров не замедлил с ответом:

«Товарищ Гладков, я тоже это предвижу. Рекомендую вам собрать военный совет, где решить, куда вам пробиваться. Помочь вам живой силой не могу. Артиллерия и авиация будут действовать по вашему указанию. Рекомендую маршрут через Камыш-Бурун, Горком на мыс Ак-Бурун» (там же).

На следующий день враг возобновил атаки. Он душил десантников огнем со всех сторон: с суши, с моря и с воздуха.

В 23.00 Гладков собрал в своем блиндаже командиров. Вот что он переживал тогда и что потом рассказывал о тех минутах:

— Офицеры сидели на нарах и лавках, поставив между колен автоматы. Разговоров не было слышно. Никто не знал точно, зачем созвали, но каждый понимал, что будет решаться судьба десанта. С большим волнением смотрел я на собравшихся. Прекрасные офицеры и коммунисты. Своим боевым мастерством и высокими человеческими качествами они заслужили любовь и безграничное доверие подчиненных... Кончались тридцать четвертые сутки жизни и борьбы на «огненной земле». Эти дни связали командиров братскими чувствами дружбы и верного товарищества. У каждого из них, так же как и у меня, бывали, конечно, такие минуты, когда казалось — не выдержат нервы. Но ответственность за судьбы людей заставляла собираться, не показывать своего состояния. Теперь всем нам предстояло выдержать еще одно, может быть самое трудное, испытание. Я начал с того, что сообщил о сложившейся на плацдарме обстановке. Затем изложил решение на выход из окружения и присоединение к войскам Приморской армии: «План таков. С наступлением темноты, когда противник, как обычно, начнет производить некоторые перегруппировки и затем займется ужином, надо неожиданно, без выстрелов ринуться в атаку, прорвать на правом фланге его оборону и, двигаясь по немецким тылам, занять гору Митридат. Оттуда будем прорываться к своим. Прежде чем приступить к обсуждению

деталей, предоставляю право каждому из вас высказать свое мнение по существу вопроса». Минута напряженного молчания. Какие картины пронесли в эту минуту перед мысленным взором каждого? Наши люди, измотанные боями и недоеданием? Наш медсанбат и раненые? Те двадцать километров, которые нужно в быстром темпе пройти до Митридата? План был отчаянный. Я отлично понимал это. Но как раз в этом и состояла его реальность. Противник ждал от дивизии упорного сопротивления, но не наступления...

Мнения разделились. Процентом шестьдесят присутствовавших высказались за мой план, остальные настаивали на необходимости вести в Эльтигене борьбу до последнего. Я уже собирался сделать заключение, как вдруг поднялся командир батальона морской пехоты и сказал: «Товарищ комдив! Моряки готовы идти на прорыв. Моряки пойдут, если вы разрешите, в голове». В тот же миг я встретился взглядом с начальником санитарной службы. В глазах Чернова было столько муки и беспокойства, что в душе все перевернулось. «Как быть с ранеными?» — взволнованно спросил он. «Раненые пойдут с нами. Все, кто сможет идти». «А кто не сможет?..» За всю мою долгую военную службу ни до той ночи, ни после нее мне не приходилось принимать более тяжелого решения. Советоваться тут было невозможно. Разделить такую страшную ответственность было не с кем. Всю ее тяжесть должен был взять на себя старший начальник «огненной земли». «Пойдут все, кто способен идти. Нести с собой тяжелораненых десант не сможет». Чернов тяжело дышал. «Я могу поговорить об этом с медицинским составом?» «Когда наступит нужный момент, мы вам скажем. У нас в распоряжении сутки, может быть, немного больше. За это время командование примет все меры для эвакуации раненых. Возможно, подойдут корабли...» Тут же мы дали депешу Военному совету армии:

«Десантники героически в течение дня отбивали яростные атаки противника. Силы наши иссякают. Потери большие, боеприпасов мало. Ждем вашей помощи. Выполняем ваш приказ 05 в ночь на седьмое. Гладков. Копылов» (31, стр. 182).

Из штаба армии ответили, что даны все указания артиллерии и авиации. Боеприпасы будут сброшены самолетами, кроме этого, снарядили три катера.

В ночь на 5 декабря напряженная работа шла не только на плацдарме, но и на Большой земле. Командарм требовал от управления десантного корпуса и от моряков усилить помощь войскам в Эльтигене.

Десантники слышали после полуночи упорный огневой бой в проливе. Самолеты подбросили достаточное количество боеприпасов. Из катеров к эльтигенскому берегу прорвался только один. Он доставил боеприпасы, немного продовольствия и принял на борт около ста тяжелораненых.

В 18.00 Гладков радирует И. Е. Петрову:

«К исходу дня противник овладел западной окраиной Эльтигена. Боеприпасы на исходе. Потери большие. Если ночью не поможете, буду выполнять ваш приказ 05. Срочно жду указаний» (31, стр. 184).

В 22.30 поступил ответ Военного совета:

«Боеприпасы вам сегодня сбрасываются самолетами. Кроме того, организована морем подача эшелонов с боеприпасами — всего 65 тонн.

Приказываю: весь день 6 декабря 1943 года прочно удерживать занимаемый район, не давая противнику разрезать ваши боевые порядки. В течение дня тщательно готовить выполнение приказа 05. Команду на исполнение дам я. Петров, Баюков. 5. 12.1943.22.00» (31, стр. 185).

В полночь вторая радиограмма:

«Гладкову. Завтра примите все меры, но до вечера продержитесь. С наступлением темноты собрать все боеспособное для действия по 05. Время ночью определите сами и донесите. При отсутствии донесения буду считать, что начинаете в 22 часа. Авиация, артиллерия будут действовать, как указано в директиве. Делаю все что могу. Уверен, бойцы, сержанты и офицеры выполняют свой долг до конца. Петров. Баюков. 5. 12. 1943. 23.15» (там же).

Отдавай все распоряжения на 6 декабря. Офицеры разошлись по частям.

Гладков еще и еще раз перечитывал последнюю радиограмму командующего: «Уверен, бойцы, сержанты и офицеры выполняют свой долг до конца». С болью подумал, мысленно обращаясь к командарму: «Видимо, вам, Иван Ефимович, нелегко было писать эти слова. Вы уже переживали подобное под Одессой, а затем под Севастополем. Знаете, как тяжело оставлять землю, омытую кровью боевых друзей... Нас разделяет сорок километров, но я сейчас чувствую биение вашего сердца, товарищ командарм. Представляю, как тяжело у вас на сердце оттого, что люди, десантники, ждут помощи, а вы не в силах ее дать. Мы уйдем из Эльтигена. Но Эльтиген все равно будет наш! Недолго фашистам осталось зверствовать в Крыму. Они обречены. Эльтиген будет свободным. Но жалко прекрасных людей, которые отдавали все, чтобы удержать завоеванный кровью плацдарм. А те товарищи, кто завтра не сможет с нами вырваться?..»

Голова, как налитая свинцом, опустилась на руки. В такой позе и уснул. Разбудил его отчаянной силы взрыв. Воздушная волна, хлынув через амбразуру, сбросила на пол телефонный аппарат. Недалеко от КП разорвалась морская торпеда.

Опять полезли в голову мысли о подчиненных. Как сохранить в течение дня боеспособность подразделений, чтобы хватило сил для прорыва?..

Ночью самолеты «ПО-2» опять сбросили десанникам боеприпасы и продовольствие. Петров посылал помощь и с моря, но пробиться удалось снова только одному катеру. Но и от этого у Гладкова стало легче на душе, на катер погрузили и отправили тяжелораненых, кто не мог идти на прорыв.

6 декабря после короткого артиллерийского налета противник атаковал западную и южную окраины Эльтигена. Как только немцы двинулись в центр, они попали в подготовленный огневой мешок. С флангов их взяли в работу пулеметы обоих полков, а в гущу наступающих обрушился огонь с Тамани. Много здесь было положено вражеских солдат. Атака противника захлебнулась.

35 «юнкеров», свистя и завывая, набросились на Эльтиген. Они бомбили без выбора, с бешеной злостью, стараясь все стереть в порошок. В следующем воздушном налете так же яростно бомбили около 30 «юнкеров». Но этот кошмар длился недолго. Вражеская авиация стала действовать группами по 5—6 самолетов. Они висели над боевыми порядками десанта и с прицельной высоты бросали бомбы.

На южной окраине близ берега немцам удалось прорвать оборону гвардейского полка. Нестеров отвел свои подразделения к поселку и занял подвалы-доты. Противник подтянул артиллерию на прямую наводку. Его пехота стала действовать отдельными штурмовыми группами. К полудню гитлеровцы овладели несколькими домами на южной окраине. На это направление они все время подбрасывали новые подразделения. Надо было что-то предпринять.

Дальше опять слово Гладкову:

— Задача у десанта была одна: выиграть время, продержаться до вечера. Но обороняясь в отдельных опорных пунктах-подвалах, мы не смогли бы ее решить. Я принял решение на контратаку. Надо выждать, когда противник, накопив силы, двинется на штурм, и в этот момент ударить с двух направлений — вдоль берега и со стороны полка, которым командовал Челов, окружить и перемолоть пехоту врага. Отданы распоряжения Белякову, Ковешникову, Челову. Вот пробежала мимо КП по траншее рота морской пехоты. Следом за ней в том же направлении скрылась рота из полка Ковешникова. Тулинов вел ее к исходным позициям для броска на берег. Я стоял с ракетницей в руках, считая минуты. Противник нас опередил. Около пятнадцати часов двинулся в центре и с юга, намереваясь окружить южный и центральный полки. Атаку отбили. На юге немцы энергичным ударом овладели половиной поселка. Попала в плен часть тяжелораненых... Наступил самый критический момент. Противник был во много раз сильнее нас, он почувствовал вкус успеха и потому отчаянно рвался вперед. Что делать? Может, отказать от контратаки? Но тогда будет еще хуже...

Последняя радиограмма командарму с «огненной земли»:

«Противник захватил половину Эльтигена. Часть раненых попала в плен. В 16.00 решаю последними силами перейти в контратаку. Если останемся живы, в 22.00 буду выполнять ваш 05» (31, стр. 192)

Гладков продолжает:

— Командующий артиллерией вызвал огонь с Тамани. Пять минут оттуда били по южной окраине. Взлетела ракета. Страшный для врага боевой клич «полундра» прогремел на берегу. Его прикрыло «ура» пехотных рот. Контратака вышла дружная. Наши навязали врагу рукопашную схватку. Немцы дрогнули, начали отходить. Но вдруг снова кинулись на правый фланг Тридцать седьмого полка. Пришлось послать на помощь сюда учебную роту. Наши контратаки продолжались до темноты. Противник не сумел расцечь плацдарм, но часть южной окраины осталась в его руках. Однако раненых нам удалось вызволить. Вечером мы с Копыловым зашли к ним. В подвале лежали около ста человек. Кто бредил, кто стонал, требуя воды. Увидев нас, стали спрашивать: «Как дела? Отбили все атаки? Наступать дальше будете?» Трудно было ответить на эти вопросы — ведь мы не хотели волновать и без того измученных людей. А потому как могли постарались успокоить их. Заметив знакомого сержанта-разведчика, я подошел и поцеловал его. А потом под влиянием душевного порыва мы с Копыловым перецеловали всех. «Все будет в порядке, родные, — говорили мы раненым. — Главное, что вы опять с нами...» В траншее недалеко от помещения медсанбата стоял, прислонившись к стенке, невысокий солдат. Автомат поперек груди. Руки положены на оба конца оружия. Подошли поближе — сержант Василий Толстов, получивший недавно звание Героя Советского Союза. «О чем задумались, товарищ сержант?» — поинтересовался я. «Родной дядя у меня тут лежит, станичник Ефименко. Вчера его ранило. Я думал, сможет пойти на прорыв. А он не в силах. Приходится ему оставаться... — Сержант помолчал, крепко сжав губы. Потом продолжил: — Дядюшка оружие просит... Иди, говорит, доложи — пусть дадут оружие и патроны, будем биться до последнего...» Эту же просьбу часом позже мне передал майор медицинской службы Чернов. Докладывая о размещении тяжелораненых, он сказал, что многие из них изъявили желание стать в строй — в заслон, как они заявили. Я приказал выдать этим героям оружие и боеприпасы...

Когда через несколько часов десант пошел на прорыв, позади на истерзанном клочке эльтигенской земли ударили очереди автоматов и пулеметов. Раненые сдержали слово!..

Всего на прорыв набиралось около двух тысяч человек, считая и раненых, способных передвигаться. Каждому выданы патроны и гранаты с расчетом на два дня напряженного боя. Велено зарыть в землю все, чего нельзя взять с собой, уничтожить всю штабную документацию. Запасы продовольствия позволили выдать на каждого горстку сухарей и банку мясных консервов на двоих.

Гладков объявил свое решение:

— В двадцать два ноль-ноль начинаем атаку вражеской обороны в районе Чурбашского озера. Атакуем внезапно, без артиллерийской подготовки, без единого выстрела.

Офицеры поместили на своих картах маршрут продвижения к Керчи. Крепко пожали руки, пожелали друг другу боевой удачи и счастливой встречи на Митридате.

То, что произошло дальше, коротко описать невозможно. Скажу одно — этот прорыв через боевые порядки врага, уничтожение в ночном мраке всех, кто попадался на пути — артиллерии, штабов, тыловых служб, — заслуживает отдельного описания как ярчайшее проявление героизма и самоотверженности советских воинов. Двадцать пять километров прошли по тылам врага отважные десантники и захватили сильно укрепленную врагом гору Митридат.

Как только Петров узнал, что десант прорвался на гору Митридат, он тут же дал телеграмму лично Сталину. Не побоялся беспокоить Верховного мелкими по его масштабу делами. Это вообще был беспрецедентный случай, чтобы докладывалось Сталину о действиях небольших подразделений. Но Петров был счастлив, он был восхищен мужеством своих боевых товарищей и хотел, чтобы о них знал сам Верховный Главнокомандующий.

«Сталину. Отряды Гладкова, в ночь на 1 ноября высадившиеся на побережье Керченского полуострова, заняли поселок Эльтиген. Будучи окруженными с суши и блокированными с моря, после 36-дневных ожесточенных боев с превосходящими силами противника, в ходе которых уничтожено около 4000 немецких, румынских солдат и офицеров, 6 декабря в 22 часа десантники стремительным броском прорвали блокаду противника и вышли из окружения. Отважный и смелый командир десантного отряда Гладков сумел с отрядом не только прорвать оборону, но и обмануть противника. Отряд был уже на полпути к городу Керчь, а противник все еще освещал ракетами район занятой ими обороны. Когда было обнаружено, что десантников уже нет, немцы долго шарили по полю прожекторами, бросали с самолетов ракеты, но так ничего и не нашли. После 25-километрового марша по тылу противника отряд на пути уничтожил 1 зенитную и 2 тяжелые дальнбойные батареи, разгромил сильно укрепленный опорный пункт, при этом уничтожив около 100 немецких и румынских солдат и офицеров, а затем с ходу ворвался в центр города Керчь, занял сильно укрепленную господствующую над городом гору Митридат. При этом уничтожено около 150 немецких солдат и офицеров, взято в плен 30, захвачено фашистское знамя...» (31, стр. 205—206).

В 14.00 Гладков прислал Петрову радиogramму с Митридата:

«Противник сосредоточивает все новые и новые подразделения. Уже со всех сторон замкнул кольцо вокруг захваченного нами рубежа. У нас сил мало. Боеприпасы на исходе. Раненые сосредоточены у пристани. Нам нужна срочная помощь в людях и боеприпасах. Выбрасывайте ко мне десант. Гору Митридат не сдадим. Это такой рубеж, который обеспечит победу над противником, занимающим Керчь. Боеприпасы сбрасывайте самолетами в район отметки 91,4» (31, стр. 206—207).

Через час получил ответ:

«Части 16-го стрелкового корпуса начнут действовать в 16 часов и будут продолжать всю ночь. Готовлю к ночи вам крупную партию пополнения и боеприпасов. Днем боеприпасы будем сбрасывать с воздуха, а ночью подам морем. Петров» (31, стр. 207).

Командарм лично следил за огневой поддержкой десанта. 8 декабря он предупредил Шварева:

— Гладков ведет ожесточенные бои с наступающим противником из района церкви севернее отметки 91,4. Туда он просит огонь артиллерии и авиации. Как только получите данные от Гладкова, докладывайте мне.

В тот же день Петров указал Вершинину:

— Гладков просит бомбовый удар по району церкви. Кроме того, он просит подать ему ручных и противотанковых гранат. Немедленно организуйте. Сбрасывайте смелее на южные склоны горы Митридат.

Но 16-й корпус не смог преодолеть оборону врага и прорваться к Митридату на помощь Гладкову.

Петров понимал, что силы десантников истощены сверх всяких допустимых и недопустимых пределов. Он решил эвакуировать десант. Запросил мнение Гладкова:

«Держитесь до вечера. Сообщите Военному совету свое мнение об эвакуации. Петров» (31, стр. 212).

Гладков ответил:

«Подброска мелких подразделений не обеспечивает захвата и обороны горы Митридат. Как ни больно, приходится высказаться за эвакуацию» (31, стр. 212—213).

В ночь на 10 декабря начали эвакуацию. Обозначили пункты посадки фонарями. Катера подходили под прикрытием артиллерийского огня. Противник повел обстрел берега. Десантники бросались в воду, шли, пока позволяла глубина, и садились в лодки. После срока дней боев они отправлялись в Тамань на отдых и формирование.

Катер доставил Гладкова на КП Приморской армии. Он вошел в капонир командарма. Генерал Петров поднялся навстречу, обнял и поблагодарил:

— Спасибо, товарищ Гладков!

Гладков хотел доложить, как протекали события, но Иван Ефимович сказал:

— Не надо. Я все знаю. Все это пережил вместе с вами.

Так закончилась проведенная под руководством Петрова небольшая по масштабам, как иногда говорят военные, частная операция, вошедшая в историю Великой Отечественной войны как десант на Эльтиген. Генерал Гладков так и назвал свою книгу, написанную после войны. В ней рассказано подробно о прекрасных героях, совершивших этот массовый подвиг. Я горячо рекомендую читателям прочитать эту книгу, она снимет грех с моей души, заключающийся в том, что я, решая свою писательскую задачу, не мог рассказать о всех людях, достойных того, чтобы о них узнали соотечественники.

Операция состоялась, пролив форсирован, целая армия Петрова в Крыму. Это была одна из крупнейших по размаху и продолжительности операция с высадкой оперативного десанта в годы Великой Отечественной войны.

В Москве, в Ставке между тем думали о дальнейшем. Вот что пишет об этом генерал Штеменко:

«...Верховный Главнокомандующий обязал нас заняться разработкой плана действий с Керченского полуострова.

— Задачу по овладению Крымом надо решать совместным ударом войск Толбухина и Петрова с привлечением Черноморского флота и Азовской флотилии, — сказал он. — Пошлем к Петрову товарища Ворошилова. Пусть посмотрит и доложит, как это лучше сделать. Штеменко поедет с ним от Генштаба.

Сталин всегда отдавал предпочтение докладам с места событий...

Из Москвы мы выехали в вагоне К. Е. Ворошилова... На разрушенную и сожженную в недавних боях станцию Варениковскую наш поезд прибыл с рассветом. Там встретили нас И. Е. Петров и член Военного совета В. А. Баюков.

— Везите прямо на плацдарм, — приказал К. Е. Ворошилов, и вся наша группа заняла места в автомашинах.

Ехали быстро. Скоро миновали Темрюк. Тамань — по определению Лермонтова, «самый скверный городишко» — осталась в стороне. Без происшествий прибыли на косу Чушка.

— Здесь не задерживайтесь, пожалуйста, коса под обстрелом, — предупредили нас.

Небезопасно было и в проливе, через который мы шли к берегам Крыма на бронекатере...

Мы вполне оценили предусмотрительность И. Е. Петрова, подославшего для нас бронекатер, и трудную, опасную работу моряков той же Азовской военной флотилии, протравивших в вражеских мин путь через пролив...

С бронекатера мы с опаской поглядывали на едва видимый силуэт горы Митридат. Там располагались наблюдательные пункты противника, просматривающие Керченский пролив. Рулевой уверенно вел корабль. Столь же уверенно он ошвартовался, и мы спустились на берег...

Плацдарм был изрыт вдоль и поперек: траншеи, землянки, ходы сообщений, блиндажи переплетались в причудливую сеть. Здесь находились главные силы Отдельной Приморской армии: два ее корпуса (11-й и 16-й) и резерв. А всего девять дивизий и две стрелковые бригады. Переброшена на плацдарм и некоторая часть танков, артиллерии, даже авиации; первый наш аэродром приютился у самого моря в районе Опасной.

К. Е. Ворошилову, мне и всем, кто прибыл с нами, отвели три землянки на обращенном к проливу скате одной из высот. Метрах в шестистах от нас — бревенчатый домик командарма Ивана Ефимовича Петрова. Под домиком небольшое и не очень надежное убежище. Вокруг в блиндажах расположился штаб Приморской армии.

Работу начали сразу же. К. Е. Ворошилов заслушал доклады И. Е. Петрова и командующего Черноморским флотом Л. А. Владимирского» (9, кн. I, стр. 268—271, 277).

Дальше я вынужден привести еще очень большую цитату из воспоминаний генерала Штеменко, но читатели, надеюсь, поймут необходимость этого, потому что все в ней касается не только работы Петрова в те дни, но объясняет и причины событий, которые произойдут в ближайшем будущем.

«В первые недели пребывания у И. Е. Петрова наше главное внимание отводилось разработке плана освобождения Крыма, совместной операции войск Отдельной Приморской армии, Черноморского флота и Азовской флотилии. Выявились полное единство взглядов в отношении задач и методов ведения этой операции. Сухопутчики, моряки и летчики пришли к общему выводу: прорвав оборону противника на керченском плацдарме, основными силами надо развивать успех в глубину Крыма на Владиславку, Карасу-Базар и тем самым содействовать успеху войск Южного фронта на главном направлении — с Перекопа, но одновременно частью сил следовало наступать и вдоль Южного побережья. Этот план и доложили в Ставку.

После тщательного изучения обстановки мы согласились с мнением командующего Приморской армией о необходимости предварительной частной операции. Дело в том, что наш передний край на плацдарме в большинстве своем был крайне невыгоден ни для перехода в наступление, ни для удержания занимаемых позиций. Противник, как уже отмечалось, располагался на господствующих высотах, хорошо наблюдал и мог поражать прицельным огнем чуть ли не всю глубину нашей обороны.

Провели тщательную рекогносцировку местности, рассчитали силы и средства, определили время на подготовку. 22 декабря К. Е. Ворошилов при участии И. Е. Петрова и Л. А. Владимирского рассмотрел план действий. Планом предусматривалось прорвать немецкую оборону на правом фланге плацдарма. Для обеспечения успеха прорыва и захвата командных высот, которые трудно было атаковать в лоб, а также для отвлечения внимания, сил и средств противника с направления нашего главного удара намечалось высадить на побережье Азовского моря в ближайшем тылу немецких войск с удаления четырех-пяти километров от нашего переднего края тактический морской десант.

На первых порах все с этим согласились. Однако при решении вопросов взаимодействия и взаимного обеспечения операции возникли затруднения. В то время как И. Е. Петров отводил флоту первостепенную роль в обеспечении наступления всем необходимым, Л. А. Владимирский полагал, что привлечение флота к морским перевозкам и высадке тактических морских десантов для него — задача второстепенная. Достаточных сил на это он не выделял. Переправу войск и грузов Отдельной Приморской армии командование Черноморского флота пыталось переложить на плечи только Керченской военно-морской базы, которая никак не могла справиться с таким делом.

И. Е. Петров резко высказал свое неудовольствие по этому поводу и заявил К. Е. Ворошилову, что вопросы взаимодействия с флотом нужно решить капитально и в соответствии с принятым в наших Вооруженных Силах порядком. Климент Ефремович приказал созвать совещание и там покончить со всеми спорами, добившись единого понимания задач и способов их решения. Состоялось оно 25 декабря в штабе Азовской военной флотилии, в Темрюке. От Отдельной Приморской армии на совещание прибыли И. Е. Петров, его заместитель генерал-лейтенант К. С. Мельник, члены Военного совета генерал-майоры В. А. Баюков и П. М. Соломко. Черноморский флот представляли вице-адмирал Л. А. Владимирский и член Военного совета контр-адмирал Н. М. Кулаков. Присутствовали также заместитель наркома Военно-Морского Флота генерал-лейтенант И. В. Рогов, представители Азовской военной флотилии и 4-й воздушной армии. Председательствовал К. Е. Ворошилов.

Дебаты между И. Е. Петровым и Л. А. Владимирским разгорелись здесь еще жарче. Причем командующий Приморской армией показал полную осведомленность в отношении сил и средств флота в районе расположения своих войск и добился ясности насчет обязанностей и ответственности флота по перевозкам. В то же время на совещании были уточнены задачи армии, согласованы сроки и порядок всех совместных мероприятий по обеспечению операции.

В конце совещания я зачитал проект ежедневного доклада в Ставку, где проведенное обсуждение представлялось как обычное подготовительное мероприятие накануне предстоящей операции. Однако К. Е. Ворошилов решил иначе: он предложил оформить особый протокол по взаимодействию армии с флотом, записав туда все, что возлагалось на флот и что на армию, а затем скрепить все это подписями ответственных представителей каждой из заинтересованных сторон. Всего на протоколе, по определению К. Е. Ворошилова, должно было красоваться десять подписей, включая его собственную и мою» (9, кн. I, стр. 279—281).

В тот же день из Москвы было получено сообщение об утверждении плана основной операции Отдельной Приморской армии. Из резервов Ставки И. Е. Петрову была передана 9-я Краснознаменная пластунская дивизия, сформированная из кубанских казаков. Командиру ее генерал-майору П. И. Метальникову командующий армией сразу же поставил задачу готовить личный состав к наступательным действиям. Для этого была подобрана соответствующая местность на материке с точным воспроизведением обстановки плацдарма: переднего края противника и наших окопов, боевых порядков и расстояний между отдельными их элементами.

Напряженная работа велась на плацдарме: 11-й и 16-й гвардейские корпуса усилили разведку противника, сосредоточивали запасы, пополнялись людьми и техникой. И. Е. Петров целыми днями, а порой и ночами пропадал в войсках. Только под Новый год он вернулся раньше обычного и пригласил Ворошилова и Штеменко к себе в домик на ужин. Пришли туда и ближайшие помощники командарма,

Отметили успехи в уходящем 1943 году и пожелали друг другу, чтобы наступающий 1944 год был еще более счастливым. Климент Ефремович послал поздравление командирам корпусов и дивизий, командованию Черноморского флота и Азовской военной флотилии.

Начало наступления было назначено на утро 10 января.

Оно началось в установленный срок. Заговорила наша артиллерия. А затем пошли в наступление выделенные для этой операции силы из состава стрелковых корпусов, сосредоточенные на плацдарме.

Прошло три долгих часа. Из стрелковых корпусов поступали сдержанные доклады. По всему чувствовалось, что атака развивается плохо, а на отдельных участках захлебнулась совсем. Петров приказал сосредоточить артиллерийский огонь на тех районах, где намечался успех. Но противник держался прочно.

О десанте, который высаживался севернее, было известно, что он ведет бой на высотах, захватил там две вражеские зенитные батареи, много стрелкового вооружения и до 60 пленных. Гряда высот, по существу, в его руках.

Но с десантом Главацкого части 11-го гвардейского стрелкового корпуса соединиться не сумели. За сутки они продвинулись всего на один-два километра.

На второй день бои продолжались. Была введена дивизия второго эшелона. Противник тоже подбросил резервы. Немецкая авиация обрушилась на позиции, занятые десантом. Начался ожесточенный артиллерийский обстрел. Против десантников пошли танки. Бойцы Главацкого вынуждены были бить их только наверняка — боеприпасы подходили к концу.

После полудня замысел врага определился вполне. Немцы стремились отрезать десант от моря, окружить и уничтожить его. И. Е. Петров приказал Главацкому прорваться навстречу 11-му корпусу. Десантники и на этот раз действовали очень решительно. К исходу дня они соединились с нашими главными силами, передали им захваченные высоты и были затем выведены в резерв 55-й гвардейской стрелковой дивизии.

Генерал Штеменко вспоминает:

«В итоге этих боев положение на правом фланге армии несколько улучшилось, но не настолько, как хотелось бы. Климент Ефремович нервничал» (9, кн. I, стр. 287).

Рано утром 15 января Петров и представители Ставки побывали на высотах, захваченных десантом.

Организуя прорыв немецко-фашистской обороны в районе Керчи, командующий Приморской армией должен был как-то обезопасить свой фланг от возможных ударов со стороны противника, еще занимающего город. Для этого он выделил некоторую часть своих сил. Успех, однако, не был достигнут, хотя бои на окраинах Керчи носили ожесточенный характер.

Дальше опять цитата из книги Штеменко:

«Доклады Отдельной Приморской армии в Ставку по обстановке на Керченском полуострове всегда были очень объективными, и неудачные действия войск в Керчи там не приукрашивались. Получая эти доклады, Ставка обеспокоилась, поскольку, как известно, бои в городе приводят, как правило, к большим потерям войск и затрудняют использование артиллерии, танков, авиации. В связи с этим И. Е. Петрову и Климову — К. Е. Ворошилову — была послана телеграмма, в которой отмечалось, что Приморская армия имеет значительное преимущество над противником в численности войск, в артиллерии, в танках и авиации. Но, подчеркивалось, «эти преимущества армия теряет,

ввязавшись в уличные бои в городе, где противник укрепился, где приходится вести затяжные наступательные бои за каждую улицу и за каждый дом и где нет условий для эффективного использования всех имеющихся средств усиления.

Такую тактику командования армии Ставка считает в корне неправильной, выгодной для противника и совершенно невыгодной для нас.

Ставка считает, что главные усилия армии должны быть направлены для действий против противника в открытом поле, где имеется полная возможность эффективно использовать все армейские средства усиления.

Разговор о том, что невозможно прорвать сильную оборону противника в открытом поле, лишены всяких оснований, ибо даже такая оборона, какую имели немцы под Ленинградом, втрое сильнейшую, чем оборона немцев под Керчью, оказалась прорванной благодаря умелому руководству... Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Перенести основные боевые действия войск армии в открытое поле.
2. Действия в городе ограничить операциями, имеющими вспомогательную роль в отношении действий главных сил армии в открытом поле.
3. Исходя из этих указаний, перегруппировать силы и представить свои соображения о плане дальнейших действий в Генеральный штаб не позже 28. I. 44 г.» (9, кн. I, стр. 288—289).

Подписали телеграмму И. В. Сталин и А. И. Антонов.

Эти указания Ставки были выполнены. Подготовительная работа к основной операции подходила к завершению — проведена перегруппировка, улучшены исходные позиции, накоплены на плацдарме боеприпасы, получено пополнение и прошло необходимое обучение. Остается только дать сигнал — и начнется операция по освобождению Крыма, в успехе которой не сомневался представитель Генштаба Штеменко. Генерал армии Петров был абсолютно уверен, что сделано все необходимое, и был готов повести свою армию вперед.

И вдруг... То, что произошло, было так неожиданно, что Штеменко начинает рассказ о происшедшем именно с этого слова:

«И вдруг в Варениковскую прибыл специальный поезд, а с ним — новый командующий Отдельной Приморской армией генерал А. И. Еременко. Без всякого уведомления представителя Ставки, не говоря уж о запросе его мнения по такому немаловажному вопросу, И. Е. Петров был освобожден от должности, зачислен в распоряжение Ставки и вызывался в Москву.

А вскоре затем позвонил А. И. Антонов и передал мне приказание тоже выехать в Ставку с докладом о положении дел под Керчью. Видимо, события последних дней сильно обеспокоили Сталина. Климент Ефремович оставался на месте.

Докладовал я в присутствии только членов Ставки да А. И. Антонова. Петрова не пригласили. Сталин усомнился было в целесообразности проведения Приморской армией частной операции. Я постарался как мог мотивировать ее необходимость.

Когда речь пошла о делах в Приморской армии, Верховный вспомнил наш протокол с десятью подписями.

— Колхоз какой-то. Вы там не голосовали, случайно?.. Ворошилову такое можно еще простить — он не штабник, а вы-то обязаны знать порядок.— Затем обращаясь уже к Антонову, кивнул в мою сторону:— Надо его как-то наказать за это.

Антонов промолчал...

О Петрове не было обронено ни звука. Размышляя потом над этим, мы в Генштабе пришли к выводу, что ограниченные результаты частной операции и раздоры с командованием флота посеяли у Сталина сомнения в отношении Ивана Ефимовича. Его заменили перед самым началом большой операции, когда Отдельная Приморская армия, по существу, была уже подготовлена к ней. Воспользоваться плодами своего труда И. Е. Петрову не пришлось, а операция прошла успешно.

В мае, после освобождения Крыма, многие из участников операции были награждены» (9, кн. I, стр. 289—290).

Вот такие бывают неожиданности в жизни полководца — не только от противника он получает удары, но и от своих.

За что же был снят с должности генерал Петров? В его личном деле записано:

«Освобожден от должности, зачислен в резерв Ставки ВГК. За самоустранение от проведения боевой операции, в результате операция не выполнена. Снижен в звании до генерал-полковника.

Приказ Ставки № 001 от 4. 2. 1944 года.

Давайте разберемся, что же произошло и в чем вина генерала Петрова. Истинная причина мне известна от самого Ивана Ефимовича, но я хочу, чтобы у читателей была полная и мотивированная ясность.

Деятельность Петрова в операции по форсированию Керченского пролива и созданию оперативного плацдарма в Крыму прошла в моем рассказе перед читателями. Может быть, я рассказал о ней не очень подробно, упустил многие детали этих боев, не упомянул многих героев. Я делал это вынужденно, помня, что тема моего повествования локализуется вокруг полководческой жизни и работы Ивана Ефимовича. Но даже из этого неполного описания видно: Северо-Кавказский фронт под командованием генерала армии Петрова приказ Ставки выполнил — пролив форсирован, оперативный плацдарм завоеван, Отдельная Приморская армия (созданная из Северо-Кавказского фронта) находится на крымской земле.

Петров настолько вникал в мельчайшие для его ранга детали боев, что сам руководил действиями десантов и особенно дивизией Гладкова, когда она оказалась в критическом положении на Эльтигене. Довел это героическое дело до конца — спас, вывез десант Гладкова на Большую землю. Приведенные выше телеграммы — лучшее тому доказательство. А ведь боем дивизии Гладкова должен руководить командир корпуса или командующий армией. Для Петрова как командующего фронтом одна дивизия — не его масштаб. Но когда дивизия (а сначала даже ее часть, не более полка, под командованием Ковешникова) оказалась единственным десантом в Крыму, Петров, да еще при его характере, конечно, не мог действовать, соблюдая субординацию в длинной лестнице подчиненности. Надо было действовать быстро и решительно, поэтому он взял руководство на себя — напрямую. Корпус и армия, понимая, что у командующего фронтом больше сил и возможностей, тоже не стояли в стороне, а помогали ему и в обеспечении и в поддержании связи с десантом.

Может быть, Петров слишком увлекся руководством боя десанта на Эльтигене и упустил из внимания другие участки фронта? Нет, именно в эти дни генерал Петров, находясь на главном направлении, руководил переправой двух корпусов и сам с ними перешел на крымскую землю, создав тот самый оперативный плацдарм, о котором приказывала Ставка.

Тогда в чем же «самоустранение от проведения боевой операции, в результате чего операция не выполнена»?

Может быть, имеются в виду три потопленных боевых корабля? Но эта трагедия произошла до начала форсирования Керченского пролива. Операция провалилась по вине флотоводцев, и за нее получил суровый упрек командующий Черноморским флотом.

Что же еще? Не очередная ли операция? Но она еще не началась, а подготовку ее, по утверждению представителя Генштаба Штенко, провел генерал Петров прекрасно, оставалось только дать команду. Свидетельство тому — успешное ее проведение и завершение уже после убийства Петрова.

Где же еще самоустранение? Не мог же Сталин просто так, голословно обвинить генерала армии Петрова. А то, что формулировка

в деле Петрова записана со слов Сталина, не вызывает сомнения — никто другой не осмелился бы сделать такую запись по своей инициативе. Сталин действительно и сказал эти слова, и обвинение такое обрушил на Петрова.

Так где же проваленная операция? Что имеется в виду?

Ну, операция — это не драка двух человек, от которой не остается следа и которую можно забыть через несколько дней. Военная операция — дело серьезное, даже при неудаче остаются приказы, карты, донесения, наконец, люди — участники этой операции.

Стал я искать — читать, расспрашивать. Не может быть, чтобы потерялась целая операция! И нашел. И не только нашел, но и убедился, что дело не в одной неудаче. Есть тут и некое, как говорится, подводное течение, или своеобразный подтекст.

Операция действительно была. И ее никто не пытался скрывать или прятать. Просто в оценке ее произошел непредвиденный поворот, повлекший неожиданные последствия. Но поведу рассказ по порядку. Вспомните слова Штеменко из приведенных мною выше его воспоминаний: «Климент Ефремович нервничал...» А почему нервничал? Как видно из тех же воспоминаний, нервничал Ворошилов потому, что расширение керченского плацдарма шло не так быстро, как хотелось бы. Сталин поругал Петрова за то, что войска ввязались в длительные бои за город Керчь, а не действуют на степных просторах, а значит, эти слова косвенно относились и к представителю Ставки. Климент Ефремович, как большинство военных, понимал косвенные упреки и переживал их, конечно же, тяжело. Если вспомнить, что в течение первых двух лет войны у Ворошилова было уже немало неприятных минут и упреков от Верховного, то можно понять состояние Климента Ефремовича и его желание... хотел сказать — отличиться, но назову это скромнее — поддержать свою репутацию.

Ну а теперь позвольте привести документы, где черным по белому написано, что же произошло. Да и не только документы; тот, кто писал их и был одним из участников событий — вице-адмирал Холостяков, — жив-здоров. Я еще раз побывал у него и еще раз подробно расспросил об этой злополучной операции.

...Здесь я вынужден сделать небольшое отступление. После того как эта глава была почти вся написана и сказано, что адмирал Холостяков жив-здоров, мне вдруг сообщили по телефону, что Георгий Никитич трагически погиб 19 июля 1983 года. Сообщаю об этом для того, чтобы у читателей, которым стало известно о гибели адмирала, не возникло недоумения по поводу того, что я пишу о нем еще как о живом.

Возвращаясь к прерванному рассказу, приведу цитату из опубликованной книги адмирала Холостякова «Вечный огонь», каждый читатель может ее сам проверить. Тут и описана та самая операция, от которой якобы самоустранился Петров.

«В самом конце декабря к нам неожиданно прибыл генерал-полковник Сергей Матвеевич Штеменко, начальник Оперативного управления Генерального штаба. Приехал он из Темрюка, а вообще находился уже некоторое время в Крыму, на плацдарме под Керчью, вместе с представителем Ставки К. Е. Ворошиловым (следовало полагать, в связи с готовящимися наступательными операциями). Со Штеменко приехал адъютант маршала генерал-майор Л. А. Щербakov.

Они провели у нас несколько часов. Почти все это время было занято тем, что я подробно докладывал, а вернее — просто рассказывал о сентябрьском Новороссийском десанте. Начальник Оперативного управления Генштаба задавал много вопросов, его интересовали и детали. Слушая меня, Штеменко вел записи, делая это как-то необычайно легко и быстро. Мне даже подумалось, что он либо владеет стенографией, либо пользуется собственной системой условных сокращений, как это бывает у опытных журналистов.

Не знаю, какое отношение имел к этому приезд Штеменко и Щербакова, но на следующую ночь я получил телеграмму командующего флотом: «Немедленно прибыть Темрюк». Из Темрюка машина доставила меня к одному из причалов на косе Чушка, а оттуда бронекатер переправил на крымский берег. Оказалось, что мне надлежит явиться к представителю Ставки» (24, стр. 403).

Для того чтобы лучше запомнилось, прошу читателей заметить: приезжал «представитель Генштаба», вызывал телеграммой «командующий флотом». Куда вызывали? К «представителю Ставки».

Читаем дальше:

«Знакомый уже генерал Щербаков провел в блиндаж к маршалу. Кроме К. Е. Ворошилова, там находились вице-адмирал Л. А. Владимирский и генерал-лейтенант И. В. Рогов.

Ворошилова я не видел с Балтики — больше десятка лет. Климент Ефремович заметно постарел, побелели виски, но глаза были такими же живыми, движения быстрыми. Встретил меня он приветливо и, задав два-три вопроса, протянул папку с бумагами: — Готовится одна операция. Познакомьтесь с планом и доложите свое мнение.

Это был план высадки тактического десанта на севере Керченского полуострова, у мыса Тархан, с целью содействовать частям Приморской армии в прорыве обороны противника на этом направлении. Высадка десанта возлагалась на Азовскую военную флотилию. «А при чем тут я?» — думалось мне, когда, устроившись в одной из армейских штабных землянок недалеко от маршальского блиндажа, занялся изучением плана. О том, что командующий флотилией контр-адмирал С. Г. Горшков болен, мне почему-то сразу не сказали» (24, стр. 403—404).

Прерву здесь цитату. Если адмирал Холостяков при виде этого плана про себя, не вслух, спросил: «А при чем тут я?» — то мы вправе спросить: «А тем более при чем тут Петров?» Как видим, при всей этой подготовительной работе он даже не присутствовал. Самоустранился? Но не мог же он останавливать или отменять действия представителя Ставки.

Как видно из дальнейшего рассказа Холостякова, план, который вручил ему Ворошилов, был составлен не в штабе Петрова, а в штабе флотилии. И даже когда началась высадка десанта, огневую поддержку осуществляли без участия Петрова, о чем Холостяков дальше прямо говорит: «Поддерживающей артиллерией я распорядился сам и ввел ее в действие...» Но продолжу цитату из книги адмирала:

«Нелегко судить об отраженном в оперативных документах замысле, когда на это дано ограниченное время, а ты к тому же не имеешь собственного, почерпнутого не из бумаг представления о конкретной обстановке. Но план высадки десанта, обстоятельно разработанный в штабе флотилии, который возглавлял капитан 1-го ранга А. В. Свердлов, производил солидное впечатление: как будто все, что надо, предусмотрено, все, что возможно, учтено (как затем выяснилось, была уже проведена практически и вся подготовка к высадке). Вызванный вновь к Ворошилову, я доложил, что это хороший, серьезный план.

— И вы действовали бы по нему, если бы высаживать десант поручили вам? — спросил Ворошилов.

— Может быть, внес бы небольшие поправки, ближе познакомившись с обстановкой.

На том меня Ворошилов и отпустил. Однако вернуться в Новороссийск командующий флотом не разрешил, приказал задержаться в Темрюке. Под утро 1 января, едва мы, встретив наступивший 1944 год, улеглись спать, Иван Васильевич Рогов разбудил меня, чтобы объявить приказ: командиру Новороссийской военно-морской базы контр-адмиралу Холостякову вступить во временное исполнение обязанностей командующего Азовской военной флотилией.

Для высадки у мыса Тархан азовцы подготовили все исправные десантные средства, какими располагали,— до сорока тендеров и мотоботов, несколько сторожевых и бронекатеров, другие малые корабли. Армия послала в этот десант 166-й гвардейский полк Героя Советского Союза Г. К. Главацкого — тот, что в сентябре высаживался у станции Благовещенской.

Тарханская высадка не раз откладывалась — и из-за неготовности войск к согласованному с нею наступлению на суше, и из-за неподходящей погоды. Впору было отменить ее и в ночь на 10 января: накануне над морем висел непроглядный туман, а теперь угрожал разыграться шторм. Однако новая отсрочка считалась невозможной, приказ был категорическим, и десант пошел.

От кордона Ильич, где корабли приняли на борт войска, до мыса Тархан всего около пятнадцати миль. Но для тихоходных, низко сидящих в воде тендеров и мотоботов это не пустяк, когда их начинает трепать и захлестывать волна. А волнение усиливалось с каждым часом, все более замедляя движение отрядов.

Высадка сдвинулась на утро — это было уже не по плану. И почему-то запаздывала с Кубани эскадрилья 4-й воздушной армии. Поддерживающей артиллерией я распрягался сам и ввел ее в действие, как только противнику стали видны приближающиеся суда. Участок высадки у Тарханского залива просматривался с передового НП близ Юракова Кута, где находилась опергруппа штаба флотилии и куда ночью перебрались мы с членом Военного совета Алексеем Алексеевичем Матушкиным. Обработываемый артиллерией берег, белый от только что выпавшего снега, густо почернел.

Несмотря ни на что, высадка в целом прошла успешно...

А пока десантные отряды возвращались в свои базы, сила шторма достигла шести-семи баллов. С некоторых терпящих бедствие ботов пришлось снимать команды. Велся поиск нескольких пропавших...

Еще перед высадкой, когда только начинало светать, на наш НП неожиданно прибыл К. Е. Ворошилов...

Ворошилов был очень недоволен задержкой кораблей с десантом, хотя и видел, что творится на море. Когда же высадка удалась, настроение у него резко переменялось. Он называл моряков героями, от души жал нам руки. Радость, как и неудовольствие, проявлялась у него несдержанно, горячо» (24, стр. 404—407).

Вот так проходила операция, кто ее готовил и ею руководил — все названы.

О том, какие были потери в людях, сколько утоплено плавсредств, как искали и спасали команды мотоботов,— обо всем этом стало известно Верховному. И гром грянул. Есть такое слово — «громомотвод». Оно не совсем точно отражает выполняемые этим прибором функции. Не гром он отводит, а молнии в него ударяют. Я вспомнил об этом в связи с тем, что постигло Петрова. В него-то и гром и молния ударили — снять и разжаловать!

Нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов в аналогичной ситуации — тогда, когда были потоплены три наших корабля,— поступил очень благородно. Николай Герасимович не побоялся и доложить правду, и написать ее в своих воспоминаниях. Напомню его слова: «Вернувшись в Москву, я со всей откровенностью, признавая и свою вину, доложил обо всем И. В. Сталину. В ответ услышал горький упрек. Он был справедлив. Обстрел кораблями побережья Крыма осуществлялся с согласия генерала И. Е. Петрова. Ему тоже досталось от Верховного».

Досталось, но, как говорится, обошлось. Мне думается, если бы Климент Ефремович доложил Верховному, что десанты были посланы по его указанию и что они высадились и задачи свои в основном выполнили, то для Петрова такого тяжелого наказания не последовало бы.

А теперь я приведу рассказ самого Ивана Ефимовича об этом деле. Услышал я этот рассказ от него лично.

После войны, после гибели Юры Петрова, встречаясь с Иваном Ефимовичем, я, очевидно, самым своим видом напоминал ему о потерянном сыне. Петров не раз в беседах со мной, даже если они не касались Юры, порой смахивал слезу. Я понимал его: глядя на меня, отец думал, что и его Юра, будь он жив, служил бы в армии, радовал бы его своими успехами. Да и сам Петров иногда говорил об этом, пользуясь непривычной для меня терминологией его молодости: «Юра был бы сейчас наштадивом, а то и наштакором», имея при этом в виду должности начальников штабов дивизии или корпуса. Предполагая такие переживания и не желая огорчать Ивана Ефимовича, я старался не попадаться ему на глаза в здании Министерства обороны, где и Петров и я тогда работали. Увидев генерала армии в дали длинного коридора, я сворачивал в сторону. Петров, наверное, понял это. Однажды мы встретились у лифта. Я поздоровался. Иван Ефимович взял меня за руку выше локтя, держал крепко, словно боялся, что я уйду, и, сказав: «Пойдем со мной», повел в свой кабинет (мы встретились как раз на том этаже, где он работал). Зайдя в кабинет, Иван Ефимович подошел ко мне близко, почти вплотную, положил руку на плечо, пристально посмотрел. Мне показалось, что его глаза наполнились влагой. Но это продолжалось недолго. Он взял себя в руки. Строго, с каким-то мягким укором сказал: «Не обижай старика... Я понимаю, почему ты меня избегаешь. Но Юру не вернешь. Так что прошу еще раз: не обижай меня».

Иван Ефимович куда-то спешил, он и так вернулся со мной от лифта, поэтому мы говорили недолго. Но после этого я не обходил его и навещал на квартире на Садовой-Кудринской, неподалеку от площади Маяковского. Чаще всего это случалось так — встретит он меня в коридоре, коротко бросит: «Поедем обедать» (или ужинать, в зависимости от часа, в котором встретились). Вот в одно из таких посещений летом 1953 года — не помню точно, с чего начался разговор, и вообще опускаю все другие темы, которых мы касались, — Иван Ефимович рассказал о керченском деле:

— Прибыл в Москву, ждал вызова к Сталину. Когда я уезжал из Крыма, все, да и я, предполагали, что меня отзывают для нового высокого назначения. Фронт ликвидировался, я командую армией, но все же я уже был командующий фронтом. Но на душе у меня было беспокойно, обычно при таких назначениях спрашивают мнение, согласие. А тут приехал Еременко, а меня, как говорится, в двадцать четыре часа и без объяснений — в Москву. Дождался я приема, а передо мной были какие-то или конструкторы, или строители. Они вышли из кабинета Сталина просто взмыленные. Видно, был крупный разговор. Захожу и сразу вижу — Сталин очень раздражен. Он стоял посередине кабинета, и по тому, как зыркнул на меня, я понял: быть беде. «Докладывайте!» — бросил Сталин не здороваясь. Я не понял, что он имеет в виду, спросил: «О чем, товарищ Сталин?» «О том, как утопили людей и корабли в проливе». Я все же не понимал, что конкретно он хочет знать. Молчал. А его, видно, распирало, и прорвалось: «Всю свою армию переправили в Крым, зачем еще десанты? Кому нужны эти новые потери? Надо с плацдарма наступать, а вы новые десанты посылаете. Кому они нужны? Вот и угробили людей и корабли, а успехи мизерные». Только тут я понял, о чем идет речь. Хотел объяснить, что эти десанты проводились представителем Ставки, но тут же понял: это будет выглядеть как попытка оправдаться. Но я не чувствую себя виновным — зачем оправдываться? И я молчал. Мне казалось, что запал в Сталине кипел еще от предыдущего разговора. Но как бы там ни было, а говорил он мне очень обидные вещи. И я наконец не выдержал и ответил: «Товарищ Сталин, я не виновен в том, за что вы меня ругаете». Он вскинул на меня глаза в упор: «А кто?» Я молчал, жалея, что возразил ему и пытаюсь оправдываться. «Кто?» — еще раз резко спросил он. «Пусть разберется и доложит Ге-

неральный штаб»,— ответил я. Тут он тихо, но грозно сказал: «Вы не виляйте, товарищ Петров, у меня нет времени на долгие разбирательства, говорите прямо — кто?» Я подумал: почему я должен брать все на себя? Тем более со мной не посчитались, поступили элементарно неуважительно, сами все затеяли, а когда не получилось, как говорится, спрятались в кусты. И я решился. И конечно, напрасно, только уронил себя в глазах Сталина. До сих пор жалею.

— Что же вы сказали? — спросил я.

— Сказал, что эту операцию организовывал лично представитель Ставки. Сталин некоторое время смотрел на меня так пронизывающе — думал, прожжет глазами. Потом очень тихо сказал, помахивая пальцем перед своим лицом из стороны в сторону: «Мы вам не позволим прятаться за широкую спину товарища Ворошилова. Вы там были командующий и за все будете нести ответственность вы. Идите...» Ну и затем приказ о снятии с должности, снижении в звании на одну ступень. И поделом мне! Не за потери — я в них не виноват. За то, что глупо себя вел, дал повод подумать, что прячусь за чужую спину. Никогда в моей жизни такого не было!

...Скажу в заключение этой части моей повести: Ивана Ефимовича Петрова будут еще не раз назначать командующим фронтом и дел добрых он свершит немало, но будут и снимать — и каждый раз незаслуженно.

В общем, у Петрова жизнь складывалась, как у многих настоящих полководцев: часто попадал в опалу, но когда подпирала нужда — опять звали послужить отечеству.

Конец второй части

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 27
2. Ленин В. И. Полн собр. соч., т. 2.
3. История второй мировой войны. В 12-ти т.— М., Воениздат, т. 3, 1974, т. 5, 1975, т. 7, 1976.
4. Тюленев И. В. Крах операции «Эдельвейс». — Орджоникидзе, Ир, 1975.
5. Вестфаль З., Крейпе В., Блюментрит Г. и др. Роковые решения.— М., Воениздат, 1958.
6. Военно-исторический журнал, 1967, № 2.
7. «Совершенно секретно! Только для командования!» — М., Наука, 1967.
8. Гречко А. А. Годы войны. 1941—1943.— М., Воениздат, 1976.
9. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн.— М., Воениздат, 1981.
10. Правда, 1977, 20 декабря.
11. Гречко А. А. Битва за Кавказ.— М., Воениздат, 1973.
12. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В 2-х т.— М., Политиздат, т. 1, 1976.
13. Ибрагимбеги Хаджи Мурат. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток.— М., Наука, 1977.
14. Гальдер Ф. Военный дневник. В 3-х т.— М., Воениздат, т. 3, кн. 1, 1971.
15. Закруткин Виталий. Кавказские записки. 1942—1943.— М., Сов. писатель, 1948.
16. Василевский А. Дело всей жизни.— М., Политиздат, 1975.
17. Литературное наследство. Т. 78 в 2-х кн. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны.— М., Наука, кн. 2., 1966.

18. Неотвратимое возмездие.—М., Воениздат, 1974.
  19. Москва, 1962, № 5.
  20. Пушкин А. С. Соч. в 3-х т.— М., Худож. лит., т. 3, 1974.
  21. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления.— М., изд-во АПН, 1969.
  22. Кузнецов Н. Г. Курсом к победе.— М., Воениздат, 1975.
  23. Шиян И. С. Новороссийск — город-герой.— М., Воениздат, 1982.
  24. Холостяков Г. Н. Вечный огонь.— М., Воениздат, 1976.
  25. Опрышко О. А. Заоблачный фронт Приэльбрусья.— М., Воениздат, 1976.
  26. Знамя, 1979, № 5.
  27. История Великой Отечественной войны. 1941—1945. В 6-ти т.— М., Воениздат, т. 3, 1961.
  28. Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер.— М., изд-во АПН, 1981.
  29. Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха.— М., Политиздат, 1965.
  30. Толстой Л. Н. Собр. соч. В 20-ти т.— М., Худож. лит., т. 7, 1963.
  31. Гладков В. Ф. Десант на Эльтиген. — М., Воениздат, 1981.
  32. Добролюбов Н. А. Избр. философ. соч. В 2-х т. — М., Политиздат, т. 1, 1945.
  33. Огонек, 1983, № 27.
  34. Гусев А. М. Эльбрус в огне.— М., Воениздат, 1980.
  35. Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза.— М., Воениздат, 1975.
-

ЯКОВ БЕЛИНСКИЙ

ГОЛОС АНГОЛЫ

Труба Анголы.
Рядом с тишиной.
Пускай ее едва коснулись губы,
услышана
всей далью мировой,
помножена
на всех восстаний трубы.

Свет мудрости
на гордых черных лбах.
Труба Анголы перевита алым.
Придет пора —
и новый,
черный Бах
начнет с нее
медь своего хорала...

Цветок у рельсов

...около рельса, почти прижавшийся к нему, ворсистый стебель подорожника...

К. Паустовский, «Повесть о жизни».

Спешат,
часы и дни листая,
сквозь гул тоннелей
и мостов
тяжеловесные составы
быстробегущих поездов.

Глощают жадно
даль за далью
электровоз,
локомотив,
своей вращающейся сталью
стальные рельсы
раскалив.

Полны платформы —
нет порожних! —
летит состав
сквозь свет и мглу...
А между рельсов
подорожник

вверх
поднял
острую стрелу.

В полях —
погаснувшие травы,
вдоль всех дорог
и страсти не умирает, а живет...
метелит снег,
а он
упруго и курчаво
живет
единственный из всех.

Под грохот
поездов бессонных
восходит,
не клоня чело, —
от рельсов,
сталью раскаленных,
струится властное тепло!

И он,
приемля это счастье,
стальных гигантов снова ждет,
среди этой скорости
и страсти
не умирает, а живет...

Всей сталью
над землей нависнув,
они спешат своим путем,
даря цветок
бессмертьем жизни,
хоть и не ведают о нем...

* * *

Иссякает, мелеет, немеет,
гаснет страсть, обрывается нить —
гибнет тот, кто любить не умеет,
обделенный талантом любить.
Не любя, не страдая, не веря,
среди соблазнов, которых не счесть,
он считает угрюмо потери:
Друг, Любимая, Родина, Честь...

Два заклинания

I

Не на миг, не на час, не на год —
до конца! —
помни свет одного — моего! — лица!
В океан пускайся на корабле
или в синь взлетая, в крутую высь,
на родной земле
и в чужой земле
на любую — другую — не заглядись.
Не неволю тебя,
не виню,
а велю
только мне одной знать твое: люблю.

И да будут, как Камень-Алатырь, крепки
 этот зов изуственный
 и твердь строки.
 Средь искусов земных,
 толчей,
 суеты
 два сплелись деревца —
 это я и ты.
 Так храни любовь нашу в хлад и в зной,
 никакой не отдай воровке —
 ни златой весной в гущине лесной,
 ни в дому, где загул до утра сквозной,
 ни в далекой командировке...

И

Позабыл ты, так снова вспомни
 жаркий шепот кромешного рта,
 продери свой глаз полусонный:
 я — твоя,
 та самая,
 та.
 Незабвенный, желанный, милый,
 жду, как с фронта невеста — весть.
 Закляла бы нечистой силой,
 да у нас только чистая есть!
 Мы — единая плоть-чета,
 двух любвей нераздельна сумма.
 Я пока что не занята.
 Может, время тебе передумать?
 Не минует снег твоего виска,
 и, судьбу для себя решая,
 вновь к другому уйдет другая,
 а тебе — только ночь, тоска.
 Не давай же себе отсрочки,
 не предай нашу связь, нашу близь —
 уложи в чемодан сорочки,
 ветеранский билет,
 платочки,
 мною вышитые...
 Вернись!

ВЛАДИМИР ДАГУРОВ

★

НИКИТСКИЕ ВОРОТА

Нет ворот у Никитских ворот,
а ведь были когда-то же, были —
и опричники зорю трубили,
и Никита стерег сей оплот.
Гончаровых здесь дом был и сад,
и, хмелея от страсти и счастья,
на свиданье летел Александр
мимо церкви, где будет венчаться!
И, романсами душу травя
под погибельный блеск канделябров,
знать не знал у Никитских Алябьев,
что в Бутырках споет «Соловья».
Два студента сдружились в борьбе:
слово — колокол, искра — к пожару!
С думой Герцен уходит к себе
на заре по Тверскому бульвару.
А в постройке классической той,
где березы прильнули к фрамугам,
пил отеческий воздух Толстой,
дома кончив «Хождение по мукам».
Рядом экспроприрован был
особняк в пышном стиле модерна.
Горький лестниц его не любил:
«Эх, во всем декадентство манерно!»
В размышлениях руки скрестив,
не бросая на ветер ни фразы:
«Ты в безделье, мой друг, некрасив», —
осуждает меня Тимирязев...
Я хожу у Никитских ворот
и за будничной их суматохой
вижу явственно створы ворот
между прошлым и нашей эпохой.
Как прекрасна должна быть страна
и какое грядущее прочить
можно ей, если только одна
так богата талантами площадь!

Городской случай

На машине едет лошадь
по Садовому кольцу.
Смотрит Зубовская площадь
вслед гнедому жеребцу.

Что одна лошажья сила
в нашем буйном мире, что?
У того ж, к примеру, «ЗИЛа»
их в моторе целых сто.

Там их сто, да нету чуда
и не будет никогда.
Конь примчал невесть откуда
и умчал невесть куда.

Конь заржал и оглянулся,
«ЗИЛ» конягу укатил...
Горожанин улыбнулся,
а крестьянин закрутил.

Камень Шайтан

Камень Шайтан над рекой Чусовой
встал, как стоит на посту часовой.
Взглянешь — покой потеряешь навек,
веришь — когда-то он был человек.
Избороздили думы чело.
Остановлюсь и спрошу: «Ты чего?»
Он на меня и не взглянет, а все ж
тело бросает в холодную дрожь.
Он тут хозяин, а я лишь турист.
След от байдарки — растаявший свист.
Я восторгаюсь природой, а он
каменным стражем стоит испокон...
Лешим бродил он в дремучей тайге,
мучался жаждой и вышел к реке.
Выпил и капли стряхнул с бороды.
Вдруг чей-то голос позвал из воды:
«Слаще вода у меня в глубине!»
Чудо-русалку он видит на дне.
Леший таежный — бывалый мужик,
но к красоте он такой не привык.
Деву ручищей за волосы хватъ:
«Весело будем мы жить-поживать!»
Тащит за косу на берег крутой.
Плачет русалочка: «Леший, постой!
Сплаваю к матери я и отцу —
надобно благословенье к венцу!»
Леший, как рыбку, ее отпустил,
бороду к самой воде опустил.
Ждал он не день и не месяц, не год —
ждал он века, и сегодня он ждет.
Я ошалело пред камнем стою:
все же он верит в русалку свою!

* *
* *

У детства каждого — деревня
у белой рощи на краю,
где вековечные деревья
судьбу напутствуют твою,
где воздух светел и кристален,
где дым отечества. зане
в любом из нас живет крестьянин,
его приверженность к земле;
где учат лошадь и корова
земному вечному добру,
и на земле не будет крова
тому, кто здесь не ко двору...

У каждой юности есть город,
который должен стать своим,
где счастья сладостного голод
не утолить вовек двоим,
где над тайгою звезды пляшут,

как будто искры от костра,
и под гитару кто-то плачет
и спать не может до утра...

Я горизонтов новых жаждал
в своей размашистой стране.
Огромный город, он однажды
вдруг показался тесным мне.
Но если пристальнее вдуматься,
то в этом жизнь отражена:
деревня детства, город юности
и позже — взрослости страна!

Улица Мира

Я на улице Мира живу,
а в стране она самая главная.
Сквозь бульжник, дома и листву
проступает ее биография.
Прежде были, лишённые благ, —
где колдобины и буераки —
с ярым лозунгом алым на лбах
под папахою крыши бараки.
Ныне — новые зданья встают,
негасимое в окнах свечение.
Новоселы там песни поют
про народную ту, про священную...
Рядом грузно лежат этажи
с колоннадой в торжественном стиле,
от которого мы отошли,
но которого мы не забыли.
...Этажи вознеслись в синеву —
я квартирой доволен, поверьте.
Я на улице Мира живу —
так приятно писать на конверте!
Пролегла сквозь года, города,
сквозь разруху, руины, пожары,
сквозь двухжилые руки труда
эта улица мирной державы.
Мне увидеть бы сон наяву:
в облаках затерялась квартира,
как на улице Мира, живу
на Планете Всеобщего Мира!

ЮРИЙ ГЕЙКО

★

ИСПЫТАНИЕ

Повесть

Глава первая

Первый раз в жизни Игорь Шматов опоздал на работу. Причина была неуважительная: кончился бензин в его машине, пришлось добираться общественным транспортом. То было некогда заправиться, то денег не было, и вот сидит теперь пишет объяснительную. Настроение — хуже некуда. Да еще каждый кому не лень спрашивает, что случилось. То ли сочувствуют, то ли злорадствуют...

К середине дня он немного разбегался. Уже не казалось, что начальство им недовольно, что сотрудники шушукуются за его спиной: «Шматов писал объяснительную... Не видать ему Италии...»

А Италия, юношеская мечта, обещала в конце концов, на четвертом десятке лет шматовской жизни, обернуться реальностью. На два месяца.

Да, к обеду он разбегался, почти забыл об объяснительной, вернулся себе молодцеватый вид, который здесь, в экспортной конторе, был необходим, как галстук.

Потом в делах образовалось затишье, и Шматов задумался. Спроси его кто-нибудь: «О чем думаешь, Игорь?» — он бы не ответил. Так, обрывки, лоскуты какие-то... Но обрывки и лоскуты эти были одного цвета: серого цвета тоски. Все это уже не могло быть объяснено опозданием: может быть, тоска в уставшем человеке начинается с мелочи, как лавина — с одного камня? Сейчас никто не копается в кажущейся беспричинности настроений: все знают, что жизнь идет полосами, да и биоритмы берут свое. Не копался и Шматов. Может быть, отвлекли его что-то — и все бы развеялось, забылось, но молчал телефон и — редкий день! — никто о нем не вспоминал.

Казалось, он должен был успеть сегодня, времени хватало, но опоздал. Игорь рассеянно вспоминал весь свой утренний бег: где задержался? Дорога была знакомой еще студентом выверил ее до секунды. Вспомнил трамвай и автобус — они подошли почти тут же. Вспомнил лестницу в парке культуры, по которой пришлось бежать... «Бежать!» Игорь хмыкнул. Задохнулся на середине, остановился, хватая ртом воздух, чувствуя, как в горле толчками колотится сердце. А ведь студентом он этой лестницы не замечал...

Игорю отчего-то стало не по себе.

Ну и что? Он курит, мало двигается, а с этой машиной и вообще... Надо в футбол погонять, бегать по утрам, как бегают уже треть человечества, записаться в бассейн. Да, но студентом он этой лестницы не замечал, опять подумал Шматов. А теперь... Посчитал годы — это было легко — десять лет прошло. Еще через десять он будет одолевать лестницу в три приема, а через двадцать подумает: стоит ли?

Он вдруг с потрясающей ясностью увидел, как уходит жизнь.

А давно ли был студентом? Давно.

У него уже есть прошлое: десять лет. Десять лет! А он и теперь ходит в перспективных, подающих надежды мальчиках. Италия... Зачем ему она? Той его, юношеской Италии, которую он неплохо знал и о которой с жаром рассказывал при случае, сделав эту тему своим коньком,— той Италии уже нет в нем, чего уж кривляться? Теперь он изучает ее по магазинам, по этикеткам. Он знает, что увидеть все то, о чем грезил когда-то, не будет уже ни охоты, ни времени. Будет работа, работа и лиры, лиры... Ну, съездит раз и два, и это будет жизнь? Та самая — настоящая и единственная?

Да, жизнь уходит. А он ее еще и торопит, подстегивает, ждет от нее чего-то. Чего? Радости? Но какая радость от нелюбимой работы?..

Треск машинок, стук телетайпа, гул кондиционеров, голоса, звонки — все это Шматов услышал отчетливо, как никогда за три года не слышал. Зачем он здесь? Зазвонил телефон и на его столе.

— Алло... Шматов вышел... Да, мистер... Я передам.

А ведь есть работа, на которую он вставал без будильника, на которой забывал пообедать и которую невозможно было отделить от жизни. Была. Зачем же бросил?

А кто же знал, что она любимая? Ушел вот — понял... Таня была против бесконечных командировок... При чем здесь все это, при чем здесь вообще кто-то другой, черт возьми! Всем, кто его любит больше себя, должно быть хорошо, если хорошо ему, вот истина.

Посмотри на детей, посмотри в зеркало, раскрой семейный альбом с фотографиями, приди к друзьям — увидишь и услышишь, что повзрослел, возмужал, заматерел, помудрел, достиг, добился, но никто не скажет тебе истины, только такая вот лестница: жизнь уходит. И никто не спросит: на что ты тратишь ее? Только ты сам.

Шматов вздохнул и поднял голову — в бюро европейской стандартизации было пусто. Рабочий день кончился. Взял белый листок из стопки (меловая, финская! На такой бумаге заводчане только в министерство пишут), щелкнул «паркером».

Подумаешь — три года. Да они и не пропали даром. Большая школа — здешние три года... Посмотрел по сторонам, будто видел все это в первый раз. Написал:

«Прошу уволить меня...» Задумался: что писать дальше? По собственному желанию? Это и так ясно, коль написано «прошу». В связи с переходом на другую работу? Естественно, безработных у нас нет. Хочу вернуться на прежнее место? Да зачем им это знать, зачем в заявлении раскрывать свою душу?

«Прошу меня уволить», — написал Игорь на другом листочке и долго на него смотрел. Потом смахнул его в верхний ящик стола, накрутил телефонный диск.

— ...Я хотел тогда еще сказать, но ты бы все равно не послушался, — скрипел в трубке спокойный голос Хохорева. — Ты не приспособлен работать там.

— Почему?

— У тебя все на лице написано. Каждое утро ты приносил мне на работу сводку своей семейной жизни, я даже задания тебе часто давал исходя из нее... А у нас новая модель, Игорь. Перспективная! — проговорил он с присущей ему иронией ко всякого рода «возвышенностям». — На уровне мирового автомобилестроения.

— Совсем новая?

— Увидишь — не узнаешь... В общем, давай: уходи по-хорошему, без всякой позы: мы, мол, испытатели. Как раз к своей работе поспеешь, прочностным испытаниям. Я ведь знал, что ты вернешься... — Хохорев помолчал, ожидая возражений, усмехнулся: — Можешь старику не верить, доказательства в твоём столе лежат. — Игорь недоуменно

посмотрел на выдвинутые ящики.— Да не в этом, в том...— Хохорев видел все.

После разговора с бывшим шефом Игорь долго ходил по пустой комнате, задевая углы столов, курил, стоял у окна. Какой странный день, думал он, начался объяснительной, кончился... Он не испытывал ни сомнений, ни удовлетворения — он весь уже был там, на заводе.

Совсем стемнело. Игорь не зажигал света. Мир за окном обозначился огнями. Машины, машины, машины... Отныне и навсегда. Никаких компромиссов...

Глава вторая

Ни в этот день, ни в следующий Игорь не смог набраться духу выложить все Татьяне: ему было жаль ее. Ему было жаль тех вечеров, когда ползали они вдвоем по географическим картам, гадая, куда бы его могли послать в командировку; ему было жаль того терпения и труда, которые вкладывала она в его «многообещающую» работу — он там, на переднем крае, со своей исполнительностью, обаянием и самообладанием истинного клерка, а она обеспечивает тылы: стирает, штопает, гремит кастрюлями и никогда не отчаивается от скудости семейного бюджета. Ему было жаль ее невысказанных, но разбившихся надежд на иную, красивую жизнь. Конечно, они не болели вещизмом и не считали себя мещанами. Конечно, они были убеждены и не раз доказывали друг другу, что главное в жизни — ценности духовные. «Но боже мой! — иногда говорила Татьяна. — Как хорошо это понимаешь, когда все остальное уже есть!»

Брови-стрелки, гордый, даже чуть надменный нос. Губы алые, четкие, точь-в-точь Владькины. Светлые волосы, те самые, в которых он когда-то тонул и задыхался... Такой она была и в тот день, когда шли они навстречу друг другу по институтскому двору. Только он уходил оттуда навсегда, а она лишь делала первые шаги. Как нравились ей тогда его гонки и командировки! Как любила она хлопотать дверцей спортивного автомобиля, когда под прицелом десятков глаз уносился он с ревом с институтской стоянки!..

Что-то изменилось между ними с тех пор, как ушел он с завода. Какая-то настороженность друг к другу поселилась рядом после Таниных слов: «Выбирай — или я, или командировки». Словно бы шли они, как случайные попутчики, по незнакомому глухому лесу и были вынуждены держаться вместе — до первой солнечной опушки...

Любит ли она его? Бывало, он изводил ее, а еще больше себя этим вопросом. А знала ли ответ она сама? А видела ли, с отвращением собираясь по утрам в свой банк, как летит на работу он?

Видела. Но считала это мальчишеством. Да, она так и говорила: «За серьезную работу столько не платят».

Если у Игоря ныл зуб, он садился за руль, и зуб успокаивался. Если болела голова — он прибавлял газ и забывал о ней. Если вдруг вскипала в нем душа на семейные неурядицы, и жизнь тускнела, как свет от севшего аккумулятора, он не кричал на жену, не пугал сына, а выходил во двор к своей старенькой, но отлаженной, как хронометр, машине, задирал ее на домкрате и делал какой-нибудь ремонт, до которого обычно не доходят руки. На злости работается споро, и машина у него всегда в порядке. Однажды он перебрал даже двигатель...

Он нанизывал за сутки много сот километров, десятки городов, он застревал, ломался, полстраны ехал на веревке, тащил других, он проклинал машину и, бывало, целовал ее...

Он уходил от лобовых столкновений, из-под вздыбившейся лошади, горных обвалов, выбирался из разбитой в клочья машины...

Он видел ночную, серебристо-пепельную радугу в Казахстане, пыльные, танцующие смерчи в Араратской долине, сотни рассветов под разными небесами; встречал он в пути и людей, разных людей...

Он пил воду из радиатора в Прикаспийской пустыне, обморожился и согрелся у горящих баллонов в Заполярье...

Не раз он выкарабкивался к жизни на чьих-то плечах, не раз подставлял друзьям и свои плечи; он помнит, как однажды лежал с ребятами, замерзая всего лишь в километре от теплых окон, и ни у кого не было сил даже поднять на них глаза — каким чудом их нашли тогда?..

Глава третья

В первой же заводской рабочий день на автостоянке у проходной Игорь встретил Хохорева. Даниил Михайлович обходил свою мышиную «Волгу» с разных сторон и настраивал секретки. Жесткие с густой проседью волосы торчали из-под нелепого берета, глаза смотрели весело, бодро, непенсионно.

— Какой воздух, товарищи! — обратился Хохорев к идущим мимо и зажмурился: — Дышите, дышите глубже, через час будет смог.

Люди улыбались.

Воздух и правда был хорош, но вот за подобные и многие другие штучки слыл Даниил Михайлович чудачком. К тому же Хохорев редко скрывал какую-нибудь свою неудобную для окружающих точку зрения. Поговаривали о его заслуженном отдыхе.

А сейчас Даниил Михайлович ткнул Игоря в грудь пальцем и сказал:

— Нехорошо. Неуважительно. (Игорь увидел, что галстуки у них совершенно одинаковые). Носи свой по нечетным. А лучше подари Гудкову, мы с ним редко встречаемся.

Гудков был доктором наук, замом главного конструктора по испытаниям, и его единственный засаленный копеечный галстук на резинке, всегда мятые брюки, стоптанные ботинки являлись предметом насмешек всего отдела.

В вестибюле люди пошли к лифту, Даниил Михайлович — к лестнице, Игорь за ним.

— Готовься в командировку, — сказал Хохорев между третьим и четвертым этажами. — На месяц. С новой машиной. Изучи ее детально, не подведи меня. — Старик скользнул по нему взглядом, проверяя его реакцию: пульс его семейной жизни.

В начале испытательной карьеры подобная новость приводила Игоря в восторг. Женившись, он ездил с желанием, но уже не выглядел счастливым.

— Когда? — спросил он, почувствовав облегчение от приближающейся не по его воле, а потому неизбежной развязки.

— Дней через десять — пятнадцать... Что у тебя дома?

— Нормально. — Игорю не хотелось говорить на эту тему.

Хохорев не поверил, но уточнять не стал.

Коридоры были те же. И запахи и звуки. Люди иногда попадались незнакомые. Знакомые же останавливали Шматова, расспрашивали, почему вернулся, где побывал. Слушали недоверчиво: неудачник, такое место бросил... И Шматов врал. Называл страны, куда «съездил», по алфавиту: Англия, Бельгия, Венгрия, — а причина возвращения: «Да так, семейные обстоятельства»... «Темнит», — думали сослуживцы, но все равно это было понятнее, чем правда.

Шматов спустился в экспериментальный цех, где — пока еще за ширмами — стояла надежда завода — новая модель. Она была почти

готова. Из скольких слов, мыслей, споров родилась она, и сколько всего этого рождала она теперь!

Но Шматова туда не пустили — нужно было разрешение Костомарова, начальника бюро кузовов. Игорь позвонил — тот был на совещании у главного, и пришлось ждать.

В углу, отведенном под хохоревское бюро, столов прибавилось. Незнакомцев тоже. Из «старослужащих» сидел один Куликов, невысокий брюнет лет сорока. Привстав, он сдержанно поздоровался с Игорем и сказал в своей обычной желчноватой манере:

— Вы, Игорь Евгеньевич, как всегда, к самому пирогу поспели, не сегодня-завтра делить будут — испытания новой машины на носу.

— Рано облизываться, Сергей Ильич. А на намек я не обижаюсь, в здоровом коллективе это неплохая черта — всегда поспевать к столу.

Новых работников было четверо, и все они прислушивались к разговору: круглолицый, с седым пушком вместо волос, с добрыми глазами, похожий на сказочника мужчина лет пятидесяти; рослый парень в джинсах; второй — помельче, но длиннокостный, томноватый, модный; и девушка, подле которой они стояли, — Наташа. Широкое лицо со вздернутым, припухлым носиком, тонкие губы, узелок темных волос на затылке, редкая челка на лбу, брови приподняты в каком-то милом удивлении.

Шматов оглядел столы, спросил:

— Какой свободен?

— Этот и этот, — сказал рослый парень.

— А этот? — Игорь показал на свой стол.

— Здесь сидит тип, который уже три года в загранкомандировках, — сказала девушка.

— Говорят, полмира объездил, — неприязненно добавил длиннокостный. — Шеф сюда никого не пускает.

Игорь подошел, провел рукой по крышке — пыль. Привычно вытянул нижний ящик... Там лежала тряпка. Возбужденно стал выдвигать другие ящики: да, никто здесь после него не сидел. Достал перекидной календарь за 1980 год. Он был раскрыт на 28 августа, и последней записью было: «Позвонить в Проммашэкспорт». В дальнем углу лежали два съежившихся, грязных кожаных комка. Игорь медленно и почти счастливо всунул в них руки: это были его водительские перчатки.

Ребята затихли, переглядываясь.

Зазвонил телефон, из-за шкафов крикнули:

— Шматов есть? Костомаров ищет!

Игорь снял трубку:

— Здравствуй, Олег...

Девушка удивилась: такое панибратство с самим Костомаровым!

— Да, вернулся... Нет, думаю, насовсем... Оклад сто сорок... А что деньги, Олег? Любимая работа как любимая женщина — с ними не разбогатеешь, на них тратить надо... Сыну вдолблю обязательно: хочешь серьезного в жизни добиться — не женись... К тебе? Зайти? Не могу... Жду межгород.

Игорь положил трубку и огляделся — никто вроде бы не засек его с межгородом, да и кому какое дело, почему не хочется ему идти в кабинет своего бывшего друга.

Игорь знал, что Костомаров придет сам. Он даже знал почему. Ведь испытывать его кузов давать заключение будет он, Шматов. И на совещании Костомаров был наверняка против его кандидатуры — кончившаяся дружба зачастую хуже, чем вражда. Но раз он позвонил, значит, утвердили Шматова, значит, умотал старик Хохорев всех.

Костомаров придет сейчас и будет делать его, Шматова, своим — нет, не другом, он не дурак, Костомаров, — своим человеком. Ему это

нужно сейчас. Вот придет он, протянет руку и скажет: «Ну что, Шмат (так он звал его когда-то), неужто из-за той древней истории можно забывать старых друзей? А вспомни-ка ты лучше, как...»

И тут уж только держись, потому что вспомнить действительно есть что. Дня друг без друга не жили. Бродили до ночи по улицам, как влюбленные, и говорили, говорили... Мечтали, дурачились, полные юношеского тщеславия, опьяненные своим будущим, видевшим-ся каждому особенным, значительным.

А те пятнадцать километров — Игорь помнил их — теперь это была далеко не самая большая шишка, набитая им за последние годы.

А тогда ехали они, два второкурсника, на «Волге» костомаровского отца по загородному шоссе, и на заднем сиденье стояли две сумки с продуктами. Одна предназначалась Олеговой сестренке, другая — Вовке, брату Игоря. Их пионерские лагеря находились недалеко друг от друга, всего пятнадцать километров, десять минут езды.

Олег сидел за рулем вытянув шею, иногда гордо поглядывая на Игоря, и уже тогда в этой гордости проступало что-то хозяйское, властное, снисходительное. И когда Олег кормил клубникой и красной икрой свою сестренку, когда здесь же подцепил студентку иняза Ирочку, когда нарочито небрежно звенел ключами зажигания, хлопал дверьми, врубал на весь лес приемник, тогда Игорю было тоже неуютно, но он никак не ожидал, что через полчаса Олег скажет ему:

— Ты знаешь что... Я отсюда домой поеду. Отцу машина нужна.

— Как домой? А как же... Да я быстро, только еду отдам...

— А ты не езди, скажи, что все нормально... А гостинцы эти мы уговорим. Хотя... — Олег нахмурился и посмотрел в сторону Ирочки, — ты прав, пожалуй. На, возьми, тут хватит, — он протянул пятачку.

Может быть, Игорь и смалодушничал бы, не будь в его сумке всего-навсего завернутые в салфетку бутерброды с вареной колбасой, кусок курицы, редиска, домашнее варенье да два драгоценных ранних помидора, не помни он, как мать, узнав о его поездке, зашуршала рублями и ринулась на рынок, как любовно укладывала все для Вовочки да наказывала счастливая, что вот дожидается — старший о младшем заботится. Игорь представил себе всю эту простенькую снедь, согретую мамиными руками, на капоте костомаровской «Волги» рядом с тем, что видал, да не по каждому празднику, и обида жгучая тряхнула его так, что слезы бросились в глаза, и он, пряча их из последних сил, прокричал в лицо своего друга:

— Я не кататься на папиной машине поехал с тобой, а к брату! Понимаешь... сволочь?!

— Но, но! — услышал он вслед, когда пошел со своей сумкой по знойному, маревому шоссе, и слезы душили его, и он плакал, быстро смахивая их и деревенея спиной каждый раз, когда нарастал сзади гул мотора.

Да, он верил, что Олег опомнится, догонит его, верил километров семь и шел по извилинам дороги, не срезая их проторенными тропками, но когда дорога пошла круто в сторону, он остановился, сел на траву, пустой и выпланный, но еще мягкий, сел, посидел молча, прощаясь с другом и, может быть, с чем-то еще, и пошел дальше лесом, уже не огляываясь.

Остальные километры он думал о маленьком Вовке, о маме, и душа его оттаивала. Игорь хотел есть, но не посмел даже расстегнуть тяжелеющую все больше сумку. И зной, и пот, и голод, и затекшие пальцы — все это только разжигало его сейчас, он шел стиснув зубы. Сломай ногу — он, несомненно, и ползком добрался бы до цели.

А когда Игорь растянулся на Вовкином одеялке в кустах, когда братан, уплетая помидоры, дергал прохладными пальчиками его красную распухшую руку и улыбался, Игорь строго пересказал ему ма-

терины наказания, подложил еды, обнял его, худенького, уткнулся лицом ему в колени и впервые почувствовал себя сильным.

Той же осенью Олег перевелся на вечерний, но он звонил Игорю, и не раз. Игорь бросал трубку и мучился при этом, как влюбленная девочка, но выстоял.

Нет, Костомаров не хлопнул по плечу и не полез в душу. Он вошел строгий, начальственно-озабоченный, подал руку и сказал без предисловий:

— Несмотря на то, что я рад тебя здесь вновь видеть, на совещании я был против твоей кандидатуры, Игорь. Три года сейчас это много, ты не знаешь машины, а она ничем не похожа на прежнюю. Ты в какой-то степени — не обижайся — потерял квалификацию. Можешь ошибиться, а ошибаться теперь нельзя.

Да, Костомаров умел быть откровенным, умел красиво костерить и себя и кого угодно, находить какие-то сильные, неожиданные слова — умел ошеломлять.

— Я готов подтвердить свою компетенцию... — начал было Игорь.

— Нет-нет, подожди, я не кончил, — Костомаров сжал его локоть. — Но потом я подумал: а может быть, это и лучше? То, что ты не рожал ее, не дрался за нее? Ты свободен от этой родительской предвзятости, ты как бы со стороны, у тебя свежий взгляд, да, и я решил, что это лучше, объективнее. Ну а профессионализма тебе не занимать, да и время позволяет вникнуть, я готов помочь, поверь! — воскликнул Костомаров, хлопнув наконец Игоря по плечу.

— Нет, Олег Константинович, пока не надо. Я обращаюсь к тебе, если у меня будут трудности.

— Но почему? Мне совсем не в тягость, наоборот...

— Боюсь заразиться твоей родительской предвзятостью.

Костомаров криво усмехнулся:

— Ну смотри. Только вот что... Пойми меня правильно... Это дело, может, всей моей жизни, как бы тебе... — он не находил нужных слов и волновался. — В общем, одна просьба, дружеская, человеческая, как хочешь понимай, но просьба огромная... Если по каким-либо узлам, деталям кузова результаты будут, ну... отрицательные, не спеши делать выводы, сообщи сначала мне.

Слово «дружеская» он проговорил быстро, обжигаясь и, видимо, раскаяваясь, что употребил его. Была в его взгляде сломленность какая-то и покорность, словно у пса, подползающего под хозяйскую руку с виляющим хвостом и на всякий случай прижатými ушами.

Игорь вдруг смутился, как смущается человек, впервые дающий взятку. Он даже не удивился, когда в их закутке появилась Наташа и сказала:

— Игорь Евгеньевич, вас междугородная просит.

Это было спасение. Как бы извиняясь, он развел руками, взглянув на Костомарова, но опешил — тот широко, вальяжно улыбался:

— Да что мы с тобой, в самом деле? Нашли место! Что нам, вспомнить нечего или постарели мы? Пойдем в кабак, посидим по мужски, у меня метр в Интуристе. А в делах потом, успеем еще, а? — Глаза его лучились такой неподдельной искренностью, что Шматову и в самом деле захотелось в ресторан. — Ведь полжизни прожито, Игорь, а? А помнишь бурсу, помнишь двух фантазеров? Будто вчера было...

— Да, — вздохнул Игорь.

— Ну так до вечера? — Костомаров ослепительно улыбнулся и вышел.

Шматов машинально подошел к телефону со снятой трубкой и, беря ее, подумал: «Что за чушь, какая междугородная?» Он посмотрел на Наташу — она смутилась.

— Спасибо вам, вы, видимо, чуткая... Впрочем, нет, женщины все чуткие, вы — тонкая женщина.

— Мне стало жаль вас,— сказала она.

— Я так выглядел?

— Нет, но вам было трудно.— Наташа сняла очки, серьезно посмотрела на Игоря. Он вдруг увидел, что она красива.

Глава четвертая

Это событие, ради которого полуторатысячный отдел главного конструктора работал три года напряженно, нервно, произошло до обидного незаметно. Раскрылись железные створки ворот экспериментального цеха, как раскрывались они до этого — на дно по сорок раз,— оттуда выкатился перламутрово-зеленый автомобиль, пересек двадцатиметровый заводской проезд и исчез за другими воротами, над которыми было написано: «Отдел главного конструктора — отдел коммунистического труда».

Правда, очевидцев этого события было много — был как раз конец дневной смены, заводчане валом валили к проходной, но вряд ли среди них нашелся эрудит, заметивший, что такая машина не значится ни в одном, самом полном автомобильном каталоге мира, что она своя, родная, что имя ее то же, что и у сотен ее сестер, забывших стоянку перед проходной, у миллионов других, бегающих по стране и за ее пределами.

Она стояла посреди гаража, и к ней стекались люди. Безуспешно сотрясали воздух два серебристых динамика: «Прошу посторонних выйти из гаража!» — никто посторонним себя не считал.

Конечно, все они видели и чертежи, и отдельные детали, и пластилиновый макет в натуральную величину, но живой, теплой, настоящей она стала только сейчас, когда осторожно вкатилась в гараж.

Олег Константинович Костомаров стоял не в толпе — поодаль. Машину он успеет посмотреть, сейчас он наблюдал за людьми, слушал. Это был крепкий спортивный мужчина с примечательным лицом. Сказать: оно нравилось женщинам — не все сказать. Такие лица — симпатичные, открытые, с умом в глазах или, как нынче принято говорить, интеллектом, — нравятся всем или почти всем и потому называются обаятельными.

— Этот разве нашенский? И не похож вовсе, «Форд» какой-то,— басил Филин, патриарх испытателей и спортсменов. Его рассказы полгаража собирают в курилке.

Костомаров с мнением Филина был не согласен. Сравнить можно с чем угодно, чего сейчас только нет, но не сравнивается! Далеко ушли от тех аляповатых образцов, которые гниют сейчас на заводской свалке. Каждый раз, проходя мимо, думал, как можно создавать такое? Где глаза, вкус? Годы работы сотен людей, чертежи, макеты, до металла дошло! И вот они, уродцы, стоят сиротливо, как памятник консерватизму и неповоротливости.

Костомаров с теплотой вспомнил бородатых длинноволосых ребят — дизайнеров, пришедших в последние годы в бюро художественного конструирования, Андрея Фролова, начальника этого бюро, с которым в один год кончал институт.

Однажды Олег Константинович, еще будучи студентом, попал в комнату молодоженов Фроловых, заваленную эскизами. Они были везде — на стенах, стеллажах, кульмане, на полу. И везде автомобили, автомобили, автомобили — изящные, легкие, стремительные, воплощение скорости и комфорта. Карандашом, акварелью, фломастером. Таких машин Костомаров никогда не видел и был поражен. А Андрей развязывал тесемки все новых и новых папок... Тогда, пятнадцать лет назад, в этих папках Олег впервые увидел клиновидный

кузов, который завоевал сейчас весь мир. Поистине — нет пророка в своем отечестве!

— Ты показывал это кому-нибудь? — спросил он тогда, глядя на Андрея как на преступника.

— Показывал,—махнул тот рукой. — Почти везде. Хвалят, берут кое-что для домашних интерьеров, но делать не хотят. Не могут,— усмехнулся он. — В наших, говорят, условиях это не нужно. У нас, говорят, модель проверенная, утвержденная, лет пять еще простоит на конвейере.

— А потом?

— Вот потом, говорят, и приходите. Ну приду, а что толку? Изменяют пару штампов, приляпают два-три молдинга, фонарики, приборчики поменяют и пожалуйста — новая модель.

После института Фролов добился свободного диплома, назанимал денег и отправился со своими папками по автомобильным заводам. Но ко двору не пришелся нигде. Творил чайники на Украине, кофеварки в Прибалтике, заработал кучу дипломов, но однажды получил телеграмму: «Создается бюро художественного конструирования. Срочно пришли эскизы. Костомаров».

Костомаров тогда еще веса особенного не имел, но был секретарем комитета комсомола отдела, неплохим, кстати, секретарем, и, следовательно, с начальством общался. Кандидатов в начальники этого бюро было хоть отбавляй, но Андрей прилетел вечером же, худой, с горящими глазами, кучей новых идей, эскизов, рисунков — они-то все и решили.

Миронов, главный конструктор, к счастью, был в отпуске. Его первый заместитель сказал Фролову:

— Нам доверено создать новый, принципиально новый автомобиль. Мне ваши идеи нравятся, я попробую поддержать вас перед руководством.

И пробил-таки Фролова...

Люди расходились. Костомаров поднялся к себе. Он прошел вдоль строя кульманов с застывшими суставчатыми клешнями-угольниками: есть в них, обезлюдевших, нечто подобострастное, изготовившееся под хозяина. Сел за свой стол у окошка.

Теперь, когда не надо задерживаться, оставлять других, жевать бутерброды, травить анекдоты и работать, работать, такие желанные вечера оказались пустыми. Их всего-то было несколько и уже завтра — Костомаров знал — опять не будет: придется срочно что-то дodelывать, подгонять. Правда, первый вечер он пробарствовал на диване с «Литературкой», лениво поиграл с дочерью и получил от этого удовольствие: покой, тишина. Второй промаялся у телевизора, а третий, сегодняшней, угрожающе маячил впереди. Вдруг ему пришло в голову, что то, чем он иной раз любовался в себе — зуд по работе, есть не что иное как ограниченность, однобокость природы, заполнение вакуума от чего-то другого, несостоявшегося. Но у него-то вроде все на месте: дочь, жена, работа, квартира. Почему-то мысли его перекинулись на Шматова. Костомаров вспомнил свой последний неудачный разговор с ним — он лишь насторожил Игоря.

Всю сознательную жизнь Шматов не то чтобы мешал ему, а словно бы дразнил чем-то таким, чего у него, сына ректора, все-таки не было. То, что учился Шматов получше и даже кое в чем помогал Олегу, это ладно, не главное, хотя и такую зависимость не очень-то приятно сознавать.

«Хитрый он, хитрый», — твердила ему мать. После института Шматова призвали в армию — на два года, офицером, какая уж тут хитрость? А тот сам пришел к военкому, узнав о своем призыве: хочу, говорит, подальше. Попал в Заполярье. Вернулся членом партии, да еще и машину купил. Вот тебе и не хитрость! Женился вроде бы скромно, на дочке учительницы, но вдруг — бабка у нее умирает. Ка-

кая тут хитрость? А есть: Таня, оказывается, от бабки не выписывалась, и двухкомнатные хоромы в центре города Шматову обломались. Хотя и было у Костомарова то же, а все ж на шагок позже. И все от отца, который нехотя, через сознательность, но помогал сыну ставить ножку на следующую ступеньку, и решающим при этом был аргумент матери: «А у Шматова — есть». Отца не стало, когда Олег был всего-навсего руководителем сектора. Да и вообще он считал, что отец только мешает ему: был старший Костомаров непрост, скромн и прямотой плодил недовольных. И вот вроде бы теперь, когда побитый вернулся Шматов, остался в рядовых, и можно праздновать победу, на тебе: опять Костомаров от него зависит, да не просто, не курсовой работой, а новой машиной — чуть ли не всей своей карьерой.

Глава пятая

Зазвонил телефон. Держа одной рукой брыкающегося Владьку, другой — аппарат, а трубку прижав плечом, Игорь плюхнулся на диван.

— Игорь... — простонал отец на том конце провода. Голос его был какой-то утробный, глухой, словно он говорил, преодолевая великую боль.

Игорь знал отца таким. Отцовское лицо при этом деревенело, губы, стиснутые в скорбной гримасе, почти исчезали, глаза жутковато округлялись. Поначалу, в детстве, это пугало, теперь — смешило. И еще жалко было отца.

Однажды младший — Вовка — молча ушел из-под отцовского гнева, вернулся с полуметровым зеркалом и встал с ним, как солдат по стойке смирно. Отец, ничего не понимая, диковато посмотрел на сына и спросил, через силу раздвигая губы:

— Зачем... это?

— Посмотри на себя, — спокойно ответил Вовка.

Но отец не успел ни посмотреть, ни даже сорваться в истерику: глаза его закрылись, и, выдохнув, он осел в кресло. Мать огпаивала его таблетками, а Игорь дважды треснул по мощной братовой шее.

— Скотина, — сказал Игорь, когда они закурили рядом в маленькой комнате.

— Тут озвереешь. — Пальцы брата дрожали вместе с сигаретой, но это от вчерашнего перебора — по этому поводу и был скандал. — Тебе хорошо, ты отдельно живешь.

Да, Игорь не жил в этой комнате много лет. И в ней ничего не изменилось, кроме книг в секретере, его секретере, Игоря, за которым просиживал он свои школьные, потом студенческие годы, за которым так хорошо мечталось, работалось, за которым складывались даже стихи.

О чем он только не думал тогда, кем только не представлял себя... За раскрытым окном двор жил своей дневной, вечерней, ночной жизнью: то пьяным воем под гитару, то девчачьим повизгиванием, а Игоря все это словно подстегивало, с каждой страницей, формулой он словно все дальше уходил, отрывался от такой жизни, приближал другую, красивую, умную, интересную. В их доме было несколько таких «чистоплюйчиков», как он. И по вечерам, когда они возвращались из институтов, коды сохраняли презрительный нейтралитет. Здороваться и уважать его, Игоря, они стали позже, когда брат его присоединил свой голос, кулак и рубль к их досугу...

Ничего не изменилось тут: драчливые юнцы, откатав коляски, стали дядями и почтительно кивали, когда Игорь, приезжая в гости, выгружал свое семейство из машины (по их разумению, он вышел в начальники), а во дворе их сменило другое поколение; те же вро-

де старушки обсиживали скамейки до программы «Время», только каштан за эти годы дорос до самых окон...

— Игорь!.. — простонал отец на том конце провода.

Игорь выпустил Владьку, тот шлепнулся на диван и с воплями бросился на него в атаку. Игорь постучал по подушке ладонью: так они с сыном просили друг у друга «пощады». Владька осекся, недоуменно глянул и успокоился, присев рядом.

Вошла с утюгом Таня, встала, прислушиваясь.

— Что случилось? — спросил Игорь отца. — Опять Володька?

— Игорь... Ты можешь приехать?

Отец звонил очень редко. Обычно это делала мама. Не раз она просила приехать, и причина всегда была одна: младший брат. Игорь приезжал по таким вызовам, правда, не сразу, а через день или два, когда Вовка бывал грезв, выбрит и чувствовал себя виноватым. Игорь умел говорить убедительно, умел отыскать, выдернуть из клубка чувств человеческих именно ту ниточку, которая вела к сердцам нежесточающим путем, и так расшевелить доброе, родственное, что такой вечер в конце концов вписывался в золотой фонд семьи Шматовых.

— Конечно, могу, но что случилось?

Отец не ответил. Игорь знал, чего стоит ему этот звонок, но справиться с раздражением не мог:

— Обязательно сейчас? На ночь глядя?

Трубка отозвалась частыми ноющими гудками. Игорь в сердцах хрястнул ею о рычаг.

— Что, Вовка, что ли? — спросила Татьяна. Игорь мрачно кивнул. — Я б этого Вовку... — вдруг сорвалась она в крик. — Ненавижу! Своих хлопот полон рот, еще с ним нянчись! По морде бы его!..

Игорь молчал. Он знал уже, что поедет, не может не поехать, только с чем?

«Сколько же можно,— думал он, одеваясь,— в конце-то концов? Или правда: горбатого могила исправит?..»

...Они сидели с отцом в маленькой комнатке у раскрытого окна. Говорили против обыкновения мало. Было тяжело. Отец боялся, что Игорь уедет, вздыхал и покашливал каждый раз, когда тот поглядывал из окна на белую крышу машины. Но Игорю не хотелось уезжать.

— Когда родился ты,— сказал отец с натугой, словно преодолевая в себе что-то,— я был молод, горяч, много летал и был плохим отцом. Я занимался с тобой раз от разу, наскоками. Потом, в пятьдесят девятом... — Он косо уронил ладонь и вскинул на сына виноватые глаза: — А что умели мы кроме как защищать родину? Тем более я — сирота, для меня армия была и домом и матерью... Так вот, в пятьдесят девятом, когда я оказался пенсионером в тридцать семь лет, мы переехали, и я вдруг обнаружил, что ты уже вырос, сложился и вовсе не таким стал, каким мне хотелось тебя видеть...

— Каким же тебе хотелось?

— Необыкновенным. Умным. Послушным. Аккуратным. У меня был пример — семья профессора Бунеева, нашего родственника. Я тогда частенько бывал у них в Москве, надо и не надо. Я, молоденький провинциальный лейтенантик, гордился таким родством, я впитывал каждое их слово. Он, человек с мировым именем, всегда что-то писал и редко выходил в гостиную. Дети и всем остальным занималась его жена, Анна Павловна, культурнейшая женщина. Что же то были за дети! Павел постарше, Ольга поменьше. Оба отличники, оба занимались музыкой, языками, читали такие книги, о каких я и не слышал! А как разговаривали!.. «Павлик, не помешаю ли я тебе, если немного поиграю Вагнера?» — спрашивала Оля. «Пожалуйста, Оленька, играй», — говорил брат. Это были удивительные дети, я мечтал именно о таких. Но ты разочаровал меня. И я решил сделать та-

ким Володю. Я отмечал каждый его шаг: либо хвалил, либо ругал, я внушал ему постоянно: что надо, как надо и почему. Я трудился над ним кропотливо, год за годом, я подчинил этому всю свою жизнь и был уверен в успехе. И вот результат... Почему? За что? Я верил в могущество слова, примера, воспитания в конце концов. Во что же мне верить сейчас? Ты оказываешься порядочнее, лучше, ближе мне, и я, я, отец, обращаюсь к тебе за помощью! Я не знаю, что делать теперь, шарахаюсь из крайности в крайность, я бы... я бы убил себя, если б мне сказали, что это поможет!..

— Ну что ты говоришь? Как тебе не стыдно! — сказал Игорь, сжав отцовскую руку. — Ведь Вовка, в общем, неплохой парень — добрый, привычный, ты это знаешь. Нет в нем, правда, характера, стержня, но ведь и не так много лет ему. И я не был ангелом в его годы, и я шатался до ночи, а то и до утра..

— Да,— закивал Евгений Евсеевич,— и я его все время с тобой сравниваю, но...

— А мало ли мы с тобой ругались? — глушил Игорь отцовское «но» и видел, как глаза отца живеют.

Он говорил, как ехал — автоматически, не напрягаясь, он мог думать о чем-то другом и думал, что отец, непривычно внимающий и покорный, хочет быть убежденным во всем этом, поэтому убедить его несложно, и пусть он, Игорь, лжет, но ложь эта отцу целительнее, чем правда. А правды понять ему не дано.

«Ты, отец, бездарный воспитатель. Беда, когда не понимаешь этого. Не позорно быть бездарным в музыке, но позорно — бездарным музыкантом. Тебе бы, отец, не воспитывать — просто жить честно, занято, как жил ты прежде. Это и есть лучшее воспитание. Ты же, обволакивая собой человека, сделал его безвольным, беспомощным. А когда он вырос и с радостью освободился от тебя, то растекся, обесформился. И самое страшное, что в ушах этого человека мозоли от правильных слов, а душа обросла панцирем против всего правильного. Любой его собутыльник, случайный сосед по стадиону может подействовать (и действует!) на него сильнее, чем ты. Весь он — дело рук твоих. Ты привил ему отвращение к правильным словам».

Но разве так скажешь отцу? Разве он поймет это?

И Игорь лгал, жалея отца, чувствуя себя и умнее и старше, и ложь эта угнетала его. И чем дальше он уводил отца от истины, тем громче спрашивала его совесть: а сам-то ты, брат, где был?..

«Где же я-то был, где?» — думал Игорь, ведя машину по пустым улицам ночного города. Он оставил отца вполне успокоенным и готовым к еще одному раунду борьбы за младшего сына. Сейчас, думая об отце, Игорь поражался его упорству, его воле, и что-то отеческое было в его нежной жалости к отцу.

Он мог бы оправдать себя, как оправдывал не раз, но теперь разбуженная, растревоженная совесть не дала бы почувствовать облегчение. Он мог оправдать себя разницей в возрасте — восемь лет. Очень неудобная разница для братьев: никаких общих интересов. Один уроки учит — второй в пеленках пищит. Один диплом пишет — второй записочки на уроках. И вот теперь, когда оба мужики, оба взрослые, в одних компаниях могли бы быть, в женщин одних и тех же влюбляться, Игорь исчез, утонул в семье, сыне, заботах. Он мог оправдать себя тем, что отец меньше любил его, старшего, что не раз он говорил: «Ты, к сожалению, испорчен, а вот из него я сделаю человека». Отец оградил Вовку от его влияния, сюсюкал с ним, будя в Игоре ревность. Игорь не раз, оставаясь с братом один на один, отвечивая ему подзатыльники, чувствовал в себе что-то звериное, неконтролируемое, видел ошеломляющую схожесть свою с отцом — и в этой несдержанности, и в стиснутых зубах, и в раздувающихся ноздрях. И только отвращение к этой схожести останавливало экзекуцию, а не вопли зареванного брата. Через мгновение

Игоря захлестывало жгучей жалостью к этому маленькому, слабенькому, незащитному мальчишке, родному и, в общем-то, хорошему. И Игорь, не заискивая, начинал целовать его, тискать, осыпать милостями, и в этом он тоже был похож на отца. Слезы брата высыхали быстро, и он никогда не ябедничал, но если не успевали они высохнуть до прихода отца, то приходилось плакать Игорю. Горяч был отец, горяч.

Теперь Игорь не осуждал его за это, не держал на него зла, может, даже наоборот — чуточку благодарен был ему (глядя на младшего брата, который через это не прошел) и говорил при случае, что детей строгостью не испортишь. Но чего-то к отцу все же не было в нем, а чего именно — он не отыскивал, страшась истины. И вот только теперь, когда он увидел беду отца, его силу и бессилие, только теперь, ведомое жалостью, в нем стало появляться это — горячее и благодарное.

«Брат... Это ближе друга, даже жены, — думал Игорь, — это счастье — иметь брата, человека близкого, родного, готового за тебя, как за себя, постоять во всем. А у меня? Где он? Звонишь маме, случайно наткнешься на него... «Как дела?» — спросишь бодрим голосом. «Ничего», — ответит. «Ну позови тогда маму». Три раза в год в гости приедешь, да и то брата нет, а если есть, сидит и мается: «Мам, ребята ждут». Ты-то без него можешь обходиться, это объяснимо и простительно, а почему он без тебя может? Как часто он звонит тебе, просит что-нибудь, да хотя бы машину?..»

Ни разу брат не попросил его ни о чем. Игорь поразился, что никогда раньше об этом не думал. Однажды привел к нему какую-то мымру, хихикающую после каждой фразы. За вечер Игорь не услышал от нее ни одного слова и резко, очень резко высказался о ней. И что же? С тех пор Вовка вообще исчез, даже звонить перестал. О его похождениях Игорь узнает теперь только от родителей, когда они уже в панике... Они, два старика, там, на переднем крае, они сражаются за человека — пусть неумело, но отчаянно, а он здесь, за пять остановок, отсиживается в своих креслах, у своих стенок, считает свои болячки и теряет, теряет, теряет б р а т а.

Забрезжил рассвет. Уличную черноту располосило светлеющее небо. Игорь вытащил из замка зажигания ключи и пошел по лестнице.

На следующий день он застал всех. Володя лежа читал на диване. Под глазом синяк.

— Володь, — сказал Игорь, присаживаясь рядом, — я на неделю уезжаю, а машине присмотр нужен: день простоят, два, а на третий что-нибудь снимут.. У тебя же здесь вся шпана знакомая. Вот тебе техпаспорт, доверенность...

— А ты куда? — спросил брат, разглядывая бумажки.

— На полигон.

— На неделю, значит? Ну давай. — Вовка выдвинул ящик стола, бросил в него документы и со стуком задвинул обратно.

— Да ты что? — всплеснула руками мама. — Я ночей спать не буду.

— Брось ты, мам. — Игорь встал, обнял ее. — Она здесь целей, чем в гараже, будет — под круглосуточной охраной.

— А это ему охрана, что ль, накостыляла?

— Ты че, мам? Мне? Свои?

— Это конкуренты, так, братан?

— Там двор как стадион — пять домов, а нас всего пятеро...

— Вот видишь, мама, по одному на целый враждебный дом, и всего-то синячишко да царапинка. Покажи-ка руку... — Игорь повер-

нул содранные костяшки братова кулака к маме: — А представляешь их потери?

— Свести у вас нет... — Мамины губы задрожали, и он понял, что переборщил.

Игорь встал и глазами позвал отца за собой. Вовка продолжал читать. «Пока», — обронил он. «Пока», — ответил Игорь. Собрались втроем на маленькой кухне, прикрыли дверь.

— Я никуда не уезжаю, — сказал Игорь тихо. — Хочу проверить: неужели даже машина не отобьет его от бутылки? Для молодого парня женщина да машина — самые сильнодействующие средства. Только не выдайте...

Игорь видел, как разгладились тревожные лица родителей, когда поняли они, что пришла поддержка, помощь, да не какая-нибудь, а от старшего, головастого...

— Игоряш, — зашептала мама, — а если отвлечется он, может, подаришь ему машину-то? Или давай мы ее купим у тебя, а? В расрочку?

Лицо у нее было такое наивное, светлое, с такой верой смотрела она снизу вверх, что отец улыбнулся. А Игорь, наоборот, посерьезнел:

— Не, мам, надо еще посмотреть. Может, машины мало будет, так на самолет запишемся, ма-а-ленький такой самолетик...

И оставив маму в замешательстве, он сбежал по ступеням, и весело у него было на душе, и не кольнула его покорность машины, ожидающей уже другие, не его руки; проходя мимо, он положил ладонь на ее теплую от солнца крышу. И запомнил на всякий случай показание счетчика: девяносто девять тысяч восемьдесят пять километров.

Мама позвонила на третий день:

— Игорь, приезжай забери машину.

— Что случилось?

— Приезжай, — сказала мать устало, — не нужна она ему.

— Я же в командировке.

— Я сказала, что ты вернулся...

Пока он одевался, Таня встревоженно смотрела на него:

— Что случилось? Разбил?

— Сейчас узнаю.

— Я говорила, что эти твои придумки смешны. Детство какое-то...

Игорь поморщился и подумал, что она права.

Пять остановок он прошел пешком. Был август, только что спала лютая жара, и все вокруг — лебеди в пруду, птицы, кошки, вся городская живность — все ожило, задвигалось. Даже машины катились бодро, не изнемогая.

Машины... Они стали его жизнью. Были ли они казенными или личными, он не делил их — все они вроде бы на одно лицо. И все разные, он чувствовал это, едва сев за руль: резвые, тупые, жесткие, ласковые, покорные, норовистые... Холеные, уставшие, умирающие — Игорь обнаруживал их недуги, вылечивал и тосковал по такой вот собственной, которая будет ждать его на улице, как собачонка, беречь для него сухой клочок мира в дождь и теплый в холод. Говорят же: человек срастается с машиной. значит, и она с ним? Вот он рассказывает знакомым о характере своей старушки, и никто не верит, что грязная она заводится хуже, что пнесь ногой по баллону — проколется, кулаком стукнешь по рулю — закапризничает, а подумаешь о ней ласково, благодарно да погладишь самое чувствительное место — кнопку сигнала (нажмешь — кричит) — и побежит она сразу и резвей и легче.

Но почему он решил, что для брата она значит то же?

Машина стояла вымытая, и это уже радовало. Царапин новых не было, зато на спидометре прибавилось почти семьсот километров. Нормально покатался, подумал Игорь.

— Все эти дни он приезжал поздно, но трезвый и... довольный такой, — сказала мама, не поднимая глаз. — Мы радовались. А вчера... увидела его у вокзала, он тащил чьи-то чемоданы. Не выдержала, залезла в его бумажник и нашла там шестьдесят рублей. Спросила — откуда? А он... — губы ее искривились, — он накричал на меня...

И она заплакала — тихо, сдавленно. Игорь обнял ее за мягкие плечи, лицо ее ткнулось ему под ключицу:

— Не надо, ма, не надо, это еще не все, что мы можем, не надо... Видишь, а машину все же помыл, значит...

— Да это я ее... — всхлипнула мама.

— Ты?!.. — ошарашенно переспросил Игорь.

— А чего? — испуганно вскинула глаза мама. — Чего ее мыть-то? Ширкнула разок — и все тут, не полы ведь...

Игорь опустил на стул и сидел, тупо уставясь в пол. В нем не было даже злости — просто не мог осознать этого.

— Где он?

— Кто ж его знает?..

Они сидели рядышком и долго молчали. Игорь пытался сказать что-то, успокоить мать, но все, что приходило ему в голову, было противно произносить.

Глава шестая

Десять минут назад, когда Шматов сидел в курилке и ожидал результатов совещания, он был спокоен и даже уверен: утвердят его. А теперь почему-то волновался. Да и что тут, собственно, пробивать-то: на иномарки да на опытные всегда только пацаны и лезут — поижонить, а старики — не особенно, они больше на своих лубят, на проверенных.

Но вот спустился в курилку Костомаров — важный, словно шел орден вручать, хлопнул по плечу:

— Оформляй выезд.

Игорь кивнул ему, пошел в медпункт: все в норме. Путевку, ключи получил, подошел к машине — и руки задрожали: стоит красавица, сверкает. Открыл капот, багажник, проверил все. Можно ехать.

Сел за руль, посмотрел программу испытаний: до обеда двести километров по шоссе — проверочный режим, после, на треке завода, тарировка спидометра. Затем разгон, торможение, контрольный расход топлива... Шумы из гаража долетали сюда приглушенно, тикали часы на панели приборов. Все чужое пока, непривычное, даже запахи. Просторно. Красиво. Положил руки на руль, поставил ноги на педали, подогнал сиденье — удобно. Включил зажигание — все работает, на спидометре «000001 км». Откуда же этот километр? Усмехнулся.

Двигатель завелся почти бесшумно: поплыла вверх и задрожала стрелка тахометра. Он выжал сцепление, но кто-то постучал по крыше — это был Филин. Высоченный, с крупно резанным лицом, такой пятидесятилетний босс с приспущенными веками, громадными ладонями, в неизменной своей кожанке. Игорь приоткрыл дверцу.

— Ездил на такой? — спросил негромко Филин.

— Нет. — Игорь хотел соврать, но не получилось.

— Имей в виду: в повороте такого типа машины ведут себя лучше, но начнется юз — бросай газ. После наших машин на этих — опасно, надо переучиваться.

— Спасибо, Трофимыч.

Тридцать лет назад, когда Игорь только начал осваивать мир, Филин уже испытывал автомобили. Они все были тогда чуть нелепы: и люди в широченных коротковатых брюках, мешковатых пиджаках в полоску, и машины — Игорь видел фотографии. Филин поSTARел с тех пор, машины помолодели. Рассказывают, что когда еще не было стендов и приборов, кое-что на прочность испытывали «по методике Филина». Садился Трофимыч, скажем, на опытное сиденье в окружении белохалатных конструкторов и, смущаясь от такого внимания, что есть силы упирался руками в руль. Сломается спинка — чешут в затылках конструкторы, расходятся удрученные: «Когда уволишься, Трофимыч?»

Машина выкатилась за заводские ворота и вошла в стремительную реку улицы робко, осторожно, словно неуверенный в себе пловец. Ее обгоняли, на нее оглядывались, но Шматов не замечал этого: он вслушивался в шумы, как акустик в морские глубины. И многие эти шумы были незнакомы ему. И сейчас он учился им, как новым словам, запоминал, выхватывая то один, то другой из общего дорожного фона: коробка... двигатель... сухой асфальт... мокрый асфальт... тормозные колодки... Запоминал, прослеживал каждый звук на разных режимах: разгон, поворот, торможение. Он нагружал двигатель на подъеме, опускал стекла дверей в тоннеле, слушая отраженный от близких стен шум своего автомобиля. Все запомнившееся, изученное и не вызывающее сомнений исчезало из его внимания, словно бы забывалось, откладываясь в дальних ячейках мозга, но вспоминалось мгновенно, стоило лишь появиться какой-то новой, тревожной ноте.

Шматов притормаживал, вилял, разгонялся и ощущал себя еще чужим машине, инородным: не тело-машину чувствовал он — юркое, стремительное, вырывающее сантиметры свободного пространства в железной лавине, а тело свое в машине, несущееся над землей. Но он знал, что это скоро пройдет. Что-то дребезжало в дверях, вибрировал руль при левом повороте, но машина нравилась Шматову. Он вспоминал другие марки: жестковатый, молниеносный «порше», ласковый, деликатный «рено», услужливый «дацун» и пытался определить характер новой машины. Нынешняя заводская (уже хотелось говорить: «старая») модель теперь казалась ему угловатым и простоватым парнем из глубинки, пусть родным и сердечным, но... В новой машине Шматов как ни старался, не мог уловить никакого сопротивления водительской воле, наоборот — желание повиноваться, мгновенная реакция и даже предвосхищение его желаний: только потребовалось взять правее, а она уже целится туда, нужно обогнать, а она уже прибавляет газ. Игорь был далек от того, чтобы одушевлять ее, он понимал, что это его руки и ноги рефлективно срабатывают раньше, чем их действия осознаются им. Конечно, он был пристрастен, хотя знал, что не имеет права таковым быть, но кто, где и когда видел беспристрастным увлеченного человека? Но ведь должно же быть у нее, первой, единственной, право на каприз! Игорю захотелось вдруг зажать, заневолить ее, эту чистюлю, аристократку, бросить ее в вираж, в колдобины, в нужду погони или опоздания и услышать ее голос оттуда: верещание баллонов, стон подвесок или надсадный вой двигателя. Какой она будет там, под чужой жестокой волей? И какою выйдет из этого испытания? Игорь помнил, как однажды злился на новую и уже обкатанную машину: не тянет, рыскает при торможении то вправо, то влево, не поймешь ее. На следующий день ее попросил Филин: «За пивком сгонять». Дело было в Рыбачьем, под Судаком, и уже через час Филин вернулся с еще потной дюжиной пива из судакского ресторана, а до баллонов злополучной машины горячо было дотронуться. Оставалось только гадать, как успел Трофимыч пройти за это время восемьдесят километров извилистого горного серпантина, но машина после этого

словно переродилась: рвала с места, вставала как вкопанная.

«Она не знала того, что может, и не верила руке. А я ей показал»,— объяснил он потом совершенно серьезно...

Неожиданно Игорь обнаружил, что проезжает неподалеку от Таниной работы. Он понял, что непременно заедет к ней, хотя отклонение от маршрута грозило неприятностями. Игорь даже решил, что это счастливый случай, который надо было создать, если б он не представился сам. Она увидит машину и наверняка поймет все. Решительно включив мигалку, он стал выбираться из потока.

— Что случилось?— Увидев его, Татьяна встревожилась.

— Ничего. Пойдем подышим.

— А где твой костюм?

— Там...— неопределенно махнул он рукой и встал так, чтобы ей видна была машина.— Мимо ехал, заскочил на минутку.— Игорь суетливо достал сигареты, он волновался.

— Ты с машиной, что ли, возишься?

— Ага,— Игорь обрадованно кивнул.

— Сломалась?

— Н-нет! — испугался он.

— А где же она?— Таня посмотрела по сторонам, близоруко сощурившись. Но ничего не увидела.

— Вот...— вздохнул Игорь и кивнул.

— О-о! Я думала, что ты с нашей... Что за фирма?

— Наша, Таня, наша фирма... Я на завод вернулся.

— Как на завод?!

Ее словно ударили, и Игоря, наконец-то сказавшего правду и уже успевшего от этого почувствовать облегчение, охватила безнадежная тоска.

— Ну кому как не тебе понять? Ты же знаешь меня — не могу я там! Там каждый сопляк в пять раз меня хитрее и способнее. А это мое,— показал он на машину,— мое, понимаешь?..

Игорь внимательно смотрел Татьяне в глаза, и если бы в них хоть что-то дрогнуло, он непременно бы заметил это, сумел бы влезть со своею болью в ее душу. Но ее лицо оставалось отчужденным, может быть, она его и не слушала.

— Это наша новая, совсем новая машина, она родилась сегодня утром, она одна, единственная, я проехал всего десять километров... доверили, понимаешь?..— тряс Игорь в бессилии руками и почему-то вдруг увидел себя как бы со стороны — смешным и жалким. Но он знал, что таким быть не должен.

— Опять командировки? — спросила Таня, глядя куда-то далеко-далеко.

Игорь мрачно кивнул.

— Опять бензиновая вонь? Пятьдесят в аванс и сто в получку?

— Да, Таня,— жестко сказал Игорь.— Да.

— Ты знаешь: мне не нужна такая жизнь.

— Тебе нужна Италия?

Таня усмехнулась:

— Нет. Дом нужен. Муж.

— Ну и слава богу,— вздохнул Игорь с деланным облегчением.— Все это у тебя есть.— Ему уже хотелось уехать, но, медленно идя к машине, он вдруг придумал то, что, по его мнению, принесет жене облегчение: — А то я все мучался, что наврал тогда про Италию. Хотел, чтобы ты была в тот вечер счастливой...

— Вернись, пожалуйста,— тихо попросила Татьяна.

И когда Игорь с готовностью подошел к ней, она изо всей силы хлестнула его по щеке.

Шматов опять ехал по прежнему маршруту, выбираясь из города: дорога постепенно распрямлялась, разливалась шире, машин становилось все меньше, на душе было мутно, и Игорь, вглядываясь в приборы, пытался вычерпать из себя мысли, как воду из прохудившейся лодки, но едва различив стрелки приборов, тут же забывал о них и мчался, тупо глядя вперед.

Почему раньше все было не так? Почему затихала любая ссора, стоило кому-то из них заглянуть другому в глаза? Почему уходит, как вода сквозь песок, неизбежно тает в буднях что-то из прикосновений, голоса, взгляда, мыслей? Неужели это со всеми? Неизбежно? И им, ему уготовано то же? И нельзя ничего сохранить, и ничего нельзя сделать? Ведь как хорошо, как ладно было в первые годы! Игорь вспоминал их, и все в его душе протестовало: нет, все это жило в нем и теперь и не хотело забываться. Но почему-то не щемила, как раньше, нежность к Татьяне, почему-то все чаще при воспоминаниях о ней становилось ему страшно. Шматов протестовал, он исследовал ее и себя, он сравнивал, подвергал ревизии то, что так долго было для него эталоном, истиной.

Но любовь была у него, он хорошо это помнил. Любовь ли?

Часто в последнее время Игорь вглядывался в Татьяну новыми глазами, и иной раз она чувствовала это — недоуменно смотрела на него. И тогда он брал ее за тонкое запястье, уводил в коридор, пряча от Владьки, обнимал...

— Игорь,— говорила она,— мне некогда. Лучше помоги.

И он помогал — яростно, азартно, надеясь, что сегодня она устанет меньше, что уложат Владьку, погаснет телевизор, и она зашепчет ему что-то жаркое, нежное, нужное, он увидит, как она любит его, и смешно потом будет вспоминать о своих мыслях.

Засыпал Владька, гас телевизор, волнуясь, как мальчишка, он обнимал Татьяну...

— Игорь, я так устала сегодня,— говорила она, отворачиваясь.— Давай спать.

И она засыпала, а он ненавидел себя за что-то, и безнадежность вновь наполняла его.

Бывала она и другой, но все реже, реже...

...Левая щека его уже давно перестала быть красной: тугие, прохладные языки ветра, влетающие через открытое окно, вылизали ее добела. Но она все горела и горела...

«Единомышленница...— повторял он без конца и упивался запоздало горьким, притягательным смыслом этого слова, слышащимся ему в каждом слоге: — Е-ди-но-мыш-лен-ни-ца...»

Глава седьмая

Евгений Евсеевич Шматов, гвардии подполковник в отставке, ехал в свой очередной отпуск. Поезд был скорый, вагон купейный, место нижнее, соседи хорошие, но Евгений Евсеевич все часы простаивал у окна в коридоре, щурился на дали, порывисто поправлял от ветра еще черные, но уже с густой проседью волосы и складывал в уме стихи:

И еду я — куда не знаю,
Все дальше от семьи огня.
Страна моя, богатая, большая
Стрелой несется сквозь меня...

И если две последние строки Евгений Евсеевич повторял с удовольствием, то первая напоминала ему, что в этот раз направляется он не в милый и привычный ему санаторий Министерства обороны, где люди солидные и разговоры солидные, а в какой-то непонятный

и даже страшноватый санаторий ВТО — Всесоюзного театрального общества. И настроение его портилось.

— Ну что я тебе — шут гороховый? С кем я буду там разговаривать, о чем, что у меня с ними общего, с артистами? — выговаривал он жене.

— Какие артисты? — взмахивала Леля руками. — Они и не ездят туда вовсе... Нет, вы послушайте! — обращалась она неведомо к кому. — Да я путевку у самого председателя райисполкома из-под носа увела, да ты мне потом руки целовать будешь, да я... я... столько, а ты....

— Лель... Ну Леля... Я тебе и так руки поцелую, вот, вот... — говорил он, целуя сухие горячие руки. — Ну а если я в артистку какую влюблюсь, ты об этом подумала? Они вон какие ладные да глазастые понародились.

— Ты-то? — обняла Леля мужа. — Ты-то, Женя, мой Женя, заговоренный, я ж тебя знаю, а вот они повлюбляются через одну — такой мужик у меня красивый! И пусть влюбляются, пусть мне завидуют! — Леля тряхнула головой.

— Ну уж, ну уж, — ворчливо отвечал довольный и влюбленный в жену Евгений Евсеевич.

— В Москву заглянешь, посмотришь, Бунеевых навестишь, родня все же, да и любили они нас, ты же помнишь? — говорила Леля, откусывая нитку, дуя на утюг, штопая, подшивая.

По случаю таких событий было снято с книжки двести рублей, и гардероб Евгения Евсеевича пополнился новым костюмом, парой рубашек, носков и дурацкими, но модными, как убеждала Леля, узконосыми ботинками. Орденские планки (их было четыре) Шматов переколол со старого пиджака на новый. Костюм этот проклятый скрывал теперь Евгения Евсеевича, напоминал о себе при каждом движении. «Вырядился, вырядился», — звучало у него в голове, и он уж был рад, что отвоевал у Лели потертый, но зато привычный галстук.

Сиротская аскетичность несмываемо легла на все его привычки. Первую в жизни обнову — ботинки, подаренные в детдоме за отличную учебу, — Женя Шматов отважился надеть только на выпускной вечер, да и то не выдержал — перед парадным присыпал и затер пылью их неистовый глянец.

Леля одна провожала его (сыновьям, как всегда, было некогда) и как-то беспомощно суежилась. Сколько раз уж за тридцать пять лет он видел ее лицо за двойными и всегда грязными вагонными окнами, а все равно комок, все равно слезы мешали ему улыбнуться, когда писала она на пыльном стекле всегдашнее слово «ишип».

И он писал. Писал горячо и много. О море писал, о прибое, о запахах, белках, соседях, о думах своих, о сыновьях. Часто присылал стихи, но на отдельных листочках, потому что знал: Леля его письма подсунет сыновьям. Знал, что старший, хоть и снисходительно, прочтет, а младший отмахнется: «Да знаю я, чего он пишет. Учиться, учиться и учиться, про цель в жизни и прочее. Надоело!»

Но Леля настоит, он прочтет, скажет: «Ну батя, лирик!» — и через минуту забудет.

Шматов знал это, но все равно писал — не мог не писать. Он чувствовал, и с годами все больше, что многое делает не так, что к этим двум мужикам-сыновьям его нужен какой-то другой подход, какие-то хитрости, но время уже упущено, и теперь их ему не перехитрить. Но вера его в справедливость, в правду свою была настолько сильной, что и скрипя от бессилия зубами, гвардии подполковник не отступался, «зализывал раны» и шел в атаку опять и опять. Умел он летать, поражать цели, умел приказывать, умел подчиняться, вести формуляры, читать доклады, беседовать по душам с личным составом, любить вроде бы умел, а вот детей воспитывать — нет, не у кого было научиться.

Вот и теперь в вагонном коридоре мысли о сыновьях заставили его забыть о костюме, далях, стихах, сузили его и без того узкие губы, но, встряхнув голову, он сказал себе, как говаривал всегда в трудные минуты: «Вр-е-шь!... Полетаем еще...»

Был Евгений Евсеевич Шматов из того поколения, которое вступило в войну, только-только выйдя из-за парты, и потому ничего не успело понять в жизни, кроме того, что нужно защищать родину, которое не жило для себя, да и не умело. Но и спустя много лет, демобилизованные, в военкоматах, отделах кадров, домоуправлениях, на улицах, заводах, в семьях, они до конца жизни сражались. Они часто бывали смешны и непонимаемы новыми и гибкими, они сами многого не понимали в том бурном и противоречивом потоке, который и теперь звался жизнью и обтекал их, как старые сваи заброшенного моста.

Евгений Евсеевич часто спорил со старшим сыном. До ора, до хрипоты. Институтский диплом, а еще больше работа Игоря на заводе, командировки дали ему преимущество — его «почему» стали весомее, заковыристее, они уже не отдавали ребячеством, но Шматов-старший отвечал на них по-прежнему с маху: «Так надо» — или: «Много на себя берешь». Однажды Игорь сказал ему: «Мы с тобой, батя, будем друзьями (Евгений Евсеевич вздрогнул), когда заживем порознь».

Теперь, когда сын приходил к родителям в гости, драчек между ними не возникало: молодым хватало житейских забот, а гвардии подполковник давно сражался на другом фронте — за младшего. И, смилив гордыню, все чаще обращался он за помощью к старшему. Да и какая теперь гордыня! — горько думал подполковник в отставке. Про то, каким он бывал, помнит только Леля — царственно-страшным в гневе, от которого сыновья бледнели, а соседи говорили шепотом и не смели стучать в стенку. Теперь же гнев его даже ему самому часто казался жалким. Как-то Евгению Евсеевичу почудилось, что младший вот-вот ударит его, и он споткнулся на полукрике от того страшного, что ждало его за этим. Нервы его стали ни к черту, иной раз, запершись, он плакал. А случилось ему веселиться — был он неистов и неумерен: пел, не балуя слухом окружающих, народные песни, закрыв глаза, закинув голову.

Евгений Евсеевич считал себя несчастным отцом. Его жизнь, особенно после демобилизации, можно было бы сравнить с броском на амбразуру — все силы он отдал сыновьям. Он истязал себя: молчал, когда хотелось кричать, говорил, когда каменело горло, он ломал себя, переделывал, он обнаружил в себе бездны терпения, он каждый свой час, каждый шаг посвящал сыновьям: бросил курить, не выпивал, делал зарядку, бегал, вел дневник, жил в порядке, чистоте, он считал, что дело — прежде слова, что главное — личный пример, что справедливость рано или поздно восторжествует.

«Почему добро не окупается добром?» — думал Евгений Евсеевич, подставляя лицо дорожному ветру. Вся жизнь сыновей проходила словно бы под микроскопом... Она препарировалась им, от нее отделялось все нехорошее. Откуда же проросло в них столько не его, откуда лень, слабование, хамство, себялюбие, снобизм? Почему именно ему, человеку, никогда не знавшему семейного тепла, счастья, живущему только им и ради него, так и не довелось узнать его? Как же он мечтал, когда орали они, еще в пеленках, как радовался за их будущее, как верил в себя, предвкушая сыновнюю благодарность и любовь! Где это все?..

Думая об этом, Евгений Евсеевич бессознательно бормотал свое привычное:

— Врешь... мы летаем еще... врешь, летаем...

И многие, проходя мимо, оглядывались на него.

Глава восьмая

В день отъезда в командировку и настроение Игоря и утро были хмурые.

Вчера после работы зашел в рюмочную — тоска загнала, да и настроение было какое-то поминальное. Поднес к губам рюмку, задумался: за что пьем, Игорь? Огляделся: впервые в рюмочной, впервые в одиночестве, и не за столом в одиночестве — вообще. И выпил за те вечера, когда спешил он домой: горько выпил горькую. Всего три рюмки выпил, три крошечных рюмки, и арматурины, вмонтированные в него жизнью для крепости, ослабли, он почувствовал свою обманутую облегчением душу и понял, что не любит Татьяну.

Эта мысль жила в нем давно. Но жила тайком, как бы «без прописки», и облечь ее в плоть словесную, высказать ее даже самому себе было нелегко. А вот сейчас подумал — и не почувствовал страха, одну только тяжесть.

И все же — пока лишь обозревал он добротный снаружи, но безнадёжный «дом» свой, еще только представлял его руины, его дым и пепел, еще только прикидывал, где и как копать ему землянку-временку, — все же где-то далеко-далеко в нем, глубоко и стыдно и едва слышно, но звенела одна лишь светлая нота из радостной мелодии свободы, перемен, новой любви, надежды!..

Татьяна несколько дней — с той самой пощечины — не разговаривала с ним. Только «да», «нет», «не знаю». Молчала и сегодня, не выходила из кухни, звенела посудой. Лишь позже, когда улегся Владька, а на кухне стихло, Игорь вошел туда.

— Я уезжаю утром, — сказал он. Думал — спичку в костер бросил. Надеялся еще на что-то?

Татьяна посмотрела на него спокойно, пусто и ответила:

— Игорь, я развожусь с тобой.

Что ж, она сама избавила его от начала того необходимого разговора, который так тяготил Игоря, и ему надо было бы ответить: «Я тоже», но совершенно неожиданно для себя самого он спросил: «Ты не любишь меня?» — и Татьяна усмехнулась.

У ее губ была новая — горькая — складочка, пальцы подрагивали.

— Принеси, пока не уехал, справку с работы.

Он брал уже такую справку года два назад, сам отстучал на машинке заявление, пестрящее чужими, режущими словами «истец», «ответчик», купил даже за десятку марку госпошлины. Послушно по его требованию взяла справку и она, и три недели возил он в машине пропылившийся конверт с тремя судьбами. А когда вернулся в пустую квартиру, когда увидел Владькины игрушки, сломался: рванул в «Детский мир», потом за шампанским, торгом, потом к ним — к теще, за город. Он летел, гнал, дрожа от нетерпения увидеть их, прижать, растормошить. И постовые, видя издали его стремительную машину, подносили к губам свистки, хватались за жезлы, но ее требовательно мигающие фары, ее невиданная марка, корка грязи на ней от тысячекилометровых нездешних дорог обескураживали их — постовые провожали машину взглядами...

Он увидел их сквозь мелькающие штакетины забора и тормознул от души, на весь поселок, оповещая о себе. Спотыкаясь, вопя, бежал к нему Владька, а Татьяна встала навстречу, стояла, опустив тонкие руки. Игорь сгрудил покупки на дорожке, подхватил падающего Владьку, вскинул его трепещущее тельце, прижал к себе.

Потом они ушли с Татьяной в поле, к речке. Шли рядом, не касаясь друг друга, и говорили, говорили... Роились комары, голосили лягушки, далеко-далеко, в поселке, трещали мопеды... Они соскучились друг по другу, они устали от борьбы друг с другом, и вот, поиграв немного в чужих и пощекотав себе этим нервы, они — в кото-

рый уже раз! — решили опять добровольно ослепнуть и подарили друг другу еще один великолепный месяц.

Но сейчас просила справку она. И Игорь, вместо того чтобы обрадоваться, вдруг почувствовал растерянность: она хочет порвать, она первая. Его заело это, и он будто в отместку начал прикидываться пострадавшей стороной: «А ты о сыне подумала?.. А чем я плох тебе?.. А знаешь, какие мужья бывают?»

Игорь говорил и ненавидел себя за это, но уж слишком сладостно и легко было отдаваться обиде — допоздна сидел на кухне, считал километраж, заправки, впервые не хотел с женой близости. Но когда она, по его расчетам отсмотрев до конца телевизор, должна была уже спать и он тихонько вошел в комнату, она не спала. Она набросилась на него жадно, испуганно, будто чувствовала, что в последний раз. Поначалу Игорь пробормотал даже «нет», но встретил такую ласку, такую нежность, которые всегда были для него праздником, по которым всегда тосковал, и тем не менее сейчас он отвечал на них через силу. Татьяну же его сдержанность распалила еще больше: она бормотала что-то в горячке, руки ее дрожали, и он покорился.

Но на следующий день — день отъезда — и настроение Игоря и утро были хмурые. Едва забрезжило, Татьяна встала готовить ему завтрак и еду в дорогу, собрала чемодан, чего никогда прежде не делала. Он слышал ее осторожные шаги и шипение плиты на кухне. Потом она вошла в комнату — он закрыл глаза — и стояла минуту над ним, нагнулась и сочла, что разбудила его поцелуем. А он в эту минуту чуть не бросился к ее ногам — так больно, стыдно ему было, так жалко их всех.

И укладывая в машину вещи, Игорь чувствовал их в окне, а потом, оглянувшись, увидел две маленькие фигурки, две машущие руки. Он содрогнулся от боли и скупое махнул в ответ.

Глава девятая

Доехали без происшествий, залпом, останавливаясь только на заправку. Последние пятьсот километров Шматов вел опытный обрзец. Техничка — машина сопровождения — шла сзади.

Дождей почти не было — мучили туманы. Они слоились, текли через дорогу, словно белые реки. Машин — ни встречных, ни попутных: всех их, и грузенные «КамАЗы» и частников-отпускников с навьюченным на крыши багажом, туман остановил, разбросал по обочинам, скупил на стоянках. Огни деревень размывались в белые пятна, а освещенные островки заправочных станций возникали неожиданно и пугали своей пустынностью.

В который уже раз работа облегчала Шматову жизнь: ни нервов, ни мук, только резало от напряжения глаза. Воспоминания, приносящие боль, вспыхивали, но очень редко, и обессиливали, как приступы рвоты. И тогда тошной виделась ему его жизнь и глупыми две упрямо стремящиеся куда-то машины; и звук их моторов, и пятна их фар бурили, казалось, червоточиной тишину глухо спящих лесов, деревень, и даже музыка из приемника была тоскливой. На мгновение все, что он делает, становилось невыносимым, хотелось остановиться, зажмуриться, и нога соскальзывала тогда на педаль тормоза, но вместе с писком тормозных колодок вдруг вскипала в нем злость: «Да не так все, не так!»

А в следующей сзади машине два водителя — Валенкин и Смирнов — всякий раз переглядывались, когда Шматов замедлял ход.

— Засыпает небось? — встревоженно спрашивал один.

— Нет, всматривается, туман же, — отвечал другой.

Ехали они весело, в сигаретном дыму, с магнитофоном, травя анекдоты, рассказывая случаи из собственной шоферской практики,

в которых каждый выглядел немножко лучше, чем это было на самом деле. Валенкину было двадцать шесть лет, и, несмотря на фамилию, он был человеком южного типа: черноволосый, горячий, с вислыми песнярскими усами. В хохот срывался охотно, смеялся громко, заразительно, закинув голову и обнажая белоснежные острые зубы. Было в его облике то, что прежде всего привлекает женщин: бесшабашность и независимость. Ездил он лихо, но умно и как-то страстно, жадно. Смирнов же весь путь просидел пассажиром, но ничуть не был уязвлен этим: тридцатилетний холостяк, он относился к другому человеческому типу — был рассудителен до занудливости, ворчлив и начитан. Худое костистое лицо, обширные баки, очки в тонкой никелированной оправе. Водил машину обстоятельно, надежно, любил порядок и говорил длинно. Как они уживутся в одной комнате, Шматов не представлял.

Первые дни испытаний прошли в лихорадке, неотлаженности, в мелких поломках. Смирнов и Валенкин работали в две смены, но только в светлое время — Игорь верил в машину и график пробега на всякий случай не опережал.

Жили на турбазе, в лесу, на берегу Немана. Шматов в отдельном номере, ребята в двухместном. Виделись только в короткие пересменки и потому претензий друг к другу не имели. Только каждое утро Валенкин чертыхался на храпевшего Смирнова, а тот долго не мог успокоиться, когда нашел в своей постели женскую шпильку. Валенкин свалил все на горничную.

Днем Игорь был свободен, возился с техничкой, бродил по лесу, набирая каждый раз грибов на ужин. Подумывал даже купить рыболовные снасти. Обилие времени поначалу не пугало его — наоборот, оно казалось необходимым: надо было во многом разобраться. И, входя первый раз в лес, Игорь предвкушал, как навалятся сейчас на него думы и как спокойно, трезво он будет их анализировать и решать одну проблему за другой. Но прогуляв весь день, вернувшись только к ужину, Шматов вдруг с усталым удивлением обнаружил, что так ничего и не решил. Вспоминалось плохое, вспоминалось хорошее, которое, конечно, было в их жизни, как и во всякой другой, вспоминался Владька... За несколько дней он обошел все окрестности турбазы, и свобода, еще недавно казавшаяся такой необходимой, теперь раздражала. Все чаще садился Шматов в техничку и ехал на булыжную трассу, туда, где была работа. «Как дела?» — спрашивал. Валенкин рассказывал, что движок крутит хорошо, что машина на максималке рыскает, но в повороте стоит «мертво» и резина дорогу «держит». Смирнов говорил по существу: амортизация с пробегом не ухудшается, стойки кузова стали поскрипывать, пробоев подвесок не было. Шматов понимал, что визиты его на трассу необязательны, что вечером самописец расскажет ему все и что он только отнимает у ребят время. Но ему становилось легче, когда слышал он их голоса, хлопал дверцами, когда видел вокруг машины.

Лето закончилось здесь, на Немане, в середине октября: несколько холодных, хрустящих инеем ночей, три дня хмурого, морозящего неба, а когда опять разлились голубизна и солнце, под ними уже стояли желтые и грустные леса.

В одно из таких утр Игорь проснулся поздно. То ли по многолетней заводской привычке, то ли боясь разбудить Татьяну с Владькой, дома он просыпался всегда за несколько мгновений до звонка будильника. Вставал быстро — вскакивал, но такое пробуждение все равно было неожиданным, насильственным и болезненным. По выходным поднимали дела или шлепающий по паркету Владька.

Сегодня же и тишина, и солнце, и морозец из распахнутой форточки не будили — они медленно-медленно наполняли его. Сон кон-

чался долго и плавно — так останавливается автомобиль, выработавший последнюю каплю бензина. Несколько раз по привычке Игорь порывался встать, но вспоминая, что дел до обеда никаких, еще слаще вытягивался под одеялом, не открывая глаз — только веки его, ресницы подрагивали, пропуская солнечный свет...

Наконец Игорь поднялся, глянул в окно на стоянку: до приезда опытного оставалось часа три.

Но он появился раньше, и сердце Игоря екнуло от нехорошего предчувствия: так Валенкин не ездил — катился странно, рыскал.

Валенкин подъехал и, не вылезая из машины, ругнулся через опущенное стекло. На его спокойном, строгом лице Игорь ничего не увидел. Он даже не полез в запломбированный прибор, а вопросительно взглянул: что, мол, такое? Валенкин с ответом не торопился, заглушил двигатель, сел боком, опустив ноги в разбитых кроссовках на землю, встряхнул пачку сигарет и протянул ее, оцетившуюся желтыми зубами фильтров, Игорю. Что-то враз отпустило Шматова: и нетерпение и гнев на этого Валенкина, в смену которого всегда что-то случается. Он принял игру в молчанку, опустил на корточки перед раскрытой дверью. Закурили.

К ногам Игоря что-то упало, звякнуло, раскатилось на две части: это был лопнувший рулевой палец. Игорь, еще не успев удивиться, вскинул на Сергея глаза. Тот усмехнулся. Игорь поднял деталь, сложил две половины, осмотрел место стыка: поверхность косая, со следами явной кристаллизации. Ни наклепа, ни удара видно не было — очевидный дефект металла.

— Не убил никого? — спросил он Валенкина, глядя уже мимо него на машину и удивляясь тому, что она целехонькая, только диски колес плотно забыты кюветной грязью.

— Не, — мотнул Серега головой, — все нормально.

«Милый ты мой, как же ты сумел-то? Как же ты выкрутился-то?!» — думал Шматов. За десять лет он не помнил ни одного подобного случая. Игорь видел, что рулевые тяги связаны проволокой, а с днища машины свисает трава, видел, что взрывчатый Валенкин хоть и бледен, но спокоен и нетороплив, какими бывают совсем взрослые люди. И ему вдруг стало страшно. Это был тот запоздалый послешоковый панический страх, который может навсегда засесть в душе язвой, — Игорь знал это.

Он вздохнул, сунул половинки пальца в карман и пошел на почту звонить на завод. А холодный и тяжеленький несостоявшийся убийца позвякивал и толкался в бедро при каждом шаге.

Телеграмма пришла к обеду следующего дня: «Встречайте Куликова пятницу поезд шестнадцатый вагон пятый Хохорев». Пятница была завтра, поезд приходил в одиннадцать вечера.

Шматов попытался было заказать для него номер, но ему вежливо отказали, напомнив, что он живет один в двухместном. Но частично он вышел из положения, надумав поработать завтра в ночь самому. А днем, вероятно, Куликов уедет.

Прибытия поезда Игорь дождался в машине, слушая радио. Эти чужие, европейские, с живым радиощорохом ритмы, чужой далекий (хоть и стоял Игорь на его площади) город, пропахший угольным дымом, словно громадный вокзал, этот дождевой бликующий глянец на брусчатке, плащах чужих, к чужому теплу спешащих людей — все это заставило почувствовать такое одиночество! И он подумал, что так же далеко, как этот город, есть другой, близкий, где одно окно всегда ждет его, где один телефон всегда ответит ему, один человек всегда согреет его своим теплом, а второй — своей любовью. И ему вдруг стало хорошо: завтра же он напишет туда, и его поймут.

Когда объявили о прибытии шестнадцатого поезда, Шматов вышел на платформу, подошел к пятому вагону и оцепил: перед ним стояла Наташа.

— Сергей Ильич заболел, — сказала она, виновато улыбаясь.

— Привезли пальцы? — Вопрос был глуп, и Шматов добавил: — Как вы там?

Спросил машинально. «Там» для него ничего не было, все было здесь.

— Гудим, перевыполняем... — Наташа помолчала. — Вас никогда не убивало то, что вот вы, я, другие — мы всю жизнь бегаем, крутимся, ищем призвание, смысл жизни, находим, теряем, переживаем неудачи, а уходим в отпуск, командировку или умираем, а там ничего не останавливается, не застопорится даже?

— Это величайшее достижение цивилизации.

— Но даже машина из-за сломанной железочки перестает ею быть, а человек — это же мир...

— Человек создал мир таким, чтобы он меньше беспокоил его. Племя не хочет вымирать из-за того, что хранитель огня заснул и проглядел дождик, и оно упраздняет хранителя и создает спички. Вы можете быть незаменимой только для себя самой.

— А для другого, близкого человека?

— Все равно он берет меньше, чем вы отдаете ему. И потом — получать привыкают... Это самое страшное.

Машина выехала на автостраду и рванулась, набирая скорость.

— Я ни разу не была на испытаниях... настоящих, и потому отпросилась у Даниила Михайловича... — Наташа поняла, что проговорила.

— Ничего особенного, ездит машина туда-сюда...

— А внутри?

— Внутри шум, тряска. — Он посмотрел на Наташу: — Уж не думаете ли вы, что разрешу покататься вам вместо балласта?

— А что, опасно? — в ее голосе прозвучала надежда.

— Совершенно нет, просто не положено. Я запретил строго-настрого сажать кого-либо, и исключений не будет.

— А палец?

— Что палец?

— Да ведь палец лопнул? В отделе чуть с ума не сошли, и эти вот, — она тряхнула сумочкой, — рентгеном просвечивали, будто в космос...

— Вероятность погибнуть от рулевого пальца такая же, как от метеорита на улице, так что...

— Вы преувеличиваете.

— Самую малость... А вы что, ищете романтику? — Он усмехнулся и прибавил на повороте газ: взвизгнули баллоны, Наташа ухватилась за поручень, побледнела, но тут же глаза ее вспыхнули восторгом.

— А я ведь ни разу с вами не ездила.

— И что ж?

— Интересно, а манера вести машину говорит о характере?

— Наверное... Не думал об этом.

— А я вот машинами увлеклась из-за этого... Знаете, одни едут чинно, гордо, это у них один из редких выездов, машина для них — отдушина в другую жизнь, ее символ. Другие суетливы, спешат, бегут, садятся за руль, и машина такая же: то заглохнет, то рванет, тычется, сигналист, вся во вмятинах... Жадный не пропустит, тщеславный не даст обогнать, наглый подрежет, а какие есть сытые, какие важные!.. Люди заняты светофорами, знаками, рулем, они забывают о масках, едут с обнаженными лицами...

— Вы много ездили? — полуутвердительно спросил Игорь.

— У меня был муж с машиной, и я начала наблюдения с него,

Игорь не удержался:

— А обо мне вы уже можете сказать?

— Могу.— Наташа посмотрела на него в упор, Игорь понял, что волнуется, и удивился: неужели ее мнение что-то значит для него?— Вот сейчас вы уже едете не так, скованно, нервно, а вообще-то вы ведете машину уверенно, как любимую женщину,— нежно, крепко. Вы любите ее?

— Я их всех люблю,— облегченно засмеялся Игорь.— Это можно?

— Можно...— Она замолчала, отодвинулась в темноту, будто устала.

Машина остановилась.

— Это здесь? — оглядывалась Наташа на стеклянные корпуса, на подсвеченные окнами ели.— Какое чудо!..

Игорь отнес детали ребятам и, вернувшись, застал ее недвижимой, с запрокинутым к небу лицом:

— Какие звезды!..

— Пойдемте.— Он пошел с ее сумкой по узкой бетонной дорожке.

— А что это? — бросилась она за ним.— Вы слышите? Что это?

— Это Неман,— не оборачиваясь и не останавливаясь, сказал Игорь.— Он рядом.

Они прошли асфальтированной тропинкой через лес к корпусу. Слева плескала, чавкала, гулко бухала в берег неманская волна, постукивали бортами лодки.

— Как хорошо! — сказала Наташа.

— Где? — Игорь оглянулся.

— Технар, вы пропахли бензином!

— Я бы не простил вам — «провоняли»...

В лесу темно не было — было просторно: шуршала хвоя, песок сочился, тек под ногами, мерцали над головой звезды, а над Неманом, совсем низко висела луна и заливала его широкие воды светом. Они стояли на берегу, у корпуса, а их тени доставали до леса. Едва ощутимый ток воздуха доносил из него иногда — будто лес дышал — резкий запах грибов и горьковатый — хвои. От воды же пахло не водой, не сыростью, а незнакомо и пряно — чужими селениями, чужими пристанями...

— Я не видел этого,— сказал Игорь, не оборачиваясь, будто самому себе.

— Вы здесь не были?

— Был. Мыл в Немане машину. И тоже ночью. Вот здесь,— он топнул ногой.

Наташа смотрела вокруг и думала, что, может, лишь из-за всего этого она примчалась сюда, на самый запад, а вовсе не из-за Игоря. Только что она видела его большие, свободно лежащие на руле руки, содранные, как у мальчишки, пальцы и вдруг подумала: он может так же уверенно вести по жизни и женщину, в нем есть это. Случайно подумала, именно так подумала, всего лишь раз подумала, но не могла больше от этой мысли избавиться. А как она угадала эту силу там, на почте, когда давала по просьбе Хохорева телеграмму и прочитала текст: «Встречайте Куликова»? Когда уговаривала по телефону Даниила Михайловича, когда потом ехала после работы к Куликову объяснить (словно раздеваться) то, чего сама еще толком не понимала, а потом на крыльях — за билетом? Эта сила не была еще названа ею силой, не определена словом, она была даже незнакома ей, но желанна и необходима. Бабы, бабы, бедные бабы, и кто ж из вас не ждет ее и не ищет!..

К ней порой прислонялись мужчины, которых она знала. Они, вероятно, были сильными где-то там, в неизвестной ей своей жизни, а перед ней скулили, жаловались. Им было плохо — она летела вы-

ручать; она поила, кормила, обстирывала тех немногих мужиков, что послала ей судьба, а ей так хотелось прислониться самой!

— Пойдемте, холодно,— сказала она.

Он зашуршал своей курткой, и она подставила плечи — действительно знобило.

— Вы... будьте осторожны,— сказала ему в дверях, видя темные глазницы его и не видя глаз.

— Буду,— ответил он удивленно.

Он уехал, а она зажгла настольную лампу и ходила по комнате, пока не поняла, что это — его комната и эти вещи — его вещи. Со спинки стула она сорвала рубашку и нюхала ее, и плакала, узнавая его запах...

Глава десятая

Машина разваливалась. Вернее, разваливался кузов, остальные агрегаты хоть и барахлили, но серьезных отказов не было.

В тот день, когда уехала Наташа, Игорь осмотрел машину — всю, до винтика. Он специально выделил для этого день. Трещины, возникшие недавно, шли по основным — силовым — панелям, вылезало из проема лобовое стекло, его пришлось притянуть проволокой. А на спидометре — только половина пробега.

Трое суток они еще ездили, сбавили скорость, но все внутри скрипело. Проводя теперь осмотры каждый день, ползая по кузову с приборами и фотоаппаратом, Шматов приходил к выводу, что металл слишком тонок. Перед ноябрьскими праздниками он решил приостановить испытания.

И в этот день, вечером, тем же шестнадцатым поездом, которым встречал он Наташу, неожиданно приехал Костомаров.

В портфеле его оказалось три бутылки коньяка, шпроты и салями.

Костомаров вошел в шматовский номер, когда все они трое были в сборе. Вместо приветствия молча Костомаров опорожнил портфель и с ходу махнул стакан коньяка.

— Какими ветрами? — спросил Игорь.

— Устал.— Костомаров в глаза не смотрел, но держался свободно.— Взял неделю отгулов.

— Откуда они у тебя?

Олег Константинович поморщился, но дальше врать не стал:

— Ну за свой счет, какая разница?

Ребята затихли. И Шматов, предчувствуя разговор, незаметно показал им глазами на дверь. Валенкин смыслено кивнул в ответ, и они исчезли.

— А разница-то есть.

Выпада Костомаров «не заметил»:

— Пей коньяк.

— По какому поводу роскошествуешь?

— Взял вот друзей порадовать.

— Сегодня утром я прекратил испытания.

— А что такое? — небрежно спросил Костомаров, цепляя шпротину.

— Кузов твой развалился.

— Брось, он три таких пробега переживет. Ты... на завод звонил?

— Сказали — придем Костомарова. Видимо, там тебя ищут.— Впервые глаза их встретились: Костомаров думал.

— Слушай,— сказал Игорь,— хватит дурака валять. Я не знаю всех твоих высших соображений, но то, что кузов новой машины барахло, это точно.

— Ты уверен в этом?

Игорь вынул из тумбочки пачку фотографий и бросил их на стол.

— Надеюсь, тебе не надо пояснять — где что?

Костомаров смотрел жадно, но быстро, и лицо его, как ни странно, светлело.

— И это называется развалился? — спросил он и вдруг встал, заходил возбужденно по комнате: — Игорь, Игорь, я рад, что именно ты занимаешься этим, я сражался за тебя, и я уверен, что ты меня поймешь, ты человек здравомыслящий. Сейчас я все объясню... Во-первых, методика наша устарела, — постучал Костомаров пальцем по фотографиям, — и ее не сегодня-завтра в утиль. Никакая иномарка ее не выдержит, это пятидесятые годы, эпоха сверхпрочности. Убедил я тебя? — посмотрел на Игоря.

— А во-вторых что?

— Что во-вторых?

— Ты сказал, во-первых, значит, должно быть и во-вторых.

— Во-вторых, кузов сконструирован гениально, да, да, ты посмотри, как он разрушается, посмотри, какая равнопрочность элементов!..

— Его надо усиливать.

— Никогда! Никогда мы не пойдем на увеличение веса, хватит делать броневики, теперь мы утерли нос даже «рено» — наш кузов на сорок килограммов легче! — Костомаров торжествовал.

— Я не понимаю: сорока килограммов на усиление вполне достаточно, сделайте вес равным весу «рено», и все равно это будет здорово, ведь наш двигатель мощнее.

— Сделаем, а завтра у них будет еще легче, что тогда?

— Ну и что ты предлагаешь? Поддомкратить задние колеса, намотать спидометр и доложить, что все в порядке?

— Ребята у тебя свои? — спросил Костомаров вполголоса. — Я знаю, ты со случайными не ездешь... Скажи им, что поменяли методику, дальше, мол, асфальт, а не булыжник, поговори с ними. Можешь сослаться на меня...

— Олег, это фальсификация, и я не буду этого делать... И не пойму, зачем это надо тебе.

Костомаров подошел, обнял Игоря за плечи, усадил за стол:

— Есть тут кое-что. Скажу. На новый автомобиль, как ты знаешь, утверждён общий вес. Он, естественно, на уровне лучших зарубежных аналогов. На кузов приходится его большая часть, и она точно названа. Мы с тобой сделали его на сорок килограммов легче, то есть сэкономили на одном автомобиле сорок килограммов, — Костомаров потряс пальцем, — валютного проката! И после внедрения модели мы с тобой получим вознаграждение за грамм по рублику, то есть сорок тысяч рублей, понял? — хлопнул Костомаров Игоря по плечу. — Ну, конечно, не на двоих — многие работали, но им по две-три сотни, мне — едва четверть, как начальнику кабэ, а тебе... триста по ведомости и тыщонки полторы еще подбросим, а? Это мы опытный вылизываем, а производство не аптека — там десятка в плюс, там сотка, оно эти сорок килограммов в момент слопаёт, да еще и зажиреет кузовок-то, как отечественный лист на него пойдет, а он пойдет уже в конце пятилетки, я интересовался, еще и облегчать придется...

— А как подбросите-то... Ну, тыщонки полторы, в конверте, что ли? Вот оно, во-вторых-то... А что раньше молчал, думал бесплатно уговорить?

Игорь говорил спокойно, без эмоций, соображая, как лучше закончить разговор, чтобы не наломать дров, не спугнуть этого человека на запасные варианты, которые наверняка у него есть, Игорь чув-

ствовал это, но они ему неизвестны. А Костомаров напряженно вглядывался в его лицо.

— Ну хорошо,— сказал Шматов,— допустим, я пойду навстречу отечественному автомобилестроению. А где гарантия, что потом, когда начнется дележ пирога, тебе не расхочется расставаться с полутора тысячами? Как я понимаю, ты ведь из своего гонорара их будешь платить, частным, так сказать, образом?

— Как ты можешь?..— Костомаров покраснел.— А честного слова тебе недостаточно?.. Я даже не думал, что такой вопрос возникнет... Что ты предлагаешь?

— Надо подумать.

— Суток тебе хватит? У меня самолет завтра.

— Пожалуй.

— И прекрасно...

— Но с утра мы вместе осмотрим машину.

— О'кей, Игорь, конечно, я для того и приехал, будь благодарен, и все будет в порядке, поверь, вес мы в производстве нагоним, усилим, это мелочи, но кузов все равно рассчитан гениально, ты, надеюсь, это чувствуешь?

— Ты прав,— искренне сказал Шматов,— конструкция действительно продумана, надо только увеличить толщину листа...

— Она будет увеличена, старик, голову кладу! Уж кто как не я в этом заинтересован? Давай за удачу!

Они наливали коньяк в стаканы и чокались, и пили, и громко говорили о чем-то уже другом, и Костомаров быстро пьянел — нервное напряжение его сменилось предчувствием победы, он повеселел, вышел, позвал ребят. А Шматов пьянел туго, медленно и, усмехаясь про себя, думал, что, видимо, прошли времена, когда за подлость положительный герой не задумываясь лепил в лоб отрицательному, после чего справедливость немедленно торжествовала. Влепи вот сейчас этому (Игорь поднимал на Костомарова глаза, а тот, перехватывая его взгляд, толковал его по-своему, подмигивал, подливал, но даже в пьяных глазах его теплилась свечечка остороженности), влепи ему — синяк сойдет, а ты в дураках останешься. Как пить дать останешься. Шматов не видел еще разумного выхода из ситуации, но знал, что найдет его.

Утром, позавтракав, они начали осмотр машины. Костомаров что-то записывал, но Игорь по выражению его лица — он очень внимательно следил за ним — понять ничего не мог.

— Это лучше, чем я ожидал,— сказал Олег, когда закурили,— но дальше только асфальт. Ты решил что-нибудь?

— Да. Мы сейчас составим договор в двух экземплярах — один тебе, другой мне — о том, что при положительных результатах испытаний ты обязуешься выплатить мне две тысячи рублей...

— Полторы,— сказал Костомаров и с досадой подумал о том, что оставлять следы в таком деле не стоило бы.

Но Шматов был упрям. Олег знал это и смирился. Кроме того, другого выхода у него пока не было.

— Хватка,— усмехнулся Костомаров.— Только изменим формулировку: я выплачиваю их в случае получения вознаграждения.

— Хорошо, и тогда уж лучше не две тысячи, а двадцать процентов от твоей...

— Ну уж извини, это слишком! — Олег аж задохнулся.— За что? У меня годы изнурительного труда, нервы, бессонные ночи, а у тебя — месяц курортной жизни, разве это честно? — Костомаров был так искренне возмущен, что Игорь сорвался.

— А пятьдесят не хочешь? — прошипел он в лицо бывшему другу, и тот вздрогнул.— Ладно, пусть будет две.

Через полчаса Костомаров, сопя, давил шариковой ручкой под копирку, а Шматов, сидя в кресле напротив, тяжелым, недобрим

взглядом смотрел на него и опускал глаза за миг до того, как поднимал свои Олег Константинович. Тишина вокруг стояла полная, словно все вымерло, в ней трудился только его бывший друг.

«Как все переменялось,— думал Шматов,— то ли дело раньше: вот свой, хороший, вот чужой, плохой, даже форму носили разную, а теперь сидят вот такие по всей стране, лишут, и поди докопайся, что он — сволочь (а ведь какую работу тянет, и неплохо). И о каждом таком можно очерк написать под рубрикой «Портрет современника», и все будет правдой».

Подписи ставили уже не под копірку, но в той же тишине — неловкой, давящей.

— Ты это... подальше засунь... Жена там или еще что,— сказал Костомаров, когда складывали каждый свой листок и в глаза друг другу не смотрели.— Мне бы в город, по магазинам, самолет скоро...

Игорь разыскал Валенкина, попросил его отвезти Костомарова до города, потоптался у машины, кивнул в ответ на бодрую уже улыбку отъезжающего, но держался к тому не очень близко, чтобы не спровоцировать рукопожатие. Он со страхом чувствовал, что руки дать не сможет и все этим испортит, все провалит: и дела не сделает, и морду не набьет; и когда Костомаров задержался на миг у раскрытой дверцы, Шматов мгновенно взметнул правую руку вверх и стал горячо махать ею, растягивая лицо в приветливой улыбке: счастливого, мол, пути!

«Похоже, что все прошло чисто»,— подумал он устало и опустился на скамейку, а машина еще долго жужжала, захлебывалась и опять жужжала, и только тогда вздохнул Игорь облегченно, когда она затихла совсем.

Так, на скамейке, просидел он около часа, пока опять не послышалось жужжание, и уже по нему — вольному пению мотора — Игорь понял, что Валенкин один.

— Сережа,— сказал ему Шматов,— передай Смирнову: завтра отдыхаем, восьмого сборы, девятого утром — домой.

Глава одиннадцатая

Да, он вернулся в ту ночь к Наташе.

Это только в книжках не замечают чужую любовь. В жизни любовь к тебе оказывается почему-то ценнее собственной, и она, как найденные деньги, согревает душу теплей, чем заработанные. Игорь почувствовал что-то еще тогда, в машине. На берегу Немана он еще раз подумал об этом, а в гостинице уже не сомневался — видел. Он оглядел ее всю, с головы до ног — мужчины все немного циники. Он смотрел на ее руки и уже знал, как стиснут они его шею. Нет, он не разжигал похоть, а, напротив, пытался одолеть ее умом, словно бы все уже случилось, и вот она стоит перед ним — красивая, изведанная, но уже обременительная женщина. И тяжесть придет обязательно, ведь только дураки думают, что красоту можно любить вечно. Любить можно человека.

Он накручивал километры спокойно, пока вдруг не подумал о том, что ни разу за вечер не вспомнил о Татьяне. Прежде она являлась ему не раз в подобных обстоятельствах, и это стало уже каким-то защитным рефлексом: вспоминая ее, он становился равнодушен к другим женщинам. А сейчас он все больше и больше думал о Наташе. Думал тепло, возбужденно, казалось, что он почти любит ее. Дорога к турбазе проскакивала в фарах каждые пятнадцать минут — он двигался по кругу — и словно гипнотизировала его, но что-то все же мешало крутнуть на нее руль. Но была ночь, и было мутно, и требовался хоть какой-нибудь просвет.

...Луна неистовствовала в ту ночь: казалось, ее плотный свет материален, он залил привычный мир густо,пряно, до неузнаваемости.

— Ты пришел не ко мне — ты убегаешь от чего-то... Или от кого-то?

— От себя, может быть. Только не говори, что это невозможно, с тобой можно даже это.

— Это кажется.

— Пусть. Лучше жить своими «кажется», чем чужими истинами.

— Ты не боишься утра?

— Его боятся те, кому хватило ночи...

Если бы Шматову было двадцать, он бы влюбился — вероятно, в жизни все приходит вовремя. Утром он смотрел, как она одевается. И не было в душе ничего, за что можно было бы упрекнуть себя. Наверное, потому, что Наташа понимала больше, чем говорила. С ней было легко.

Шматов впервые встретил женщину умнее, сильнее и желаннее, чем его жена, но ничего не решил для себя. Он вернется, и все образуется — неизбежно и само собой. И только до слез, до изнеможения грызла совесть за Владьку.

Никогда еще Шматов не подъезжал к дому с такой тяжестью на душе. Уезжал, бывало, после крепких размолвок, разрывов, в одиночество уезжал, но возвращался всегда с надеждой на лучшие перемены. Теперь же не было не только надежды, но и необходимости в ней.

Так он и въехал в свой город — поздно, безрадостно, ничего не решив, кроме того, что ночевать будет у родителей...

Мама была одна. Отец, оказалось, уехал в дом отдыха, Вовка, как водится, отсутствовал. Она обрадовалась Игорю, засуетилась, не зная еще, с чем он пожаловал.

— Может, поешь? — спросила без надежды, по привычке — слишком он спешил всегда и всегда с порога объявлял, что он на минутку. — Ты оттуда? Совсем? — слышался ее голос уже из кухни.

— Да, мам, совсем.

— Ну и слава богу, а то Таня звонит, волнуется, не пишешь, говорит... Как у вас с ней?

— Плохо, мам. — Но она не расслышала.

Они были задерганы, его старики, не только братом, но и его семейной неразберихой. Молодые ссорились, мирились, сходились, расходились, и они постоянно оказывались втянутыми в события, всякий раз перенастраиваясь то на развод, то на вечную любовь. И всякий раз верили, что уж теперь-то все — окончательно и бесповоротно. Свое мнение у них, конечно, было: они уважали сына, любили и хотели, чтобы у него все было хорошо.

— Мам, залезу-ка я в ванну.

Мать удивленно посмотрела на него, а он ответил:

— Ушел я от Тани. Примешь меня?

— Как ушел? — прижала мама ладони к щекам, и глаза ее враз сделались скорбными. — Ты сейчас оттуда, что ль? Прогнала... — сокрушенно «догадалась» она, скользя взглядом по черному, заросшему, усталому лицу сына, по грязным рукам и нелепому дорожному костюму: вздутые на коленках тренировочные штаны и стоптанные кеды. — Докатался на своих машинах.

— Нет, не прогнала. Я там еще не был, поеду завтра. — Игорь включил горячую воду, наполняя ванну.

— А-а... — облегченно протянула мама, — не был еще... И не надо, с дороги-то, зачем грязь показывать? Помоешься, побреешься, как человек придешь. А то сразу — ушел... Горазды вы нервы родителям трепать... — Она говорила все это почти счастливо, быстро, сноровисто готовя ужин: в кои-то веки сын, да еще такой уставший, даст себя

накормить, пригреть, приголубить. Она уж и чемоданишко его проглядела, пока он мылся, и белишко его грязное собрала постирать-погладить, и нитки для заплат на локтях его свитера отыскала.

Игорь ел, мама сидела напротив, пододвигая ему то одну, то другую тарелку, потом сдвинул посуду на край стола, накрыл большими, распухшими от руля ладонями маленькие мамини и сказал:

— Поговорим?

Мама с готовностью кивнула и вся замерла, добро и часто по-маргивая. Игорь — сначала спокойно, потом, разволновавшись, горячо, но, как ему казалось, убедительно — стал рассказывать маме, как произошло, что он разлюбил Татьяну. Он вспоминал то, что она и без него хорошо знала. Игорь рассказывал, мама кивала, но он все равно чувствовал себя неловко: легко было говорить в эти любящие глаза, наперед со всем соглашающиеся. Порой Игорь, не желая легкой победы, накидывался и на себя, говорил, что и он во многом виноват и он не сахар, что Татьяна, в общем-то, неплохой человек, но вот не получается у них... Мама была первым и, наверное, главным судьей на этом новом его пути... А может, все-таки была она для него желанным судьей, потому что не могла не быть пристрастной, не могла сыну своему вынести жестокий приговор?

Когда Игорь понял, что повторяется, он замолчал, руки его дрожали, давили хлебные крошки. Он ждал, что скажет мама.

— Сынок, ты уж решил все или совета хочешь? — Она вглядывалась в его лицо.

Вопрос был для Игоря неожиданным, преодолевая какой-то страх, точно в воду бросаясь, он ответил:

— Решил, мама.

— А ведь у тебя кто-то есть, да?

«С чего ты взяла?» — чуть не спросил Игорь, но ему удалось справиться с собой и ответить уверенно:

— Нет, мама, никого.

— Значит, была, — отвела глаза мама.

— Ну была, была, и что из того? Не в этом же дело...

— Что же ты из одного хомута в другой лезешь?

И у Игоря бессильно опустились руки — он не знал, что еще говорить. Помолчали. Как-то отчужденно мама начала:

— Таня хорошая жена, она уже пообломалась за эти годы, с ней сейчас только счастье хлебать, да, видно, не про тебя оно. Мы с отцом довольно помялись: сегодня жена друг тебе, завтра враг, а мы... Да и не больно-то ты нас слушал. Жить тебе и решать тебе, не пожалеть бы только... А вот угол все ж какой-нибудь другой ищи, пожалей нас с отцом: увидим — плохо тебе, нам вдвойне плохо, ну а будешь смеяться-веселиться, нам все одно горе — за Владика маленького, за них, за брошенных, каково им сейчас?.. Не обессудь.

И, поджав губы, мама встала, словно ей надо идти куда-то, а Игорь сидел неподвижно, и было горько ему до слез, и тяжесть на душу навалилась совсем физическая: один, совсем один оказался. Надеялся здесь, дома, у мамы, найти поддержку, даже — самонадеянный глупец — уверен был в этом! Да кто же его поддержит, кто посмеет произнести: бросай сына, ломай семью?

Только теперь Игорь почувствовал, как он устал. И от дороги, и от работы, и от костомаровщины, и, главное, конечно, от того нервного напряжения, в котором жил последнее время, думая о своем доме. Он, видимо, исчерпал всю свою волю, потому что вспомнил вдруг о Наташе — только с ней ему может быть хорошо, только с ней он сможет забыться. Хоть на одну ночь, хоть на один час. Забыться — вот чего хотелось ему сейчас больше всего на свете. И он поедет к ней — сегодня, сейчас же.

Нет, он не обиделся на маму, он понимал ее и чувствовал, что она права: он сам не сможет жить здесь. Просто он входил в то оже-

сточенное состояние, в котором каждая новая беда принимается с каким-то садистским удовлетворением: чем хуже — тем лучше.

Сначала он хотел уйти тайком, а с улицы позвонить, успокоить маму, но взявшись за замок, он увидел через кухонную стеклянную дверь ее заплаканное лицо и вздрогнул крупно, сильно, как животное, — стыд ожег его. Он кинулся к маме, обнял ее всю, плачущую, содрогающуюся, теплую, прижал к себе.

— М-мама, мамочка, — гладил он ее плечи, ее голову. — Милая моя, все будет хорошо, вот увидишь... Поверь мне, успокойся, не волнуйся, у меня все будет хорошо, вот увидишь. Знаешь, как она любит меня... — Из всего, что мог, Игорь угадал для мамы самое главное.

— Любит? — вскинула она красные мокрые глаза.

— Да, да! — Игорь опустил голову, он улыбался и почти плакал — лицо мамы расплывалось в его наполненных слезами глазах, и чтобы скрыть их, и еще от переполнявших его благодарных чувств, он опустил голову еще ниже и стал по очереди целовать ее руки. — Любит, мама, очень любит меня, и ее зовут Наташа...

— Ты к ней?

— Да, мама, я позвоню тебе.

И он сбежал по ступенькам — легко, почти радостно, и тут же из автомата у подъезда набрал ее номер. Четыре длинных гудка прокололи его, прежде чем он услышал ее голос.

— Я хочу видеть тебя, — сказал Игорь.

— Я тоже, — ответила она. — Я очень ждала тебя.

— Подожди еще двадцать минут.

— Попробую.

И он повесил трубку. А когда он подошел к машине, возле нее стоял Володя. Не стоял — качался. Плащ его и брюки были в грязи — видно, падал, шарф болтался, а лицо убивало бессмысленностью.

— Хо, братан! — сказал он заплетающимся языком и шагнул вперед, раскинув широко руки.

Игорь ударил его неожиданно для самого себя — с брата слетела шапка, и так, с раскинутыми руками, он повалился навзничь, но Игорь успел все же поймать его за полы плаща. Тут же, отпустив плащ, он бил его наотмашь с обеих рук и чувствовал, что сам звереет, и ему стало страшно.

Тяжело дыша, распрямился над лежащим братом. Достал сигареты, но вдруг опустил их на колени, всмотрелся в раскровененное лицо брата и прислушался — Вовка дышал. Жалость захлестнула Игоря, он поднял его голову.

— Вовка! — сказал громко и хрипло. — Вовка! — повторил фальцетом.

Брат замычал.

Тогда Игорь подхватил его под руки, перевалил через плечо и, покачиваясь от тяжести, широко ставя ноги, пошел вверх по лестнице.

Глава двенадцатая

Артистов в санатории, как и предсказывала Леля, Евгений Евсеевич не обнаружил, да и не силен он был по этой части, знал Жарова, Серову, Райкина да Никулина. Был один в его годах с удивительно знакомым лицом, но оказался полковником, с которым отдыхали вместе в Крыму два года назад. День они переглядывались, за ужином узнали друг друга и как бы вновь познакомились. Иосиф Иванович — так звали полковника — сказал, что санаторий этот хоть и попроще министерских, зато места кругом необыкновенные, даже в это слякотное межсезонье, и все свободное время он проводит в прогулках. Евгений Евсеевич выразил желание присоединиться к нему, и Иосиф Иванович охотно согласился: завтра с утра, еще до

завтрака, в восемь ноль-ноль у начала маршрута номер один. При этом Иосиф Иванович вскинул к глазам руку с часами, и Евгений Евсеевич тут же — хотя часы у него ходили точно — перевел свои на две минуты вперед — по полковничьим. Это было не подобострастие — привычка.

Новый его знакомый держался просто. Был он начальником военной кафедры в гражданском вузе и заметно утратил уже ту четкость, властность, тот аромат и узнаваемость кадрового служаки в любом облике, по которым так тосковал Евгений Евсеевич все свои гражданские годы.

Он до сих пор чувствовал себя неловко в штатском, носил на лубом пиджаке орденские планки и ветеранский значок, до сих пор употреблял «Шипр», который все труднее стало разыскивать в импортном половодье парфюмерии. Его полная армейская форма висела в шкафу, и хотя Леля давно и не раз уговаривала перешить ее на гражданский рабочий костюм, Евгений Евсеевич не согласился на это.

Открывая шкаф и видя в его полусумраке строгий, поблескивающий металлом мундир, ощупывая пальцами золотой наждак погон, бугристые звезды, он имел перед глазами как бы вещественное доказательство значительности своей жизни и креп души. Представив однажды, что не увидит этого, он испытал страх, как за жизнь близкого человека, и понял, что умрет тогда что-то в нем самом. Раньше — давно это было — он надевал форму по большим революционным праздникам и шагал в колонне демонстрантов, позвякивая медалями, чувствуя прилипающие к орденам взгляды и тонкий, хоть и поднафталиненный, запах добротного армейского сукна.

Теперь — в самые страшные, самые унижительные свои минуты, когда за стеной валялся пьяный сын, наговоривший такого, от чего судорогой сводило лицо, отказывало сердце, когда, наглотившись таблеток, засыпала наконец Леля, — он открывал шкаф и дрожащими нетерпеливыми руками облачался во все военное и тихо ходил по полутемной квартире; и тесный мундир, жесткие от погон плечи, тугой ворот распрямляли его, облегчали, держали, словно каркас; и красные воспаленные глаза его высыхали, стоило остановиться перед зеркалом, надвинуть потуже холодный лакированный козырек фуражки, стиснуть голову околышем, поправив выбившиеся из-под него седые, не по уставу длинные пряди. Но об этом никто не знал.

Иосиф Иванович был несколько ниже и тучнее Шматова, седобров, совершенно лыс, острые карие глаза отличались от шматовских живостью, цепкостью, какой-то гражданской насмешливостью, дорогой костюм сидел ладно, даже элегантно, что особенно удивляло Евгения Евсеевича. Он был начитан, резок, категоричен в оценках, во многом спорных, но два его женатых сына — один журналист, другой работник Внешторга, — два этих «мандата об успехе» заставляли Шматова верить ему и даже пересматривать кое-какие свои позиции. И вообще общение с этим человеком действовало на него бодряще, как глоток настоящего бразильского кофе.

Следующее утро было пасмурным. Они шагали неторопливо в ногу по твердому влажному песку, усыпанному мертвой хвоей, переступали корневища сосен и молчали, наслаждаясь тишиной, свежестью, шорохом редко падающих капель. Внизу, у реки, голые ветви были густо усеяны воронами, кричавшими гулко, гортанно, истоиво, и крики эти еще более оттеняли тишину и сосновый сумрачный уют. Они долго не уходили с холма на краю леса, откуда такие легли перед ними дали, такая мешанина родного, русского брызнула им в глаза — изгиб реки, за ним темная, немая деревенька, хляби, дымы, перелески, вороны, березы, — что сердце стиснуло восторгом.

— Я воевал неподалеку, — сказал Иосиф Иванович. — Из окружения выходили зимой... Ветки жевали, кору... Зубы выпадали, воло:

сы...— Он вспомнил, что лыс, и рассмеялся: — Нет, это уже после.— Потом задумался, вздохнул: — На фронте поседел, после войны полысел... На войне было несложно.

— Тут уж, извините, я с вами...

— Очень трудно, но несложно,— повторил полковник, и Шматов осекся, задумался.

— Да, трудно,— сказал он искренне.

Они продолжали свои прогулки изо дня в день и говорили о чем угодно, только не о детях и не о воспитании — тема эта для Евгения Евсеевича была очень важна, и разговор о ней он все откладывал и откладывал, боясь чего-то. Он собирался выслушать полковника со всем вниманием, впитать каждое его слово и понять наконец свои ошибки. Но неожиданно он стал их понимать раньше.

Он понял, что ничего нового тот не скажет, никаких секретов не откроет — секрет был в нем самом, но он об этом вряд ли догадывался: он был умен. Это вовсе не значило, что Евгений Евсеевич был глуп, он чувствовал то же, что Иосиф Иванович, и теперь неоднократно и радостно убеждался в этом, но только чувствовал. Он жил в то же время и в той же стране, что и полковник, он знал тех же людей и те же факты, что и тот, видел те же фильмы, читал те же книги и газеты, но он никогда не размышлял над всем этим, безоглядно доверяя другим: тем же фильмам, газетам, людям, а главное — он никогда не считал, что его размышления кому-то нужны. Он с жадностью читал педагогическую литературу, делал выписки и даже помнил брошюрку, называвшуюся «Как надо воспитывать», помнил даже ее главы: «1. Личный пример; 2. Терпение; 3. Строгость».

Сейчас он понимал, что Иосиф Иванович отбросил бы эту книжонку с презрением, едва прочитав название. А он ее зачитал, затер до дыр.

И вот теперь, когда он был допущен к чужой, великолепно отлаженной мыслительной машине, он с испугом бросился искать такую же в себе и нашел ее заброшенной: в ней без устали, но разобщенно, вхолостую вращались шестеренки самых простых, изначальных чувств. Он с надеждой толкнул другие — они бездействовали, он приналег — они струнулись; со страшным шумом, напряжением, перебоями, но его «машина» заработала тоже, и он был в восторге — он впервые почувствовал свою значимость.

Не «воспитывать», не запрягать в постромки своих «надо» и «нельзя» другой ум, другой мир, не восседать на козлах, но и не тянуть самому, обрекая его на бездействие, здесь надо было что-то другое, очень сложное и пока им не понятное. Евгений Евсеевич удивлялся тому, как это невероятно сложно — воспитывать, как слеп он был, полагая перегородить реку детской лопаткой; он подумал: почему об этом не кричат, не трубят умные люди, почему не учат этому везде — в школе, институте, по радио? А потом понял — учат, трубят. Но раз до него, неглупого человека, это не доходило, значит, мало, плохо, не так говорят? Ведь это целые институты, академии надо кончать, чтобы воспитать одного-единственного человека! А разве прилагают остальные столько усилий, сколько потратил он их на Владимира?..

Почему? почему? почему? — целый рой вопросов гудел в нем. Находя ответ на один, он радовался, но второй вдруг опровергал первый, третий подтверждал оба, четвертый, пятый... Он приставал к одному берегу, казавшемуся ему надежным и прочным, обживал его, вбивал сваи, клал кирпичи, рыл все глубже и глубже; но вдруг построенное, возведенное рассыпалось от одного невинного движения — все рушилось, расплозлось, а впереди маячил уже другой, верный берег, он греб к нему зрячий, окрыленный, он вновь и вновь

обживал эти берега, радостно сознавая, как далеко и безвозвратно уплыл он от того первого, на котором рылся слепым кротом почти всю свою жизнь.

К Бунеевым Шматов собирался с волнением, долго, знал, что не поехать не сможет. Воспоминания об их детях не давали ему покоя. Но если раньше мысли о них вызывали в нем умиление и зависть, то теперь, после Иосифа Ивановича, после всего, что произошло с ним, Шматовым, за эти дни,— тревогу. Чем дальше уходил он от себя прежнего, тем яснее видел свои ошибки и тем более уверялся в том, что их же делала и Бунеевы. Он понимал это и боялся ехать к ним.

Сейчас Евгений Евсеевич уже не тяготился возвращением к сыновьям, наоборот — ждал его. Он шел к этой встрече радостным, сильным. Он обязательно обнимет их, как друзей, он похлопает их по широким плечам и в первый же вечер заговорит с ними по-другому, и они удивятся и будут удивляться еще и еще, а ему будет легко и весело, потому что это станет не игрой и не воспитанием: он действительно другой...

Глава тринадцатая

На следующее утро Игорь уехал на завод рано, не позавтракав, чтобы не будить маму. В квартире пахло валерьянкой. Мама полночи не спала, сидя над Вовкой, примачивая его разбитое лицо, плача, причитая: «Сыночек... Кто ж тебя так?» Игорь не сказал — кто.

Подъехав к зданию отдела, где дожидались его Валенкин и Смирнов, Шматов заметил на стеклянных дверях объявление о том, что завтра состоится партсобрание с повесткой дня: «Испытания нового образца. 1. Устойчивость и управляемость, докл. Саввушкин; 2. Фронтальный удар, докл. Петров; 3. Прочностные испытания, докл. Костомаров; 4. Прием в партию...»

Шматов задумался: вот так оборот. Но похоже, что это даже кстати.

Он повернулся к своим ребятам:

— Вот что. Обстановка изменилась. Пока нас никто не видел — по домам. Послезавтра с утра на работу, ясно?

Ни того, ни другого долго уговаривать не пришлось.

Игорь отъехал от завода несколько кварталов, припарковал машину в первом же удобном месте, откинулся на спинку сиденья...

Вероятно, Костомаров легализировал как-то свою поездку к ним, а докладывать будет о том, что результатов следует ждать обнадеживающих. Узнать же, что испытания свернуты, он не мог. Для того чтобы вывести его на чистую воду, надо выступить на собрании после него, рассказать правду и, если ему не поверят, обнародовать сложенную вчетверо бумажку, которую они так серьезно подписывали. Шматов не видел в этом никакой непорядочности, наоборот: имеет место тот редкий случай, когда подлецу не спрятаться за красивыми словами, он пойман за руку. Но Игорь все же не хотел делать этого ни теперь, ни тогда, когда подписывал «договор»; он хотел зло, облеченное властью, заставить делать добро хотя бы из страха перед разоблачением.

Игорь медленно поехал по городу, останавливаясь у каждого щита с объявлениями, но квартир никто не сдавал. Он заглушил мотор и долго курил в машине, поглядывая на стоящий рядом телефон-автомат. Он ничего уже не решал сейчас — все было решено еще там, у Немана.

«Если б не Владька...» — думал Игорь, выходя из машины и нащупывая в кармане монету.

Диск телефона закручивал, будто пыточное колесо, длинные гудки — нервы лопающиеся, а когда ему сказали, что Шматова больна, отпустило колесо, словно устал палач, но Игорь спеша, боясь потерять мужество, набрал домашний номер.

— Але? — Голос был тихий и какой-то убитый.

— Таня, я приехал вчера, но...

— Вчера?

— Да.— Он выдержал паузу, он намекал ей, он амортизировал удар свой.— И мне надо серьезно с тобой поговорить.

— Игорь, что случилось, где ты? — Голос ее был встревоженным, она не понимала, а скорее не хотела понять намека.

И он сорвался:

— А ты не знаешь, что случилось? Ты помнишь свои слова? Перед моим отъездом?

— Да,— прозвучал тихий голос на том конце провода.

— Что да, что да?! — орал он.

Молчание.

Боже мой, как же он глуп сейчас, как жесток! Он понимал это и злился из-за этого еще больше. Ведь сам он подготовлен к такому разговору, он мучился, он обдумал все, а она? Она только ждет, ждет, несмотря ни на что, надеется, что все будет хорошо, что заживут они по-новому, когда придет папка; она поднимает утром Владьку, кормит, ведет в сад, забирает, коротает с ним вечера, и только разговоров что папа, папа... Остановись, еще не поздно, опомнись!..

— Таня,— сказал он.

— Я слушаю.— Голос был едва слышным.

— Таня, я люблю другую женщину,— сказал он то, чего уж всем не следовало говорить.— И ты... Ты прости меня.

Он сказал это, когда лишь на миг вспомнил все их разрывы, все примирения — все эти нескончаемые тягостные циклы, сказал, чтобы обруть разом концы, сказал — и испугался.

— Таня! Таня! Ты слышишь меня?

— Слышу. Я сотни раз, Игорь, ждала их... В каждом письме, каждом звонке, я говорила их себе за тебя, но... но... я не думала...— Ее дрожащий голос прервался рыданиями.

— Таня, перестань, Таня, я прошу тебя!

— Я не думала, что это будет так... подло.. мы ждали тебя...— Она повесила трубку.

Кто-то постучал монетой по стеклу будки. Дико оглянувшись, Игорь увидел нескольких человек. Шаря по карманам, он приоткрыл дверь и крикнул им что-то. Видимо, вид и слова его были ужасны, и люди исчезли, а он вновь набрал ее — теперь уже только ее, не их — номер.

— Таня, послушай, не вешай трубку, а то ведь я приеду, я рядом, Таня, ну какая разница, когда это сказать, какая?

— Игорь...— Таня помолчала.— Я только, может, теперь и поняла, как я люблю тебя.— Опять она замолчала, молчал и Игорь.— И ты... ты...— Она говорила из последних сил.

И опять зазвучали частые гудки.

Глава четырнадцатая

Шматов только что закончил свое выступление, шел по проходу на место и уже чувствовал: что-то не то. Не ожил зал, не загудел, будто не понял его. А ведь он только что сказал, что нового кузова еще нет, а значит, нет и автомобиля. А значит, все другие испытания, о которых здесь говорилось, проведены вхолостую — после утяжеления конструкции их данные будут другими. Он даже пустил по рядам фотографии, их нехотя проглядел главный — Миронов, покосились на них два его зама, сидящих рядом, но дальше они не пошли.

Шматов говорил горячо и, ему казалось, убедительно, но дважды из зала крикнули: «Регламент»!

Сейчас Игорь сидел, старался успокоиться и трезво оценить ситуацию. Начал поглядывать по сторонам. Никто на него не смотрел, никто не шушукался за его спиной, как бывает после скандальных выступлений, все было как обычно: кто-то читал, кто-то переговаривался, дремал, кто-то слушал начальника экспериментального цеха, который скучным голосом говорил, что замечания товарища Шматова они, безусловно, учтут в дальнейшем, что сварочные машины были старые, а теперь получены новые, что первые опытные кузова собирали неумело, поспешно, но вот следующие... Потом слово попросил Гудков — заместитель главного по испытаниям. Поглядывая в сторону Игоря, он признал, что, несомненно, они поспешили с этой командировкой, что группу надо было усилить более опытными водителями, ведущими специалистами по основным агрегатам, что по имеющимся у него сведениям группа Шматова работала в три смены, а это спешка и нарушение методики: металлу тоже надо давать отдых, что балласт — он усмехнулся и сделал паузу — взвешивали на магазинных непроверенных весах (послышались смешки), поэтому величина нагрузки не гарантирована, да и располагали балласт не совсем верно...

Шматов насторожился — все это он мог опровергнуть в минуту, и он поднял руку, и зал наконец загудел. Игоря ободрил этот шум, он крикнул: «Прошу слова!», но, разобрав в этом шуме чаще других повторяемое слово «регламент», растерялся.

Джутов, секретарь партбюро, постучал карандашом по микрофону:

— Товарищ Шматов, вас уже достаточно слушали. Разногласия, неточности и другие мелочи мы разберем в рабочем порядке...

— Это не мелочи! — перебил Шматов.

— Да будет тебе, — сказал кто-то рядом сидящий, — разберетесь потом.

Джутов постучал еще:

— Товарищи, во время нашего собрания работала комиссия по подготовке проекта решения. — Джутов повернулся в сторону стола, за которым сидели трое: они кивнули. И он начал читать: — Считать результаты предварительных испытаний в общем удовлетворительными. Обратить внимание руководства экспериментального цеха на более качественную сварку и сборку кузовов... Провести дополнительные прочностные испытания на более ответственном уровне с привлечением ведущих специалистов вплоть до начальников бюро...

«Кого же это? — соображал Шматов. — Уж не Костомарова ли?»

Тут только до него дошло, что листки, подрагивающие в руках Джутова, отпечатаны на машинке, а никакого стука ее во время собрания Игорь не слышал — беспрестанно звонил только телефон на столе Хохорева и Миронов, сидевший рядом, раз за разом поднимал и тут же опускал трубку, раздраженно морщась на чью-то назойливость. Значит, напрасно он тут распинался и Костомаров все предусмотрел, переиграл его? Глазами он отыскал Костомарова. Тот сидел в противоположном углу и оживленно переговаривался с кем-то. Вдруг он оглянулся — точно на Шматова — и обдал его дружеской ободряющей улыбкой: ничего, мол, старина, не робей.

По спине Игоря побежали мурашки, он почувствовал себя маленьким и жалким. «Учись, — думал он, стиснув до боли зубы, — учись, технарь, как надо бороться и побеждать. Куда попер с суконым рылом? А эти-то, — оглядел он сидящих, — неужели им все равно?.. А ведь сейчас придется поднимать руку, руку придется поднимать... Голосовать против правды, против себя самого? Нет, ни за что!» Но вдруг Шматов представил, как Джутов, глядя поверх зала, спросит: «Кто — за?» — и поднимется лес рук; как потом, после обя-

зательной скороговорки: «Воздержавшиеся? Против?» — поднимется одна лишь единственная его рука. Единственная против — против всех: главного, его замов, начальников бюро, всех тех, кто определял судьбу Игоря, его оклад, карьеру, работу. И ему стало не по себе. Воздержаться — тоже потери плюс трусость. «За» — одна трусость, без потерь. Но «против» — это вызов. А что решит один его голос, что изменит? Все эти люди забудут о нем, едва придут домой. Ну почему все настроены так благодушно? Разве то, что он рассказал, пустяк?

И вдруг Шматов представил себя со стороны поднимающим руку «за». За свою некомпетентность. За какие-то свои нарушения. За Костомарова, за его десять тысяч, за чье-то благополучие и за свой покой.

«Амеба, — сказал он себе, — ты-то что теряешь, какие посты, какие оклады?..»

Шматов облегченно вздохнул и откинулся на стуле — он был готов сказать свое слово. Все его сомнения, тревоги казались смешными теперь рядом с той силой, той свободой, которую он чувствовал в себе. Это было так широко, так ново и радостно, что ему стало даже жалко всех этих костомаровых и прочих, распиливающих свою гирию в ожидании золотых опилок: удовлетворенная — не уговоренная! — совесть дороже их.

— Кто «за»? Единогласно, — оглядев зал, заключил Джутов.

Шматова подбросило, словно пружиной.

— Товарищ Джутов, — сказал он в наступившей секундной паузе, — вы плохо посчитали. — Гнев давал ему силы, и голос его звучал смело, уверенно, и все затихло.

— А что такое? — растерялся на мгновение Джутов.

— Я против. Относительно удовлетворительных результатов испытаний. И этот пункт предлагаю записать так: подготовить мероприятия по усилению кузова, изготовить такие кузова и только после этого провести повторные испытания. Прошу поставить на голосование.

Конец его речи утонул в шуме отдвигающихся стульев, в недозвольных репликах — все уже готовились стартовать домой.

— Ну что же вы машину губите! Сидите здесь... — он говорил в шум и был жалок — слушали лишь те, кто был рядом.

— Товарищи, — встал Миронов, и зал немного притих, — товарищ э-э... Шматов совершенно прав: мы не можем рисковать надежностью нашего нового автомобиля. Но Шматов узкий, хотя и неплохой специалист и судит субъективно, многого не зная. К тому же он недавно вернулся к нам, не успел получить достаточной информации о нашей с вами работе, но это не его вина, скорее моя. Мы считаем преждевременным тратить средства, дорогостоящий металл, пока не убедимся еще и еще, что это необходимо. Страна остро нуждается в прокате, мы должны, мы обязаны его экономить, есть соответствующее постановление партии и правительства.

— Ставим на голосование! — Голос Джутова обрел силу, покрыл шум. — Кто за то, чтобы принять поправку инженера Шматова? Один! — Это Игорь снова, но уже как побитый, с горящим лицом поднял руку. — Два, три... — Брови Джутова поползли вверх, Миронов привстал. — Александр Трофимович, два раза нельзя поднимать руку — вы только что голосовали за первоначальное решение, я видел.

— Знаю, что нельзя, сорок лет голосую... — медленно встал со скрипнувшего стула и распрямился во весь огромный рост Филин. — Я свое первое партсобрание в окопе проводил...

— Всем взводом небось окоп для тебя копали?..

— Лежа, что ль, Трофимыч? — слышались смешки, но все приготовились слушать: Филин выступал нечасто.

— Вот я о том как раз и хочу сказать.— Филин насупился.— Да, и голосовали, бывало, лежа, и «Интернационал» пели тоже лежа. Бывало всякое. Зато в атаку стоя ходили. Как вот он сейчас,— Трофимыч ткнул сарделькой-пальцем в сторону Игоря, который от неожиданности забыл даже сесть.— И в беде товарищей не бросали,— продолжал Филин, но вдруг замолчал, вскинул руку с часами к самым глазам и поднял очки на лоб.— Сейчас без двадцати семь. И мы все торопимся, мы не можем выслушать человека потому, что в семь по телевизору наши с профессионалами играют, так?

— Так!— крикнуло несколько голосов помоложе, но на них зашикали; все знали, что болельщика азартнее, чем Филин, в отделе нет.

— Знаю, чего уж...— Трофимыч опустил голову, словно не знал, о чем говорить дальше.

— По существу вопроса, пожалуйста, Александр Трофимыч,— привстал и постучал пальцем по микрофону Джутов.

— Я же говорю — все спешат,— развел руками Филин, и в зале вновь засмеялись.— Скажу и по существу. Почему я сначала голосовал «за»? Потому что к жизни спокойной привык: там, мол, виднее, там разберутся,— махнул Филин рукой в сторону президиума.— Другой раз и хочется встать, а подумает: ну что, мол, ты один изменишь, только неприятности наживешь. А потом с людьми поговоришь и оказывается: ползала о том же думало!— Собрание задвигалось, зашумело.— Неприятностей я и сейчас боюсь,— продолжал Трофимыч,— их каждый боится. А самая большая для всех нас неприятность — плохой автомобиль. Это и жена без обновок, и детишки без велосипеда, и сам мужик — не мужик, так, непонятно что... Помните, старички, какие у нас раньше премии-то были! Иной раз в ползарплаты, а теперь, когда машину нашу на каждом углу ругают, и червонцу радуешься.— В зале зашумели.— И получается не по-хозяйски: от малых бед убегаем, а большие сами к себе гребем. Теперь — почему я голосовал за Шматова. Во-первых, я его знаю, за руль учил держаться: парень честный. А главное, любит свое дело и знает, это видно. Уж эту новую машину он пуще, чем жену, наверное, обхаживал...

— Но согласитесь, товарищ Филин,— послышался голос Миронова, усиленный динамиками,— и вы и Шматов можете ошибаться в конструкции автомобиля, в ее тонкостях...

— В конструкции могу,— ответил Трофимыч ничуть не тише динамика,— а в человеке — нет.

— Но мы здесь именно о машине...

— Не помню я такого партсобрания, чтобы о человеке не говорилось. За каждой железкой все равно человек стоит... А может, и перед каждой. В данном случае, как я понял, речь идет о некомпетентности инженера Шматова. И мне непонятно: почему всегда его заключениям верили, принимали по ним меры, а сейчас нет? Зачем же тогда было его посылать? Считаю — надо разобраться, но не сейчас, а по-серьезному: назначить комиссию. Все.

Филин сел.

— Правильно!— послышался чей-то голос.— А Трофимыча — председателем! Пусть разберется, а потом доложит.

— И разберусь,— загудел Филин, он и сидя был выше всех на голову.— Не разберусь, что ли?

— Комиссию! Комиссию!— загудел зал.— Правильно!

В президиуме зашептались. Миронов встал:

— Товарищи, но председателем комиссии — водителя...— Он развел руками.

— Трофимыч — испытатель, он любому инженеру фору даст!

— Нет, это несерьезно.— Миронов прижал микрофон к самым губам.— Мы уважаем и Александра Трофимыча, и его опыт, но ди-

рекция завода нас не поймет, товарищи! Предлагаю в комиссию его ввести, а председателем утвердить товарища Костомарова, ведущего специалиста-кузовщика... Кто «за», прошу поднять руки! Единогласно! Кто против?..

Игорь остался один в пустом полутемном зале. Его плечи еще ныли от похлопываний, а руки горели от пожатий, но вокруг уже никого не было. Шматов не чувствовал себя ни побежденным, ни победителем, ему хотелось только одного: поговорить с Филиным — вот кто был сейчас нужнее всех. Но его не было видно. Зато подошел Костомаров. Игорь удивился его всеядности, его смелости и сказал, касаясь груди в том месте, где был у пиджака внутренний карман:

— Будь благоразумен, председатель. Иначе эта штука выстрелит.

Костомаров хотел что-то возразить, но усмехнулся и произнес жестко, касаясь того же места на своем пиджаке:

— Она стреляет в обе стороны.— И ушел.

И Игорь вновь остался один. Прошло несколько минут, в течение которых он смог сообразить только одно: надо ехать домой. Но куда — домой?

В коридоре послышались шаги, тяжелые, редкие. Так мог ходить только один человек: Филин. Большое темное пятно показалось в дверях и, шурша плащом, приблизилось. Да, это был он, Филин.

— Я увидел твою машину на стоянке,— сказал он,— ты рядом с моей ее поставил, и не смог уехать... Что горюешь? Ведь наша взяла!

— А Костомаров? — спросил Игорь.— Как можно было делать его председателем такой комиссии?

— А что Костомаров? Нормальный мужик.— Трофимыч сел на край стола. Его темные кисти рук были огромны.

Шматов подал ему тот самый «договор».

— В случае моего да, Александр Трофимович, кое-кто получает сорок тысяч рублей. И Костомаров приезжал ко мне туда и предложил две из них. Я лишил себя удовольствия набить ему морду, я хотел получить вещественное доказательство, улику. Но он либо раскусил меня, либо предусмотрел все.

— Вот оно что!..— Трофимыч сдвинул кепку на затылок.— Теперь ясно, откуда по отделу ходят слухи, что ты ужесточаешь испытания из-за того, что якобы мала сумма твоей премии за них. Ты теперь понимаешь, как можно прочесть эту бумажку? — Филин потряс листком.

Да, только сейчас Шматову стали понятны слова своего бывшего друга: «Она стреляет в обе стороны»,— он, Игорь, соглашается не гробить хорошую машину, если ему заплатят...

— Что же делать, Александр Трофимович?

— Что делать, что делать... Машину новую делать. Усиливать кузов. А с этой пакостью,— он сложил бумажку, сунул ее в карман,— я сам разберусь. Ах, стервецы! — покачал Филин головой.— Пойдем, уже поздно. Наши уж, верно, выиграли...

Он погасил оставшийся свет, и в это время зазвонил телефон.

— Брось,— сказал Филин из коридора.

Но Шматов вернулся и в темноте отыскал аппарат:

— Алло?

— Игорь? Господи, наконец-то...— услышал он далекий рыдающий голос.

— Мама? Что случилось?

— И... И... Игорь, сейчас...— Ее дыхание перемежалось всхлипами.

— Мама! Мама! Вовка опять, да?

— Иг-горь... Я звоню третий час... Непрерывно. Но трубку кладут...

— Да, мама, у нас собрание было...

— С папой плохо, Игорь!— выкрикнула мама и зарыдала опять.
 — Что, что именно?! Ну что?..
 — Запиши...— Она продиктовала адрес, и Игорь накрепко запомнил его.— Меня вызвал врач, папа в крайне...— она всхлипнула,— тяжело состоянии.
 — Что с ним?!— гулко зазвенел голос Игоря.
 — Не знаю. Что-то с сердцем, я не поняла.
 — С сердцем?
 — Игорь, я на вокзале, через десять минут мой поезд, Володи не было, я оставила ему записку. Игорек, хоть ты приезжай, я... не переживу там... одна... Следующий поезд...— мама дышала, как после бега,— поезд... только в три часа ночи...
 — Мама, не волнуйся, пожалуйста, я выезжаю сейчас же на машине, слышишь? Я буду раньше тебя, я помогу папе, и все будет в порядке, верь мне, слышишь? Я буду раньше тебя,— сказал Игорь и положил трубку.

Рядом в темноте стоял, шурша плащом, Филин.
 — Я с ума сойду,— сказал Игорь,— такой день...
 Трофимыч положил ему руки на плечи и спросил:
 — Как у тебя машина? Может, на моей?
 — Нормально.
 — Сколько туда километров?
 — Шестьсот.
 — Деньги есть?
 — Н-нет,— сосредоточился Игорь.
 — Возьми.— Филин сунул ему в нагрудный карман несколько бумажек.

Игорь стоял с сосредоточенным видом, но мысли его путались.
 — Позвоните брату,— сказал он,— передайте ему, что слышали, хоть ночью позвоните, вот телефон... И с работой уладьте...
 — Все сделаю.— Филин встряхнул его.— Ну, Игорь! Приди в себя, ты же испытатель. Давай за руль,— легонько толкнул его к машине.— Дорога вылечит.

Глава пятнадцатая

...но его уже не было, и поговорить с ним было нельзя.
 Впервые с ним нельзя было поговорить. И самым страшным казалось именно это, а не запахи, не холод морга, не нагота лежащего неподвижного отца.

Игорь стоял над ним — еще ныли от руля руки, еще голова гудела от скорости — глядел на родное лицо.

Но отец не смотрел на него — он смотрел в потолок. Игоря поразило выражение его лица, строгое, уверенное, будто все окружающее и происходящее было ему ведомо и не страшно. Игорь покачнулся.
 Но еще надо было встречать маму и быть сильным.

Вдруг задрожали ноги и вмиг ослабли — Игорь опустился на пол и прижал лоб к холодной оцинкованной полке. Все было мертво в нем: и голова, и сердце, и тела своего он не чувствовал — все исчезло, хотелось выть, биться, хотелось сойти с ума.

— Батя...— позвал он в начинающемся ознобе, чувствуя, как уходят остатки мужества.

Рядом раздалось шевеление, кашель — это человек, сопровождавший его, пришел на помощь.

— Пойдем,— сказал он,— простынешь.

И Игорь вдруг заплакал — судорожно, неудержимо.

Еще вчера, когда он маялся весь день дома, когда, казалось, ему было так плохо после звонка Татьяне, что хуже и быть не может, еще вчера он мог бы примчаться сюда и обнять его, и слышать его, и говорить с ним!.. Вчера, да, вчера... И ничего бы этого не случилось.

«Как же так, батя? Ты же горевший, ты же стреляный, ты же не старый совсем! А я столько не сказал тебе — главного не сказал... Как просто было сделать тебя счастливым! Почему же надо было потерять тебя, чтобы понять все это? Спешим, бежим, думаем: сантименты потом, это не главное, а близкий человек умирает всегда неожиданно, и всегда мы остаемся должниками...»

Там ли, рядом с отцом, все это думал Игорь, или потом, когда его вели куда-то, успокаивали, наливали спирт, или когда он шел к вокзалу встречать маму, Игорь не помнил. Мысли эти — одни и те же — крутились в нем, как сбитая пластинка, удивляя своей простотой и каждый раз пронизывая незатихающей болью.

Он шел к отцу, к пониманию его непросто — долгие годы, подчас удивляясь тому, как сам бывает похож на него, и страхась этого, и то, что он открыл для себя, в себе, созрело в нем не сегодня, но почему же тогда он так стеснялся, так пренебрегал этой нежной, благодарной, истинной и такой нужной отцу правдой, зато всегда бросался с ним в схватку из-за каких-то других правд? Теперь Игорь понимал, что то были мелочи; вспоминая их, он стонал от ненависти к себе и скрипел зубами. Сколько времени, сил, сколько нервов угроблено попусту! Дать бы сейчас хоть раскок отцу, оттуда дать, ну хоть пятнадцать минут! Он навсегда бы разгладил разучившееся улыбаться лицо, он сделал бы его счастливым и сам бы от этого был счастлив, но — поздно, поздно, поздно!

«А если б ничего не случилось и отец вернулся из отпуска, я бы сказал ему это?— вдруг подумал Игорь. И хотя все кричало в нем «да», он честно признался себе: — Нет, я бы все равно опоздал...» Он был поражен своим открытием, да, он бы все равно опоздал, когда бы смерть отца ни случилась, и никогда бы не сказал ему главного, и его совесть была заведомо обречена на мученичество. Чем? Кем? Сейчас это казалось величайшей глупостью, но это было так.

Да, отец был тяжелый человек, мало того — он был из поколения трудных людей, обожженных страшным огнем и закаленных им намертво — во всех своих достоинствах и недостатках. Он читал Сухомлинского и тут же бросался претворять в жизнь его идеи, чтобы уже завтра получить результаты. Он был нетерпелив и безыскусен и ставил себе это в заслугу, но ты-то понимал все это, ты знал, что переkreщивать его в свою веру (которой не было!) бесполезно и жестоко, и раз за разом опускался до ударов ниже пояса — они вызывали в нем ярость, которую ты не без удовольствия квалифицировал как бессильную, она же была от силы, неведомой тебе силы неведомого времени. Ты мог бы дать ему и покой и отцовское счастье, но не делал этого. Почему? Как часто ваши споры оканчивались запахом сердечных лекарств, как часто ты хлопал дверью! А не был ли ты догматиком в своих принципах, не любовался ли ты ими в себе или, точнее, собою в них?..

На следующее утро оказалось, что нужны деньги.

— Что же вы, мамаша, за телом едете и денег не берете, кто ж так делает?— говорил мужик в грязном халате, тот самый, который вчера поил Игоря спиртом.

— За каким телом, гад? — рванул Игорь его за лацканы, но объяснить этому присмертнику ничего не сумел.

— Но-но, тута не из пужливых! — Руки у мужика были железные, и насчет пугливых он был, конечно, прав.

Но мама этого не слышала. Она сидела в изголовье у отца, уже обмытого, уже одетого ею же в тот самый новый его костюм, и не плакала: отплакалась ночью в гостинице (куда насильно привел ее Игорь), так и не сомкнув глаз. Каждый раз, когда Игорь смотрел на ее застывшую спину, он вздрагивал: ему казалось, что она клонится, падая, с табуретки на каменный пол. Надо было бежать на междуго-

родную, звонить друзьям, просить выслать денег, но боялся хоть ненадолго оставить ее и в отупении каком-то все стоял и стоял неподалеку; впервые за последние сутки он подумал о брате, но его не было. Кто-то тронул его за плечо, Игорь оглянулся.

— Возьмите,— сказал тучный и лысый человек,— здесь хватит.

Шматов смотрел, не понимая, на красненькую пачечку кредиток.

— Я с Евгением Евсеевичем... Одним словом, я друг его, Иосиф Иванович меня зовут,— сказал человек и, видя нерешительность Игоря, добавил:— Берите, берите, дам адрес — вернете.

Была в его взгляде та властная сила, которая дается очень немногим и которая с лихвой заменяет что-то другое, чем обделила их природа. И потому Игорь взял деньги с облегчением — как свои — и понял, что не нужно расшаркиваться.

— Спасибо,— сказал он,— побудьте, пожалуйста, с мамой, мне все кажется, что она вот-вот упадет... Я боюсь заглянуть ей в лицо...— Этой жалобой он не столько расписывался в своей слабости, сколько впускал этого человека в тесный скорбный круг близких. Тот понял и коротко кивнул.

А Игорь побежал по кассам, шоферам, вокзалам, бухгалтериям. Он удивлялся, что находит в себе силы объяснять, просить, он чувствовал, что делает что-то не то, что время это, пока отец есть,— пусть мертвый, но есть — ему надо сидеть рядом, и думать, и понять многое, что скоро уйдет вместе с ним и уже никогда не оживет под истирающейся памятью. Но кто тогда будет заниматься всем этим, если не он? И как при жизни отца, так и сейчас, после его смерти, Игорь думал одно, а делал, покоряясь обстоятельствам, другое, надеясь опять, что успеет и они еще побудут вместе.

Часа через четыре, который раз прочесывая на своей машине чужой городок, он нашел наконец «уазик», договорился с шофером и принялся крепить гроб на гулком жестяном полу.

— Вы не знаете, что произошло? — спросил Игорь Иосифа Ивановича.— В медцинском заключении я ничего не понял...

— Ваш отец собирался к каким-то родственникам, писал им письмо и очень волновался...

— К Бунеевым?

— Фамилии он не называл, но говорил, что давно не видел их и хочет поговорить о чем-то важном. И вот не успел — сердце прихватило на автобусной остановке.

Иосиф Иванович стоял с непокрытой головой, когда обе машины уже были готовы к отъезду.

— Крепись. Мать береги, хоть несколько дней самых первых побудь с ней.

...Поздней, предутренней ночью, когда не светятся уже окна работой или весельем, а светятся лишь бедой, въехали обе машины во двор шматовского дома...

Открыв задние двери «уазика», Игорь хотел было взяться за гроб, но увидев его смутные очертания, привалился бессильно к борту, сказал в гулкую тишину: «Приехали папа... Домой». И таким диким, таким нереальным показалось ему все это — и эта ночь, и этот «уазик» с нездешним номером, и этот гроб, и то, что в нем отец и что вокруг все знакомое до боли, а сверху три его окна, которые он уже не увидит, не вскинет, возвращаясь с работы, к ним голову, не зашаркает старательно ногами о половик,— что захотелось кричать.

Игорь поднялся к себе на этаж и звонил, вызывая брата на помощь. Он жал и жал на кнопку звонка и слышал стуки за дверью, шаги, шорохи, приглушенный женский голос.

— Кто там?— наконец тревожно спросил Вовка.

— Открой.

— Ты один?

— Да. Внизу мама.

Дверь приоткрылась.

— Пойдем поможешь.— Игорь не в силах был ничего объяснить. Оглянувшись на приоткрытую в черноту квартиры дверь, Вовка послушно зашлепал тапочками по ступеням вниз.

— Ты че, позвонить не мог? Чего там с батей-то?..

Игорь подошел к «уазику» сзади. Мама по-прежнему сидела в его машине.

— Берись.

— Чего это?— шурился брат в темноту кузова.

Топтавшийся рядом водитель суетливо щелкнул выключателем: под потолком зажегся матовый плафон...

— Это батя,— сказал Игорь.

Лицо брата побледнело так, что, казалось, оно фосфоресцирует в темноте; он издал горлом непонятный звук, глядя при этом на Игоря: вероятно, это были остатки от каких-то неуместных сейчас вопросов, ответы же были перед ним.

— Берись,— повторил Игорь, наклоняясь.

Брат протянул и отдернул руки.

— Подожди,— сказал он,— подожди.

Володя лихорадочно зашарил по пустым карманам халата, отошел на шаг от освещенного чрева «уазика».

— Да погаси ты!— крикнул он срывающимся голосом шоферу.

Щелкнул выключатель. Игорь подал ему сигарету, Браг жадно затянулся, освещая лицо свое пляшущим в губах, шипящим огоньком.

— У него не выдержало сердце,— сказал Игорь.

— Ч-чего? — Брата знобило.— Чего не выдержало-то?

— Не знаю...

— Так отец... умер?!

— Да.

— И он здесь?— поднялся дрожащий палец брата.

— Здесь.

Володя повернул к Игорю бессмысленное, жалкое лицо, ступил два шага вперед, неуверенно, будто слепой, окунул вытянутую ладонь в черноту раскрытой двери, зашуршал ею по сосновым гулким доскам крышки:

— Здесь, да?

— Да! Да! Да!!!— сорвался Игорь.— Он здесь, он мертвый, наш с тобой... наш с тобой отец, Евгений Евсеевич... гвардии подполковник запаса...— Игорь тяжело дышал, но с истерикой справился и тер одна о другую крупно дрожащие холодные ладони.— Пойдем, Володя, понесем, а то... совсем мне... худо.

Они подняли ношу и понесли вверх, оглядываясь на мать. Она шла по ступеням шажочками, цепляясь за перила, и неподвижные глаза ее пугали, а во всем облике уже ясно виделось осторожное, немощно-дрожащее — старушечье. Когда за нею защелкнулась дверь прихожей, на лестнице стукнули неуверенно, а потом рассыпались облегченной дробью каблучки — вниз, вниз, вниз...

Игорь глянул на Володю, но тот уже ничего не слышал. Они поставили гроб на обеденный стол посреди комнаты и распрямились, не зная, что делать дальше.

— Мама, пойдй приляг,— сказал Игорь.

Мать послушно зашаркала в маленькую комнату, и они остались вдвоем.

— Открыть? — спросил Игорь, боясь, что брат скажет «да».

Но тот дернул головой судорожно и неясно, потом схватил Игоря за руку.

— Сейчас...— и опустился в кресло.

Прошло несколько минут.

— Не понимаю,— сказал Володя, кутаясь в халат и не поднимая лица,— он и не болел вовсе и валерьянку-то пил так, для жалости. Из-за чего же это? А? — заглядывал он Игорю в глаза.— А как врачи сказали? Заключение-то читал?

— Читал,— сказал Игорь.— На.

Он вынул сложенный листок, и брат заводил глазами по строчкам.

— Не то...— сказал Игорь глухо, в сторону.— Не то... Здесь твое имя должно стоять, в каждой строчке, понял?!

— Ты чего? Чего ты?

— Ты думал, он железный, когда убивал его каждый день по грамму, по капле? Ты вспомни, вспомни! — Он повернул свое искаженное мукой лицо к бледному братову. Тот отшатнулся, выпрямился и встал из кресла медленно, угрожающе.

— А ты сам вспомнить ничего не хочешь?—дохнул брат горячим, утробным воздухом в лицо Игоря.— Или ты думаешь, тебе нечего?

Игорь закрыл глаза, зажал их ладонью; он почувствовал, что падает, проваливается в озноб, в легкость, потом ярость взметнула его куда-то высоко, мощно, за грань разума, где уже ничего не было страшно и где от силы своей кружилась, плыла голова...

— Есть. Есть и мне что вспомнить. Но какая же ты!..—сжал он ладони в кулаки, вскочил и осекся: перед ними стояла мама.

— Вы что это делаете, при отце-то? —прошептала она с отчаянием.— Он же слышит все! Вы хотите, чтоб он проклял вас? Подождите уж и меня... я скоро... и делайте тогда что хотите...

Волосы ее распустились, платок сбился, глаза блестели из черноты век, и оба сына бросились к ней, словно опомнившись, их руки встретились на ее плечах и отпрянули друг от друга.

— Прости, мама!

Как могли они забыть про нее! Кто из них плакал, вздрагивал, всхлипывал, бормотал что-то — понять было трудно: они стояли трое, слившись в единый комок, но когда Володя открыл крышку, вскрикнул Игорь: на лице отца была боль!

Глава шестнадцатая, последняя

— Владька!

Сын вдруг споткнулся на полшаге, как спотыкаются в атаке бойцы, наступившие пулей, оглянулся.

— Подойди сюда.

Владька сначала пошел, а потом побежал к Игорю, с разбегу уперся обледеневшими, жесткими варежками в отцовские колени, с готовностью вскинул ясные глаза:

— Что, папа, что? — От его красного, разгоряченного лица шел пар.

— Ты же опять простудишься и будешь глотать горькие таблетки, а мама будет ругать тебя, разве ты хочешь этого?

— Нет,— искренне сказал Владька.

— Тогда не бегай, пожалуйста, а просто ходи,— говорил Игорь, вытирая платком потное лицо сына.— Понял меня?

Владька кивнул, отошел с достоинством, но через минуту его серьезность сдуло, как октябрьский листок; иногда все же он останавливался в кутерьме других таких же человечков, искал отцовский взгляд, но находя в нем лишь мгновенную, деланную, растворенную в любви строгость, оглядывался все реже и реже...

— Здравствуй!— Перед ним стояла Татьяна.— Давно ты не появлялся... Уж не по сыну ли соскучился?

— Сегодня год как умер отец. Завтра улетаю.

В новом зимнем пальто, в лисьей шапке она выглядела нарядней, чем прежде, но на ее лице он заметил тоненькую сеточку морщин.

— Опять туда? Уж не стал ли ты сибиряком?

— Стал. Я там живу.

Татьяна не удивилась, она знала это, ее мучило другое.

— И, судя по всему, не один?

Вопрос ее прозвучал болезненно, да она и не пыталась замаскировать боль, ждала, покусывая губы. «Это так важно?»— хотел сказать Игорь, но не сказал, видел, что важно.

— Да, Таня, не один.— Игорь решил не называть больше ее по имени, потому что рвалось наружу уже другое имя, ставшее родным и привычным, и он едва сдерживал его.

— Тебе хорошо?— Татьяна замерла с подрагивающим от напряжения лицом.

Сказать ей «нет» он не мог, потому что, забывая о Владьке, считал себя счастливым, потому что чувствовал себя счастливым часто, чаще, чем когда-либо, сказать же «да» не мог тоже, потому что счастливым не был; Игорь не мог ответить ни да, ни нет, но обязан был сказать правду и знал это, но и правду сказать он не мог тоже — не давала жалость.

— Я живу там со своей работой. Делаю новую машину.

— Сделал?

— Нет еще. Но обязательно сделаю.

— Ну, это самое главное,— усмехнулась она.— А у нас тут ничего не делается, мы просто растем, и все у нас в порядке, правда, Владь? — озорно, слишком озорно крикнула пробегающему мимо сыну.

Тот заверещал, летя навстречу и раскидывая в стороны руки:

— Мама! Мама! Папа приехал, насовсем приехал!.. Насовсем, правда? Ты же не уедешь обратно?— Это уже Владька лопотал тихо, обхватив Игоревы колени и задрал кверху голову.

Оба они с Татьяной смотрели в землю, но мимо Владьки, и оба молчали. Они перетерпели эти несколько секунд, потом Владька убежал, а они остались, но не говорили и не смотрели друг на друга, а друг друга осматривали: Таня Игоря скептически и чуть насмешливо и в насмешливости этой уязвлено, а он ее — внимательно и тревожно, как доктор смотрит на неизлечимо больного пациента. Как она живет, чем она живет, что у нее к нему, Игорю: ненависть, любовь, равнодушие? Все, кроме любви, принял бы он с радостью, потому что сам не любил, потому что жалость, одна только жалость к ней истязала его все эти месяцы. Видимо, он знал ее неплохо, потому что увидел то, что Татьяна никогда ему не говорила, даже и в день свадьбы: она любила его.

Но что он мог теперь сделать?..

Там, в далеком сибирском городе, когда поднимал он глаза на теплое, с розовыми занавесками окно, ему каждый раз становилось больно и стыдно за то, что где-то светятся другие окна, за которыми живут два нуждающихся в нем и брошенных им человека, коротают друг с другом вечера в пустой квартире. Владька, сопя, двигает по ковру машинки и спрашивает про папу, Татьяна отвечает ему, что папа в командировке, приедет, но не скоро, а сама смотрит телевизор, читает или вяжет...

Иной раз плач соседского ребенка, приглушенный стеной, выбивал его из колеи, или мелькнувшие в ящичке стола Владькины глаза с фотографии, или чьи-нибудь мама с сыном, мокнувшие под одним зонтиком... Он уходил от них, словно от погони, он оглядывался, видя их вдалеке, спасался друзьями, работой, воспоминаниями о правоте своей, но перед этим вот розовым окном они всякий раз настигали его опять — две ждущие, одинокие фигурки...

Бывало, Игорь садился перед домом на скамейку, бывало, вспоминал отца. В вещах он нашел его письмо к Бунеевым. Он помнил его наизусть:

«Дорогие мои Аркадий Александрович и Анна Павловна, здравствуйте! Помните, как сживали мы вместе, гоняли чай и говорили обо всем на свете? Ваши дети заканчивали школу, мои только осваивали мир, и были мы тогда счастливы. Я не могу не говорить об этом. Мой младший сын пьет и не понимает меня, старший не понимаю мною.

Вероятно, в любом опыте одни отрицательные результаты не дают возможности понять суть ошибок — здесь у меня есть какая-то надежда. Мой старший, воспитанием которого я практически не занимался по причине занятости летной работой, несмотря на всю свою противоречивость, человек сильный и целеустремленный. Я видел его эгоистом и снобом, у нас не было дружеского, душевного контакта, но в последнее время я все чаще думаю: а не оттого ли это, что я отчего-то решил, что право воспитывать дает мне возраст, звание отца, и делал это слишком рьяно, а попросту говоря — глупо? Он же, сформировавшийся к тому времени — 8 лет! — не принял этого, а вступил в пререкания со мной. И научился думать и, может быть, перерос меня — теперь я обращаюсь к нему за помощью.

Младший же, воспитанию которого я посвятил полжизни и начал, как говорится, с нуля, в котором я видел и свою надежду и свой успех, — человек...»

На этом письмо обрывалось. Все оно было исчеркано, в помарках, на сгибах вытерто.

Нет, отец не укорял бы его ни за Сибирь, ни за Татьяну, скорее наоборот — поддержал бы; но мог ли он знать, что не будет давать его старшему сыну покоя?

Отец сражался за них неумело, неловко, слепо, подставляя свои самые уязвимые места, а они смотрели на это из «окопа», но даже оттуда Игорь многое увидел и многому научился. И если отца не стало, если один сын его не принял и не понял, а он, Игорь, все понял, все принял, но по-прежнему сидит в своем «окопе», значит, зря отец прожил жизнь?

А ведь у него есть Владька, брат, и Игорь очень нужен им. Он многое может теперь, после отца, слабости которого обернулись в нем силой, но куда деть ее, куда?

В такие моменты он избегал Наташу. Ссылаясь на работу, он зажигал настольную лампу над ждущими, готовыми спасти его чертежами и расчетами, сидел над ними до глубокой ночи и вставал из-за стола усталый и почти счастливый.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

★

БАСНИ

Из новой книги

Орел и Курица

Расулу Гамзатову.

У Курицы с Орлом случился разговор.
Сказала Курица:— Хоть я и не Орлица,
А, между прочим, тоже птица!
Но ты, Орел, летаешь выше гор,
А мне перемахнуть через простой забор
И то огромный труд. Как тут не удивиться?
— О чем печешься ты? — проклекотал Орел.—
Тебе со мною стоит ли равняться?
Но если жаждешь ты под облака подняться,
Я подниму тебя, коль речь с тобой повел,
Но уж назад лететь тебе самой придется!

И мы встречаем кур, что рвутся в облака,
Но это им пока
Не удастся!

Дуб и Шелкопряд

Напал на рощу Шелкопряд...
Прожорливые твари так насели,
Что, потеряв весенний свой наряд,
Дубы до срока облысели.
Мы видим там и тут
Мохнатых гусениц, что вверх и вниз ползут...
От их нашествия нет никакой защиты!
Они листву и точат и грызут...
Подумать только, что за паразиты!
И даже старый Дуб, свидетель двух веков,
Видавший многое за прожитые годы,
Не устоял под натиском врагов —
Зловредных выродков загадочной природы.
А рядом кто-то, может, был и рад,
Что победил дубы ничтожный Шелкопряд...

Корни

Осточертела молодому Клену
Зависимость от собственных корней —
Чем выше к небу поднимал он крону,
Тем становились корни все сильней.

Клен жил и рос в плену самообмана.
За летом лето — месяцы текли.
И как-то ночью силой урагана
Он вырван был с корнями из земли...
Опору потеряв, пропал тот Клен зеленый.
Печально говорят о нем живые клены,
Что тихо меж собой свой разговор ведут.
И в этом разговоре смысл глубокий:
Они недаром корни берегут —
Родной земли живительные соки
И день и ночь по ним к ветвям бегут...

Лев на таможне

Не так легко ловить контрабандистов,
Хотя для всех закон границы строг.
Таможенник в порту досматривал туристов —
Он не спешил, но время их берег.
Вот очередь дошла до пассажира
(Объездил тот, наверное, полмира!),
Он предъявил с улыбкой свой багаж
И сам раскрыл портфель и саквояж.
Но с ним еще шел груз довольно редкий:
За прутьями железной клетки,
От многодневной качки ошалев,
Закрыв глаза, дремал помятый лев.
«Досмотр завершен и можно разгружаться.
А вас прошу немного задержаться!»
Таможенник, продлив свои права,
Решает досмотреть на всякий случай льва!
И, движимый высоким чувством долга,
Он, не раздумывая долго,
Шагает к зверю в клетку. Вот храбрец!
Здесь явно предreshен трагический конец!
Когда же наш герой над гривой льва склонился,
То сразу разгадал, где «тайный груз» хранился,
Который к нам в страну ввозить запрещено!
А старый лев, что в клетке развалился,
По-прежнему дремал — льву было все равно...

Вот тут и разберись, где хитрость, где смекалка.
О двух концах всегда бывает палка!

ПУБЛИЦИСТИКА

ФЕЛИКС НОВИКОВ

ЕДИНСТВО И КРАЙНОСТИ АРХИТЕКТУРЫ

В сегодняшних суждениях о современном советском зодчестве—в творческих дискуссиях специалистов, в газетных публикациях, в беседах, которые ведут об архитектуре непрофессионалы,— все более заметно любопытное противоречие. С одной стороны, речь по-прежнему идет об однообразии и безликости городов, и наряду с этим нередко можно услышать доброе слово о современном архитектурном комплексе, лестный отзыв о нем в печати, похвалу архитектору.

Сегодня без особого труда можно составить богатую коллекцию прекрасных объектов, способных достойно представить советскую архитектуру. В нее войдут театры, жилища, заводы, площади и магистрали. Такое можно обнаружить в любом регионе, в каждой столице— в Прибалтике, Средней Азии, Закавказье,— в литовских, узбекских, русских городах. Экспонируемые совместно, эти примеры производят отличное впечатление, более того, демонстрируют различие направлений и вкусов.

Но надо ли доказывать, что мало иметь отличные примеры зодчества в различных концах страны,— перед советской архитектурой стоит задача—поднять на новую качественную ступень градостроительство в целом.

Мое поколение зодчих, начавшее творческий путь в середине века, успевшее в начале 50-х построить свои колоннады и портики, внесшее затем значительный вклад в создание новой советской архитектуры, положило немало сил на то, чтобы утвердить ее высокое социальное значение, сделать города достойными нашей земли, времени, народа. Мы не были равнодушны к критическому слову в наш адрес и сами не были удовлетворены результатами своих усилий. И конечно, мы настойчиво пытались найти истоки досадных явлений в нашем градостроительстве. Написано по этому поводу немало критических статей. Названы различные причины и следствия. Но вот в опубликованных недавно дневниках Андрея Бурова встретил я запись, датированную 1 августа 1946 года. Запись самая короткая, всего пять слов: «Главная беда архитектуры—это предвзятость». Разумеется, он имел в виду другие времена, подразумевал иные мотивы для огорчений. Однако размышления по данному поводу привели меня к выводу, что этим же словом можно обозначить и новые явления: предвзятость архитектурных нормативов, условий, программирующих творческую работу и реализацию проектов, предвзятость самого архитектора. Проявляется она и в творческом процессе, и в оценке проектов. Итак, поговорим о предвзятости, о «главной беде архитектуры».

Надо полагать, что любой наблюдательный человек, оказавшись впервые в Петропавловске-Камчатском, подивившись ландшафту, который окружает город, полюбовавшись красотами Авачинской бухты, живописным рельефом, прекрасными далями, заметит следом, что застроен город домами, столь же часто встречающимися в поселениях, расположенных где-нибудь в районе Среднерусской возвышенности. По некотором размышлении в голову может прийти мысль о том, что эта земля, природа, здешний климат не в полной мере согласуются с принятыми здесь приемами застройки, планировкой кварталов, характером архитектуры. Однако тот, кто предположит, будто бы это только в наши дни игнорируются географические особенности данного региона, глубоко ошибется. Ведь уже более двухсот лет строят люди в этом дальнем крае, но я утверждаю, что за все это время так и не задумывались они всерьез над тем, что и как надобно делать на этой земле. Подобно тому как в давние времена поставили здесь первые переселенцы среднероссийскую избу, так и мы строим по сей день то, что привычно в центре России. Примерно то же можно сказать и о Магадане. Только времени на

размышление здесь потрачено меньше — лет пятьдесят. Впрочем, заметим — предлагались иные принципы градостроения в этих природных условиях. Был, к примеру, проект поселка Анадырь, созданный магаданскими архитекторами, но, как и другие, оставшийся на бумаге. И возможно, единственной зримой «реализацией» подобных идей можно считать кинокадры герасимовского фильма о градостроителях.

Обратимся теперь к другим местам — к природе и климату Средней Азии. Здесь в городах больших и малых можно встретить огромные парадные площади, широкие эспланады. А на расстоянии всего лишь в несколько сот метров от них расположены старые кварталы, демонстрирующие сложившиеся веками традиции, концентрирующие в себе опыт и мудрость многих поколений местных зодчих. Контраст бросается в глаза. Понятно, что так, как строили в древности, сегодня строить нельзя. Изменились социальные условия, жизненный уклад, у нас иные методы строительства. Все это само собой разумеется. Однако солнце осталось тем же. И каково сегодня в жаркий летний день под палящим «белым солнцем пустыни» пересекать раскаленные пространства? А ведь есть характерные для старой плотной застройки приемы — дворы, айваны, хаузы, все это обеспечивало естественное кондиционирование, создавало тень и прохладу. Тем не менее и в этом климате распространяются среднеевропейские градостроительные приемы. Архитектурные формы, ансамбли складываются по академическим канонам и часто механически привносятся в специфическую местную среду. И вместо того чтобы воспринять главное — принципы образования городских структур, — мы по большей части подменяем истинную преемственность ложной, выраженной в традиционном декоре.

Еще один подобный пример можно извлечь из профессиональной газеты «Архитектура», где в статье моего коллеги содержится следующее утверждение: «Проекты, по которым построены и строятся производственные здания в Нижневартовске, Сургуте, Надыме, Новом Уренгое и других городах, в большинстве своем ничем не отличаются от аналогичных проектов для строительства в европейской части России, Белоруссии и Средней Азии». И дальше: «Проекты генеральных планов северных городов и поселков выполняются по тем же стандартам, что и для городов и поселков Поволжья и Украины». Все это плоды предвзятого подхода к месту, климату, природной среде.

Иногда такой подход выражается в другой форме. Посмотрите на новые кварталы подмосковного города Истра, близ которого расположился знаменитый Новоиерусалимский монастырь. Если вы окажетесь там впервые, то, наверное, подивитесь застройке центральной транзитной магистрали, на которой стоят многоэтажные кирпичные дома. Я допускаю, что те, кто их проектировал, утверждал и строил, гордятся «столичным» решением. Дома действительно как в Москве. Но должно ли быть такое предметом гордости? Ведь Истра не Москва. Ей не нужны столичные масштабы и этажность. И дома должны здесь быть истринские — не московские. А между тем в латвийском Цесисе, где земель, наверное, дорожат не менее, новая застройка ведется в три-четыре этажа. Кирпичные дома там строят свои — не рижские, сомасштабные размеру города, не чуждые традициям и ландшафту. Дома эти приросли к той земле, они, что называется, к месту. И все это сделано без должной парадности, без гигантских площадей, эспланад и магистралей — так, как надо для жизни, для людей. Излишняя парадность, напыщенная торжественность пространств и ритмов, нарочитая представительность — бич нашего градостроительства, демонстрация навязчивых штампов застройки.

Другой пример — отношение к проблеме этажности. Ведь были времена, когда оптимальной, более того, единственно экономичной считалась застройка в пять этажей. И никакие расчеты, никакие аргументы не способны были поколебать сложившуюся установку. И так было целое десятилетие. Позже обстоятельства изменились. Преобладающей стала девятиэтажная застройка. Затем стандартные полносборные жилые дома подросли до двенадцати, а позже и до шестнадцати этажей. Очевидна тенденция и к дальнейшему росту. И есть тому свои причины. Но речь не об этом Любопытно, что в один прекрасный день диктор радио торжественно оповестил: «Московская домостроительная промышленность выпустила последнее пятиэтажное здание». Что же произошло? А произошло примечательное явление — предвзятость сменилась... предвзятостью противоположного толка. Есть такой закон, подобный третьему закону Ньютона, который, по видимому, касается не только физических явлений, но и процессов общественной жизни. И здесь также можно поставить знак равенства. Что же касается этажности, то я полагаю, что в скором времени застройка шестнадцатизэтажными домами наскучит нам так

же, как и пятиэтажная, и современный высокий дом, повторенный множество раз, образует столь же унылую застройку. Этажность, по-видимому, вообще не следует декретировать. В каждом случае ее следует принимать и обосновывать согласно конкретным обстоятельствам. Я склонен думать, что на смену ритмам одинаковых корпусов придут разноэтажные структуры, способные создать высокоплотную городскую застройку и вместе с тем внести в жилую ткань города человеческий масштаб, создать соразмерные человеку пространства. Подобные примеры уже встречаются.

Однако вернемся к антипредвзятости. Всякая крайность с течением времени непременно порождает свою противоположность. Так, скажем к примеру, высотомания сменяется высотобоязнью. И точно так же модная в недавнем прошлом стекломания сменяется манией преследования стекла: появились указания, начисго запрещающие применение горизонтального ленточного остекления.

Обратимся к проблеме первых этажей жилых домов. Не нужно быть архитектором, чтобы уяснить простую истину — жить на первом этаже дома, обращенного к магистрали, неудобно: мешает шум и движение, жизнь просматривается извне. Понятное дело внутри квартала, но на шумной улице... Ведь не случайно при обмене такое жилище не пользуется спросом. Однако есть и другая сторона проблемы. Улицы, лишённые витрин, унылы и скучны. А магазины и все прочее, что может быть расположено под жильём, выносятся в отдельно стоящие сооружения и занимают значительную городскую площадь. Вспомним, в 50-е годы даже детские учреждения встраивались в жильё дома. Что же теперь препятствует таким решениям? Трудности монтажа? Необходимость изготовления специальных конструкций? Быть может, так дешевле? Но сложите стоимость жилья и вынесенных объектов плюс стоимость подготовки территории к строительству. Быть может, быстрее? Но сложите сроки монтажа и отделки. Нельзя утверждать, что решительно все учреждения обслуживания должно вносить в первые этажи. Но сейчас мы стоим на другом крайнем пределе.

Преднамеренный подход влечет за собой стремление к достижению цели любой ценой, даже если целью является экономичность. Ведь именно по этой причине мы добивались в прошлом такой экономии, за которую потом весьма дорого расплачивались. Убежден, что и эффективность непременно должна быть эффективной. Но всегда ли это так?

Специалистам давным-давно известен опыт градостроителей ГДР. Они строят школы без столовых, без спортзалов, без залов собраний. Все это расположено по соседству в том же квартале, в его общественном центре. Туда ходят дети завтракать, заниматься спортом, проводить пионерские слеты. Зато вечером и в дни отдыха все это принадлежит молодежи, взрослым. Эффективность, лежащая на поверхности. А у нас столовые десятков тысяч школ работают считанные минуты, а затем все это никому не служит, так же как, впрочем, и во время каникул. Темны и пусты школьные залы в вечернее время и в выходные дни. А ведь это экономический вопрос, вопрос стоимости земли, досуга молодежи и взрослого населения — одним словом, эффективности во множестве ее проявлений.

Предвзятость, как правило, не видит новое, ориентируется на старое, не замечает процессов и тенденций, ложно оценивает происходящее в реальной жизни. Она всегда замешана на некомпетентности и субъективизме. Объективная позиция не может быть предвзятой. И тем не менее это не означает, что предубеждение всегда носит только личный характер.

Но разве может быть творчество не предвзятым? Разве имели бы мы столь многообразное наследие, если бы не воспринимал художник мир по-своему, не проявил бы в творчестве свое понимание, свое отношение к жизни? И разве не касается это музыки, литературы, театра?

Все это как будто бы так. Верно и то, что свое личное творческое понимание проблемы необходимо и архитектору. И когда оно есть, возникает яркая, выразительная, запоминающаяся архитектура, та самая, которой нам часто недостает, в которой нуждается каждый город. Однако если предположить, что авторская преднамеренность — явление закономерное, то надобно заметить, что в архитектуре дело обстоит сложнее, чем в других сферах искусства. По той простой причине, что архитектура — это деньги, материальные ресурсы, значительные трудовые затраты. И еще потому, что это среда, в которой повседневно живут и трудятся люди, среда, взаимодействующая с природой, нередко представляющая собой культурную и историческую ценность. Ска-

жем и другое. Если творчеством поэта, художника, музыканта можно при желании пренебречь — не читай, не смотри, не слушай, — от творения архитектора деться некуда: живите и созерцайте. Как же с этим быть? Ведь создана материальная ценность — город, завод, жилище. Именно таким образом возникают знакомые нам отрицательные явления — неудобства квартиры, некомфортность служебных помещений, безликие города и т. д. Об этом достаточно сказано. Здесь мы коснемся лишь позиции зодчего. Более того, мы не станем говорить о том, что сделано плохо, неграмотно, неумело. Такое не нуждается в анализе. Поговорим о том, что создано профессионалом, истинным зодчим, мастером.

В начале 50-х годов на авторитетном совете столичного архитектурного управления рассматривался проект теперь всем знакомого въезда на Кутузовский проспект, того самого, в композицию которого много позднее был включен восстановленный памятник — арка 1812 года. Въезд был задуман парадно, торжественно — таким, каким он сейчас и смотрится. Но вот незадача: рельеф участка с этой композицией никак не вязался. Одна из сторон симметричного построения располагалась на плоской местности, другая же «вскарабкалась» на Поклонную гору. Однако парадность приема подкупала. И лишь один человек — специалист по вертикальной планировке — обратил внимание совета на явное недоразумение. К нему не прислушались. Комплекс построили. Часть холма была скрыта, другая же еще много лет «маячила» перед зданием на теперешней площади Победы. В конце концов противоречие между симметрией и рельефом было ликвидировано с помощью бульдозера.

Историки пришли к заключению, что Поклонной горой следует считать не ту скрытую гору, а соседнюю, что осталась. Можно согласиться с тем, что все было правильно. Торжественность оформления въезда в столицу стоит жертвы. Однако замечу, что симметрия не единственный способ достижения градостроительного эффекта. Скажу и другое. Симметрия не только в этом случае является следствием авторского невнимания к условиям среды.

Надобно заметить, что градостроительная симметрия вообще несовременна потому, что игнорирует сложность среды, взаимосвязи соседствующих форм, провозглашает замкнутость, изоляцию, обособленность. Вот еще пример подобного подхода к характеру среды. В дневниках Андрея Бурова слово «предвзятость» встречается лишь однажды. Но в размышлениях о строчной застройке Большой Калужской улицы (ныне Ленинский проспект), о том ее отрезке, что примыкает к парку имени Горького, он замечает, что здесь были бы уместнее точечные высотные дома: «На улицу выходили бы деревья Нескучного сада, почти не нужно было бы вырубать деревья, и окна всех квартир выходили бы в парк, и мы имели бы действительно новую улицу...» Что мешало так решить Калужскую улицу? «Ничто не мешало, кроме одной вещи — привычного представления о доме, улице, архитектуре и т. д. и т. п.»

Впрочем, возможно, что названные выше примеры следует рассматривать не столько в связи с авторским проявлением, сколько как выражение духа времени, носителем которого служит автор. Здесь важно подчеркнуть — главным источником неповторимости формы является среда. Ее влиянием в значительной мере определяется индивидуальность архитектурной формы. И само собой разумеется, что все условия преломляются через призму авторского понимания творческой проблемы. Анализируя явление, полезно заметить двоякость происхождения авторской предвзятости. Она обусловлена либо ошибочностью логических построений, либо ложной эмоцией. Проявляя субъективистский подход к проблеме, архитектор, часто сам того не сознавая, нарушает непреложные законы эстетики. Они ведь существуют и, подобно объективным законам природы, наказывают того, кто не желает с ними считаться. Так же как нетерпеливое желание брать милости у природы оборачивается со временем ее гневной расплатой, нарушение эстетических законов не проходит безнаказанно. Мне вспоминается ночное заседание, рассматривавшее итоги строительства второго участка кольцевой линии московского метро. Ведущий процитировал одно из писем, содержащих критику монументального мозаичного панно на станции «Комсомольская», где изображенные персонажи в определенных ракурсах воспринимались карикатурно укороченными. «Что вы скажете на это?» — обратился он к автору. Павел Дмитриевич Корин, заменивший позднее это панно другой композицией, ответил тогда одной фразой: «Я не властен над законами перспективы».

Но я-то думаю, что художник и не должен быть властен над законами эстетики,

он должен знать их и должным образом чтить. Думаю, что и для Корина упомянутое недоразумение не было неожиданным. Ведь не секрет, что плоскостное изображение на плафоне в ракурсах непременно сокращается. Впрочем, как я полагаю, мастер не придавал этому значения. Мы ведь знаем, что в архитектурных эскизах станции автор ее академик Шусев рисовал в плафонах пространственные композиции.

Так вот, нарушая эстетические закономерности, архитектор нередко допускает сочетание несочетаемых материалов, форм, приемов. Есть одно бросающееся в глаза проявление несовместимости в зодчестве — остроиндивидуальное не уживается с типовым. И потому всякий раз возникает протест, когда встречаешь в общественном здании монументальное панно, скульптурное произведение, оригинальную архитектурную деталь в соседстве со стандартной балкой, оконным переплетом, дверью или дверной ручкой, которую можно купить по случаю в хозяйственном магазине.

Однако коснемся более долговременных процессов. Вся история развития зодчества может быть рассмотрена через призму «закона предвзятости». И здесь обнаружатся интересные явления и закономерности. Поиски 20-х годов несли в себе мощный заряд отрицания. Выразался он в крайностях функционализма и конструктивизма. В свою очередь он вызвал к жизни противоположную крайность — «освоение наследия». По прошествии недолгого времени и она была взорвана новой установкой, окрестившей всю сложность предшествующего явления словом «излишества». И восторжествовала очередная крайность техницизма.

Волна возникшего в зарубежном зодчестве стиля ретро есть, помимо всего прочего, откровенная демонстрация предвзятости по отношению к творчеству ушедших лидеров новой архитектуры. Их упрекают в субъективизме, в навязывании человеку, обществу жестких градостроительных систем, догматических творческих положений. И потому лидеры постмодернизма проповедуют ориентацию на частного заказчика, следование его вкусам, гибкость и вседозволенность, определяемые тезисом «а почему бы и нет». Впрочем, все это на словах. На деле же они сами навязывают заказчику экстравагантные архитектурные формы, зачастую нарочито пародирующие стили прошлого. Однако будем объективны — делается это во многих случаях не без таланта и мастерства.

Одна из актуальных проблем нашей архитектуры, часто обсуждаемая зодчими, касается национальной формы в архитектуре, отношения к традициям, к наследию прошлого. И здесь тоже нередко сталкиваешься с нарочитым подходом, с механической стилизацией современного сооружения.

Когда речь идет о русском зодчестве, о наших союзных республиках, то я полагаю, что современную национальную архитектуру следует не столько воссоздавать в формах, имеющих механические связи с прошлым, сколько создавать вновь, сохраняя глубинную преемственность традиций. Однако о традициях ниже. Теперь же попытаемся определить признаки национальной принадлежности архитектурной формы.

Я думаю, что первый и главный из них — земля, на которой покоятся сооружения. И вовсе не имеет значения, много или мало прожил зодчий на той земле, для которой творил. Мы по праву причисляем к истории русского зодчества творения Фиораванти, Трезини, Растрелли, Камерона, Росси. И оттого, что Фальконе покинул Петербург, так и не увидев законченным своего «Медного всадника», этот монумент не перестал быть явлением русского искусства. И хотя Джакомо Кваренги в канун войны 1812 года не пожелал покинуть Россию, за что и был приговорен заочно Наполеоном к смертной казни с конфискацией имущества, сам он тем не менее остался итальянцем, а наследие его — частью русской культуры.

Я полагаю, что Чандигарх, будучи фактом биографии Ле Корбюзье, тем не менее представляет собой явление современной индийской архитектуры. Так же как и дом ЦСУ на улице Кирова в Москве, оставаясь постройкой того же мастера, принадлежит истории советского зодчества. Однако есть еще второй фактор, несколько уточняющий положение Национальной принадлежностью данной земли является сооружение, для данного общества предназначенное. По этому признаку я не причислю к советской архитектуре здание шведского посольства в Москве и не отнесу к мавританской архитектуре здание посольства СССР, которое я построил в Нуакшоте. Все это отвлечение к тому, что любое талантливое и оригинальное произведение, воздвигнутое на той или иной национальной почве и социально предназначенное для данного народа, неизменно станет частью данной национальной культуры. И потому не следует нарочитым

ми усилиями создавать национальную архитектуру. По-видимому, надо просто делать архитектуру, и если получается, то хорошую.

Наша творческая практика с каждым годом обогащает нас новыми архитектурными произведениями. Возникают новые тенденции. Так, в последнее время мы наблюдаем стремление к разнообразию объемного построения, пластике форм, а подчас и стиливых признаков. Последнее представляется сомнительным достоинством. Стиливое единство, цельность стилового характера всегда считались качеством положительным. Однако теперь нередко встречаешь постройки, несущие в себе откровенно ярмарочный дух, нарочитое украшательство. Однако у нас есть немало работ, свидетельствующих о том, что авторы их последовательно и целеустремленно добиваются единства и цельности, привлекая к тому ограниченные, точно рассчитанные средства — материал, цвет, форму. Подобный подход очевиден во многих новых зданиях, отмеченных премиями Союза архитекторов СССР на последних смотрах достижений нашей архитектуры. В их числе Музей этнографии Армении в Сардарапате, Дворец культуры и спорта имени Ленина в Таллине. Стиливой цельностью отличаются комплекс отдыха в Дагмысе, новый драмтеатр и новое здание художественного института в Вильнюсе, Олимпийский велотрек и аэропорт Звартноц в Ереване.

В чем же проявляется авторская воля в этих и других подобных работах? Полагаю, что в данном случае творческий процесс протекал органично, естественно, без надрыва и мучительного самоистязания. О нем можно сказать словами Джона Стейнбека, относящимися к его «Консервному Ряду»: «...эту книгу так и надо писать — подставить страницы, а повесть пусть сама на них течет».

На мой взгляд, в каждом удачном произведении можно различить раскованную творческую мысль автора, свободный ход его логических построений, ясность, искренность эмоционального строя. В каждом подобном творении мы обнаруживаем понимание социального содержания задачи, убедительные градостроительные основы композиции, четкость функциональной структуры сооружения, правдивость и тектоничность конструктивного решения, строгость и сдержанность в выборе материалов и приемов отделки. И наконец, главное — в каждом аспекте творческого решения мы увидим личное авторское отношение к проблеме, то, что одно только и может способствовать созданию оригинального произведения зодчества, то самое, с чего начинается искусство.

Но можно ли сформулировать установки, по которым безошибочно создается архитектурный шедевр или хотя бы просто добротная архитектура? Так, чтобы раз и навсегда? Увы, но такое решительно невозможно! Просто невымыслимо. Потому что каждая задача требует ответов на множество вопросов. И всякий раз ответы на все вопросы абсолютно конкретны и, стало быть, в каждом случае конкретно и лично решение. Но откуда же все-таки оно возникает — ведь не только логикой определяется: где же истоки наития? Как мастеру удается ответить на эстетические запросы общества — оно ведь их не формулирует? Откуда берется решение? Как на этот вопрос ответить?

Из воздуха. В нем во взвешенном состоянии содержатся все компоненты, из которых возникает эстетический общественный идеал. Разумеется, ответ условный, образный, но если развивать эту мысль, то можно сказать и другое. Каждая творческая личность дышит воздухом того уровня, до которого способна дотянуться. В верхних горизонтах воздух свежее и чище, он не засорен микробами конъюнктуры, угодничества, приспособленчества, компромисса, всяческой жизненной суеты. Высшие достижения извлекаются из воздуха высшей пробы, образно говоря — из космоса.

Каждая вновь созданная архитектурная форма всегда выступает как носитель определенных общественных тенденций, отражает в себе множество граней общественной жизни. И я думаю, не может быть в архитектурной практике явления, возникшего вне связи с какими-либо жизненными процессами. Об архитектурном произведении вряд ли можно сказать, что оно оторвано от жизни. И даже если оно в чем-либо противоречит конкретным жизненным требованиям, его появление на свет и его конкретное формальное выражение продиктованы какими-то иными жизненными факторами. Архитектура вне жизни не существует. Думаю, что это относится не только к зодчеству. При этом архитектура всегда знак духовного и технического состояния общества, проявление его экономического потенциала, социального и национального самосознания. Архитектура — зеркало эпохи. Она отраженный, но точный слепок программирующего ее времени и содержит в себе в концентрированной форме квинтэссенцию информации о нем.

Разумеется, речь идет не о доме, не о районе или городе — о явлении в целом со всеми его противоречиями. Однако, узнавая в архитектуре свое отражение, время нередко оказывается неудовлетворенным. И тогда оно отклоняет то, что отвечало ранее данному им социальному заказу. И тогда выясняется, что причиной недоразумения является архитектор, неверно истолковавший поставленную перед ним задачу. Но созданное может в полной мере соответствовать духу времени — и тогда такое соответствие послужит импульсом дальнейшего поступательного развития устоявшихся форм. Всякая новая форма способна вызвать ту или иную общественную реакцию. В случае положительной оценки она порождает дочерние формы, постепенно утверждается, по мере распространения. Отрицательное восприятие может задержать развитие или вовсе закрыть намечившийся частный путь. Крайние формальные проявления способны вызвать противоположные крайности. Такой путь развития от крайности к крайности оказывается наименее плодотворным. Образно говоря, значительная творческая энергия затрачивается на боковое движение и лишь малая ее часть движет архитектуру вперед. В этом случае процесс развития выражается по преимуществу во взаимопоглощении крайностей. В таком взаимодействии полярных тенденций мало что способно устоять во времени с ясной и долговременной оценкой. Это важно, потому что влияние конкретных форм на дальнейшее развитие архитектуры находится в прямой зависимости от общественной оценки. Отвергнутое вчера назавтра нередко оказывается привлекательным, так же как казавшееся достойным способно разочаровать. Все эти противоречия составляют содержание творческого пути развития архитектуры.

Надобно сказать, что в процессе создания архитектурного произведения есть два этапа оценки работы. Один из них, естественно, происходит в итоге строительства, другой же предшествует началу. Это оценка проекта — его утверждение — в архитектурных органах, при общественном обсуждении, в согласующих инстанциях, в ведомстве заказчика. И вот при этой первой оценке проект нередко становится жертвой вмешательства множества причастных к делу организаций и лиц. И как это ни досадно, но зачастую своих же товарищей — архитекторов.

У Аркадия Райкина есть известная миниатюра, в которой клиент ателье, надев изуродованный костюм, гневно спрашивает: «Кто это сделал?» И слышит в ответ многоголосное: «Мы».

К сожалению, у нас в архитектуре очень многое делается, что называется, коллегиально, всем миром. А ведь искусству подобный метод творчества противопоказан.

Если увидите безликий город, унылый микрорайон, серое общественное здание, спросите: «Кто это сделал?» Неизменно услышите в ответ: «Мы». Но когда вам встретится красивый город, интересный квартал, впечатляющее сооружение, в ответ на тот же вопрос вам назовут имена собственные.

За каждым ярким творческим явлением стоит личность или группа единомышленников. Каждая такая работа — это содержательная архитектурная мысль, борьба за ее реализацию, это творческий подвиг. И напротив, «мы» — это значит никто, это круговая порука многих организаций, не желающих нести ответственность за безликую застройку. Безликому, равнодушному «мы» надо противопоставить заинтересованный личностный подход к каждой творческой проблеме. И потому я с этой позиции снова выступаю против жесткой степени типизации, которая все еще господствует в нашем градостроительстве.

Так или иначе, при оценке архитектурного произведения надобно иметь в виду двойственный характер его ценностного содержания. Каждое творческое явление в зодчестве имеет относительную и абсолютную ценность. Что касается первой, то она заведомо известна. Ее определяет смета на строительство. Другое дело, что в процессе стройки часто выясняется: смета занижена и объект в итоге оказывается дороже. Но речь не об этом. Известно, что сооружение будет стоить столько-то. Эта ценность переходящая. С абсолютной ценностью дело обстоит иначе. Она обладает способностью стремиться к нулю или, наоборот, возрастать с течением времени, и не просто возрастать, а подчас во много раз превосходить относительную ценность. То же происходит и с именами мастеров. Одни забываются, другие всплывают из небытия и прочно занимают достойное место в истории зодчества. И это опять-таки подтверждает неустойчивость поспешных оценок. Предубежденным может быть критик, возможно столкновение личных и групповых интересов — все это, нечего греха таить, бывает.

Итак, предвзятость в архитектуре — типичное и многостороннее явление. Но как же

преодолеть его? Что может помешать его распространению? Ответ здесь единственный и четкий: то, что определяет истину, объективность — наука. Разумеется, наука, именно наука, если только она сама не предвзята. Ведь бывает и такое. Разве не доказывала архитектурная наука экономическую целесообразность пятиэтажной застройки? Разве не она предлагает, отстаивает, добивается утверждений различных номенклатур типовых проектов, большинство которых так нигде и никогда не идет в дело? На основе утвержденных перечней проектные организации страны годами разрабатывают сотни ненужных проектов, на это тратятся миллионы рублей, непроизводительный творческий труд, и все попусту. Здесь речь идет о прикладной науке. Однако подобное может быть свойственно и фундаментальному научному труду.

Родилась новая академия — строительства и архитектуры. Построение сложное, преследующее противоречивые, многосторонние цели. Эта академия просуществовала недолго. Положение архитектурной науки многие годы вызывало общественную неудовлетворенность. Зодчие на всех своих высоких форумах говорили о необходимости воссоздания Академии архитектуры. И вот в структуре Академии художеств создано отделение архитектуры и монументального искусства. Зодчие вновь осенены академическими званиями. Уважаемые и деятельные академики заняты теперь разрешением проблем синтеза архитектуры и монументального искусства. Проблема, разумеется, важная. Однако, позволю себе заметить, не главная — одна из многих, может быть, из полутора-двух десятков важнейших проблем зодчества, но не главная. Массированные усилия не останутся бесплодными. Проблема синтеза может вскоре прорасти на его лице заметным флюсом. Что я имею в виду? Вполне допустимо, что у художников возникнет уверенность в том, что именно синтез, средства монументального искусства составляют ту панацею от всех бед, которая способна заменить собой средства архитектурной выразительности.

В книге Бурова «Об архитектуре» есть остроумный и правдоподобный рассказ о том, как зодчество от древних времен и до наших дней постепенно утрачивало великое содержание своего имени. «На примере замечательного архитектора Филона Афинского, создавшего такое сооружение, как пирейский арсенал, написавшего трактат о построении метательных машин, трактат о механике и сочинение о соразмерности храмов, можно определить место, которое занимал греческий зодчий в науке и искусстве».

Однако со временем из сферы архитектурного творчества ушли корабли и боевые машины: «Конструкция сооружения становится предметом не архитектуры, а инженерии» — и т. д.

А не является ли вышесказанное относительно академии подтверждением того, что все мы становимся свидетелями нового этапа распада зодчества, когда оно уступает живописцу и скульптору право творить ее красоту? Я надеюсь, что нет. Тем более что описанное явление сугубо доморощенное и никак не координируется с процессом развития мирового зодчества.

Я смотрю сегодня на постройки начала 50-х годов, в том числе и на свои собственные, и вижу различные художественные элементы — лепные капители, другие лепные украшения, декоративные решетки, люстры, резные филенки дверей и оригинальные дверные ручки, художественно исполненные полы и тому подобное. Все это вышлось по эскизам, рисункам, шаблонам, начертанным рукой архитектора. Разумеется, что сегодня любую художественную задачу следует решать иначе, согласно эстетическим тенденциям наших дней. Однако я хотел подчеркнуть другое. Сегодня редкий заказчик возьмет у зодчего чертеж индивидуального декоративного элемента, днем с огнем надо искать предприятие, которое выполнит его по эскизу архитектора. Сегодня только друзья художники и скульпторы могут внести в архитектурное произведение художественно исполненную деталь. Теперь многие искренне полагают, что от архитектуры вообще ничего не требуется. Она может оставаться однообразной — яркой и выразительной ее сделают художники. Такая точка зрения может стать господствующей. И если ее начнут исповедовать заказчики и строители, которым это, может быть, и на руку, художники, скульпторы и, не приведи господи, сами архитекторы, тогда можно считать, что архитектура в высоком значении этого слова попросту прекратит свое существование. Впрочем, если это случится, то ненадолго. Опыт покажет, что монументально-декоративное искусство, какой бы самоценностью оно ни обладало, само по себе к синтезу не приведет. Оно сможет быть истинной ценностью только в единстве с архитектурой, обладающей не меньшей самоценностью.

Мы рассмотрели некоторые явления в архитектуре как бы в разрозненном виде. Ну а если взглянуть на них в долговременном процессе? Для этой цели мы не найдем более содержательного примера, нежели реконструкция центра Москвы, проводившаяся последнее двадцатипятилетие. Здесь, в центре столицы, на двух тысячах гектаров исторической московской земли, ограниченных трассой Садового кольца, проявились многие противоречия нашей архитектуры, столкнулись в полемике противоположные точки зрения. В чем же содержание этих суждений?

Конфликт вызван не чем иным, как реальными результатами реконструкции. Было время, когда здесь строились по преимуществу типовые жилые дома различной этажности — из силикатного кирпича, из крупных блоков, из панелей и, наконец, из керамического кирпича, распространенного по всему городу и тем самым девальвировавшего свои декоративные достоинства. Такое вторжение стандартных зданий, разработанных для районов массовой застройки и механически привнесенных в сложившуюся историческую среду, было проявлением градостроительной бестактности. Оно убедительно показало несовместимость примитивного техницизма стандартного домостроения с архитектурой древнего города.

Положение усугубилось еще и тем обстоятельством, что размещение этих новых строений определилось концепцией выборочного строительства, то есть случайным расположением.

По этому же принципу размещались в планировочной структуре центра и отдельные жилые здания, строящиеся по индивидуальным проектам. Соседство старых и новых строений, очевидно, свидетельствовало не в пользу нового.

В это же время возникли и три крупных современных комплекса — гостиница «Россия», проспект Калинина, а позднее застройка Смоленской площади. В каждом из них можно найти свои положительные черты, однако комплексы эти по-своему способствовали возникновению оппозиции к новой архитектуре.

Гостиница «Россия» смущала непосредственным соседством своего объема с кремлевским ансамблем, проспект Калинина — несоответствием масштабов новой композиции и примыкающей структуры старого Арбата, отсутствием пространственных связей с ним. Высказывались суждения, будто силуэт проспекта противоречит традиционным принципам построения вертикалей Москвы. Говорилось о схематизме архитектуры и в особенности жилых домов, которые вскоре, спустя всего лишь шесть — восемь лет после завершения проспекта, устарели настолько, что по своим эстетическим достоинствам оказались неконкурентоспособными относительно новых домов башенного типа, возводимых в районах массовой застройки.

И Смоленской площади, ее новым вертикалям также свойствен все тот же схематизм форм. Надо, наконец, упомянуть и ряд отдельных крупных сооружений, появление которых в свою очередь тоже подлило масла в огонь. Гостиница «Националь», административные здания на улице Чернышевского и в Георгиевском переулке явились дополнительным возбуждающим фактором. Здесь дело уже не только в характере архитектуры, но также и в неубедительной для данной окружающей среды этажности зданий.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, мы имеем основание утверждать — опыт застройки центра Москвы в 60-е годы давал повод для серьезных сомнений и беспокойства и возникшего затем противодействия новому строительству в центре столицы. Очевидно, что такая реакция закономерна. Однако выводы и предложения, вытекающие из сложившихся умонастроений, также вызывают возражение.

Противники современной архитектуры провозгласили концепцию консервации центра Москвы. Наиболее радикальные ее идеологи предлагали немедленно запретить всякий снос и строительство в центре столицы, а в будущем вывести за ее пределы все торговые и административные учреждения, все жилье, превратив центр города в музейную территорию.

Болеи грезивые головы, понимая объективную необходимость нового строительства, ставили вопрос иначе: ограничив территории, в пределах которых возможна новая застройка, они предлагали обусловить ее этажность высотой существующих по соседству строений, а также предписывали подчинить архитектуру новых сооружений характеру сложившейся застройки.

Эта точка зрения восторжествовала в 70-е годы, стала определяющей и закономерно привела к сокращению строительных работ в пределах Садового кольца. Здесь теперь

в большей мере проводился косметический ремонт зданий да кое-где выполнялось переоборудование старых жилых домов. Что же касается нового строительства, то оно продолжалось на немногих начатых ранее объектах. Это значит, что нынешнее состояние центра Москвы становится эталоном. Все будущее в центре равняется на уже определенное. И это предлагается как долгосрочная программа!

Разумеется, мы знаем, что в 60-е и в особенности в 70-е годы огромная градостроительная работа была проведена за пределами центра, в новых районах столицы. Застроены большие территории, созданы жилые ансамбли и примечательные общественные здания, постепенно складываются центры планировочных зон. Однако значение исторического ядра не становится от этого менее важным. Напротив, теперь оно для нас еще более ценно, а профессиональная деятельность в нем еще более ответвенна. И как бы мы ни хотели, уйти от этого нельзя.

Посмотрим на нынешнее состояние застройки центра города. Несмотря на свежесть окраски старых строений, создающей впечатление прочности, большая часть застройки нуждается в реконструкции. Здесь много ветхих строений, и в том числе таких, которые не представляют собой ценности. Ведь перемещение столицы на целых двести лет повлекло средства, материалы, творческие силы в северную Пальмиру. Последствия этого видны и по сей день. Дело в том, что культурные, исторические, эстетические ценности, накапливаемые любой столицей веками, у нас по воле истории поделены между двумя городами. И поэтому в структуре центра Москвы не все «столично». Здесь встречаются фрагменты беспорядочной застройки, целесообразность сохранения которой сомнительна. Надобно заметить и то, что плотность застройки жилых кварталов и уровень благоустройства многих зданий находятся в противоречии с современными требованиями. Все это не может долгое время пребывать в нынешнем положении. Разумеется, в городе живет множество людей, в памяти которых каждая улица, каждый дом связаны с дорогими воспоминаниями. Эту память необходимо уважать. Однако же каждый день рождает новых детей столицы — будущих ее полноправных граждан, которые, став взрослыми, захотят не только узнавать прошлое города, но и видеть его достойным XXI века. Он не за горами.

А ведь этот факт, что в центре Москвы теперь делается меньше, чем в предвоенные, меньше, чем в 50-е годы. Как бы ни были уважаемы архитекторы, выступающие с программой консервации, соглашаться с нею не следует. Эта концепция антижизненна. Ее последователи утверждают: «Вы хотите построить новый центр города, а мы хотим сохранить старый».

Однако единственно перспективной концепцией может быть только одна, третья — мы должны делать и то и другое. Только таким путем может развиваться центр столицы Советского государства — сохраняя в себе все лучшее, созданное в прошлом, и обогащаясь новыми уникальными комплексами.

Города меняют свой облик. Эта истина подтверждена многовековой историей зодчества. Не случайно же еще в давние и, как нам теперь кажется, неспешные времена Возрождения писал без досады великий Петрарка: «Ни один город не остался, каким был, не только века назад, но даже и на нашей памяти». И дальше: «Что говорить о Пизе, где седьмой год жизни я провел, или Сиене? Что об Ареццо, милым мне памятью о рождении моем и отцовском изгнании? Что о Перудже, с ним соседствующей, что о прочих городах? Для всех условие едино: сегодня не те, что вчера, и, хоть сами перемы достойны изумления, стремительность их поражает в особенности».

Тем более сложна задача зодчего в наш быстротечный век, при наших масштабах градостроительства. И как же выяснить, что действительно представляет собой ценность, а чем можно пожертвовать? Где критерий, определяющий оправданность жертвы?

Ценность здания, городской среды поддается классификации. Она может быть материальной, функциональной, исторической, культурной, наконец, эстетической. Возможно сочетание суммы нескольких или всех этих качеств. Для того чтобы решить судьбу старых строений, надобно в каждом случае сопоставить имеющуюся ценность с тем, что будет получено взамен. И если суммарная, и в том числе эстетическая, ценность нового, предлагаемого существенно выше ценности приносимой новому жертвы, значит, она оправдана. Но решить это можно только в каждом конкретном случае путем конкретного всестороннего сопоставления. Математические методы здесь способны соотнести только материальные ценности, остальное требует всестороннего подхода, и не только профессионального. Словом, проблема эта сложнейшая, и методика ее решения нуждается в глубоком научном обосновании.

И тем не менее не следует противодействовать объективно проявляющимся центростремительным силам, вызывающим необходимость нового строительства в пределах Садового кольца. Напротив, эти силы необходимо организовать и направить таким образом, чтобы получить в центре выразительные ансамбли. Только делать это надо непременно талантливо.

Ну а как отнестись к идее соответствия новой архитектуры облику существующих строений? Разве эта идея плодотворна? И чему мы будем подражать? Ведь далеко не все старое достойно подражания. Нет, проблема традиций на таком уровне не решается. Механическим путем делаются только подделки.

Вот, к примеру, рассуждения о том, какой период русского национального наследия надо считать ориентиром, что принимать за эталон подлинно русского: «Каждое конкретное творческое решение должно принимать «по месту» — в соответствии с принятым ныне средовым подходом к архитектуре. Это значит, что в каждом городе, в каждом районе должны поддерживаться те черты, которые исторически стали здесь господствующими, преобладающими, формирующими архитектурный облик среды». И далее: «Именно таким путем мы придем к архитектуре многообразной, соответствующей конкретному месту и несущей в себе черты живой национальной традиции — в том числе русской национальной традиции в русских городах».

А почему здание Главного штаба на Дворцовой площади Ленинграда не уподоблено Зимнему дворцу? А как же оказались венецианские старые и новые Прокурации по соседству с собором святого Марка? Как можно утверждать подобный метод создания ансамбля? Разве в этом состоит смысл средового подхода?

Каждый архитектор всегда сын своего времени, своей страны, но вместе с тем он еще и наследник всей истории зодчества. И потому отношение к прошлому, к традиции есть один из важнейших и постоянно волнующих вопросов. Традиции сдерживают развитие. Они же способны направить его. Развитие архитектуры происходит в постоянном циклическом возврате к прошлому и устремленности в будущее. Это качели истории зодчества. Мастера Ренессанса черпали вдохновение в античности. Мастера ампира побуждали к творчеству исследования, сопутствовавшие египетским походам Бонапарта. И в современной архитектуре вновь перед каждым зодчим встает извечная проблема.

Прошлое, даже весьма отдаленное во времени, всегда много ближе самого ближайшего будущего. Оттуда, из прошлого, все достается легче, чем из грядущего. Путь в прошлое всегда короче. Прошлое, вновь воспроизведенное в архитектуре, всегда узнаваемо. Уже одним этим оно способно вызвать знакомые и привычные образы и потому может быть принято легче, чем образы неведомого еще, незнакомого будущего. И все-таки общество устремлено вперед. Всегда находятся творцы, призванные ответить этим стремлениям. Здесь будет больше противоречий, здесь будет встречаться прямое противодействие, откровенное неприятие. Будущее непривычно. И тем оно отталкивает. Но тем же оно и привлекательно. Новое всегда — и в далеком прошлом тоже — принималось не сразу, не без борьбы. Кто-то ему всегда противостоит, зато другие силы его приветствуют. Однако наиболее яркие проявления будущего обладают огромной притягательной энергией. Они завоевывают сторонников, привлекают к себе наиболее передовые слои общества и завоевывают в конце концов его признание.

Новое время ищет свойственные ему формы, отражающие его дух и его технические средства. Чтить традиции и вместе с тем создавать новое — это и есть путь прогресса.

Макс Фриш, по образованию архитектор, успевший до начала своей литературной карьеры построить в Цюрихе ряд крупных сооружений, замечает устами своего героя: «Что, собственно, значит традиция? По-моему, это значит — разрешать задачи нашей эпохи не менее смело, чем наши предки разрешали задачи своей. Все прочее стилизация, мумифицирование, если они (швейцарцы.— Ф. Н.) продолжают считать свою родину живым организмом, почему не защищают ее, почему мумифицирование выдают за любовь к родным традициям?»

Однако, касаясь тенденций реставраторства, проявляющихся в московской практике, я прихожу к выводу, что она себя изживает. Надобно заметить, что в архитектуре каждое новое явление утверждается или компрометирует себя не сразу. Нужны годы для реализации архитектурных идей, и тогда только они оцениваются в полной мере. Так вот прошло уже десятилетие активного самоутверждения этой тенденции. И что же? Нет, ни в одном случае она не принесла своим апологетам творческого успеха. Мало

того, здесь очевидны неудачи, постигшие даже маститых зодчих. А тем временем новая современная архитектура развивается и утверждает свое право на жизнь очевидными достижениями. Ведь не случайно все олимпийские сооружения Москвы и Таллина представляют собой прогрессивную направленность зодчества. Прогрессивные тенденции очевидны и в не реализованных еще проектах реконструкции охранных зон центра. Такие предложения по старому Арбату, Столешникову переулку отличаются тактичным подходом к исторической среде, оригинальностью новых включений, профессиональным вкусом.

Старое и новое — это вечная проблема зодчества. Архитектура — история. Каждое время выражает себя в монументальной форме. Главное содержание творческой проблемы состоит в том, чтобы новое в городе мастерски, талантливо сочеталось со старым. Но не подделываясь. Для меня в этой задаче есть только один аспект — абсолютный профессиональный уровень нового сооружения должен соответствовать или быть выше уровня уже имеющихся в окружении строений. И ничего нельзя поделывать с тем, что новое ново. Лорка сказал, что старыми делают дома не архитекторы, а время. Однако ведь и новое можно делать прекрасно. Если это будет достигнуто, конфликт со средой и конфликт с нашими современниками, оценивающими все вновь созданное, будет исчерпан.

Как бы ни были справедливы критические суждения по поводу практики застройки центра Москвы, они не дают основания не видеть главного. Разве не являются сегодня застройка улицы Горького, высотные здания 50-х годов, многие площади и проспекты, выполненные в советское время, реальным воплощением нашего представления о социалистической Москве? Ну а если бы концепция консервации восторжествовала сорок лет назад и Москва не имела бы всех этих ансамблей?

А как отнестись к эпидемии высотобоязни? Обилие вертикалей всегда было отличительной чертой московского силуэта. Если бы высоты убоялись наши предки, не имели бы мы Ивана Великого, Меншиковой башни и множества других высотных акцентов старой Москвы. Не решились бы и мы возвести высотные здания нового масштаба на Смоленской, на площади Восстания, у Красных ворот. И не была б Москва Москвой.

Теперь же мы сталкиваемся с другой крайностью: утвердилась концепция, исключаящая вертикали внутри Садового кольца. А как же быть с высотным зданием в Котельниках? Я убежден, что концепция эта спорная.

Увы, она оказалась не безобидной. Уже навеки встал на Октябрьской площади «недоскреб» Министерства газовой промышленности, лишившийся в пылу борьбы с высотоманией восьми этажей. Пяти этажей недосчитался в итоге согласований угловой корпус Центра международной торговли. «Усекновение» постигло и многие другие сооружения. Кто обращает внимание на то, что из трех новых многоэтажных жилых домов на улице Герцена у двух срезано по два этажа? Зачем? В целях соответствия среде. Однако при этом ничего, кроме потери жилой площади, не произошло. Ведь разница в два этажа неконтрастна и потому никем не замечается. Другой вопрос, надо ли было ставить эти башни, но снижение явно не имело смысла. Как бы то ни было, эпидемия высотобоязни лишила нас возможности создания нужных городу вертикальных акцентов в ряде композиционных узлов центра столицы.

Мы говорим: что ни город, то норы. Что же касается центра Москвы, то здесь что ни площадка, то свой норы, свои специфические условия. Для каждой из них нужны свои решения, учитывающие в комплексе все проблемы окружающей среды. В некоторых случаях высотные. А мы сетуем на свои ошибки. Ведь и здесь из крайности в крайность. Если можно высотное — так где ни попадая, а если нельзя — так уж ни в коем случае. Однако не следует, обжегшись на молоке, дуть и на воду.

В чем вообще особенность московского характера, «норы» нашей древней столицы? Помимо уже упомянутого силуэта, он выражен в планировочной структуре, в живописном характере ее радиально-кольцевой системы, в облике городской застройки, полной неожиданных ракурсов, быть может, случайных на первый взгляд, свободных композиционных приемов. Истинно московский характер именно в этой свободе, непринужденности, живописности. Вот почему так чужды Москве жесткие симметричные композиционные схемы, традиционные для Ленинграда и некоторых других русских городов, заложенных по генеральным планам екатерининских времен. Я думаю, что эти московские традиции нам надо умно и талантливо развивать.

А если нет? Как долго можно искусственно сдерживать застройку центра? И что

будет здесь через пятьдесят — сто лет? Этого, разумеется, никто не знает. Или наши потомки будут, так же как и мы, перекраивать строения? Быть может, произойдет как раз обратное тому, что предлагают сегодня сторонники концепции консервации? Возможно, за корпусами ГУМа, построенного, кстати сказать, на месте торговых рядов Бове, за корпусами старого университета, на Кадашевской набережной, где всерьез предлагалось воссоздать двухэтажную застройку купеческой Москвы, возникнут новые высотные ансамбли? И тогда Кремль и центральные площади окажутся в кратере, окруженном высотными сталагмитами. Можно предположить, что архитектура этих сооружений будет великолепно прорисована и превосходно исполнена в натуре. И быть может, такие ансамбли XXI века сделают Москву еще более прекрасной и величественной. Таким образом, вместо идеи центробежного размещения высотных акцентов восторжествует идея центростремительного их сосредоточения. Сегодня нельзя решительно утверждать, что в центре Москвы произойдет что-либо подобное, но и отрицать вероятность реализации такого варианта, видимо, тоже преждевременно.

Касаясь вопросов реконструкции центра Москвы, следует напомнить о еще одной исторической закономерности. Весь опыт градостроительства наглядно свидетельствует о том, что великие ансамбли удаются только решительным и смелым людям. Трусливые градостроители не оставили после себя ни одного достойного сооружения. И еще одно свидетельство истории: никогда еще крупные градостроительные мероприятия не осуществлялись без оппозиции. Это совершенно нормально. Примеров тому более чем довольно. Разве мы не знаем, с каким возмущением приняли великие деятели культуры Франции строительство Эйфелевой башни? А теперь? Она едва ли не главная достопримечательность, символ Парижа.

Реконструкцию центра Москвы надо было бы продолжить, всесторонне обосновывая каждое предложение, но только еще и еще раз оговорившись — непременно талантливо.

И наконец, еще раз об излишествах. В известном смысле можно утверждать, что архитектура в высоком значении этого слова вообще излишество. Можно было бы в конце концов обойтись без изысканной пластики Парфенона, без филигранных форм готических соборов. Могли бы быть попроще все памятники прошедших эпох. Сколько труда потрачено на декоративное украшение уникальных дворов Альгамбры. И стоило ли, кстати сказать, украшать башни московского Кремля сохранившимися до наших дней декоративными шатровыми надстройками, придавшими Кремлю богатый силуэт, когда башни уже утратили свое функциональное, оборонное значение? Без этого тоже можно было бы прожить.

Однако можно ли? В современной архитектурной практике все более различимо одно примечательное явление. Эстетический голод, вызываемый безликим градостроительством, утоляется самодеятельным способом во все более заметных объемах. И чем меньше красоты достается, что называется, централизованным путем, тем более возникает красоты самодеятельной. Должно быть, по этой причине ее чаще встретишь в малых городах и селах, на дорогах, что лежат между ними. Чего только не попадает в пути! Фантастические формы магазинов, лавок, ресторанов, кафе, типовые строения, украшенные «в хвост и в гриву», посты ГАИ и автобусные остановки с причудливыми минаретами, самодеятельные триумфальные арки и прочие «монументы»... И хотя все это никак не соответствует профессиональным представлениям о современной эстетике, я не берусь порицать творцов этих произведений.

Должно быть, подобно тому как в физике действует закон сохранения энергии, так и в жизни: общество должно получить причитающуюся ему меру красоты.

В пятьдесят первом году, когда в здании московского ГУМа было сосредоточено множество учреждений, и в том числе архитектурные мастерские, на одной из его галерей возникла импровизированная выставка. В ряд выстраивались только что открашенные перспективы конкурсных проектов новых станций метро. У подрамника будущей станции «Арбатская» стоял академик архитектуры Леонид Поляков. Все было так, как теперь в натуре: арки, люстры бра Мастер был доволен своей работой. «По сравнению с этой станцией Елисеевский магазин — жалкая лавчонка, — удовлетворенно заметил автор. И добавил: — Я считаю, что если народ дал мне рубль, я должен показать, на что он потрачен». Быть может, и в этом взгляде на экономику есть своя правда, свой резон?

Думается, народ должен видеть не просто дома, заводы, города, но и эстетический эффект от рубля, данного архитектору. Словом, не только материальные, но и непременно эстетические ценности должны быть результатом труда зодчего, иначе его следует считать неэффективным. Эффективность ведь бывает разная — техническая, экономическая, энергетическая и так далее. Бывает и эстетическая — это та, что доставляет людям радость, украшает жизнь человека, вызывает чувство патриотизма. Настоящая архитектура всегда комплексно эффективна, и в том числе непременно эффективна эстетически.

Наверное, нет сегодня ни одного архитектора, который поставил бы под сомнение историческую необходимость состоявшегося перелома в архитектурном творчестве. И все-таки, возвращаясь к прошлому, нельзя не заметить предвзятости оценок и решений. Они не могли пройти бесследно. Безликая, серая, невыразительная архитектура — плод этой предвзятости. На ветках сухостоя можно посадить мириады птиц. Но что это за лес — без листа, без цвета, без плода?

Андрей Буров называл архитектуру средой, которую «человечество создает, чтобы жить, и оставляет потомкам в наследство, как улитка раковину — иногда жемчужную. Разница, — утверждал он, — только в том, что у раковины жемчужина — результат болезни, а подлинная архитектура — результат здоровья и огромной созидательной силы человечества».

Нам пора излечиться от болезни предвзятого подхода к зодчеству, от эпидемии безликости и серости и создавать города для нашего и будущего поколений, достойные настоящего и будущего.

Быть непредвзятым в архитектурном творчестве — это значит видеть и понимать простоту и сложность жизни, сознавать потребности человека и общества, предлагать формы, способные воспринять жизнь. Мы говорим: дома и стены помогают. Так будем же строить такие города, такие дома, такие стены, которые помогут людям жить.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

ЭРНСТ ГЕНРИ

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЕВРОПЫ

1

Полвека назад автору этих строк довелось опубликовать в нескольких странах книгу под заголовком «Гитлер над Европой», за которой последовала книга «Гитлер против СССР». Сегодня есть необходимость вернуться к теме «угроза Европе», но только с другим составом участников заговора.

В последнее время все яснее вырисовывается карта небывалой большой войны, которую чертят в Пентагоне. Театры военных действий намечаются в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке, Азии, Центральной Америке. Под прицел берутся Атлантический, Тихий, Индийский, Ледовитый океаны, Средиземное, Балтийское, Черное, Карибское, Аравийское. Красное, Японское моря. Ни в первой, ни во второй мировых войнах таких масштабов запланированной агрессии не было. Готовящие эти планы пентагоновские генералы действительно идут ва-банк.

В самых разных местах капиталистического мира расширяются или заново строятся крупнейшие американские военные базы. Происходят сговоры с местными правительствами и генеральными штабами, ведется непрерывная кампания против социалистических стран. Переговоры с Советским Союзом об ограничении вооружений искусственно затягиваются, на производство новейшего оружия ассигнуются фантастические суммы. Все важные политические и экономические вопросы решаются за океаном под углом зрения подготовки агрессии. Даже темпы роста гитлеровской военной машины в середине и конце 30-х годов не сравнимы с той лихорадочной стремительностью, с какой сейчас вооружаются американские милитаристы. Они и не скрывают, к чему готовятся, хотя все время толкуют о своем миролюбии.

Но есть нечто, о чем в их кругах, как правило, умалчивают. Даже самые воинственные антисоветские деятели в США сдерживают себя, когда ставится вопрос о конкретных военно-стратегических планах Пентагона.

На Западе многие все еще считают, что американские военные планы направлены только против СССР и других социалистических стран. Так ли это на деле?

Полностью утаивать свои стратегические идеи американские милитаристы все же не могут. Сами их вооружения и расстановка их позиций за рубежом вскрывают многое. Судя по ряду данных, генеральный план Пентагона состоит в основном из двух частей.

В первой явно предусматривается внезапный, будто бы парализующий ядерный удар по СССР, наносимый межконтинентальными баллистическими ракетами, ракетами, пущенными с подводных лодок, бомбардировщиками, взлетающими с авианосцев. В то же время намечено использовать лазерные и лучевые установки, химическое и космическое оружие. Тут цель, как известно, заключается в том, чтобы в первые же минуты и часы войны попытаться сразу вывести из строя вооруженные силы Советского Союза и других стран Варшавского Договора.

Если США смогли бы добиться перевеса в вооружениях, то операция на востоке Европы — наиболее важная, по мнению Вашингтона, — оказалась бы и наиболее быстрой. Отсюда непрерывное, не прекращающееся ни на один день накопление и разработка Соединенными Штатами таких вооружений, как ракеты «МХ», «Трайидент-2», крылатые ракеты большой дальности, космические самолеты многоцелевого использования, самолеты «стелт». Отсюда столь же непрерывные попытки американской дипломатии добиться превосходства империалистических военных сил.

Необходимо, однако, учесть, что межконтинентальными ударами на СССР большой стратегический план Пентагона, несомненно, не исчерпывается. Эта операция одновременно предназначена служить целям американской агрессии в Западной Европе. Глубоко ошибаются те комментаторы на Западе, которые уже годами считают, что здесь США и их натовские союзники намерены ограничиться «оборонительными» действиями. Это отнюдь не так.

В Западной Европе Пентагон готовит не только удары ракет «Першинг» и крылатых ракет средней дальности, но и прямое нападение: концентрированную агрессию против стран Варшавского Договора с помощью сосредоточенных здесь мощных вооруженных сил империалистической коалиции.

При этом многое указывает на то, что главные действия предусматриваются не только в направлении Эльбы, Рейна и Балтийского моря, не только в центре и на севере Западной Европы, но и на юге материка, где с 1948 года в готовности стоит большой средиземноморский флот США и где действуют особенно влиятельные проамериканские политические силы. Операциям в Центральной и Северной Европе предназначается, видимо, играть вспомогательную роль. Зато Средиземное море рассматривается как главная позиция США, как американское озеро. 6-й флот США находится в нескольких тысячах километров от американских берегов, но лишь в нескольких сотнях километров от южных берегов СССР.

В Пентагоне, по-видимому, считают, что с помощью авианосцев, подводных лодок и стратегических бомбардировщиков прорваться сквозь позиции государств Варшавского Договора на юге легче, чем в других районах. Тем самым на карту без стеснения ставится судьба таких участников НАТО, как Италия, Турция и Греция, такова судьба Испании, Кипра, Мальты, государств Северной Африки и Ближнего Востока. Так или иначе, самые крупные силы атлантического блока сосредоточены именно в зоне Средиземного моря с острием в сторону востока и северо-востока.

Стоит вспомнить, что чисто географически такой же стратегический прицел был взят западными державами и в прежних больших войнах в Европе. Еще в годы первой мировой войны Англией и Францией по настоянию Черчилля была предпринята неудачная попытка захватить Дарданеллы, Босфор и Константинополь. Была произведена высадка в Греции, несколько лет спустя был оккупирован Измир в Турции. Тогда же англичане перешли в наступление со стороны Арабского Востока, продвигаясь из Месопотамии. В ноябре 1918 года англо-французские интервенты, как известно, высадились на Черноморском побережье Советской республики с целью помочь белогвардейцам ударить по Красной Армии и дойти до Москвы.

То же направление в сторону Южной Европы и Балкан Черчилль избрал в конце второй мировой войны, когда американским и английским войскам приказали высадиться в Италии и Греции. Подлинная, рассчитанная на долгий срок, но тогда еще скрытая цель была все та же: продвинуться с разных сторон к южным районам СССР. Теперь эта «геостратегия», перенятая Пентагоном, имеет еще более прямую, классовый смысл.

К концу 70-х годов США, страны — участницы НАТО и Англия имели на Средиземном море около 500 боевых кораблей основных классов и катеров, 400 самолетов авианосной и базовой патрульной авиации. В это число входило до 6 атомных ракетных подводных лодок, считающихся средством нанесения ядерных ударов по крупным военным объектам, административным и промышленным центрам, в прибрежных районах и в глубине территорий.

Резервом наступательных ядерных сил считается находящееся здесь авианосное соединение 6-го флота США, которому поручается сыграть особенно важную роль. Палубная авиация этого соединения, радиус действия которой доходит до двух тысяч километров, по всей вероятности, тоже предназначена для ядерных атак. Все, таким образом, находится, по существу, в американских руках. Здесь, несомненно, собраны мощные агрессивные силы. Не случайно в кругах Пентагона 6-й флот США называют большой дубинкой для большого дела.

В зоне Средиземного моря постоянно ведутся масштабные учения НАТО и практикуется высадка десантов в тыл или во фланг войск противника. В 1982 году, например, здесь было проведено около 20 учений НАТО с участием авианосцев 6-го флота. В учении «Дистант драм» в мае 1982 года на территориях Италии и Турции участвовало до 60 кораблей и вспомогательных судов США, Англии, Италии, Турции и Франции. В составе десантных сил в постоянной боевой готовности содержатся подразделения американской морской пехоты.

Чему все это служит? Судя по разным не вызывающим сомнения данным, американские стратеги предусматривают на юго-востоке Европы три главных удара: атаку на Балканы, атаку на советское Черноморское побережье и атаку на Кавказ. Во всех направлениях исходной базой служит Средиземное море, главной опорой — тот же 6-й флот США.

Балканы на этот раз намечено превратить не в пороховой, а во взрывающийся ядерный погреб. Ничего более страшного в многовековой истории этого региона не было. Болгария, Румыния, Югославия и Албания осуждены империалистами фактически на уничтожение, Греция и Турция — на такую же катастрофу. Сходная участь уготована Италии, Мальте, Кипру.

Характерно, что в учениях США и НАТО на Средиземном море особое значение придается высадке морских десантов в зоне черноморских проливов. Целью явно считается захват плацдарма для последующей переброски войск на север. Еще в апреле 1978 года австрийский военный журнал «Труппендинст» отмечал, что задачей 6-го флота является «борьба против советского Черноморского флота независимо от операций на суше». Ведущая западногерманская правая газета «Ди вельт» 22 января 1980 года, в свою очередь, подчеркнула, что юго-восточный фланг НАТО представляет собой не слон, а «платформу для нападения».

Ясно, что империалистами планируется и агрессия в сторону Закавказья как с целью захвата нефтяных источников, так и для соединения с проамериканскими силами на Ближнем Востоке дальше на юг.

В июне 1983 года в турецких илах Карс и Эрзурум в непосредственной близости от границ Советского Союза были проведены крупномасштабные маневры мобильных сил НАТО под названием «Эдвенчер экспресс-83» с участием США, Англии, ФРГ, Италии и Бельгии. Маневры, первые многонациональные в восточных районах Турции, названы в штаб-квартире НАТО беспрецедентными по масштабам. Присутствовавший на них главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе генерал Роджерс откровенно заявил, что они имели целью продемонстрировать готовность НАТО «в случае возникновения кризисной ситуации» перебросить в восточные районы Турции мобильные силы Североатлантического блока. Иначе говоря, закавказский фронт готовится в Вашингтоне по всем правилам.

Дальше к югу в той же зоне усиливается давление США на Сирию, Ливан и — косвенно, через некоторые другие арабские государства — палестинцев. На другом конце южного берега Средиземного моря намечается прямая интервенция США с участием 6-го флота. Летом 1983 года американская эскадра появляется у берегов Ливии. Тогда же на территории Египта проводятся военные маневры «Брайт стар-83» с участием американских сил быстрого развертывания. Египет, Сомали, Судана и Омана. События в Чаде тем же летом 1983 года объясняются, разумеется, не только вопросами африканской политики, но опять-таки и «большой» средиземноморской политикой Вашингтона. Все это части того же общего стратегического плана, охватывающего этот регион.

Все сводится к намерению прорваться с юга Европы в Советский Союз и другие социалистические страны. В этом отношении генералы Пентагона следуют некоторым идеям Гитлера в ходе второй мировой войны. Вот почему события, происходящие в наши дни в странах в орбите Средиземного моря — не только на его северных, но и на восточных и южных берегах, — заслуживают особого внимания. Отсюда же лихорадочная активность американской дипломатии в этом регионе.

2

Военно-стратегическими расчетами антиевропейские планы американского империализма, разумеется, не ограничиваются. Там, где народы западноевропейских стран готовы оказать серьезное сопротивление этим планам, ставящим под угрозу само существование целых наций. Соединенными Штатами (одновременно с военной) уже проводится замаскированная политическая агрессия. Исследование американской политики за последние годы приводит к выводу, что довести контроль над Западной Европой до предела в Вашингтоне намечают разными способами.

Экономически — путем неослабного и беспощадного давления на хозяйственный организм западноевропейских стран, нажима на их валюту и кредит с целью увековечивания

чить финансовую зависимость от США, на их экспорт и импорт, на их долгосрочные расчеты.

В то же время особый напор делается на включение западноевропейских монополий в американские транснациональные корпорации. Проводится это не бессистемно, от случая к случаю, а методически и, очевидно, согласно широко намеченному плану. В результате в сферу непосредственного влияния США попадают не только захваченные или «прикрепленные» таким путем предприятия, но и их местные владельцы, банкиры и акционеры, магнаты западноевропейского бизнеса.

И не только они. Одновременно — и не в последнюю очередь именно в связи со вторжением транснациональных монополий и с закреплением финансовой зависимости этих стран от США — стимулируется видимый и невидимый переход ряда ведущих западноевропейских буржуазных политиков в проамериканский лагерь. Как правило, сейчас это относится прежде всего к консервативным и «либеральным» фигурам. Временами, однако, в ту же сеть вплетаются правореформистские деятели.

На другом фланге Соединенные Штаты ведут глубоко законспирированную игру с западноевропейскими группировками иного толка — с правыми авторитарными кругами и даже с фашистами. Игра эта тщательно скрывается, оставаясь как бы резервной картой, но что она ведется, не подлежит сомнению. В Италии, где действует крупная неофашистская партия «Итальянское социальное движение», насчитывающая около 300 тысяч членов и уже годами мечтающая о захвате власти вместе с проамериканской военщиной, о таких связях иногда сообщают в газетах.

Американская агентура позволяет неофашистам при этом надеяться именно на то, на что они рассчитывают, — на развязывание Соединенными Штатами в какой-то момент антисоветской войны. Наследники Гитлера, Муссолини и Франко в 80-е годы готовятся к тому, чтобы в самом начале такой войны и еще перед тем предложить свои услуги стремящимся прийти к власти в Западной Европе проамериканским диктаторам — услуги в качестве гвардии головорезов, расправляющихся со сторонниками мира.

Документальных свидетельств тому, что неофашисты теперь, как правило, повсюду ориентируются на американских ястребов и на связанные с ними военно-авторитарные круги в самой Западной Европе, искать не приходится. Достаточно перелистать их издания, как, например, публикуемый в Кобурге (ФРГ) международным сообществом бывших эсэсовцев и их учеников журнал «Национ Ойропа», чтобы убедиться, что неофашисты сейчас больше всего боятся бояться укрепления разрядки. Так, например, еще в марте 1981 года журнал «Национ Ойропа» не только выступал за евростратегические ракеты и нейтронные бомбы, но и предложил дополнить это развертыванием обычных вооружений и наращиванием сухопутных сил НАТО, в том числе бундесвера — западногерманской армии, какая-то часть руководства которой состоит из бывших гитлеровских офицеров. В той же связи примечателен такой факт. Не так давно было сообщено, что в Бонне в случае обострения международной обстановки предусматривается увеличить численность бундесвера с полумиллиона до двух миллионов человек.

Есть также основания считать, что неофашистские террористические банды, годами наводящие ужас на западноевропейское население, тайно финансируются теми же американскими экстремистами и их сообщниками. Здесь неонацисты могли бы сослаться на Гитлера, который в начале своей карьеры в Мюнхене получал из Детройта щедрые субсидии от Генри Форда. В то время Гитлер тоже делал ставку на американских милитаристов, участвовавших в вооруженной интервенции против Советской республики. Зависимость от таких ультрареакционных сил за океаном теперь у наследников Гитлера удесятилась. По расчетам таких кругов в Вашингтоне, это тоже должно в свое время увеличить эффективность их операций по американизации политической сцены в Западной Европе. «Либералы» и правые социал-демократы, с одной стороны, затаенные неофашисты и генералы на белом коне — с другой, но финальная направленность, по существу, та же.

Особое значение в планах подчинения Европы Соединенным Штатам придается также глубокому проникновению американской разведки в разведывательные системы западноевропейских государств. Больше всего это сказывается в Западной Германии, Италии и Англии. В этих странах можно уже говорить о существовании большого разведывательного сообщества, которому под эгидой ЦРУ принадлежат английская Интеллидженс сервис, западногерманский Нахрихтендинст и итальянская разведка.

Хотя соперничество между участниками этого сговора в некоторых случаях не прекращается, в главном, в антисоветской направленности их операций, они, несомненно,

втихомолку действуют заодно. Таким образом, заокеанские империалисты получают добавочную возможность влиять через своих доверенных лиц на политику правящих западноевропейских партий. Это незримая, но действительная часть всей американской стратегии в Западной Европе.

Столь же важно для тех же сил другое: сращивание через НАТО ведущих военных кадров США, ФРГ, Англии, Италии и других вовлеченных в Североатлантический блок стран.

Современный генералитет Западной Европы — это в значительной мере уже американизированный генералитет. Верховным главнокомандующим вооруженных сил НАТО неизменно назначается американский генерал, представляющий всемогущий вашингтонский Совет национальной безопасности. Во всех без исключения штабах НАТО западноевропейские офицеры работают под контролем американских. Тем самым закрепляется гегемония США и с другого конца. В случае критических событий на международной арене такое сращивание старших военных кадров может сыграть особую роль, на что сознательно и делают ставку в Пентагоне.

Не лишено интереса в той же связи, что в Лондоне недавно под названием «Международный демократический союз» было основано объединение правых партий 19 стран Запада. Участвовали все главные реакционные партии капиталистического мира, в частности Западной Европы, начиная от английских консерваторов и западногерманских христианских демократов и кончая австрийскими клерикалами. С приветственными речами выступали премьер-министр Англии г-жа Тэтчер и вице-президент США Дж. Буш.

Было заявлено, что все такие организации призваны отныне действовать сообща. Г-жа Тэтчер подчеркнула: «Только защиты недостаточно. Мы должны сформулировать наши принципы для того, чтобы иметь возможность влиять на других» (то есть чтобы наступать). Посланец Рейгана Буш подкрепил эти слова, заверив, что Североатлантический союз по-прежнему готов «принять все необходимые меры» и «пойти на любые жертвы», чтобы «иметь эффективные силы сдерживания». Против кого держать наготове эти силы, сказано не было. Несомненно, что помимо официальных заседаний происходили переговоры за закрытыми дверями. Одним из семи заместителей председателя объединения стал лидер западногерманских крайне правых премьер-министр Баварии реваншист Штраус. Судя по всему, его и можно считать душой «Международного демократического союза». Но за его спиной и за спиной г-жи Тэтчер явно стоит бывший глава американской разведки Буш.

Целый ряд участвующих в этой вновь созданной организации партий находится в своих странах у власти, располагая всеми средствами и орудиями государственного аппарата. Все участники, как правило, ярые, фанатичные антикоммунисты. Но не только по причине своей идеологии. Одна философия тут не все объясняет. Почти каждый участник лондонского сговора связан теми или иными узами с международным военно-промышленным комплексом.

Достаточно назвать хотя бы того же Штрауса. Глава баварских ультра уже годами участвует в частных делах по крайней мере четырех ведущих западногерманских военных монополий: авиаракетного концерна Мессершмиттов, танкового концерна Фликов, атомно-химического концерна старой группы «ИГ Фарбен» и военного концерна Квантов, наследников семьи Геббельса. Каждый из этих концернов так или иначе связан с крупнейшими американскими корпорациями. Г-жу Тэтчер поддерживает английский большой бизнес, также особенно заинтересованный в заказах от НАТО. Можно утверждать, что этот союз западноевропейских правых походит на филиал американской республиканской партии Рейгана и в то же время на подсобную агентуру НАТО.

Почему эта организация была так внезапно основана именно сейчас? Что побудило правые силы в Западной Европе срочно объявить свою мобилизацию? Ответ не вызывает сомнений.

Стоящие здесь у власти правые круги в последнее время окончательно убедились, что значительная часть населения их стран наотрез отказывается допустить превращение своих территорий в плацдарм убийственной ядерной войны. Союзники Рейгана в Западной Европе уже не сомневаются, что в дальнейшем дело может дойти до таких грозных столкновений со своими народами, каких не было за все послевоенное время. Они дрожат за свою власть. Что ждет их завтра? Такого драматического поворота событий ни в Лондоне, ни в Бонне, ни в Риме раньше не предвидели. Отступить же назад им не позволяет Вашингтон. Вот почему в этих кругах решили заблаговременно зафиксировать и скоординировать и антинародную стратегию.

Какие-то драконовские меры против сторонников антивоенного движения, судя по всему, уже просматриваются. Странам НАТО рекомендовано, например, заранее прочно обеспечить взаимодействие полиции с военными частями и ужесточить законы, ограничивающие права граждан на участие в демонстрациях. Разрабатывается техника для уличных расправ с протестующими. По данным печати, в Лондоне уже создана состоящая из министров обороны, внутренних дел и других ключевых фигур специальная секретная группа, которой поручено согласовывать и осуществлять мероприятия против антивоенного движения. Не исключено, что будут введены в действие и особые суды.

Но можно ли предать суду целые народы? В Белом доме явно считают, что обычных репрессий против говорящих «нет» европейцев будет мало. Рассчитывают ли правые в Западной Европе в случае серьезного осложнения их положения пустить в ход против массового антивоенного движения (с благословения Пентагона и НАТО) военную силу? Результаты последних выборов в Англии и ФРГ, ослабившие лейбористов и социал-демократов, явно опьянили правых, и исключать какие-то разнузданные действия с их стороны едва ли можно. На нечто такое в своем выступлении на сборище в Лондоне и намекал Буш.

В том же, что американские генералы в штабе НАТО отнюдь не прочь пуститься в любые авантюры, сомневаться не приходится. Еще в годы «холодной войны» стало известно о целой серии засекреченных документов с директивами этого штаба правительствам западноевропейских стран. Союзников США без всякого стеснения предвляли, что особые американские части (называемые ныне силами быстрого развертывания) немедленно придут «на помощь», если союзники столкнутся с «коммунистической угрозой», то есть если западноевропейские реакционеры, испугавшись народа, попытаются установить у себя военно-диктаторские режимы. Сейчас это значило бы, что к американским «Першингам» и крылатым ракетам добавились бы и специально вытренированные для террористических действий американские диверсанты. Известно и то, что такие круги, как сторонники Штрауса в ФРГ, правые генералы в Италии, правая военщина в Испании, Португалии, Греции, давно страстно мечтают о подобных авантюрах.

Что такое вмешательство США во внутренние дела Западной Европы неминуемо приведет к жертвам среди рядовых, мирных европейцев, мало интересует пентагоновских стратегов и столь же мало беспокоит западноевропейских реакционеров. Главное для них — во что бы то ни стало удержать власть в своих руках, предотвратить ограничение гонки вооружений и помешать мирному соглашению с Советским Союзом. Вот почему, продолжая свою отчаянную игру, они в эти дни спешно объединяются.

Несомненно, игра эта в конечном счете обречена на провал. В этом столетии реакционные партии напоследок неизменно проиграют свою ставку. Историческое соотношение сил раз и навсегда изменилось не в их пользу, и повернуть его назад они не могут. Отсюда их авантюризм.

Тем не менее нельзя, конечно, и недооценивать нынешнего веса правых партий на Западе. В них участвуют не только деятели из крупной буржуазии, но и мелкие и средние буржуа, даже наиболее отсталые, обманутые рабочие, изверившиеся в правых социал-демократах. Им подчиняется разношерстная масса обывателей, которых непрестанно запугивают «советской угрозой». Организаторы интернационала правых теперь, несомненно, намерены довести это запугивание до предела.

Английская консервативная партия насчитывает около 3 миллионов членов, западногерманская партия христианских демократов — 705 тысяч, австрийская консервативная народная партия — около 900 тысяч, баварский христианско-социальный союз — 170 тысяч. Г-жа Тэтчер, выступая на лондонском сборище правых, заявила, что их международный союз представляет «150 миллионов избирателей, то есть в два раза больше, чем социалистический интернационал». Так это или нет, планы этих сил на деле составлены с расчетом не на западноевропейских избирателей, а на заокеанские ракеты.

Так американские империалисты методически, шаг за шагом внедряются в организм западноевропейского государственного строя, рассчитывая рано или поздно полностью подчинить его себе.

Конечно, Европой, Ближним Востоком и Северной Африкой антисоветские приготовления Пентагона не ограничиваются. Одновременно в Вашингтоне проектируется нападение на СССР с противоположной стороны, из Восточной Азии, с помощью прикреплё-

мой к глобальной сети американского империализма Японии. Тем не менее главные замыслы империалистов экстремистского крыла направлены все же на Европу, тем более что расчет ведется не только на удар против ее социалистической части, но и на подчинение всего материка. Вокруг этих планов и вращается «большая политика» группы Рейгана, окопавшейся в Вашингтонском Совете национальной безопасности. Чем все это в конечном счете грозит западным европейцам, никто заранее сказать не может. Сколько выжило бы из миллионов жителей расположенных тут стран? Что, например, в случае агрессии США и НАТО на нашем континенте осталось бы от ужасного «сапога» итальянской территории? Не случайно итальянская газета «Унита», основываясь на документальных данных, не так давно писала, что «густонаселенная область Фриули — Венеция Джулия по плану НАТО должна стать выжженной землей». И это только один из множества таких примеров.

При всем том та же Италия соглашается на размещение на ее территории 112 крылатых ракет и в 1983 году, также по американской указке, расходует на военные цели 12 тысяч миллиардов лир. Ее спрашивать не будут. Летом 1981 года известный римский журнал «Панорама» сообщил, что в оперативном плане верховного главнокомандования американских войск в Европе за номером «100-7» указывается, что «применение ядерного оружия в союзных странах осуществляется американскими офицерами без необходимости получать разрешение национальных властей».

Правый американский сенатор Р. Рассел в январе 1983 года заявляет: «Если нам придется все начинать заново (после ядерной войны.— Э. Г.) с другими Адамом и Евой, то я хочу, чтобы они были американцами, а не русскими, и я хочу, чтобы они сохранились на американском континенте, а не в Европе». Этими словами Рассел в игривой форме подтвердил, что ничего чудовищного в возможности исчезновения миллионов европейцев с лица Земли не видит. И этот сенатор не один.

Верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО генерала Б. Роджерса, который шутками не занимается, корреспондент французской газеты «Либерасьон» спросил: «Нажали ли бы вы на кнопку (первого удара.— Э. Г.), даже зная, что это может повлечь за собой внезапный ядерный конфликт?» Генерал не задумываясь отвечает: «Ядерное оружие необходимо применять достаточно заблаговременно, чтобы можно было поразить мишени, находящиеся не на нашей собственной территории».

То есть в Европе

Так теперь ястребы и мыслят. И разве сам Рейган не думает о том же самом, когда предлагает «ограниченную» ядерную войну?

«Крылатые ракеты наземного базирования мы можем использовать только в Европе,— поясняет в телевизионной передаче контр-адмирал Дж. Ларок, директор американского информационного центра по военным проблемам.— Мы вели в Европе первую мировую войну, мы воевали в Европе во вторую мировую войну и хотели бы вести третью мировую войну также в Европе».

И вот слова итальянского сенатора Нино Пасты: «В случае войны Соединенным Штатам гораздо выгоднее гибель Европы, если это поможет им добиться такой цели, как уничтожение Советского Союза».

Приступ острого безумия? Психиатры, возможно, когда-нибудь это подтвердят. Но когда в распоряжении безумцев два с лишним триллиона долларов для расходования в течение нескольких лет на военные приготовления, вопрос выходит за рамки медицины.

Многое, таким образом, указывает на то, что американский империализм под флагом борьбы с коммунистическим «средоточием зла» переходит к континентальной форме агрессии. Что-то подобное пытался в интересах старого германского империализма сделать Гитлер, стремясь к захвату всей Европы. Ясно, что национальные рамки стали в наше время слишком узкими для супермонополий, и наиболее мощные из них вместе с военщиной действительно стремятся к гегемонии над отдельными материками, а потом к охвату всего земного шара.

Ясно и то, что соперничать с американским империализмом в этом стремлении никакие другие капиталистические державы теперь не в состоянии. Напротив, ряд из них, как известно, содействуют Соединенным Штатам. В результате второй мировой войны все старые европейские империалистические государства — Германия, Англия, Япония, Франция — ослабели, и некоторые из них ныне, как Англия, сознательно переходят под опеку США.

Америка уже сейчас фактически господствует над мировой капиталистической системой, хотя то и дело сталкивается с сопротивлением зависимых от нее стран.

Идея мировой гегемонии американцами открыто, конечно, не выдвигается, но речь идет именно об этом. Европа в этих планах Вашингтона занимает первое место. Захват Пентагоном контроля над большинством западноевропейских армий через НАТО больше чем наполовину уже осуществлен, захват западноевропейских буржуазно-политических и пропагандистских сил происходит, как сказано, непрерывно. Контролируя в военном и политическом отношении Европу, справиться с Африкой и Азией, считают вашингтонские ястребы, не такое трудное дело. Политические фантазии в этих разительных авантюристических замыслах все время перемешиваются со стратегическими. Вот почему современный американский империализм играет ва-банк.

Но может ли Америка действительно захватить Европу? Только военные фантасты типа правых генералов Пентагона, наиболее тупые из ястребов и иступленные профессиональные антикоммунисты могут поверить в такое.

Что касается содружества социалистических стран, то спора вообще быть не может. Дело не только в том, что никакого перевеса американских и натовских вооружений ни сегодня, ни завтра не будет. Социалистические страны уже объявили, что никогда этого не допустят. Европейцы в центре и на юго-востоке материка объединены нерушимым союзом с СССР. Все попытки расколоть этот союз, как это недавно было испробовано в Польше, обречены на провал.

Но это не все. Важен и другой фактор.

Разрабатывая свои планы, американские империалисты рассчитывают на поддержку в Европе со стороны государств НАТО. Они все еще не желают понять, что в натовской части Западной Европы уже действует своего рода анти-НАТО: мощное всенародное движение за мир. Это не предположение, а реальный факт. Несомненно, что если бы дело дошло до американской агрессии, миллионы сторонников мира мобилизовали бы все свои силы для активного сопротивления.

Правда, стратеги ястребов намерены в этом случае установить в западноевропейских странах военные диктатуры и даже профашистские режимы. В случае «кризисных ситуаций» здесь предусматривается молниеносный захват власти правым генералитетом, полицией и профашистскими бандами. Подразумевается, что им на подмогу будут спешно переброшены специальные американские части — очевидно, те самые, которых сейчас готовят в Средиземноморье для десантных операций, и не только они. Диспозиция штаба НАТО «Прометей» содержала подробные инструкции местной военщине, как действовать, чтобы не опоздать и перехватить инициативу у левых. Есть все основания считать, что такие инструкции сейчас уточняются и «совершенствуются» особо для каждой западноевропейской страны. Этим занимаются специальные политические отделы в штабах НАТО и ЦРУ.

Не учитывать факта мощного антивоенного движения в капиталистическом мире при сравнении действующих на глобальной арене сил, таким образом, ни в коем случае нельзя. А это важнейший, до сей поры не встречавшийся фактор.

Некоторые страны НАТО, как, например, Греция, уже официально заявляют о своем нежелании участвовать в натовских авантюрах. На Балканах растут настроения в пользу превращения этого региона в безъядерную зону, то же наблюдается и на севере Западной Европы. Все еще неизвестно, решится ли Испания вступить в НАТО. Не все ладно для НАТО и в других средиземноморских странах. Противоречия между США и Западной Европой, несмотря на беспощадное американское давление, никак не смягчаются, скорее растут. По сути же дела, американский империализм все больше возбуждает против себя все человечество.

Как уже упоминалось, в 1936 году автор этих строк опубликовал книгу «Гитлер против СССР» (в Москве вышла в 1937 и 1938 годах), где на основе детального изучения политических, военных и экономических фактов и соотношения сил готовившихся противостоять друг другу сторон он приходил к выводу, что разгром гитлеровской Германии при всей ее огромной мощи неотвратим. С такой же уверенностью он убежден сегодня в неотвратимости поражения любого агрессора против СССР и против Европы. Те, кто пойдет на это, получат от подвергнувшихся нападению самый сокрушительный удар в своей истории. Чем бы ни обернулся антикоммунизм и антиевропеизм Америки, Европа никогда не будет завоевана американскими миллиардерами.

Позиция Советского Союза предельно ясна и ни для кого не секрет: СССР решительно, категорически против превращения Европы и любых других территорий в поле катастрофической ядерной битвы. Он думает не только о себе. Советский народ знает:

люди всех стран не хотят, чтобы они сами и их дети были уничтожены в вихрях термоядерного урагана, а их внуки, если кто-то из них выживет, превратились в неандертальцев.

Но именно перед такой перспективой ставит мир современный империализм. С исторической точки зрения это последнее, до чего он пытается довести человечество. Сделанное почти сто лет назад Энгельсом во введении к брошюре С. Боркхейма предостережение о перспективе «всеобщего одичания» становится сегодня буквальным по смыслу.

Советский Союз делает все, чтобы положить конец безумной гонке вооружений и тем самым снять нависшую над земным шаром, и прежде всего над Европой, смертельную угрозу. Его предложения Западу с этой целью чередуются одно за другим по самым различным вопросам, и если их собрать вместе только за последние два-три года, то получилась бы целая книга.

Ни одно государство никогда не вело такой непрерывной, непрестанной, упорной борьбы за мир. Это никто оспорить не может. Соединенные Штаты милитаризуют Западную Европу, милитаризуют Средиземноморье, милитаризуют Ближний Восток, Японию и другие регионы и теперь намереваются милитаризовать космос. Советский Союз стоит за полное и окончательное устранение военной угрозы из жизни людей, стремясь сосредоточиться на мирном социалистическом строительстве. История не забудет ни того, ни другого.

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

И. РОДНИНА, А. ЗАЙЦЕВ

ПОСЛЕДНЯЯ ОЛИМПИАДА

На спортивном небосклоне время от времени вспыхивают кометы, реже зажигаются звезды и уж совсем редко, что, впрочем, вполне закономерно, загораются суперзвезды. Первые вспыхивают на мгновение, чтобы тут же погаснуть, вторые некоторое время освещают спортивный небосклон и тоже исчезают, а третьи не только остаются в памяти людской, но, что не менее важно, меняют наше представление о самой человеческой природе, о человеческих возможностях. В чем же феномен суперзвезд? Я глубоко убежден, что выдающихся успехов в спорте, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, достигают те, кому с юных лет смогли привить уважение к труду и научили трудиться. Конечно, я далек от мысли, что труд — это только рьяное и тупое выполнение поставленных кем-то задач, труд «ремесленника». Труд, о котором говорю я,— это прежде всего самостоятельное творчество, это сомнения, это учет своей индивидуальности, это умение отказаться от того, что можно сегодня, это мужество отказаться от того, что сегодня так нравится всем (а это не просто), это умение доказать окружающим, что твой путь интересен, хотя и нов (а это очень и очень не просто).

И еще. Суперзвезда — это всегда явление демократичное. Каждый в силу своего опыта, воспитания, знаний, даже пристрастий находит понятное и близкое ему одному, что связывает его с этим уникальным явлением. Когда я смотрел выступления И. Родниной и А. Зайцева, я поражался той степени самоотдачи, с которой они прокатывали свои программы. Но это не была самоотдача через не могу. Нет, это была радостная самоотдача художников, знающих, что они доставляют радость зрителям, и, казалось, не будь в зале судей, они катались бы точно так же. Может быть, и в этом секрет их успехов, их неправдоподобной популярности. Их спорт был адекватен искусству.

На чемпионате мира в Чехословакии во время проката произвольной программы И. Родниной и А. Зайцевым внезапно оборвалась пленка с фонограммой. Исчезла музыка. Я никогда не забуду этот момент — я увидел его в фильме об Ирине. Такие мгновения становятся проверкой на правильность прожитой жизни, на правильность выбора жизненного пути, потому что эти мгновения нельзя предугадать, нельзя подготовиться к ним специально, к ним человек готовится всю свою жизнь. Роднина и Зайцев, великолепно закончившие программу, оказались готовыми — это подтвердили зрители, которые стоя приветствовали спортсменов, это подтвердили и судьи, единодушно выставившие им предельно высокие оценки.

К сожалению, мне не повелось видеть Ирину и Александра на тренировках. Я видел только конечный результат их труда. Но, судя по этому результату, могу с уверенностью сказать: они хорошо знают, что такое пот, бессонные ночи, травмы, сомнения, отчаяние и упоение вдохновением. Они умеют отказывать себе во всем, что мешает главному — делу, которому они служат.

Мой интерес к фигурному катанию вызван моей профессией: я танцовщик и все, что помогает мне лучше делать мое дело, мне интересно. Меня поражала мощь этой пары, ее скорость и при этом тонкая эмоциональность.

Когда они начинали программу, казалось: все! быстрее они не смогут! неправильно выбран темп! слишком резко начали! Но когда по всем законам они должны были

устать, сбросить скорость, они прибавляли ее, ломая все представления о человеческих возможностях и пределах. Они раздвигали горизонты человеческих возможностей! И делали это легко, играючи. И тут становилось ясно, что мы имеем дело с настоящим искусством, с высочайшим профессионализмом, с выдающимися спортсменами.

Как и все истинно неповторимые таланты, Роднина и Зайцев оригинальны во всем, в том числе и в автобиографических записках, с которыми мне довелось познакомиться как одному из первых читателей. Насколько свободно, непринужденно, с предельной искренностью рассказывают они о себе, своих поисках в спорте, не скрывая, не утаивая от нас даже наиболее сокровенные свои думы и переживания. Вероятно, доверительностью такого разговора подсакана и сама форма его: взволнованный диалог в этих записках естественно сменяется общим, единым рассказом соавторов в более спокойных главах...

Мне навсегда запомнились глаза Ирины, когда вместе с Александром они исполняли показательный номер «Я люблю тебя, Россия». Это были глаза человека, который в полной мере понимает и разделяет смысл слов песни. Более того, исполнители эмоционально обогащали эту песню. И рука Ирины, протянутая вперед и чуть вверх, как бы обращена к родине. Этот жест явно не был придуман...

И еще я помню глаза Ирины в Лейк-Плэсиде, когда ее награждали третьей в ее жизни золотой олимпийской медалью. Они были полны слез. Фотография обошла весь мир. Не случайно. Человек получает высшую олимпийскую награду — и плачет?! Парадокс! Да, парадокс для того, кто своей целью ставит награды. Но закономерное проявление гля человека, одержимого творчеством. Ведь, как прекрасно написал Б. Л. Пастернак:

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.

А для Ирины момент награждения был и моментом прощания с любимым делом. И это оказалось сильнее радости победы. Но, глядя на плачущую Роднину (написал и удивился — так не соответствует слово «плачущая» Ирине Родниной), я понял: творчество для нее прекратиться не может — она будет творить, пока будет жить. И я не ошибся. Ирина не рассталась с фигурным катанием, она продолжила свою спортивную деятельность в новом качестве — в качестве тренера.

Если бы выставлялась оценка за спортивную и творческую деятельность, я бы не задумываясь поставил Ирине и Александру высшую оценку, принятую в мире фигурного катания: шесть баллов ровно!

МАРИС ЛИЕПА,
народный артист СССР, лауреат Ленинской премии.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Роднина. В начале 1978 года я считала каждый день, который оставался у нас до завершения сезона. Понимала, что глупо, понимала, что так нельзя, и все равно считала, считала... Прошел чемпионат Советского Союза — значит, осталось стартовать еще два раза, затем можно будет отдохнуть. Приехали на чемпионат Европы, выиграли — значит, остался еще один старт. Только один старт — и отдых. Можно будет наконец выспаться. Можно будет пойти в театр, просто побродить по улицам, поговорить с родителями, провести вечер с друзьями.

Усталость накапливалась годами. Передряги и переплеты... Испытания и проверка характера... Взлеты и падения формы, из которых надо выбираться так, чтобы никто не заметил, одним титаническим усилием воли... Сколько же раз вздрагивали «качели» за эти годы. И усталость накапливалась, накапливалась и теперь уже была со мной постоянно.

Когда приехали в Оттаву на чемпионат мира, стыдно было выходить на тренировки. Стыдно, что Роднина приехала не готовой к чемпионату. Такого за все годы моих выступлений никогда не было. И я из-за этого и нервничала и переживала. Внутренняя сумятица давала себя знать на льду. Я грызла себя, грызла Сашу. А получаться так ничего и не получалось.

Саша, несмотря на акклиматизацию, несмотря на то, что после перелета не выспались, устали, уже на первой тренировке делает все. И вместе с Татьяной Анатольев-

ной Тарасовой, нашим тренером, начинает требовать, чтобы и я включалась в полную силу.

Время девять часов утра, коньки только-только наточены. Вообще чувствую я себя на льду неприкаянной (потом уже, анализируя сезон шаг за шагом, окончательно для себя выяснила, что сказались помимо всего прочего и болезнь Саши весной, и опоздание из-за этого с тренировочными нагрузками, и то, что надо было и в Оттаве обоим еще прикататься немножко). Короче, не управляю телом до конца. И решила в итоге на глупость. Согласилась сразу прыгать в паре, да еще прыжок в два с половиной оборота. Ну какой там двойной аксель — лицом об лед. Ударилась сильно. Но самое страшное — психический удар. Сорвала себе стереотип прыжка. С того самого дня разладился он у меня начисто. Что ни делаю, не получается.

И ведь уже опытная спортсменка. Все, кажется, в фигурном катании знаю, понимаю, контролирую себя, свои поступки, решения. А вот на тебе, глупость какую сморозила! Не имела я тогда права на такую элементарную ошибку. Знала ведь себя лучше чем кто-нибудь другой. И тут ни тренер, ни партнер не виноваты: решает сам спортсмен.

Надо сказать, что на тренировки в Оттаве продавались билеты, и в зале подчас собиралось народу не меньше, чем на соревнования. Все трое мы были заведены до отказа. И Саша с Татьяной Анатольевной и я сама. Гоняю себя как могу, но когда механизм разладился, когда «материал» устал, когда мысли в голову лезут не те — тут не до сложного прыжка. Я впервые минутами как бы раздваивалась: одна Роднина бьется, выколачивая из себя прыжок в два с половиной оборота, другая Роднина наблюдает за ней и даже устало подсмеивается.

Тренировала я прыжок ранним утром, когда зрители и тренеры еще на каток не приходили. Ну, раза два удавалось чисто выехать, да и то только в одиночку. Был нарушен внутренний контакт в элементе — в паре ведь зависишь не только и не столько от самого себя, сколько от действий партнера: всю тренировку, все выступление он у тебя на глазах и ты у него на глазах тоже. Вас связывает невидимая нить, заставляя беспрерывно координировать действия. В общем, в паре прыжок так и не выходил.

Такие «разногласия» в простых элементах не особенно заметны. Конечно, нарушение синхронности, точности фиксируется и судьями и публикой. Но на сложных элементах, в особенности на прыжках, да еще в два с половиной оборота, можно поставить крест.

И тогда я сказала и Саше и тренеру:

— Только вы меня не трогайте. Осталось три дня, я прыжки налажу. Не давите на меня, дайте самой прийти в себя. В общем, оставьте меня в покое...

Так я и проводила тренировки последних дней: все парные элементы — вместе с Сашей, а прыжки — врозь. До самого выхода на старт в произвольной программе ни разу вместе двойной аксель не сделали.

Короткую программу прокатали довольно легко, хотя и был у нас первый стартовый номер. Мы к жеребьевке относимся без особого трепета. Когда в форме — все равно, каким тебе стартовать. Есть, конечно, нюансы. Есть иногда поводы «просить у жеребьевки» того или иного, более удобного для тебя стартового номера, но эти просьбы никогда еще не выполнялись.

Первый номер в короткой программе — испытание весьма сложное. Стартуя первым, ты должен не просто хорошо выполнить все требования обязательной программы, ты должен стать как бы эталоном для остальных участников, на тебя, как на правофлангового, равняются не только спортсмены, но и судьи. Неизвестно, кто после тебя и как сможет наиболее удачно справиться со всеми прыжками, поддержками, дорожками шагов, чья композиция окажется эффектной, а чья вообще не оставит никакого впечатления. Арбитры на всякий случай скупятся на оценки для первого, и даже сами правила соревнований требуют, чтобы судьи «экономили» высшие оценки до самого последнего участника.

Для нас на этом чемпионате цена первого стартового номера была особенно высока, учитывая нашу усталость, качество нашей готовности. Но мы справились с задачей успешно, и это несколько подняло тонус.

Но перед «произволькой» я снова начала нервничать. Только вышли на старт, как слышу, Саша мне говорит:

— Ты не с той ноги стоишь! Мы стартуем с правой!..

Не задумываясь меняю ногу.

— Да нет же, нужно с левой!

Снова меняем ноги. Делаем это торопливо. Публика, конечно, не понимает, в чем дело, но мы слышим негромкий смех с первых рядов трибун, прямо напротив нас. Я пробую разглядеть лица (чего обычно не делаю) и вижу, что это наши давние и добрые друзья, лучшие фигуристы совсем недавнего прошлого — Жаннет Линн, Миша Петкевич, Йо-Йо Старбук, Кеннет Шелли... И стало так хорошо от их добрых улыбок, от их искренней поддержки. Я даже успела про себя подумать: ну, Роднина, давай, покажи, на что ты еще способна! И тут грянула наша музыка, думать уже было не о чем.

Мы не оставили нашим юным соперникам никаких шансов на успех. Ни пара из ГАР Магер и Беберсдорф, ни американцы Бабилона и Гарднер, ни Черкасова и Шахрай не смогли всерьез побороться за первенство, хотя, повторяю, мы были в самой худшей своей форме за все годы и усталость сковывала нас по рукам и ногам. Казалось, попробуй рискнуть, попробуй использовать благоприятный шанс в борьбе с чемпионами! — ах нет, никто не решился, все отступили почти без боя. И я вспоминаю это выступление с гордостью: сумела все же взять себя в руки, мы с Сашей сумели пусть и в последний момент, но наладить внутренний контакт, чистейше прыгнули свой двойной аксель. Препятствие только заставило нас собраться для решающего штурма.

На чемпионате в Оттаве, кстати сказать, не было советских арбитров. Несправедливое решение Международного союза конькобежцев (ИСУ) в преддверии сезона 1978 года активно обсуждалось в прессе, было много статей на эту тему, спортсмены и специалисты — наши и зарубежные — резко критиковали руководство ИСУ, его президента Ж. Фавара. Возможно, активный рост результатов нашей команды кое у кого и вызывал раздражение, желание остановить его.

Отсутствие арбитра из своей страны, который как никто другой в судейской бригаде знает возможности спортсмена, естественно, большая потеря. Однако это не помешало победить вначале нам, а затем впервые выиграть золотые медали Наталье Линичук и Геннадии Карпоносовой, сменивших на этом «посту» Ирину Моисееву и Андрея Миненкова. Такие достижения в столь напряженной обстановке могут только украсить любую спортивную биографию.

Уловили некоторые тонкости чемпионата и его судейства газеты. «Оттава ситизен», в частности, писала: «Соревнования пар принесли лишь одну неожиданность: отсутствие оценки 6,0, которую заслужили победители. И еще жаль, что существующая система судейства не позволяет воздавать должное непрерывному прогрессу, которого из года в год добивается эта божественная пара. Глядя на нее, веришь: предела совершенствованию в фигурном катании нет!»

Если бы журналист знал, чего нам стоил тот чемпионат!..

Спустя несколько лет, тренируя свои юные пары, я им рассказывала о чемпионате в Оттаве, о том, как нам тогда было трудно и как мы сумели заставить себя забыть об усталости, о неудачных тренировках, о неподдающихся элементах. И еще я говорила о том, что в спорте происходит не только физическое совершенствование. Главное, он воспитывает силу воли, крепость духа, умение «держаться удар» тогда, когда твое дело кажется уже безнадежно проигранным. Хочешь стать чемпионом — становись личностью, со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. Причем обязанностей во много раз больше, чем каких-либо прав!

...После Оттавы мы сказали себе: все, отдых, передышка. Так работать больше нельзя, надо обязательно полностью восстановиться, освежить себя, снять путы усталости.

Зайцев. Читатели, наверное, заметили уже одну удивительную особенность спортивной биографии сначала Иры, а затем и нашей общей. На каждом новом этапе развития пары неизменно возникали сложнейшие препятствия, которые в итоге не только заставляли нас собраться с силами для штурма, не только аккумуляли наш опыт и знания для выработки новой творческой программы, но и в корне изменяли всю нашу жизнь. «Человек меняет кожу...» — это сказано и о нас после каждого такого катаклизма.

Вспомните первое выступление Родиной и Уланова, когда они — совсем еще неизвестная пара — победили титулованных соперников, показав всему миру, что настала пора совершенно нового стиля! Вспомните распад той, первой пары, в которой выступала Ира, и формирование новой, вместе со мной. Это ведь был такой крутой поворот, что мало кто сумел бы выйти из него с честью. Вспомните переход к новому тренеру, полную смену наших представлений об изобразительных возможностях

программ в парном катании и еще один рывок к своему спортивному идеалу!.. Видно, так уж устроена Ира, так уж устроен и я, что просто нуждаемся в такой «смене кожи». Иначе жизнь становится пресной, иначе одолевают усталость и сопутствующее ей равнодушные.

Это вовсе не значит, что решение о рождении ребенка было специально приурочено к предолимпийскому сезону, чтобы иметь затем время для восстановления и выхода на лед. Ни в коем случае не следует представлять нас такими расчетливыми. Причем слово «расчет» в данном случае я употребляю только с негативным оттенком.

Мы были женаты уже три года. Наша семья была монолитной и выдержала все испытания. У нас были спортивные награды, о которых можно только мечтать. Но Ира (сказывался уже и возраст и годы, проведенные в большом спорте) стала уставать. И решение о том, чтобы родить ребенка, исходило именно от нее. Мы долго обсуждали свое ближайшее будущее, не заглядывая на многие годы вперед, и пришли к единому мнению. А что касается спорта, то попытку вернуться перед Олимпиадой мы для себя не исключали. Что из этого получится, не знали. Верили, что это будет зависеть только от нас.

Нас очень поддержала тогда Татьяна Анатольевна. Она не стала произносить громкие речи о спортивном долге накануне Олимпиады, она сказала простые и правильные слова о том, что, конечно, ребенок нам необходим — какая семья без него! — но что про спорт совсем забывать тоже не нужно. «Я уверена, вы выступите на Олимпиаде. И выступите хорошо. У меня на сей счет нет никаких сомнений. Будем готовиться сразу к Лейк-Плэсиду!»

Конечно, Ире досталось тогда так, что я не смею даже прибегать к каким-то оценкам или эпитетам. И само ожидание ребенка было нелегким, и роды оказались тяжелыми. Она, несмотря на спортивную закалку, чувствовала себя неважно. Но именно закалка и неистощимая жизнерадостность, оптимизм, стойкость, уверенность в том, что и на сей раз все закончится благополучно, помогали не только самой Ире, но и мне и всем нашим близким. Она оставалась улыбчивой, доброй, заботливой, ни разу я не услышал от нее никаких жалоб. Она радостно готовилась стать матерью.

Мне тоже было нелегко. Нелегко и как мужу и как спортсмену.

Если первое утверждение, надеюсь, ни в каких дополнительных разъяснениях не нуждается, то второе следует расшифровать. Вынужденное относительное безделье разъедает иной раз спортсмена, как ржавчина. После колоссального напряжения, нагрузок — спад, огромное количество свободного времени, полностью использовать которое при умении работать интенсивно очень трудно. В эти месяцы я очень старательно помогал в работе Татьяне Анатольевне. Естественно, понемногу тренировался сам. Часто ездил по стране, выступал с лекциями по путевкам общества «Знание». Но чувство оторванности от фигурного катания было. И это утяжеляло мой груз.

Девять месяцев — как девять лет. И самое страшное, что в последние месяцы мы, мужья, не в силах взять на себя хотя бы крохотную часть того, что дано вынести только нашим женам...

Родина. Я думаю, что Саша слишком скромничает. Он очень много сделал для меня в эти месяцы. И если я всегда была спокойна, если все это время ничто не омрачало настроения молодой женщины, готовящейся стать матерью, если я могла сберечь все силы и стойкость для того главного, что и есть основа основ «женской жизненной программы» — для рождения ребенка, — то в этом колоссальная заслуга и Саши.

Конечно, нам радостно было услышать слова Татьяны Анатольевны о том, что мы будем выступать на Олимпиаде, что она не сомневается в нашем возвращении. Но ее слова мы воспринимали только слухом. Может быть, даже умом. Но не сердцем. Олимпиада, подготовка к ней стали очень далекими, почти нереальными. Их начисто заслонило другое. Именно предстоящее материнство целиком и полностью поглощало меня, не оставляя места для фигурного катания. Так, во всяком случае, мне тогда казалось. Но подсознательно я, несомненно, сама собой была сориентирована на возвращение. Программу заложила. И приглушенные мысли и расчеты смогли проявиться только через месяц после родов.

В общем, так оно и получилось, хотя в первые шесть-семь недель я продолжала жить только в радостной атмосфере общения с моим маленьким Сан Санычем. Вторым Александром в нашей семье, ставшим для меня, как и для каждой матери, — первым! **Саша-маленький родился 23 февраля. В день Советской Армии. И свой бойцовский**

характер стал показывать в первый же день. С тех пор он его демонстрирует беспрерывно.

Любая мать может о своем сыне рассказывать до бесконечности. Могу и я. Но сейчас речь о другом, и мне хочется только вспомнить тот эпизод, когда я необычайно остро почувствовала, что стала матерью и что у меня есть сын. Месяца через полтора после появления на свет Саши мне вдруг стало очень плохо. У меня появилось... сердце. До этого я его никогда не замечала. А тут по нескольку раз в день холодная и неумолимая рука хватала его и, сжимая, держала до тех пор, пока боль не заполняла всю грудную клетку. Когда это случилось впервые, я так испугалась, мне стало так страшно — нет, не за себя, за Сашу-маленького, за крохотный, живой чмокающий и бесконечно дорогой кусочек плоти от плоти моей. Что с ним будет, если со мной что-нибудь случится? Он ведь абсолютно беззащитен. Одинок. И я не могу его оставить! Не имею никакого права!

С того времени я стала думать о своем здоровье, о том, что пора его восстанавливать. Серьезных мыслей о фигурном катании все еще не было. Я думала только о Саше-маленьком и ни о ком больше. Даже когда начались репортажи с первенства мира по фигурному катанию, на которое в качестве туриста отправился Саша-большой, я смотрела их только урывками. Впервые за всю мою долгую жизнь в спорте я даже особенно не интересовалась происходящим на ледовой арене. Тем более что как раз во время репортажей надо было купать маленького, укладывать его спать. Я думала: ну что стоило телевидению устраивать эти репортажи в другое время, все равно ведь показывают в видеозаписи!

Ранней весной я впервые надела кроссовки, нацепила на себя несколько спортивных костюмов и решила в шесть утра немножко побегать. И смех и грех: не бег получился, а топтание на месте. Дом наш стоит на пригорке, вниз я еще кое-как бежала, а уж вверх даже шагом еле шла. Не было дыхания. Ноги меня не слушались. Я была беспомощной, и это одновременно и угнетало и раздражало меня.

А когда я выбралась на набережную, мне стало совсем не по себе. Навстречу мне выбежали в трусиках и маечках быстрые, улыбчивые люди лет под пятьдесят, а может, и старше. Они лихо гарцевали — иначе и не скажешь, в особенности по сравнению со мной — по тротуару, излучая здоровье, силу, закалку и выносливость. Иронически поглядели на мою закутанную в костюмы фигурку (я действительно со стороны выглядела смешно — эдакий разноцветный колобок) и исчезли в своем розовом, счастливом мире.

Мне стало обидно. Но поделаться ничего не могла: после первых пробежек ноги у меня так опухли, что я и ходить уже была не в состоянии. Никакая обувь не належала.

Здесь и поджидало меня испытание почище иного спортивного. В Москву приехали сильнейшие фигуристы — участники только что закончившегося чемпионата мира в Вене. Я не могла не пойти на их концерт. Это был мой первый выход «в свет», я очень хотела увидеть своих друзей, почувствовать живительную атмосферу спорта, просто показаться на людях, а тренерам и спортсменам своим появлением как бы сказать, что я о фигурном катании думать не бросила.

В этот вечер мне надо было пройти в туфлях на высоком каблучке от входа во Дворец до ложи для почетных гостей и обратно. Этот «променад» стоил мне таких усилий, что и описать невозможно. Женщины, очевидно, быстрее меня поймут. Мне хотелось, сидя на трибуне, снять туфли, они сжимали мне ногу, как знаменитый испанский сапог в камере пыток, но я улыбалась, разговаривала, рассказывала о Сан Саньче. Не говорила только о своих спортивных планах. Еще нечего было сказать!

Саша в те дни предложил мне одно очень верное решение:

— Зачем тебе насиловать себя и бегать? Твоя настоящая стихия — это лед. На нем ты чувствуешь себя уверенней и легче. Давай-ка надевай коньки и приходи на каток. Будешь потихоньку кататься, так проще войти в норму...

И в один чудесный апрельский день я поехала с Сашей на каток. Не на тренировку — просто чтобы подвигаться, подышать. Сердце ведь продолжало побаливать. Только зашнуровала ботинки, только, опираясь на Сашину руку, вышла на лед, отъехать от борта не успела — вижу, бежит ко мне побледневшая дежурная:

— Ира, скорей к телефону, мама звонит, и голос у нее какой-то очень встревоженный!

Я, как была в коньках, помчалась со льда к телефону. Слышу — голос мамы как сигнал тревоги. Она кричит мне, что вышла на лестничную клетку, а дверь от сквозняка захлопнулась. Ключей у нее нет, ребенок остался один в квартире.

Не снимая костюмов, мы бросились к машине и помчались домой — спасать Сан Саныча! Открыли дверь, смотрим, а он лежит розовощекий, улыбается во сне и знает не знает, какие волнения доставил и нам и бабушке. В общем, первого выхода на лед тогда не получилось.

Зайцев. Ире было очень трудно. С одной стороны, естественная физиологическая перестройка, отобравшая всю ее обычную энергию, а с другой — физическое бездействие, отсутствие тренировок почти целый год. Начинать ей надо было не просто с нуля. Ее физическая готовность была как бы даже со знаком минус. Когда отправилась на показательные выступления во Дворец спорта, после нескольких шагов сказала мне, что она чувствует себя, как персонаж сказки Андерсена — русалочка, идущая по ножам.

Сама Ира об этом не говорит, но она в первые же дни по приезде из роддома с Сан Санычем и кормила его и пробовала делать приседания. Каждый день старалась сделать побольше этих приседаний. Мышцы болели страшно, но она продолжала приседать, и Сашка в эти минуты молчал, словно понимая, что мама пытается заняться каким-то очень важным и нужным делом. Так что первые Ирины тренировки начались именно с этих домашних приседаний, а уж потом она вышла на первую свою пробежку. Пробежка была неудачной, мышцы у нее потом жгло несколько дней, и пришлось перейти на «околоспортивную» ходьбу, медленную и спокойную. И только позднее на каток, на первую тренировку — назовем тот прерванный звонком из дома выезд именно так.

Очень помогала нам тогда Татьяна Анатольевна. Ее терпение и заботливость казались неисчерпаемыми. И наши врачи, в том числе и врач сборной команды СССР Юрий Александрович Гончаров, установили чуть ли не ежечасный контроль над Ириной. Это и их заслуга, что в те дни она потихоньку и последовательно стала преодолевать свою полную растренированность.

Мы, таким образом, начали подготовку к сезону раньше всех. И к августу шаг за шагом восстановили, как нам казалось, почти все, чем обладали раньше. Кроме уверенности в себе и запаса сил. Элементы уже выполняли, но на интенсивную длительную тренировку нас явно не хватало. И тогда мы решили внести поправку в план. Поправку, которая лишь однажды встречалась в нашей общей практике — в первом сезоне. В конце августа сделали на две недели перерыв в тренировках и хорошенько отдохнули. Все равно нам не удержать было форму с августа по февраль. Как всегда во время отдыха, мы продолжали заниматься, и когда вернулись на лед, выяснилось: мы не только ничего не потеряли, а даже приобрели...

В конце концов дело было даже не в том, вернемся ли мы в сборную для участия в Олимпиаде или нет. Главное, что мы вышли на лед и снова катаемся. И даже если в сборную команду нам попасть не удастся, то на наших проводах мы не будем стоять у бортика на коврик, а сумеем показать лучшие свои концертные композиции. Это для нас было как бы задачей-минимум.

Роднина. Легко сказка сказывается... Вроде бы время до августа — когда мы почувствовали, что можем! — пролетело молниеносно, однако каждая тренировка была мукой каторжной. Я пыталась бегать, прыгать и в глазах многих окружающих меня людей улавливала плохо скрытое сожаление. Вот тут-то я, как говорят спортсмены, завелась. Да так завелась, что сама себя не узнала.

А может быть, такой азарт, такая яростная жажда борьбы проявились во мне после года, проведенного вне льда? После того, как я стала матерью?

Сегодня я не сомневаюсь в том, что это было именно так. Психическая и физическая стороны феномена, конечно, требуют изучения. Ибо ведь не только я (история спорта знает множество таких примеров) после рождения ребенка ощущала невиданный прилив сил, позволивший вновь начать борьбу за высшие награды. Переключение женщины на совсем иные заботы, такие естественные для нее, такие органичные, лучше любого отдыха помогает забыть о прежних спортивных нагрузках, испытаниях, встряхнуть весь организм, дать ему давно уже не приходившую абсолютную свежесть.

Я говорила себе: ты еще можешь, Роднина, ты еще очень многое можешь! И ты докажешь это, пусть не поглядывают на тебя с сожалением. Ты покажешь всем, что

и в фигурное катание после рождения ребенка можно вернуться, несмотря на возраст, и стать лидером.

Руководство Спорткомитета СССР оказало нам тогда полное доверие. Мы официально были включены в список кандидатов в сборную под номером один. Это было высокой честью и заставляло нас тренироваться с еще большей ответственностью. Нас приглашали на все совещания, где шла речь о подготовке к Олимпиаде. Иногда я не могла досидеть до конца, и зная, что я кормящая мать, меня охотно отпускали к ребенку.

Только когда Сан Саныч подрос и стал проявлять некоторую самостоятельность, мы уехали на первый свой тренировочный сбор, оставив сына на попечение моей сестры Валентины. Сбор проходил в Одессе. Я уже могла вместе с Сашей прыгнуть один-два прыжка в два оборота, однако на третий сил еще не хватало. Дело это наживное, требовалось только одно — кататься, кататься и кататься, повышая уровень нагрузок, восстанавливая запас энергии.

Там же, в Одессе, состоялись и первые наши после перерыва показательные выступления. Когда мы вышли на лед, раздался такой шквал аплодисментов (или я отвыкла от них за год?), что меня это буквально оглушило. С места я рванула вперед с такой скоростью, что на первом же вираже упала. Пришлось уйти со льда, переодеться (я разорвала колготки). Потом мы вышли снова. Несмотря на то, что танец был несложным, я все-таки еще разок упала, но это оказалось последним моим срывом. Для меня с тех пор приветливая одесская публика — одна из самых желанных...

На контрольной проверке сил сборной команды страны мы с удивлением обнаружили, что наши молодые пары не только не опережают нас в подготовке, но даже отстают. Мы оказались в лучшей форме, чем они. Теперь мы знали, что можем бороться за первое место. Никакое другое никого не удовлетворило бы.

После венского чемпионата мира 1979 года стало ясно, что нам попытаются бросить перчатку американцы Тай Бабилония и Рэнди Гарднер. Они, уже решив подписать контракт с ледовым балетом, задержали свой уход из любительского спорта после сезона 1978 года, чтобы в наше отсутствие выступить на следующем чемпионате мира. Своей цели они добились: золотые медали в 1979 году уехали в США. Теперь, не зная, возвратимся мы или нет, они решили развернуть по всему фронту атаку на высшую ступеньку олимпийского пьедестала почета. Вся мировая печать начала публиковать репортажи о том, как тренируются юные американские чемпионы, какие они артистичные, сколько новинок готовят к предстоящему сезону, который для них наверняка явится достойным завершением их спортивной карьеры!

Мы об этой шумихе знали, и она нас не очень-то волновала. До поры до времени не волновала, поскольку мы были заняты своими проблемами. А потом, уже имея перед собой конкретного противника, мы стали и психически готовить себя именно к поединку с американцами на их земле, на их катке, при поддержке их тысячами американских болельщиков. Такого рода предварительная психическая закалка подчас дает отличные плоды. Ты изучаешь сильные и слабые стороны соперника, а затем стараешься использовать их, чтобы заранее укрепить все свои позиции.

Нам такая предварительная работа пошла впрок. И довольно скоро — во время поездки на показательные выступления в Японию, куда приехали и Бабилония с Гарднером, — она дала свои плоды. Не знаю, изучали ли они нашу спортивную биографию со всеми ее нюансами и особенностями, сделали ли какие-нибудь выводы или нет, но то, что к психологической борьбе они не были готовы, — это несомненно.

О начале нашего поединка с американцами мы подробно расскажем в той главе, где речь пойдет об Олимпиаде в Лейк-Плэсиде. Здесь же хочется добавить, что отбор в команду у нас по времени не совпал с чемпионатом США. Мы на своих соревнованиях сильнейших выступили почти как в лучшие времена. И из Ленинграда, где шел турнир, американские журналисты самым подробным образом информировали американских тренеров и фигуристов о том, как выглядим мы. Вели своего рода спортивную разведку и наши тренеры. Уже во время чемпионата Европы, когда мы одолели еще один порог — последний перед Олимпиадой, американцы проводили свой чемпионат, определявший состав их сборной. Стало известно, что Тай и Рэнди так и не восстановили свой потенциал, что по-прежнему именно психическая подготовка — самое уязвимое место у этой бесспорно талантливой пары. После обязательной программы чемпионы мира проиграли другой американской паре и только после произвольной

(тоже выполненной с многочисленными срывами и падениями) не без помощи бригады судей вышли вперед.

Тогда и стало совершенно ясно, что в борьбе нервов победит тот, кто не поддастся ажиотажу и сумеет сохранить себя.

ЛЕЙК-ПЛЭСИД

Сказать просто, что последний олимпийский сезон был для нас самым трудным, значит не сказать ничего. Хотя, вообще-то говоря, что такое спортивные трудности, о которых так часто приходится слышать и читать?

Иногда мы с легкостью необычайной манипулируем этими словами, даже не отдавая себе отчета, реальные препятствия перед нами или надуманные.

Так вот, в последнем сезоне не все наши трудности были связаны с решением конкретных спортивных и жизненных задач. Но наученные многими годами, проведенными в спорте, мы старались максимально отсеять все второстепенное, маловажное, отвлекающее от главной задачи. И отсекали! Может быть, именно в этом и было для нас важнейшее достижение сезона.

Вполне возможно, если бы сложные проблемы 1979—1980 годов застigli нас в юности, мы дали бы водовороту предстартовых и предсезонных страстей затянуть себя, что привело бы к непомерной трате сил, лишив нас необходимого запаса их в самый решающий момент. Но опыт есть опыт, и чем старше становишься, тем больше уважения к нему, тем больше присматриваешься к опыту других.

Испытание ждало нас задолго до официального старта. Оно, как оказалось, потребовало и самообладания, и самоотдачи, и точного расчета. В итоге это принесло нам даже несколько неожиданные и спроецированные непосредственно на Олимпиаду-80 приятные результаты.

Поздней осенью 1979 года мы вместе с несколькими членами нашей сборной команды страны отправились в Японию для участия в показательных выступлениях. Это была не первая наша поездка такого рода в Страну восходящего солнца. Уже в течение многих лет сильнейшие фигуристы СССР по приглашению Японской федерации фигурного катания демонстрируют свое мастерство вместе с хозяевами на местных стадионах. И всякий раз показательные выступления превращаются в праздник дружбы, спортивной солидарности. Десятки тысяч японских зрителей получают возможность поближе познакомиться с нашими чемпионами, а интенсивные совместные тренировки и выступления, конечно же, помогают советским и японским фигуристам расширить спортивные горизонты, подсказывают новые творческие решения. Впрочем, это относится к любым показательным выступлениям, если и тренеры и сами фигуристы отдают себе полный отчет в их сугубо спортивной значимости.

Поначалу осенью 1979 года все было как обычно. Праздничное настроение, теплая встреча. Но уже сразу же после прибытия в Токио мы узнали, что на этот раз состоятся показательные выступления не только советских и японских фигуристов — к нам присоединяются и лучшие спортсмены Соединенных Штатов Америки. И среди них, к некоторому нашему удивлению, мы видим и чемпионов мира 1979 года, наших главных соперников в наступающем сезоне — Тай Бабилюнию и Рэнди Гарднера.

Честно говоря, мы не ожидали, что они осмелятся на такой шаг. В нашем мире существует некий неписаный закон, согласно которому до первого официального старта главные соперники стараются избегать прямого вызова друг другу, готовя все свои новинки, сюрпризы, находки к решающим событиям сезона — к чемпионатам мира и Европы. Конечно, никто не запрещает нарушать это правило, и все-таки... Не случайно ведь родилась такая заповедь — за ней опыт многих десятилетий, многих крупных спортсменов!

Теперь, спустя несколько лет, мы уже лучше понимаем Тай и Рэнди, их тогдашнее жгучее нетерпение, лихорадку, трепавшую каждый день, желание поскорее проверить себя во встрече с возвратившимися на лед экс-чемпионами, чтобы убедиться в невосполнимости потерь, понесенных ими за время пропущенного сезона, убедиться в своей силе и слабости соперника. И, воспользовавшись случаем, убедить в своих силах не только японских, но и других специалистов, которых в те дни в Японию приехало очень много. Тай и Рэнди, таким образом, устроили себе сверхчемпионат по чисто психологическим нагрузкам. Устроили сами, по своей доброй воле, видимо, не понимая до конца рискованности такого опрометчивого шага.

Сегодня понятно, что на абсолютно неоправданный риск пошел и их тренер Джон Нокс. Уж он-то, казалось, должен был проявить свойственную людям его профессии мудрость и попытаться сохранить боевой запал своих воспитанников к самому решающему моменту. Но он этого не сделал. И, как показали дальнейшие события уже в Лейк-Плэсиде, не случайно.

Первое столкновение — еще до выхода на лед. Первый раунд поединка ведут тренеры двух команд и их руководители. Спортсмены (во всяком случае, мы) узнают об этом уже после, когда обмен уколами закончен. Выясняется, что американская делегация категорически настаивает на том, чтобы программу показательных выступлений завершали Бабилония и Гарднер — как чемпионы мира 1979 года. Выступать последними, закрывать программу, как известно, — особая честь. Американцы захотели, чтобы эта честь была отдана их чемпионам.

Советские тренеры, естественно, придерживались иного, более соответствующего олимпийским и спортивным нормам взгляда: завершать выступления должны самые известные, много раз доказывавшие свое преимущество спортсмены. «Бабилония и Гарднер, — говорили наши тренеры, — ни разу не побеждали Роднину и Зайцева в очных поединках, более того, между ними на пьедестале стояла еще одна пара». Почему же в таком случае скрывать непомерные амбиции одерживать верх над трезвым рассудком и разумными спортивными и нравственными доводами? Кроме того, это ведь не концерт после чемпионата мира, где все участники непременно должны выстраиваться в программе строго по ранжиру.

А тем временем хозяева даже не могли выпустить программу выступлений с перечислением всех выступающих и порядком их выхода на лед.

Лишь поздней ночью накануне первого концерта восторжествовала справедливая точка зрения и в типографию был отправлен стартовый лист. Мы должны были выходить на лед последними. От Бабилонии и Гарднера нас отделял еще один номер программы.

Не знаю, что творилось тогда в американской команде, но в нашей царил покойствие и сознание своей силы. Конечно, руководство делегации и тренеры Татьяна Анатольевна Тарасова и Елена Анатольевна Чайковская старались все эти не слишком приятные переговоры вести без какого-либо участия самих спортсменов. Очевидно, они тоже волновались, но ни разу ни одним даже случайным словом не вовлекли нас в ненужный ажиотаж.

Ну а мы сами? Что мы испытывали перед выходом на лед — во время тренировок, перед первым прокатом уже готовой, но еще ни разу не продемонстрированной перед большой аудиторией короткой программы, перед показом нескольких частей новой произвольной?

Волновались? Ну конечно же, волновались! Не могли не волноваться. Это было бы просто противостоительно, если бы мы тупо и без всяких эмоций готовились к выходу на лед. Но волнения наши были, так сказать, сугубо рабочего, привычного характера. Годичный перерыв несколько изменил многие наши ощущения, но не изменил самого главного — нашей внутренней ответственности за каждый шаг, за каждый элемент, пусть даже не слишком сложный, давно и прочно освоенный. Ведь весь и наш и чужой опыт недвусмысленно говорит о том, что все беды поджидают нас только там, где мы внутренне расслабляемся, где мы уверены в полной безопасности.

Была и некоторая спортивная злость. Этого не скрываем и не собираемся скрывать.

Много на эту тему мы между собой даже не говорили, но и сам по себе приезд американцев для проверки нашей конкурентоспособности и донесшиеся до нас в конце концов отзвуки бури в стакане воды из-за стартовых номеров во время показательных выступлений вызвали соответствующую спортивную реакцию. Стали дополнительным раздражителем. Разозлили. Впрочем, к злости примешивалась ирония. Все-таки нам хотелось показать кто есть кто, показать, что можно и сезон пропустить, и ребенка родить, и вместе с тем не потерять спортивной сноровки. В конце концов чему же и учит нас спорт, как не умению бороться с сильными соперниками даже в самых трудных условиях.

В Японии мы почти не видели ни тренировок Бабилонии и Гарднера, ни их выступлений. Только сведения из вторых рук доходили до нас. Да нас это и мало интересовало. Нас интересовали только наши программы, класс их демонстрации, уверенность при их показе. И хотя до выхода на лед у нас была какая-то опаска, мы полностью от-

бросили ее после первого же выступления. Как в лучшие годы, мы мчались вперед, был легкий ход, было скольжение, а это при всех прочих слагаемых мастерства дает, как известно, их обладателям большое преимущество. И нам удалось выполнить чисто почти все, что к тому моменту было уже готово. Сугубо практические рабочие задачи, которые ставились перед нами на эту поездку, удалось реализовать полностью.

А заодно удалось достигнуть и цели, которая до выезда вообще была не ясна. Цель, возникшая неожиданно и — если уж говорить до конца — нам, вероятно, и не особенно нужная в тот момент. Но раз уж добились ее — все к лучшему, все на пользу будущей борьбе.

Короче говоря, к концу турне по Японии стало ясно, что Бабилония и Гарднер совершенно сломались. Они не выдержали кутерьмы, которую затеяли сами со своим тренером и руководителями команды США. Ни одного чистого проката у них так и не получилось. Сплошные неудачи даже при выполнении ими любимых элементов. Ошибки в простейших дорожках шагов. Может быть, они еще не были готовы к сезону и поторопились войти в форму? Вряд ли. А если и так, то иначе как авантюрой их поездку в Японию не назовешь.

Спорт не терпит авантюризма. Чемпион вообще на авантюру права не имеет. Чемпион всегда и во всем должен оставаться лидером в своем виде спорта. Образцом. Эталоном. После турне по Японии, думается, для многих стало ясно, что борьба на Олимпиаде в Лейк-Плэсиде пойдет не по тому сценарию, который так форсированно готовили американцы, пытаясь искусственно обеспечить Тай и Рэнди лидирующее положение.

Это был один из выводов, сделанных нами в те дни. Но самое главное заключалось в том, что мы почувствовали возвращение былой уверенности, той раскованности, которая так нужна для победы. Естественность всех наших действий, органичность решений помогали спокойно наращивать форму. Все векторы сил сливались в один, и мы трудились охотно, весело, азартно. Каждый следующий шаг, приближавший нас к лучшей форме, приносил радость и все крепнущие надежды на успешные выступления на крупнейших соревнованиях...

Сделаем небольшое отступление. Мы хотим назвать одного из главных помощников наших, без которого осуществление настоящие записки было бы во много раз сложнее. Этот помощник — папа Иры, Константин Николаевич. В течение добрых тринадцати лет он собирал все вырезки о ее выступлениях, да и сейчас продолжает их собирать. В наших руках, когда мы сели за письменный стол, оказались горы документов и масса информации, о которой мы или забыли, или даже не подозревали.

Конечно, среди всех этих вырезок была и информация о наших выступлениях на самом последнем этапе, после перерыва в конце 1978 — начале 1979 года. Поскольку некоторые отклики зарубежных, в частности японских, журналистов имеют непосредственное отношение к ситуации, сложившейся накануне Белой Олимпиады, мы процитируем их, чтобы читатель смог взглянуть на события и глазами других.

Итак, газета «Йомиури»: «Замечательные фигуристы вновь продемонстрировали сложнейшие элементы — поддержки, прыжки и вращения, вызывая порой целую бурю оваций. Чувствуется, что советские мастера готовы бороться за высшие награды предстоящей олимпийской зимы в Лейк-Плэсиде...» «Майнити»: «Роднина и Зайцев, выступавшие после годичного перерыва, катались на немислимой скорости, показали удивительную синхронность и динамичность движения при исполнении различных элементов». И наконец, «Токио симбун», по чьей инициативе проводились показательные: «Нынешние выступления, особенно мастеров парного катания, где встречались прежние и новые чемпионы мира, стали своего рода прикидкой сил перед зимней Олимпиадой-80. Выступившие после перерыва, связанного с рождением сына, Роднина и Зайцев вновь очаровали зрителей своим великолепным катанием и, если судить по восторженной реакции зрителей, превзошли американскую пару Тай Бабилонию и Рэнди Гарднера».

А ведь совсем незадолго до этого (незадолго по календарю, а кажется, за целую вечность до нашей поездки в Японию) интонации в хоре журналистских выступлений были несколько иными. Во время вынужденного перерыва мы познакомились с обзором прессы, посвященной чемпионату мира 1979 года. Там было немало любопытных, справедливых, объективных и точных высказываний, наблюдений, но оказались и такие, которые свидетельствовали о том, что наша многолетняя гегемония в мировом парном катании кое-кому явно не по душе. Австрийская «Винер цейтунг» при-

водила слова Рэнди Гарднера, который решительно опровергал слухи о том, что он еще до Олимпиады вместе с Тай уйдет в профессиональный балет на льду. «Об этом не может быть и речи. Мы хотим стать олимпийскими чемпионами в Лейк-Плэсиде, даже если в большой спорт возвратятся Роднина и Зайцев». А «Арбейтер-цейтунг» (Вена) пошла гораздо дальше: «Американская пара предпримет все, чтобы завоевать олимпийское золото. Выступление американского дуэта в Вене — свидетельство новых тенденций в парном катании, причем таких, которые нравятся и судьям и публике. Многие приветствовали то, что Тай и Рэнди покончили с господством русских в этом виде фигурного катания...»

И еще одна цитата — из австрийской «Нейе кронен-цейтунг»: «Теперь предстоит острая дуэль между Родниной и Бабилонией. Никто не может дать точный ответ, кто же станет олимпийским чемпионом 1980 года. Если русские вновь захотят заявить о себе в парном катании, они должны победить американцев. Поэтому борьба в Лейк-Плэсиде будет исключительно напряженной, конечно, если на старт вновь выйдет прославленная советская пара...»

Правда, здесь, вероятно, надо отдать должное журналистской экспрессии, часто подсказывающей беспопытные и не слишком подкрепленные доказательствами выводы. Взгляд с трибун, даже расширенный быстротечным интервьюazole раздевалки или на пресс-конференции, не всегда отличается пронизательностью. Не углубляясь в эту тему, скажем только, что жизнь спортсмена-фигуриста напоминает нам — пусть этот образ и избитый, но зато верный — айсберг. Постороннему наблюдателю видна только небольшая его верхушка, сверкающая подчас в лучах солнца и заметная издали. Наши соревнования, в особенности международные, и являются такой верхушкой. А все остальное время, более трехсот дней в году, — тренировки. Они и составляют самый интересный, хотя и скрытый обычно от посторонних взоров элемент нашей жизни. На тренировках можно по-настоящему увидеть, каков характер спортсмена, каков он в работе, создающей всю его «форму и содержание». Кстати, именно в этом нам видится близкое родство фигурного катания, гимнастики и такого искусства, как балет.

Так вот, именно на тренировках мы почти никогда не видим журналистов. Не видели даже регулярно пишущих о фигурном катании. Они на тренировки не приходили и не приходят (об этом один из нас может заявить, уже имея и некоторый тренерский опыт). А не зная сути всех происходящих процессов, трудно заниматься предсказаниями в спорте — даже на самое ближайшее будущее, не говоря уж о попытках прояснить тенденции его развития на многие годы вперед.

Вот почему, читая корреспонденции, появившиеся после чемпионата мира-79, мы, конечно, делали некоторую коррекцию на журналистскую экспрессию, но при этом не забывали, что общественное мнение — великая сила, что и на американской земле его будут стараться сформировать не в нашу пользу. И выработывая, шлифуя на ходу свою тактику на последнем этапе борьбы, мы решили в оставшиеся месяцы постараться убрать из своего поля зрения какую бы то ни было информацию о себе и своих соперниках — не только публикуемую в газетах, но и выбрасываемую на экраны телевидения. Переваривать ее будем после Олимпиады!..

А тем временем после японского турне мы вернулись в Москву и стали готовиться к соревнованиям сильнейших фигуристов страны, которые проводились в Ленинграде в хорошо знакомом нам Дворце спорта «Юбилейный». Подъем, сопровождавший нас несколько дней назад, постепенно утихал. Кататься было, скажем прямо, тяжело — пошла тонкая чистка всей программы, работа, требующая абсолютной собранности, не всегда приятная, в какой-то степени даже монотонная. Начала сказываться усталость, всегда идущая следом за форсированной подготовкой. Но времени оставалось все меньше и меньше, и мы, даже измочаленные очередной тренировкой, старались найти какие-то радостные для себя нотки. Маленький Сан Саныч был для нас самым необходимым человеком. И хотя дополнительные заботы спортсменам в канун главного испытания ни к чему, для нас хлопоты с Сан Санычем стали самым лучшим восстановителем сил. Часы, проведенные с ним в нашей квартире, настраивали на оптимистический лад так, что даже все утяжелявшиеся тренировки уже не казались таковыми.

Вот ведь какая любопытная штука: родился сын, в тяжких муках идем к новому сезону, а настроение у нас, как никогда ранее, приподнятое, любые трудности — ничем! Мы можем теперь без усталости анализировать подоплеку тех событий, настро-

ний, тренировок и, исследуя, неизменно приходите к выводу, что столь трудное испытание закалило нас, вызвало к жизни новые силы, о которых мы и сами не подозревали. Возможно, именно подобное обновление и не было предусмотрено никем из журналистов и наших соперников.

Но такая ли уж это неожиданность? Неужели нельзя было предвидеть, что женщина, став матерью, может в спорте добиться еще большего, чем добивалась до сих пор? Что спортсмен, став отцом, по-новому ощутит свою ответственность? Разве не было в спорте подобных примеров?

Были, конечно же, были. Некоторые из них стали чуть ли не хрестоматийными — например, в гимнастике. Лариса Латынина, у которой дома хранится самая большая в мире коллекция олимпийских медалей, став матерью, добилась самых выдающихся своих побед. Для спортсменок старших поколений это была элементарная закономерность, вызывавшая уважение, но не удивление.

Но почему же сейчас рождение ребенка фигуристой или гимнасткой как бы перечеркивает ее дальнейший путь в спорте? Может, потому, что в этих видах спорта в погоне за спортивными трофеями, за сложнейшими элементами наблюдается все большее омоложение спортсменок? Новые поколения их выходят на пик формы уже в пятнадцать—шестнадцать лет. Конечно, трудно представить их в роли жены и матери. А когда она, эта пора, подходит, за спиной уже стоят другие, еще более молодые таланты. Год или два до возвращения спортсменки в строй — на помост или на лед — никто ждать не хочет. И не ждет.

Мы выглядели исключением в фигурном катании. Что ж, возможно, история нашего возвращения чему-нибудь научит тренеров, и спортсменов, и спортивных руководителей.

Соревнования сильнейших в Ленинграде прошли для нас в сугубо рабочих заботах. Музыка советских композиторов, найденная еще два года назад, составила основу произвольной программы. Она помогала нам создать нужное настроение, была органичной и насыщенной. Победа пришла тоже естественно, мы вновь стали первым номером в команде. Марина Черкасова и Сергей Шахрай, Марина Пестова и Станислав Леоневич заняли места вслед за нами. Такой состав олимпийской команды в парном катании не вызвал сомнений. Собственно говоря, других реальных претендентов в сборную и не оказалось.

Но прежде чем отправиться за океан, надо было еще выдержать испытание на европейском льду. Чемпионат Европы проходил на этот раз в Гетеборге, на катке «Скандинавиум», тоже давно и хорошо знакомом нам. Из-за этой привычности, наверное, и сам чемпионат был для нас просто одним из нормативных испытаний. В памяти осталась лишь след от очень легкого исполнения короткой программы. Современная обработка классической мелодии «Полет шмеля» придала новый характер не только музыке, но и всей композиции. Как это замечательно, когда можно не просто исполнять требуемые элементы программы, а чувствовать, что они под влиянием музыки естественно зарождаются и выплескиваются из тебя. И это делало программу еще более приятной и доступной зрителям и арбитрам.

Европейские журналисты уже почувствовали наше настроение. Спортивный обозреватель газеты «Юнге вельт» (ГДР) Манфред Хёнель написал: «Я безоговорочно отдаю пальму первенства этому дуэту!» И это ведь при том, что и пары из ГДР были готовы к борьбе за место на пьедестале почета. И хотя на европейском чемпионате они на него не взошли, ясно было, что к Лейк-Плэсиду пары Магер — Беберсдорф и Бэсс—Тирбах должны прибавить в мастерстве и стабильности. А пока весь пьедестал европейского первенства был наш.

Но до выхода на олимпийскую арену еще двадцать дней тренировок в США, необходимых для акклиматизации, в первую очередь временной. Через такую акклиматизацию проходишь всякий раз, когда для участия в чемпионатах мира надо переправляться через океан, она не является чем-то исключительным. Но в тот раз...

Читателям, вероятно, не надо сейчас напоминать, что в это время президент США призвал к бойкоту Олимпийских игр-80 в Москве. И конечно, следовало ожидать, что даже в небольшом городке Уэсли под Бостоном американские власти попытаются создать вокруг советских спортсменов «соответствующую» атмосферу. Так что самые важные предолимпийские тренировки становились для нас и всех наших товарищей по команде и сверхответственными. И не надо доказывать, что такие нагрузки выдерживать всегда нелегко.

С другой стороны, отказаться от проведения последнего этапа подготовки на американском льду по сугубо спортивным причинам было невозможно. Ибо исполнять свою, скажем, произвольную программу в то время, когда в Москве уже зарождается утро, нельзя, если ты не совершил соответствующую перестройку всего тренировочного и состязательного ритма. Ломка организма при временной акклиматизации всегда проходит болезненно, даже если она не отягощена высотной акклиматизацией.

Уэсли — небольшой городок из тех, каких так много в «одноэтажной Америке». В первый день вышли на улицу — все с нами здороваются, как это принято в таких же маленьких городках в России. Приятно. Мы одеты в спортивные костюмы с гербами СССР. Мы говорим по-русски. И никто из жителей Уэсли не бросает на нас косых взглядов. Как будто и нет антисоветской кампании, проводимой всей «президентской ратью».

Более того, на следующий после нашего приезда день в витринах магазинов появились небольшие таблички на русском языке: «Приветствуем в Уэсли советских фигуристов, участников Олимпийских игр». Нас всюду узнают, к нам подходят познакомиться две немолодые женщины. Выясняется, что одна из них работала учительницей английского языка в нашем представительстве при ООН в Нью-Йорке. Наши новые знакомые горят желанием посмотреть на тренировки советских фигуристов, о которых они так много слышали, которые наблюдали на экранах телевизоров, но никогда не видели на катке.

И в первый день тренировок владельцы катка обращаются с запросом к руководителю команды: можно ли сделать подготовку советских фигуристов открытой? Конечно, это не принято, конечно, это будет отвлекать, но все же жители городка так хотят познакомиться с советскими спортсменами, ведь другого такого случая может не представиться!

Руководителя делегации и тренеры сообщают нам об этом. И команда принимает коллективное решение: тренироваться при зрителях — пусть это будет нашим маленьким вкладом в создание атмосферы дружбы и взаимопонимания.

Рабочие тренировки — дело сугубо внутреннее. Тренировка — да еще когда что-нибудь не ладится, когда идут споры, дискуссии, когда подыскивается единственно необходимый жест — не для посторонних глаз. В особенности если этих глаз — тысячи. А в Уэсли оказалось, что уже на первую открытую тренировку зрителей набилось на трибуны до отказа. И так было все дни. Тренировки превратились в какой-то усредненный вариант показательных выступлений и соревнований.

В первый день мы еще как-то реагировали на присутствие публики, а потом отключились от внешних помех и занялись своим привычным делом. А тут еще на трибунах стали появляться транспаранты: «Ира и Саша — молодцы. Поздравляем с рождением сына!» Стало совсем хорошо. И у других наших ребят дело пошло споро. К концу тренировок в Уэсли в обстановке доброжелательности и радушия мы сумели войти в привычную форму.

Лейк-Плэсид сразу же окунул нас совсем в другую атмосферу. Контраст был настолько резким, настолько кричащим, что всех нас просто ошеломило.

Трагикомических ситуаций было множество, обо всех и не расскажешь, но чтобы читатель сразу понял, с чем мы встретились в первый же день, мы вспомним о некоторых деталях, связанных с нашим автобусным путешествием в город Олимпиады. Когда водитель автобуса молча показал нам на табличку «Лейк-Плэсид» возле шоссе, мы глазам своим не поверили. Те же горы, которые окружали нас уже несколько часов, те же одно- и двухэтажные домики, разбросанные по лесистым склонам, то же пустынное шоссе... А где, собственно говоря, Лейк-Плэсид? Выяснилось, что весь городок можно обойти за полчаса, что в центре его одна небольшая улочка и что ни один полицейский на этой улочке не может объяснить, где находится Олимпийская деревня.

— Олимпийская деревня? А что это такое? Никогда такой здесь не было... Вы говорите, что это там, где местная тюрьма? Тогда проехать надо так...

После получаса езды мы оказались... возле самой настоящей местной тюрьмы. А нам нужна была совсем другая — для малолетних преступников, недавно построенная и временно отданная в распоряжение олимпийцев. Часа два мы странствовали от полицейского к полицейскому, от мотеля к мотелю, разыскивали Олимпийскую деревню, которая во всех предыдущих столицах Олимпиад была подлинным их украшением. И когда наконец нашли (благодаря помощи случайного водителя, который выступил в роли проводника), все от усталости просто валялись с ног.

Об этой «олимпийской деревне» много уже писали и рассказывали. Вряд ли наш рассказ внесет что-нибудь новое, но свое чисто психологическое состояние, связанное с пребыванием в ней, мы опишем. Представьте себе круговое здание, внутри которого большая площадь и протоптанные в снегу тропинки от одного блока к другому, к выходу — единственному, — к столовой. Здесь не разгуляешься. Вокруг здания — глухой лес. До дворца спорта и центра города километров десять.

В первый вечер перед сном мы захотели погулять, подышать свежим воздухом — это хорошо снимает общую усталость, помогает побыстрее заснуть на новом месте, даже на тюремных двухъярусных койках. Выходим через контрольно-пропускной пункт, набитый охранниками. Куда же дальше идти? Лес темнеет. Ни одного огонька. Машина полицейской сверкает подфарниками — и все. Решили пойти вдоль глухой стены здания — тюрьмы все-таки, напомним! Прошли метров сто, и в этот момент к нам подлетают полицейские:

— Кто такие? Почему здесь ходите?

Показываем свои олимпийские удостоверения, где черным по белому написано, кто мы такие и откуда. Нет нам веры.

— Пройдете, — говорят.

— Как так пройдет? — пытаемся возмущаться мы. — Мы хотим перед сном сделать моцион. У нас завтра трудная тренировка. Мы же приехали на Олимпиаду...

— Ничего не знаем, пройдет. — Сказано это уже с некоторой угрозой.

И мы с полицейскими по нашим же следам, проложенным от входа в Олимпийскую деревню, то бишь в тюрьму для малолетних преступников, возвращаемся к контрольно-пропускному пункту, где наши удостоверения тщательно просматриваются.

В конце концов полицейские разыскали руководителей нашей делегации. Через несколько минут за нами пришел заместитель председателя Спорткомитета СССР и освободил от «опеки» полицейских.

Таким вот было наше первое знакомство со столицей Белой Олимпиады-80. А первое знакомство, как вы знаете, много значит. От него тень падает далеко.

И вообще каждый час, каждый день, проведенный в такой Олимпийской деревне, только усиливал раздражение. И если бы не выработанное годами умение отвлекаться от повседневных мелочей, такая «тюремная жизнь» нам многое подпортила бы. Ну как, скажем, не испортится на целый день настроение, если ранним утром, когда зазвонил будильник, поднимающий нас на первую в Лейк-Плэсиде тренировку, Ира, забыв, где она находится, попробовала соскочить с верхней койки, ударилась всем телом о стенку, ушибла колено, и врачу пришлось немало потрудиться, прежде чем боль была загнана вглубь.

Естественно, лучшим лекарством в таких случаях бывает шутка.

Мы поохотали вместе с Ириной соседкой по «камере» — Наташей Бестемьяновой. Потом рассказали нашим ребятам о том, как смешно летать со второго этажа, когда еще не проснулся до конца. Тем более что все слышали удар о стенку — стенки-то были чуть ли не картонные, и каждый звук в блоке заставлял всех среди ночи просыпаться. А уж днем вообще сотни людей жили как бы в одной казарме, и заснуть, просто отвлечься, почитать было абсолютно невозможно. Словом, атмосферу привычной, уютной и вместе с тем дружной жизни в Олимпийской деревне не удалось создать не только нам, но, думается, и всем остальным командам, приехавшим в Лейк-Плэсид.

А сколько времени тратилось понапрасну на ожидание автобусов! В первые дни вообще казалось, что нет никакого расписания, что водители ездят когда и куда хотят. И опять, стоя на морозе, мы вспоминали веселые истории, вспоминали анекдоты — пусть даже старые и не очень смешные. И время идет, и автобус в конце концов подходит, и те силы, те внимание и собранность, что нужны для тренировки, остаются сбереженными.

Как и можно было ожидать, вокруг Бабилонии и Гарднера американцы устроили форменный ажиотаж. Огромные снимки во всех газетах и журналах. Интервью по телевидению. Какие-то анкеты, в которых десятки журналистов и специалистов представляли спортсменов по каким-то заранее спрогнозированным местам. И почти везде Бабилонии и Гарднеру отводилась роль лидеров. Повторяем, со всем этим мы познакомились только после Олимпиады. Тогда нас это не интересовало. А волн, все-таки докатылавшихся до нас, мы старались не замечать. Хотя не заметить, скажем, того, что Бабилонии и Гарднер отсиживают все наши тренировки, было просто невозможно. И мы уже поздним вечером, евовершая небольшую прогулку по замкнутому про-

странству двора, говорили друг другу о том, что Тай и Рэнди, конечно, несерьезные спортсмены, если брать слово «спортсмен» в самом широком его смысле. Они скорее артисты, люди музыкальные, впечатлительные, с красивыми движениями. Но не борцы. Они даже не понимают, что отстаивать звание чемпионов мира гораздо труднее, чем его завоевать. (Да еще завоевать в отсутствие главных соперников, многолетних лидеров.) Мы же были научены всем премудростям такой борьбы. Знали все тонкости витка после победы.

Как бы то ни было, но американцы сидели на всех тренировках. А тут еще их тренер выступил в американских газетах с интервью, в котором говорилось, что Родина и Зайцев включили в свою программу запрещенные приемы и с помощью этих элементов хотят-де незаконно увезти в Россию олимпийское золото. Мы об этом интервью до поры до времени ничего не знали. Видели, что Татьяна Анатольевна чем-то встревожена, что головные боли начали вдруг одолевать ее. И руководство советской делегации зачастило к нам на тренировки. Незаметно общее напряжение стало передаваться и нам. С каждым днем на наши тренировки стекалось все больше и больше народу, так что они быстро превратились в самое настоящее соревнование. Только на настоящем состязании произвольная идет пять минут, а здесь соревноваться надо было целых пятьдесят.

И мы, посоветовавшись с тренером, решили отказаться от одной из двух ежедневных тренировок, которые были отведены нам расписанием. Лишняя реклама нам не нужна, а поскольку акклиматизация уже завершилась, элементы получают, ход есть, какой смысл в лишнем повторе уже пройденного и освоенного?

Дальнейший ход событий показал, что такое решение было единственно правильным. К стати сказать, оно тоже внесло дополнительную тревогу в стан наших соперников: раз Родина с Зайцевым отказываются от второй тренировки, значит, они находятся в такой форме, что лучше им и не надо!.. И если в конце концов рухнуло все здание, которое старался возвести тренер Нокс, то виноваты в этом только он сам и те, кто его поддерживал.

Пришло время жеребьевки. О ее значимости и роли мы уже говорили. И хотя особого влияния на результат стартовый номер не оказывает, все-таки на психологию спортсмена это воздействует. Бабилония и Гарднер своим стартовым номером (четвертым) явно были недовольны, ибо им приходилось стартовать первыми из претендентов на призовые награды. Зато все советские пары оказались в конце стартового листа Маленькая, чуть заметная, но улыбка фортуны. Хотя, повторяем, нас и это мало волновало. Если готов к борьбе и мобилизовал себя полностью, тебя манит только острота борьбы, схватка, желание показать все, что ты можешь, а уж когда, в какой очередности — над этим пусть думают другие.

О том, что произошло в день короткой программы — 15 февраля 1980 года, — мы знаем только по рассказам тех, кто был на трибунах, да некоторой информации из газетных и журнальных отчетов. Мы видели как вдруг ни с того ни с сего забегали за кулисами американцы. Как промчалась заплаканная Тай Бабилония. Как со встревоженным лицом прошествовала за ней ее мама. Неожиданно поехала на лед заливочная машина, и началась не предусмотренная расписанием подготовка льда. Почему? Что случилось? За кулисами шел шепоток. Соревнования чуть-чуть затягивались. И мы тут же отключились от всего происходящего чтобы — не дай бог! — не растерять тепло в разогретых мышцах, чтобы, повторяя мысленно свои элементы, пытаюсь мышцами еще до выхода на лед почувствовать их совершенную работу, не внести какой-нибудь диссонанс в свою мелодию.

А произошло, оказывается вот что. Свою предстартовую разминку Бабилония и Гарднер начали под неистовый свист американских болельщиков. В обстановке всеобщего восторга выполняют они коронный обязательный элемент — вращение в ласточке. Все линии отточены, вращение ускоряется стремительно, и вместе с этим ускорением, как всегда, нарастает овация.

На трибунах транспаранты: «Тай и Рэнди, вы — чемпионы!»

Затем американцы проверяют свою дорожку шагов. И, «почувствовав лед», приступают к разминке основного элемента короткой обязательной программы — прыжка флип в два оборота. Спортсмены высокого класса исполняют этот прыжок в любое время дня и ночи, находясь в любой форме. И только случайность или нечто совершенно неожиданное может помешать его выполнить. Так, во всяком случае, думаем мы.

Фигуристы, выступающие в паре, вначале ретируются прыжки отдельно. Так не

только у нас, так и у всех представителей парного катания. И Бабилония с Гарднером не изменяют этим традициям разминки. Они разбегаются порознь, заходят на флип. Со смещением в две-три секунды в воздух взлетают вначале Тай, а затем и Рэнди. Тай выполняет прыжок безукоризненно, а партнер падает и довольно долго лежит на льду.

Падения в фигурном катании, как вы понимаете, дело обычное. Случаются они у всех, и в таких случаях надо побыстрее подниматься, снять напряжение, быстро исправить ошибку, чтобы судьи не придали особого значения твоей неудаче.

Рэнди поднялся не спеша и как бы нехотя. Страхнул снег с брюк. И снова начал набирать скорость, заходя на прыжок. На трибунах стало потише: все-таки зрители заметили промах. Снова взлетает Рэнди, и при приземлении в самый последний момент нога подгибается, и он снова лежит неподвижно. Лежит и вроде бы даже не понимает, что такое с ним происходит на олимпийском льду.

Тай, стоящая у кромки поля, следит за своим партнером с вполне объяснимым отчаянием.

Когда время для разминки истекло и все пары уже покинули лед, тренер Джон Нокс посылает Гарднера сделать еще один заход. В одиночку. На глазах у многотысячной аудитории и судейской бригады, не сводящей с него глаз.

Гарднер флип так и не укрощает. Даже серьезной попытки у него не получается. В зале стоит гробовая тишина. Гарднер, слегка припадая на ногу, идет по проходу за кулисы. Сирена, обрывающая дальнейшие попытки американца, возвещает о прекращении разминки и о том, что на лед должна выходить первая соревнующаяся пара. Однако сигнала от судейской коллегии не поступает. Идут какие-то совещания. Американские представители снуют от прохода на лед к главному арбитру и обратно. Именно тогда почему-то выезжает машина для заливки льда, хотя регламентом это не предусмотрено. Становится ясно: идет умышленная затяжка времени, пока за кулисами не прояснится создавшаяся ситуация.

Когда настал черед Тай и Рэнди показывать свою короткую программу, тренеры американцев решили воспользоваться небольшой паузой, связанной с демонстрацией судейских оценок предыдущей пары и забирающей обычно две-три минуты. На сей раз появление оценок на табло затянулось, и Гарднер сделала еще одну попытку осуществить свой флип (хотя такая разминка вообще запрещена правилами). Рэнди с отчаянной решимостью разогнался вдоль непривычного для себя короткого борта (ведь каждый спортсмен на сотнях тренировок отработал оптимальный вариант подхода к прыжку и никогда без особой надобности его не нарушает), взлетел в воздух и плашмя рухнул на лед. Все! Дальше шел медленный выезд со сцены. Теперь уже прихрамывание Гарднера стало отчетливым. Еще через несколько секунд звучит объявление, что американская пара в связи с травмой партнера участвовать в соревнованиях не будет. Транспаранты на трибунах исчезают.

Такова чисто внешняя цепь происходивших событий — цепь, восстановленная и реконструированная на основании рассказов очевидцев.

Мы анализировали и разбирали ее многократно, конечно, спустя много дней, даже недель, когда появилось время, чтобы заняться этим. Нам просто необходимо было это сделать — ведь в трезвом анализе ошибок и просчетов, своих и чужих, ищешь для себя все тот же опыт, который не оценим не только для того, чтобы быть грамотным спортсменом, тренером, но и толковым руководителем. И мы пришли к выводу, что все поведение наших соперников в течение сезона было спортивно неграмотно, тактически непродуманно. Не учитывалась при этом психика талантливых фигуристов, их легкая уязвимость в трудных ситуациях, хотя обычно это видно было невооруженным глазом и ранее.

Ну какой тренер сборной команды страны стал бы вот так выколачивать прыжок в самый последний момент даже у волевого, психически закаленного спортсмена? Ведь риск возрастает стократно, а психологический надлом с каждой новой неудачной попыткой углубляется. Несомненно, всю подготовку надо было вести иначе, не разбазаривая себя на ненужную рекламу, на гонку, в которой ранее никогда не был лидером и потому не знаком с ее правилами.

Но, может быть, мы судим своих соперников (борьба с которыми так и не состоялась) слишком строго? Может быть, не стоит ворошить прошлое, уже отошедшее в историю?

Вновь, как и в других подобного рода случаях, ответ возможен только категорический — стоит. Вся история спорта должна учить новые и новые поколения спорт-

сменов умению вести борьбу. Спорт не кулуарное зрелище. Спорт — дело общественное. И каждый спортсмен должен уметь с достоинством нести тяжесть своих задач. Иначе не стоит и браться за это дело. И мы всегда были за то, чтобы соблюдалась предельно возможная гласность вокруг обсуждения итогов соревнований, чтобы каждый спортсмен получил объективную оценку своего выступления, соизмерял его с уровнем других. Только так можно лучше понять тенденции развития спорта.

Нам всегда были симпатичны Тай и Рэнди. И они не скрывали своих симпатий к нам. Не сомневаемся, что свистопляска, созданная вокруг их выступления на Олимпиаде, к самим спортсменам имела опосредованное отношение. И когда мы узнали о том, что они ушли из спорта, мы были очень расстроены. Всегда сочувствуешь спортсменам, которые не смогли довести свою борьбу до конца. Это с одной стороны. А с другой, нам было обидно, что острая борьба, на которую мы себя настроили, так и не состоялась. В этом таилась даже некоторая опасность. Когда нет серьезной конкуренции, боевой дух падает. Облегченность задачи ни в коем случае не должна привести к потере собранности и бдительности. И после удачного исполнения короткой программы, выведшей нас на первое место с большим преимуществом, мы постарались предельно сосредоточиться и к «произволке».

Свой последний олимпийский выход хотелось завершить с полным блеском. И мы не жалели сил, больше не экономили их. И в каждый шаг вкладывали всю свою силу, весь свой опыт и все свои чувства. Три минуты мы мчались, ничего не замечая вокруг. А на четвертой стало тяжело. Многие зрители в зале курили — в США это в порядке вещей, — и дышать стало нечем. Руки и ноги действуют, усталости не чувствуем. А дышать невозможно. Воздух застревает в легких — не выдохнешь. Но зрители ничего не заметили. Последние секунды мы докатались, уже понимая, что сделали все что могли и даже чуточку больше.

Только остановившись с последним аккордом, разрешили себе сказать — конец! Но здесь уже ощущения были разными.

Родина. Я остановилась и поехала к центру поля, чтобы раскланяться. Чувствовала себя как обычно после только что закончившейся произвольной программы. Тяжело, но вполне терпимо. И только сделала шаг, как чувствую, что Саша рядом нет. Не успела оглянуться, слышу: «Стой. Вернись. Не могу...» Вернулась и чуть обняла своего надежного, отдавшего все силы в этот день на катке Сашу и незаметно для зрителей повезла его к бортику, где нас уже ждала Татьяна Анатольевна и где мы оба могли на нее опереться...

Зайцев. Так оно и было. Прозвучал последний аккорд. Остановился. И сил больше нет. Все исчерпал. Стою. Даже в глазах потемнело. Воздух никак не могу вдохнуть. А тут Ира отпраилась раскланываться. Ну, я ее и остановил. А потом вместе поехали к борту, и я чувствовал ее твердую, сильную и надежную руку...

Родина. Много разговоров было о моих слезах, когда мы уже стояли на пьедестале. Телевидение крупно показало мое лицо. о чем я даже и не подозревала, и слезы, которые потихоньку навертывались и потом поползли по щеке. Удержать их я просто не могла, да и к чему?..

Мы не знали тогда, что это наше последнее выступление на официальных соревнованиях, но в том, что это наша последняя Олимпиада, не сомневались. И это тоже придавало этим минутам на пьедестале свой чуточку радостный и грустный оттенок — прощания с Олимпиадой!

Впрочем, до официального прощания было еще далеко, и мы могли, как это было на всех предыдущих Играх, поболеть за наших товарищей. Ведь им в эти дни было ох как нелегко! У нас, кроме фигурного катания, есть свои любимые виды спорта, в которых мы хорошо знакомы с ведущими спортсменами разных поколений.

Как и в Инсбруке в 1976 году, эстафета у биатлонистов получилась зрелищем увлекательным. Мы не будем пересказывать ход гонки и все ее перипетии — не это для нас главное. А вот о проявлении бойцовского характера нашими ребятами, о том, как Тихонов, неудачник в индивидуальной гонке, сумел на втором этапе переломить ход борьбы и создать огромный запас, поговорить стоит.

Саша боролся за четвертую свою командную медаль самоотверженно и вместе с тем хладнокровно. Мы видели, как он разминался перед тем, как уйти на второй этап. На дистанции шла борьба, диктор время от времени говорил о том, кто впереди, кто идет следом за лидерами — командами СССР и ГДР. Сухо трещал снег под ногами. Мигало электронное табло, перемещая команды с места на место.

Сборная ГДР в эстафете 4×7,5 километра решила обеспечить себе выигрыш уже на первых этапах, чтобы к заключительному отрезку преимущество было непреодолимым. Сборная СССР ответила таким же тактическим ходом. Качество тактики теперь определяли люди. Спортсмены. Их мастерство, сноровка, их устойчивость, психологическая стабильность. И еще то, что мы называем чувством команды.

Ко второму этапу биатлонисты СССР и ГДР шли вровень.

Незадолго до того, как лидеры появились на отрезке старт — финиш, Саша Тихонов, несколько секунд стоявший как бы в раздумье, повернулся к чемпиону мира из ГДР Зиебергу и что-то ему сказал. Издалека казалось, что лицо Саши покрыто изморозью. Потом он улыбнулся, и губы у него еще раз пошевелились.

Мы были просто озадачены, что это там за разговоры ведет Тихонов, да еще со своим главным конкурентом на этапе?

Конечно, в этот момент было уже не до догадок: появились лидеры — наш Аликин и Юнг. Молниеносно скользнули на трассу Тихонов и Зиеберт. К первой стрельбе скоростник Тихонов был впереди. Стрелял он по-снайперски. Снова умчался, уже далеко впереди Зиеберта, на трассу. Потом и второй раз отстрелялся на отлично (вот так бы всегда в индивидуальных гонках на Олимпиаде, с некоторой даже грустью подумалось нам, он тогда бы вообще все золото себе забирал) и добыл команде большой запас секунд. Попробовал отыграть его олимпийский чемпион Ульрих, да не тут-то было — Барнашев устоял. А финишный этап Алябьев Рочу уже просто не мог отдать. Так и получилось, что сильнейшая по подбору биатлонистов команда ГДР проиграла нашей сборной почти целую минуту.

Ребята качали тренера, качали Тихонова. Все мы были счастливы так, будто сами выиграли. Собственно говоря, так оно и было, потому что на Олимпиаде все победы и поражения делаются на огромную нашу олимпийскую семью. А потом мы все-таки спросили Сашу, что это он там нашептывал Зиеберту.

— Да ничего особенного. Я сказал ему: «Вот ты, Зиеберт, чемпион мира. бегаешь и стреляешь здорово, но сегодня я, Тихонов, клянусь, у тебя выиграю. Так и знай». В общем, говорил не столько Зиеберту, сколько себе...

Тихонов в этот день был именинником. И мы его очень хорошо понимали. Как понимал и он нас в тот день, когда мы стали чемпионами. Мы знали, что он сидит на трибуне, знали, что непрерывно щелкает аппаратом, — не столько ради фото-снимков, сколько для того, чтобы унять и свое волнение, когда мы выходили на лед.

Приходили мы поболеть и за наших танцоров, боровшихся за высшие награды, как и четыре года назад, когда блистали Мила Пахомова и Саша Горшков. Конечно, теперь им приходилось труднее. Наталья Линичук и Геннадий Карпоносов вместе с Ириной Моисеевой и Андреем Миненковым, с которыми мы много лет тренировались в одной группе, отражали натиск венгерских танцоров Кристины Регоци и Андраша Саллаи. Наташе с Геней удалось с минимальным перевесом подняться на верхнюю ступеньку, Ире с Андреем досталась бронзовая награда — и это тоже было весомым вкладом в нашу командную копилку.

Сборная СССР вела нелегкую борьбу, медалей на этот раз оказалось не так уж много. Были потери. Одна из них настолько огорчила всех, что и вспоминать о ней не хочется. Читатели догадываются, что мы говорим о наших хоккеистах. Мы болели за них на всех Играх и во всех решающих матчах. Вот и на этот раз заняли место на трибуне задолго до выхода на лед наших и американских хоккеистов. Голоса сорвали, подбадривая. Но победу торжествовали не мы. На фоне того спортивного мужества, которое демонстрировали Вера Зозуля или Галя Кулакова, той устремленности к победе, нацеленности на борьбу, которыми отличались другие наши чемпионы и призеры, игра хоккеистов, мягко говоря, не впечатляла. Конечно, поражение всех нас очень расстроило. Но и многому научило, показало, насколько важна правильная оценка сил соперника, к каким катастрофическим последствиям приводит самоуспокоенность, небрежность, превращающая достоинства в недостатки.

Мы видели не только соревнования фигуристов, биатлонистов и хоккеистов. В Лейк-Плэсиде у всех на устах было имя великолепного американского спортсмена конькобежца Эрика Хайдена. Видели его на дистанции и мы. Не могли не посмотреть, хотя бы и потому, что он наш «близкий родственник» по спорту — вооружен пусть и другими, но все же коньками. Впечатление от бега Хайдена было колоссальным. Шаги мощные, в каждом движении чувствуется необыкновенная сила. Со стар-

та видно, что бежит победитель. В этой невероятной уверенности, в огромном запасе сил, в спортивной неумности — преимуществе Хайдена.

И как всегда в таких случаях, отличный спортсмен оказался и личностью недюжинной. Уже в 1982 году промелькнуло в газетах сообщение, что Эрик Хайден, студент медицинского колледжа в Калифорнии, приехал на чемпионат мира по велоспорту. Он еще и в бытность свою конькобежцем немало времени уделял велосипеду и мечтал выступить на Олимпийских играх в Москве. Пример многократного мирового и олимпийского чемпиона Евгения Гришина, который удачно совмещал эти два вида спорта, был по душе и молодому американцу. Но в Москву, как за это ни боролся Эрик, попасть из-за бойкота, объявленного американским президентом, ему не удалось.

Спустя два года Эрик с грустью вспоминал о трудных для олимпийского движения временах. А мы вспомнили, с какой отвагой Хайден после Белой Олимпиады бросил вызов тем, кто хотел бы уничтожить Олимпийские игры современности. 23 февраля 1980 года, когда Эрик завоевал свою пятую олимпийскую золотую медаль, установив тем самым абсолютный рекорд Игр, он сказал в беседе с корреспондентом агентства ЮПИ:

«Я не думаю, что спорт и политику следует смешивать. Представьте положение спортсменов, всю жизнь готовившихся к двухнедельным состязаниям, когда кто-то, не знающий в действительности, о чем думают спортсмены, вдруг говорит: «Вы не будете выступать...» Если бы я был кандидатом на поездку на летние Игры, я бы разочаровался в правительстве...»

Эрика Хайдена поддержали тогда многие американские атлеты. Но они на этом не остановились. О том, что было дальше, очень точно рассказывают известные журналисты М. Стурра и Б. Федосов в своей книге «Игры, зовущие к Играм»:

«После окончания соревнований Белой Олимпиады президент пригласил американских спортсменов в Белый дом. Он даже позволил себе пошутить, сказав, что, поскольку в Лейк-Плэсиде автобусы работали из рук вон плохо, он послал за олимпийцами самолеты. На машинах американских ВВС спортсмены прибыли в Вашингтон и явились в Белый дом прямо в тренировочных костюмах.

Поначалу все пошло как по маслу. Президент США приветствовал спортсменов и затем дал завтрак в их честь в Восточной комнате Белого дома. И вот тут-то Эрик Хайден, феноменальный скороход, пятикратный чемпион XIII Олимпиады, «испортил обедню» (оказывается, это можно сделать и за завтраком). Э. Хайден, решительный, собранный и целеустремленный, как и на ледяной дорожке, заявил: «Спортсмены — участники зимней Олимпиады в большинстве своем считают, что бойкот — дело негодное».

Хайден добавил, что он подал Картеру соответствующую петицию, выражающую, по его словам, «почти всеобщее мнение». Несколько позже пресс-секретарь Белого дома Джоди Пауэлл, делая хорошую мину при плохой игре, попытался отшутиться. Он сказал: «Господин президент получил от спортсменов хоккейные шайбы, шлемы, свитера, жетоны, пепельницы и прочие олимпийские сувениры. Но петиции против бойкота среди них не было». В этот момент пресс-секретарь Белого дома напоминал хоккейного голкипера, за воротами которого зажегся красный сигнал, но он тем не менее утверждает, что шайба пролетела мимо, не поразив ворот...»

Эрик Хайден остался в памяти всех любителей спорта как образец олимпийца, не торгующего ни своей славой, ни своими медалями. В отличие от печально известного чемпиона мюнхенской Олимпиады по плаванию Марка Спитца Эрик не превратился в звезду торговой телевизионной рекламы. Он решил стать врачом, и мы не сомневаемся, что и в медицине он будет выдающимся мастером своего дела. Просто не может такой человек, такой великий спортсмен не стать и выдающимся деятелем в послеспортивной жизни!

Финиш Олимпийских игр в Лейк-Плэсиде был почти таким же, как старт. Праздник закрытия оказался не слишком удачным. Туристы, зрители, спортсмены и тренеры, опасаясь автомобильных пробок многочасового ожидания, быстро покидали центр города, даже не полюбившись фейерверком.

Мы были счастливы, что можем наконец-то покинуть угрюмое здание деревни-тюрьмы. В последние дни жить здесь стало невыносимо, в особенности после того, как спал накал борьбы. Да и сами условия жизни в деревне усложнились. В столовой выстраивались длинные очереди, чтобы получить какое-нибудь мясное блюдо. Шеф-по-

вар смущенно объяснял олимпийцам, что запасы мяса растащили. Нам и всем остальным спортсменам от таких оправданий было не легче.

Все чаще вспоминали мы о маленьком нашем Сан Саныче. И попросили руководство делегации отпустить нас в Москву раньше остальных. Нам пошли навстречу, и мы с огромным облегчением покинули Лейк-Плэсид, столицу Игр, которые принесли нам вторую общую и третью — для Ирины — золотые награды.

Кстати сказать, бойкот московской Олимпиады, закончившийся, как известно, для его организаторов провалом, имел в фигурном катании свое продолжение. Обычно после окончания чемпионатов мира сильнейшие фигуристы отправляются в турне по нескольким странам. Если чемпионат в Северной Америке — по США и Канаде, если в Европе, то участники турне обязательно приезжают в Москву и Ленинград. В 1980 году чемпионат мира проводился в Дортмунде, и, естественно, все сильнейшие спортсмены были включены в состав «сборной мира». Попали в нее и мы, хотя и не выступали на чемпионате из-за поврежденного плеча Ирины.

В последний вечер чемпионата за кулисами вновь была кутерьма. Бегали руководители Международного союза конькобежцев. Суетились американские представители. У девушек из команды США были заплаканные лица, а парни отводили глаза в сторону, встречаясь с недоуменными взглядами спортсменов. Оказалось, что под нажимом своего правительства американские фигуристы отказываются от участия в турне по Европе, чтобы не заезжать в Москву и Ленинград и не демонстрировать свое мастерство перед советскими зрителями. Пятеро американцев — Ч. Тикнер, С. Гамильтон, Д. Санти, Л. Фраттани и Л.-М. Аллен — уступили натиску официального Вашингтона. Мы не собираемся осуждать их за это, но волей-неволей на ум приходит сравнение с Эриком Хайденом.

Такой поступок американских спортсменов, пусть и вынужденный, осудили все фигуристы. Эммерих Данцер из Австрии, многократный чемпион Европы и мира, сказал, например: «Необходимо разделять спорт и политику». А фигуристка из ФРГ Дагмар Лурц эмоционально воскликнула: «Как, американцы не едут в турне? Мне очень жаль их!..»

После возвращения в Москву мы получали огромное количество писем. Мы просто не ожидали, что слезы, прокатившиеся по щеке Ирины, вызовут такой эффект сопереживания. Как и каждого советского спортсмена, нас радовало, что зрители высоко оценивают наше мастерство, наш характер, трудолюбие и нацеленность на победу. В одном из писем девушка из Симферополя писала: «Глядя на вас, я воспитываю характер, силу воли. И еще — я люблю вас за то, что вы в своих выступлениях щедро отдаете частицу себя, вернее, дарите ее людям...»

Что может быть лучше таких слов, такой высокой оценки!

Литературная запись А. ЧАЙКОВСКОГО.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

НИКОЛАЙ САМВЕЛЯН

ГИМН МУДРОМУ ГОРОДУ

Четыреста лет назад, в декабре 1583 года, во Львове умер Иван Федоров — человек, чье имя навсегда вписано в историю русской, украинской, белорусской и болгарской культур.

Было время, Ивана Федорова считали первопечатником, основателем государства печатного двора в Москве. Но исследования и открытия последних десятилетий убедили, что об Иване Федорове нужно говорить не столько как о первопечатнике (которым, кстати, он не был — книги в Москве печатали и до него), сколько как о великом восточнославянском просветителе, педагоге, общественном и политическом деятеле.

По решению ЮНЕСКО 1983 год объявлен годом Ивана Федорова.

...Это давнее воспоминание в последнее время все чаще возвращается ко мне. Именно с него хочется начать. И напомнить о пророчестве, которое сбылось.

В одном из парадных залов Львовской картинной галереи ее гость, всемирно прославленный академик, цитируемый в учебниках, очень тихо, уже выплывшим голосом говорил нам, львовянам, о нашем же городе. И выяснилось, что он, приезжий, знал и чувствовал город лучше и точнее. Это было неожиданно.

— Архитектурные памятники Львова уникальны, — говорил академик. — Равного им нет ни в нашем, ни в мировом архитектурном искусстве. Это надо понять: уникальны, то есть единственны, неповторимы. А сам Львов — один из красивейших городов мира, хотя, может быть, не все это осознают.

Затем академик, а звали его Игорь Эммануилович Грабарь, совсем уже пианиссимо закончил:

— Кроме того, нельзя забывать, что во Львове жил, работал, похоронен Иван Федоров — фигура в нашей истории необычная и загадочная. Карамзин когда-то сказал, что Федоров «красотой букв достоин». Действительно, он был талантливым гравером и замечательным типографом. Но только ли? Верится мне, что роль его в нашей истории много шире и значительнее. И если нам повезет, когда-нибудь это будет доказано... В любом случае город, давший приют человеку столь высоких и чистых мыслей, — мудрый город. Очень мудрый...

Вот что записано в моем старом блокноте. Сейчас уже трудно сказать, что, собственно, удивило меня, тогдашнего школьника. Возможно, широта знаний Грабаря. Возможно, первая встреча со знаменитостью. А может быть, смутная догадка, что мы присутствуем при высоком акте рождения мысли, которой суждено будет стать общепринятой. Теперь слова И. Э. Грабаря о том, что Львов «один из красивейших городов мира», а «его архитектурные памятники уникальны» тиражированы в миллионах экземпляров. Они известны всем, кто хоть однажды побывал в этом городе, кто его понял и полюбил.

Город в правду удивителен. И каждая встреча с ним — праздник. Какую-нибудь очередную неожиданность он обязательно преподнесет. Архитектурный силуэт, будто бы давно-давно примелькавшийся и вдруг в лучах заходящего солнца увиденный совершенно иначе, внове. Улыбку маскарона, поместившегося рядом с лепным окномым наличником. Или же маленький фонтан в виде тритона. Откуда он? Вышел в мир, материализовался со страниц романа Анатоля Франса «Харчевня королевы «Гусиные лапки»? Но нет, фонтан уже существовал не просто задолго, а за несколько столетий до того, как родился А. Франс, — это вам скажет любой краевед...

Итак, удивляйся, думай, вбирай в память все эти богатства. Мудрый город дарит их тебе.

Сейчас центральная часть Львова превращена в архитектурный заповедник. Несть числа здесь мемориальным доскам, музеям, памятникам. Вот только почти не сохранилось того, что напоминало бы об Иване Федорове. Время, многочисленные пожары сильно повредили средневековый город, уничтожили целые кварталы, славившиеся красотой застройки. Лишь Онуфриевская церковь, притаившаяся у подножия зеленого холма, дожила до наших дней. В одной из келий монастыря при церкви Федоров создал когда-то типографию, в которой были изданы «Апостол» и первая в Восточной Европе светская книга — «Букварь», или «Азбука».

Как же случилось, что мы так мало знаем об этом человеке? Когда он родился? Где учился? Почему уехал из Москвы? Почему исчезла, была потеряна его могила? До недавнего времени нельзя было дать точного ответа ни на один из этих вопросов. Да и сегодня многое остается загадкой. И первая загадка — отъезд Ивана Федорова из Москвы. Вот что писал в предисловии к львовскому изданию «Апостола» сам И. Федоров:

«Настоящая повесть показывает, откуда началась и как создалась эта печатня.

Волею отца и помощью сына и совершением святого духа, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и по благословию преосвященного Макария, митрополита всея Руси, составилась печатня эта в царствующем граде Москве в 1563 году... Все это не напрасно начал я вам излагать. Но по причине великих преследований, часто испытанных нами не от самого государя, но от многих начальников и духовных властей и учителей, которые по зависти возводили на нас многие обвинения в ереси, желая добро обратить во зло и дело божие вконец погубить, как это обычно для злонаправных, невежественных и неразвитых людей, которые ни в грамматических тонкостях навыка не имеют и духовным разумом не наделены, но без основания и напрасно распространили злое слово. Ибо такова зависть и ненависть, сама измышляющая клевету и не понимающая, куда идет и на чем основывается. Эти обстоятельства привели нас к изгнанию из нашей земли и отечества и от нашего рода и заставили переселиться в иные, неизвестные страны».

Долгое время это предисловие было единственным источником сведений о причинах отъезда Федорова из Москвы. Известно, что в Забудове, имении гетмана Литвы Ходкевича, и во Львове Федоров использовал некоторые шрифты и заставки, изготовленные еще в Москве. Так и возникло предположение, что печатник вместе с малолетним сыном Иваном и товарищем по работе Петром Мстиславовичем тайком бежали в Вильно, загрузив матрицы в сани и прикрыв их соломой.

Между тем многим исследователям давно уже казалась странной сама возможность тайно убежать из Москвы, прихватив с собой еще и часть типографии. Могли ли не хватиться Федорова, неужели не снарядили погоню, не попытались задержать на одной из застав? Если же задержать не удалось, то почему беглеца не предали вслед хуле и анафеме? Итак, был ли побег? Может быть, обычный отъезд?

Оставим пока в стороне эти вопросы, породившие многолетние научные споры. К ним еще будут возвращаться, и не раз. Одно безусловно — в жизни Ивана Федорова нам многое неясно и по сей день...

Не так давно академик Дмитрий Сергеевич Лихачев определил Федорова как фигуру многогранную, титаническую, возрожденческого масштаба. По мнению Лихачева, Федоров отлично понимал свою миссию — нести просвещение родному народу. Но в силу различных обстоятельств мог сознательно маскировать многие намерения. Уж слишком непростой была эпоха. Афишировать планы, даже самые благородные и бескорыстные, опасались.

К версии Лихачева, объясняющей «таинственность» Ивана Федорова, мы еще вернемся. А сейчас о нескольких доподлинно известных фактах, над которыми стоит задуматься, а заодно и попытаться провести логическую цепь, их объединяющую.

Едва прибыв в Литву, Федоров тут же был принят польским королем. Затем он совершал путешествия в Вену, Краков, Валахию. Откуда такая свобода действий у беглого дьякона? Почему его принимают и с ним беседуют короли и императоры? И еще один вопрос, на который не так-то легко найти немедленный ответ: на каком языке беседовал Федоров с венденосцами? Неужели лишь с помощью толмачей?

Странно и то, что Федорову легко доверились гетман Литвы Ходкевич, подозрительный и нервный князь Константин Острожский. Кстати, князь Константин, помогая Федорову оборудовать типографию, запросил у Ивана Грозного экземпляр Библии,

чтобы выверить ее текст. Грозный охотно выполнил просьбу князя. Вряд ли он поступил бы так, если бы считал Федорова человеком беглым, изменником, врагом отечества.

Многие исследователи склоняются к мысли, что его отъезд совершился все же с ведома царя. В этом случае не был ли Иван Федоров послан Грозным для поддержания русской культуры на землях, захваченных соседями? Таким ли наивным представляется предположение, что московский государь, встревоженный наступлением католицизма на восток, позаботился об основании типографии в пределах державы Сигизмунда, где русские и литвины боролись за сохранение своего языка, культуры и веры? (В ту эпоху русскими чаще всего называли жителей «русских земель польской короны», а литвинами — предков нынешних белорусов, которые тоже говорили на западно-русском диалекте.) Предположение смелое, даже азартное. У педантов возникнет желание если не опровергнуть его, что трудно, то хотя бы поставить под сомнение. Вместе с тем и доказать обратное также трудно. Тут будет, пожалуй, уместным небольшое отступление.

Недавно довелось мне побывать в гостях у большого друга нашей страны польского писателя Збигнева Ненацкого. Дом его стоит на Мазурских озерах, неподалеку от места, где разыгралась Грюнвальдская битва, в которой польские и русские полки впервые выступили вместе, защищая славянские земли даже азартно. У педантов возникнет желание если не опровергнуть его, что трудно, то хотя бы поставить под сомнение. Вместе с тем и доказать обратное также трудно. Тут будет, пожалуй, уместным небольшое отступление.

— Место, где мы сейчас находимся, в полном смысле слова перекресток истории,— говорил Ненацкий.— Кто знает, может быть, здесь, по этой дороге, некогда проехал из Вильно в Заблудов, а потом и во Львов Иван Федоров, который нам дорог так же, как вам дорог наш Коперник. Великие гуманисты — достояние всех народов. И у них есть одна общая черта, — необычайная личная скромность. Но вот на что я бы обратил внимание. Николай Коперник сделал феноменальное открытие, перевернувшее наши представления о Вселенной. Но он не искал славы. Предпочитал оставаться в тени. Так было удобнее для дела. Думается, нечто подобное происходило и с Иваном Федоровым. Не могу себе представить, чтобы он нигде не учился... Судя по всему, общался он с образованнейшими людьми своей эпохи. К тому же наверняка был человеком бывальым, многое повидавшим на своем веку. Иначе откуда же такое достойное, просто-таки эпическое поведение?

А ведь действительно, в том, что Иван Федоров был человеком разносторонне образованным, опытным и бывальым, после одной архивной находки сомневаться уже не приходится.

Еще в 60-х годах польский ученый Вл. Губицкий в Дрезденском государственном архиве отыскал единственное известное нам письмо Ивана Федорова. Оно адресовано саксонскому курфюрсту Августу, а написано на латыни. Федоров рассказывает о двух своих изобретениях — новой ручной бомбарде, которая вчетверо эффективнее прежней, и о секретной разборной пушке.

Если мы припомним, что весьма искушенный в военных делах польский король Стефан Баторий заказал Федорову мортиру новой конструкции и даже выдал аванс на ее изготовление, то станет очевидным, что Федоров в пушках кое-что смыслил и был отличным военным инженером. Когда и где он этому научился если, как утверждают, сначала был дьяконом Гостунской (Николая Льяного) церкви в Москве, а затем всю жизнь занимался организацией типографий?

Любая попытка уйти от этих неясностей белых пятен в биографии И. Федорова приведет к фальши, натяжкам. Как быть? Видимо несмотря на естественное нетерпение, смириться с обстоятельствами и попробовать проанализировать те факты, которые уже известны.

Федоров основывал русские типографии в Заблудове, Львове. Остроге издавал книги по которым русские должны были учиться читать и писать. Конечно же, для католиков и быстро проникающих в эти края иезуитов он был фигурой ненавистной, «русским пастырем». Были ли у него планы открыть еще и русские школы? Не исключено.

Ранее считалось, что первый печатный русский «Букварь», составленный Василием Бурцевым, был выпущен в Москве лишь в 1634 году через семьдесят с лишним лет после закладки Федоровым государевой типографии. И вот в 20-х годах нашего столетия Сергей Дягилев купил по случаю в Италии небольшую старую книжку, изданную еще в 1574 году! Судя по всему, Дягилеву попала в руки часть книжного собрания из-

вестного библиофила графа Строганова, скончавшегося в Риме в 1910 году. Открытие изданного Федоровым львовского «Букваря» — иногда его называют «Грамматикой», «Львовской азбукой» — стало сенсацией, в которую поначалу было попросту трудно поверить. Составлена была книга блестяще. Буквы вынесены на поля, чтобы обучающемуся легче было их искать. Издание очень строгое, без лишнего украшательства, чтобы не отвлекать внимания учеников. Лишь на первой странице помещена заставка в виде растительного орнамента. А на последней — два герба. Один из них — герб Львова, второй — самого Федорова.

К сожалению, Дягилев не позаботился о том, чтобы «Букварь» со временем, пусть после смерти владельца, попал в Россию. В конце концов книга оказалась в библиотеке Гарвардского университета в США. У нас в стране издавалась копия «Букваря», воспроизведенного фотомеханическим способом.

Затем спустя несколько десятилетий немецкий славяновед Гельмут Клаус обнаружил в библиотеке города Гота вторую федоровскую «Грамматику» («Азбуку»), изданную уже в Остроге в 1578 году. Значит, Федоров не только составил и издал, но и переиздал свой «Букварь». А переиздавать, надо думать, был смысл. Книга пользовалась спросом. В ней ощущали острую необходимость. На долгие годы и даже столетия она стала образцом для составителей славянских букварей. Несколько разделов «Букваря» Ивана Федорова были полностью перенесены в болгарские буквари, издававшиеся в 1824, 1826, 1834 годах и позднее. Другими словами, федоровский «Букварь» продолжал жить, по нему учились школьники через триста лет после его выхода в свет. Пример невероятного долгожительства учебника!

В послесловии к этой книге Иван Федоров писал: «Возлюбленный и чтимый христианский русский народе греческого закона!.. Если труды мои благоугодны будут вашей милости, то и примите их с любовью. Я охотно потружусь и над другими угодными вам книгами...» Кроме того, Федоров счел нужным отметить, что труды его — «в наслаждение всему народу русскому». Слово «всему» употреблено Федоровым не случайно. Всему народу — значит, не только князьям, боярам и духовенству, но и простым людям. Всему — значит, не только русским, проживающим под властью московского царя, но и русским, обретающимся в пределах Польши, Литвы, и даже «народу греческого закона» из числа подданных турецкого султана. Судя по этим словам, Иван Федоров понимал, что образованная и экономически сильная Русь представляла бы собой силу непреодолимую.

И вновь тревожит мысль — такой ли пассивной была роль Ивана Федорова в Москве, Заблудове, Остроге, Львове? Соглашался ли он в принципе на то, чтобы быть нанятым исполнителем, выполняющим чужую волю? Скорее выступал он в спорах с монархами и князьями со своих собственных позиций. И чем полнее и точнее усилиями московских, львовских, киевских, польских, немецких болгарских историков культуры, книговедов по крохам воссоздается подлинный облик этого удивительного человека, тем больше уверенности, что дело было именно так.

Да и не мог вести себя иначе «энциклопедист-просветитель, художник и ученый, изобретатель и организатор, человек прямой и одновременно умевший не раскрывать до конца своих намерений, практичный и глубоко бескорыстный в своих основных жизненных устремлениях, открывший своим делом новую эру в истории русской, украинской и белорусской письменности». Так считает Д. С. Лихачев.

Мудрый город Львов сумел стать для Ивана Федорова второй родиной. Сбылось пророчество И. Э. Грабаря — Львов чтит просветителя как одного из самых великих своих сынов.

Бывший Онуфриевский монастырь — теперь первый Дом-музей Ивана Федорова (говорю «первый» потому, что со временем, надо думать, возникнут они и в других городах — там, где жил, бывал, работал просветитель). Сейчас музей — один из отделов местной картинной галереи. И стараниями ее сотрудников, а также московских, русских и украинских ученых, любителей книги, писателей собраны экспонаты, оборудована экспозиция. У входа — скульптурная композиция работы Анатолия Галяна: Иван Федоров вместе со своими учениками. Так ли он выглядел на самом деле, как представляется ваятелю? Кто же теперь это может знать! Портретов не сохранилось. Утеряна могила. Сто лет назад исчезла и надгробная плита. Теперь ее восстановили по сохранившемуся рисунку и по слепку со слепка. На плите написано: «Успокоения и воскресения из мертвых чаю». Они пришли — и успокоение и воскресение. Самой просвещен-

ной, самой читающей страной на планете стала именно родина Ивана Федорова. Это исполнение его желаний, результат начатого им бессмертного дела.

Ежегодными стали в музее Федоровские чтения. На них съезжаются историки, книговеды, писатели из многих городов нашей страны. Число участников чтений постоянно растет.

И очень правильно сделали львовяне, приступив к созданию большого Федоровского центра, которым обещает стать Дом-музей в бывшем Онуфриевском монастыре, где основал свою последнюю типографию Федоров и на кладбище которого он был похоронен...

Есть во Львове гора Высокий замок — географический центр города. От нее разбегаются во все стороны большие и малые улицы. Отсюда, с Высокого замка, видны знаменитый Стрыйский парк, о котором сложено немало популярных песен, одно из самых красивых в Европе театральных зданий — оперный театр, сложная мозаика разноцветных черепичных крыш и дальние монолиты новых многоэтажных районов. Львов разнолик и неожидан. Древняя княжеская архитектура соседствует с конструктивизмом, европейский модерн — с готикой, современные ансамбли — с псевдоклассикой и восточным стилем. Тут каждый может выбрать улицу, площадь, квартал по вкусу, каким бы изощренным и даже капризным этот вкус ни был. Но возник во Львове уголок, который дорог всем. И львовянам и тем, кто хоть на день приехал в город. Это улица Богдана Хмельницкого, бывший Онуфриевский монастырь — Дом Ивана Федорова.

ИРИНА ЛУНАЧАРСКАЯ

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЛУНАЧАРСКОГО

Анатолий Васильевич Луначарский был художником во всем: в своей политической, философской, литературно-критической, педагогической деятельности. Наряду с политической и научной работой Луначарский всю жизнь занимался художественным творчеством. Его исконным искусством была драматургия. Но сохранилось и большое стихотворное наследие, практически не опубликованное: свет увидели едва ли десяток стихов — в архивах же хранится более сотни.

В рабочем дневнике за 1930 год, подводя для себя итоги «литературной (беллетристической) работы», Анатолий Васильевич сделал лаконичную запись: «С детства писал стихами и прозой»¹.

В самом деле, стихи он писал всегда и везде: любая мысль, внутренние переживания, впечатления, эмоции, вызванные внешними событиями,— все порождало поэтический отклик. Он набрасывал стихи в записных книжках, блокнотах, на полях и обложках книг, обороте официальных писем... Это была потребность, присущая психологическому строю Луначарского: видение мира в красках, в динамике.

Едва закрою я глаза —
Уж вижу краски, краски, краски.
На желтом фоне в бурной пляске
Узоры чертит бирюза.
Горят багряные эмали,
Неуловимый перелив
От фиолетовой печали
В трубнооранжевый порыв.
То засверкают вдруг парчами,
Мозаикой чаруют взор.
То манят странными ночами,
Залив разливом весь простор.
Все ярче блеск невыносимый...
И, замелькав, исчезли вдруг.
Я в белой зале нелюдимой,
И только мраморы вокруг.
Лепных карнизов в тенях бледных
Мне четка грань и белизна.
В извилах дерзких и несметных
Играет белым кривизна.
Под рококо щитов и бантов,
Средь урн и раковин ко мне
С карниза из больших акантов
Склонилась нимфа в полусне.
И личико слегка печально,
И грудь пленительно нежна.
И вижу: сотни раз зеркально
Она вокруг отражена...
Как перед сном меня ласкает
Моя богиня. Гений мой.
И ум мой мирно засыпает,
Закрывшись, как завесой, тьмой.

---

¹ Архив автора статьи.

В неопубликованных фрагментах воспоминаний Н. А. Луначарской-Розенель сохранилось свидетельство: «Для своего художественного творчества Анатолию Васильевичу оставались какие-то случайные часы... у него не было давящего сознания необходимости продуцировать во что бы то ни стало, он не сидел за письменным столом, ожидая вдохновения, грызя перо...» Эти слова обращены к драматургическому творчеству, но их мы с полным правом можем отнести и к стихам.

«Когда мы входим в область поэзии,— говорил Луначарский на диспуте в Доме печати в ноябре 1920 года,— тут надо запомнить, что поэт — это творец, которому снится некий «сон», что творчество есть особый психологический акт, когда поэт переполюсывается желанием выразить вовне какие-то эмоции, идеи, если только автор действительно поэт...»

Интересно, что о подобном состоянии, переживаемом поэтом, почти дословно сказано в статье «Искусство при свете совести» (1932) Марины Цветаевой: «Состояние творчества есть состояние сновидения...» Поэта нельзя принудить писать не то, что он чувствует. Надо «дать уху слышать, руке бежать...».

Это психофизиологическое состояние и заставляло «бежать» руку Луначарского. Однако он не считал себя профессиональным поэтом, почти никогда не возвращался к своим стихам, не шлифовал их, не готовил к печати (Анатолий Васильевич участвовал только в двух поэтических сборниках: «Автографы». 1921 года, где опубликовал стихотворение «Счастливая земля! На крови поколений...», и «Стык. Первый сборник стихов московского цеха поэтов», 1925 года; в этом сборнике опубликовано три стихотворения Луначарского).

Нет нужды акцентировать внимание на несовершенстве формы иных стихов, сохранившихся в архивах, интереснее постараться понять, что переполюсывало автора желанием «выразить вовне» свои идеи и эмоции. Не будем забывать и того, что это творчество часто имело характер сугубо личный, интимный. Вот, например, самокритическая оценка в связи с тридцатилетием:

...Спою ли я ту песнь об идеале,
Что медленно слагается во мне?
Как знать! Многие печально пали
В своей неразвернувшейся весне.
Да, лето началось. И виноград налился
И обещает сладкое вино...
Но бой кипит! И враг наш навалился,
И ворон каркает, и на небе черно.
Но верю я, что если бы в сражении
Я сам и пал, то плод мой не умрет
В другом уме, в ином воображении
Он радостно и полно оживет.

По автобиографическим высказываниям Луначарского мы знаем, что время заключения в тюрьмах, как ни парадоксально, было для него всегда временем самой напряженной работы, интенсивной научной и художественной деятельности. («Множество стихотворений, рассказов, трактатов,— замечает он,— было написано в Таганской тюрьме»; в киевской Лукьяновской «даже в обыкновение вошло к каждому вечеру сочинять какое-либо стихотворение на гражданские мотивы»).

Сохранившийся дневник, который вел Анатолий Васильевич в тюрьме Кресты во время ареста в январе 1906 года, содержит много стихов. Среди них «басня, посвященная буржуазии», написанная в связи с выходом в свет нового журнала «Полярная звезда». (В том же 1906 году Луначарский написал статью «Экскурсия на «Полярную Звезду». В ней такая оценка: «Если что ново в этом журнале по сравнению с прежними лабораториями буржуазного идеализма, так это потуги провести под флагом идеализма помещичьи интересы...») Басня называется «Свинья»:

Старик Карлейль нарисовал
Свинью-позитивистку живо.
«Помоев мне, а идеал —
Он несъедобен! — так игриво
Карлейля хрюкала свинья.—
Хрю, хрю, позитивистка я!»
Но изменило наше время.
Представьте, даже это племя!
И плотно свой набив живот
И выпавшись, свинья спросонья
Познала вдруг, что дух живет

В ее груди. И вот хавронья
Промолвила: «Помои есть;
Пора мне здесь, в хлеву сем тесном,
Свою судьбу в звездах прочесть,
Подумав также о небесном».
И рыло подняла она
И говорит: «Давно я знала,
Что ждет бессмертие меня
В лучах священного идеала!
О звезды, шепчете вы мне,
Что мир вперед идет фатально..
Я грежу в сладком полусне. —
И хрюкнула сентиментально. —
Я жажду, жажду красоты,
Мне не противна даже чистка!..»
Да ты теперь идеалистка?
Но... все ж свинье¹ осталась ты!..

Гражданские, революционные мотивы всегда волновали Луначарского. И именно его революционным стихам суждено было стать первыми опубликованными, правда без фамилии автора.

Летом 1905 года Луначарский послал Ленину стихи «К юбилею 9 января», сообщив, что их дал ему некий «приятель». И хотя ленинская газета «Пролетарий», выходящая еженедельно, стихов не печатала, это стихотворение по указанию В. И. Ленина сразу пошло в набор.

Через три недели Владимир Ильич снова делает исключение — публикуется сатирическая баллада Луначарского «Два либерала». Она так понравилась Ленину, что он даже процитировал строку из нее в статье 1905 года «Встреча друзей». А в 1907 году, вспоминая в письме Луначарскому о газете «Товарищ», которую издавали кадеты при участии меньшевиков, Ленин спрашивал: «Не тряхнуть ли Вам стариной, посмеяться над ними в стихах?»²

К сожалению предложению Ленина Луначарский не внял... Но те первые стихи вошли в золотой фонд революционной поэзии, многократно переиздавались в сборниках и антологиях.

Величием главной задачи жизни и острой восприимчивостью, психологической особенностью строя души Луначарского объясняется некоторая приподнятость, аффектация, тяготение к трагическому, которые сквозят во многих его стихах.

Незадолго до ареста в ноябре 1905 года в Петербурге Анатолий Васильевич продиктовал пьесе посвященную событиям 1905 года. В пьесе разоблачаются буржуазные идеалисты, пытающиеся втереться в доверие к пролетариату. Пьеса называется «Из иного мира». Она написана прозой, но есть в ней два стихотворения: пародия на декадентскую поэзию (Луначарский был мастером пародий, и они очень любопытны) и героико-революционное стихотворение — прощанье с жизнью смертельно раненного рабочего вожака.

Итак, мой страшный бой врагам был дан!
И пеплом стали прежние мученья!
Я горд как никогда и в славе ран
Иду, как триумвиратор, без смущенья.
Глумитесь! Но победа все ж моя,
Ее купил я кровью! Что за дело,
Что весь изранен, умираю я,
Что я упал, что холодеет тело.
Кладите в гроб, насмешкой похорон
И речью надмогильной объявите,
Что умер он, что кончен, кончен он,—
Меня вы до конца не умертвите!
Лишь ночь пройдет — из гроба моего
Воец железный в звонких латах встанет,
Возьмет мой стяг кровавый и его
Над вами как призыв борьбы протянет

Интересный пласт поэтического творчества Луначарского — стихи о свершившейся революции. В статье «Свержение самодержавия» вспоминая о днях в Швейцарии после Февральской революции, Анатолий Васильевич писал, что, выступая с докладами на

¹ «Литературное наследство». М. «Наука». 1971, т. 80, стр. 34.

русском и французском языках, «совершенно одержимый буйной революционной радостью, пел настоящие гимны в честь красавицы Революции».

Октябрьская революция породила множество стихов, которые, конечно же, выражали ликование, мечты о будущем. Свершилось то, чему было отдано все — помыслы, силы, талант... Видел Анатолий Васильевич и негативные стороны, трудности на пути к полной победе великих идей. За революцией последовали годы кровавой гражданской войны, интервенции. Республика жила в нечеловеческом напряжении. Правительство работало, не зная сна и отдыха, нарком просвещения почти не бывал в своем наркомате, выполняя специальные поручения на фронтах и в тылу.

Однако 1918—1920 годы — годы наивысшего творческого подъема Луначарского, в том числе художественного. В это время ярко проявились его качества политического и государственного деятеля, пропагандиста и агитатора, драматурга и поэта. Вспомним надписи на восьми плитах памятника Борцам революции на Марсовом поле, принадлежащие перу Луначарского.

Вот стихотворение, написанное летом 1919 года — года создания Коммунистического Интернационала. Идея этого, может быть и несовершенного по форме, произведения очень важна: революция — дело всего мира, о ней мечтали великие художники всех стран.

Прислушайтесь! Чу! Отдаленные раскаты...
 Земля дрожит. Гигантская борьба
 Мир потрясает. Мир не хочет больше
 Сгибаться под железную пятой...
 ...В России фронт переменялся: грянул
 Священный бой, последний бой. Не раб
 С рабом схватился по призыву властных,
 А угнетенные поднялись дружно против
 Рабовладельцев. Этот бой
 Пожаром разрастется над землей,
 И, словно Феникс, выйдет из пожаров
 Свободный, обновленный светлый мир.
 Об этих днях гадали уж пророки,
 Поэты их провидели. И вы
 Увидите сейчас картины, речи
 Услышите, в которых рисовал
 Пролог к той драме, коль и вы артисты,
 Великий сын Америки. Внимайте:
 Здесь борются свободный идеал
 С Железною Пятой капитализма,
 Здесь ваши братья с вашими врагами
 Переживут моменты жгучей распри,
 И будете вы слышать эхо, видеть отблеск
 Тех красных дней, что окружают вас.
 Два года власть рабочая стояла,
 Стоит и устоит, но под грозой
 Она живет, и грозною под стать
 Овечьною гордою надеждой...

К 1919 году относится и стихотворение «Блоку „Двенадцати“». Напомню лишь, что в нем дан первый или один из первых стихотворных портретов В. И. Ленина:

Кто ведет? Христос жемчужный?
 Кто там, зоркий и живой,
 Над Европою недужной
 Простирает разум свой?
 Всей тоски их порожденье,
 Кормчий всех надежд и снов,
 Для буржуев наважденье
 И Антихрист для попов...

Феномен высокой творческой активности в сочетании с огромной работой эпохи гражданской войны объяснен самим Анатолием Васильевичем, говорившим о том, какой горячей и самой утомительной работой была переполнена эта зима 1919 года.

«Именно утомительность этой работы, ее напряженность и ее яркость в освещении великих и горьких переживаний нашей революции и побуждали меня искать какого-нибудь интенсивного отдыха. Этот отдых я нашел в поэтическом творчестве».

Философское осмысление настоящего и будущего, осознание, что в России осуществляется то великое, о котором мечтали замечательные умы всех времен, отражено

и в цикле стихов «Портреты». К сожалению, это лишь черновые наброски, относящиеся к началу 20-х годов, сделанные на листках блокнота. Интересен выбор оригиналов, интересна форма цикла. Написано пять портретов, но расшифровать удалось пока только два.

Данте

Италия металась в беспорядке,
И беспорядок правил в городах.
Событья люты, и людишки гадки,
Повсюду жадность, ложь, жестокость, страх!

Империя должна прийти судьбою
И слить народы в стройнозвучный хор.
Но я, как все, разбит теперь судьбою
В изгнание. нет надежды с давних пор.

Я видел ад, на землю он похож.
В чистилище еще вы не вступили.
Мой гнев сверкнул в глаза, как острый нож.

Но, может быть, росой окропили
Ваш вялый дух, одет в порок и ложь,
Хоралы гордые и отблеск воскресений?

Пифагор

Остановись. дышать не смей! Молчание...
Вот — Сам Он слушает. Он слышит песнь светил.
Он отдыхает. Как бальзам звучанье
Целительных небес, как нас он просветил.

Мудрец поставил дивную задачу —
На землю низвести гармонию планет.
Вчера сказал: «На что я силы трачу,
В душе людей добра так тускл отсвет.

О беспорядочная, жадная и злая
Земная жизнь! Тебя исправить я хотел?
Внести гармонию в твой хаос визга, лая?
И стройный ритм внести среди судорожных тел?»
Теперь не думая, без грусти, не жалея
Он отдыхает. Дух к светилам возлетел.

В те же годы Анатолий Васильевич развил в своем поэтическом творчестве идею, которая зародилась у него еще в 1915 году. Тогда его увлекла возможность создания стихотворных парафраз некоторых музыкальных произведений. Им были написаны небольшие поэмы «видения», поэтически вторящие пьесам «Impromptu» Шуберта и фантазии «La minot» Баха.

Несколько видений на фантазию «La minot» Себ. Баха

Он положил персты на клавиши органа,
И трели пролились, как сноп падучих звезд,
И, падая, дошли до полосы тумана.
И радуги зажгли в ней переливный мост.

И, падая, ушли на дымчатое лоно
Густых, опавших над рекою туч.
И в них была видна неясная корона
И отблески в обрывках темных круч.

И звезды трели, падая, упали
В незримых бездн далекие низы,
И там огни едва-едва мерцали
Отсветом мрачным демонской грозы.

Вкруг меня
Шум тополей.
Вежит шумя,
Поет ручей.
Как бег времен
Неотвратим —
Так темных вод

Немолчен гимн.
 Бежит, бежит
 Из вечных гор
 К иным морям,
 В иной простор.
 Зачем течет?
 Поет о чем?
 И кто послал?
 Куда послом?
 Так бег времен
 Неизъясим.
 Конец его
 Недостижим.

Он положил персты на клавиши органа,
 И звуки вечные текли, как сказки звезд.
 Внизу все скрыли полосы тумана,
 Но выше радуги горел текучий мост.

Что правда, что мечта?
 И кто из них могучей?
 И можно ль ждать, что за тяжелой тучей
 Сияет красота?

Луначарский и во многих других стихотворениях использует форму музыкальных произведений, подчеркивая родственность поэзии музыке. В 1925 году опубликована статья Анатолия Васильевича «О поэзии как искусстве тональном», в которой он изложил свою точку зрения на эту проблему: «...все чисто поэтические, то есть стихотворные приемы рассчитаны, несомненно, на звучание. В сущности говоря, аллитерация, рифмы, метр и т. п. суть чисто звуковые приемы...»

«Формы музыкального произведения... не только вообще разнообразны... не сводятся к одной и той же мелодии, к одному и тому же темпу... кроме того композитор нашел множество приемов внесения в это разнообразие величайшей правильности... замечательное разнообразие форм, которые с определенными изменениями могут быть приняты за основу тональной поэзии, которая была бы прежде всего рассчитана на эстрадное исполнение...»

Отнюдь не выдавая свои практические попытки в этом отношении за вполне удачные, я должен сказать, однако, что мною написано было восемь сонат и один концерт, которые я до сих пор еще не решаюсь напечатать...» — писал он. (Поэма «Концерт» была опубликована в 1925 году.)

Вспоминая в статье свой опыт с поэтическими парафразами пьес Шуберта и Баха, Луначарский подчеркивал: «...моя парафраза, с точки зрения тональности, не является сколком с ритмического и мелодического содержания соответственных музыкальных произведений. Она является только их эхом. Однако я убедился на простом приеме, что эхо это достаточно громко... я прочел эти русские стихотворения музыканту-французу... и спросил его, какие музыкальные произведения приходят ему на память... Ответ последовал совершенно точный. Музыкант назвал произведения Шуберта и Баха...»

Среди многих «музыкальных» стихов одно посвящено виолончели:

Виолончель звучит певуче,
 Виолончель, виолончель,
 Виолончельный тембр тягуче
 Свивает бас и скрипок трель...
 День сер, тихонько увядают
 На ветках ржавые листья.
 Виолончели так рыдают,
 Как над могилой красоты.
 Как слезы, начал дождик капать
 На воду сонного пруда.
 Должно быть, Фавн седою лапой
 Смычок ведет туда-сюда.
 Виолончель нисходит глухо
 И, тремолируя, поет,
 Как будто вещая старуха,
 Гадая, сердцу весть дает.
 А я хочу, чтоб радость буйно
 В душе кудрявилась, как хмель,
 Чтоб сердцу было поцелуйно:

Пои страсть и зной, виолончель!
 Я приказал — и вот влюбился
 Виолончелей звучный хор,
 И вальс могучей чарой влился
 В недавно плакавший простор
 И небо стало темно-синим,
 Снегами тают облака,
 Цветут цветы, и пахнет тмнном,
 Играет золотом река.
 И ты идешь ко мне, И горды
 И торжествуют, как цари,
 Виолончельные аккорды:
 «ЛЮБИ, ЛЮБИ! ТВОРИ, ТВОРИ!»
 Виолончелей пьяных груди
 Поют пеан про жизни цель,
 Про радость, радость, братья-люди...
 Виолончель, виолончель.

Особая область Луначарского-поэта — переводческая деятельность. Исследователь его творчества Н. А. Трифонов склонен считать, что потребность переводов возникла из литературно-критической работы Анатолия Васильевича. Однако есть все основания утверждать, что переводами Луначарский занялся раньше, чем литературной критикой. В дневнике 1930 года записаны «Итоги моей научной работы», где есть такая строка: «Переводы Ницше, изданные > Ключиным». Речь идет о десятитомном собрании сочинений Ф. Ницше, изданном в 1900—1903 годах в «Издании книгопродавца М. В. Ключкина». Некоторые тома шли без указания фамилии переводчика. Это понятно: ведь в ту пору Луначарский был «гласный поднадзорный ссыльный» в Калуге, что вряд ли импонировало Ключину.

В Калуге, точнее в арестантском доме, куда попал Луначарский за нелегальные поездки в Москву, были сделаны переводы из Р. Демеля (позднее потерянные, как вспоминал Анатолий Васильевич). Там же, в Калуге, был начат перевод шедевра мировой поэзии — поэмы Фредерика Мистрала «Мирейо». История эта почти детективная.

Несколько лет назад мне привезли из Калужского краеведческого музея для расшифровки три письма Луначарского Д. Д. Гончарову. Во всех трех речь идет о переводе «Мирейо», заказанном Анатолию Васильевичу по желанию тетки Д. Д. Гончарова Екатерины Дмитриевны, прожившей много лет во Франции. Последнее письмо, датированное 13 августа 1902 года, послано Луначарским из Вологды. В нем среди прочего есть напоминание Д. Д. Гончарову о высылке денег за последнюю, двенадцатую песнь поэмы. Луначарский получал по двадцать пять рублей за песнь и, как следует из письма, передавал эти деньги в партийную кассу. Значит, летом 1902 года поэтический перевод был завершен. Но где же рукопись? Была ли она опубликована или сделана лишь для удовольствия поклонницы великого поэта? Ответ на последний вопрос я нашла во Франции, в городе Экс-ан-Прованс, где встретила с президентом основанного еще Мистралем общества Фелибриж господином Рене Жуво. Общество вело и ведет учет всех изданий, исследований и переводов Мистрала, издавая ежегодную библиографию.

Мой собеседник крайне удивился, когда я попросила показать мне библиографию за 1903 год. «Вы не ошиблись, — спросил он, — за 1903-й?» «Да, да!» И вот передо мной этот том, страница 3, раздел II — «Важнейшие издания и переводы». А вот и то, о чем я догадывалась: «Мирейо, перевод на русский язык мадемуазель К. Гончакофф (в печати)». Екатерина Гончарова трансформирована в Катрин, а ошибка в транскрипции фамилии — опечатка: буква «к» вместо «р». Но это дела не меняет. Факт тот, что дама пожелала увековечить себя в качестве первой переводчицы Мистрала на русский язык, однако этого не произошло. Можно предполагать, что, будучи стесненной в средствах — ведь и перевод оплачивался богатым племянником, — Екатерина Дмитриевна должна была воспользоваться и его типографией и бумагой, но Дмитрий Дмитриевич был человеком глубоко порядочным и другом Анатолия Васильевича и не мог разрешить подобного присвоения перевода. Следы его так и не обнаружены. Вся эта история интересна тем, что удалось документально доказать: первым переводчиком Мистрала на русский язык был Анатолий Васильевич Луначарский.

Еще один перевод Луначарского — эпическая поэма «Олимпийская весна» швейцарского поэта Карла Шпиттелера — находится в архиве. Его творчеством Луначарский увлекся в Швейцарии в 1915 году. Тогда же завязалось и личное знакомство с поэтом, которого Анатолий Васильевич называл великим.

Взаимоотношениям и переписке Шпиттелера и Луначарского посвятил свое исследование профессор Вернер Штауффахер. Он же передал мне копию стихотворения Луначарского, посвященного поэту, которое хранится в архиве Шпиттелера в Люцерне.

Карлу Шпиттелеру

О гений царственный, быть может, я родился,
 Быть может, я расцвел лишь для тебя —
 Чтоб миру русскому ты чрез меня явился,
 Чтоб русский мир откликнулся, любя,
 На музыку твою, звучащую органом,
 Глаза открыл на радугу цветов
 И сладостным певцом, мыслителем-титаном
 Обогастил свой Пантеон богов.
 Пусть узко то окно, что прорубил в стене я,
 Чтобы сиял и нам твой дивный луч,—
 Сквозь призму тусклую все ж льется, пламенея,
 Отсвет торжественный и ласков и могуч.
 Оркестр роскошный могут клавикиорды
 И полотно гравюра передать:
 Черпнув в его реке, благоговейно-гордый
 Бокал поэзии несущ тебе я, мать.
 Россия, в сердце сладко, робко брезжит вера,
 Что средь сокровищ твоего дворца
 Заблещет дар гиганта Шпиттелера,
 Творенья тень и силуэт творца.

Это была цель, которой служил Луначарский всю жизнь: знакомить мир с русским искусством и Россию — с зарубежным, способствовать развитию мировой культуры.

Анатолий Васильевич перевел ряд стихотворений и несколько небольших поэм Шпиттелера (опубликованы лишь «Колокольные девы»). Он чувствовал влияние Шпиттелера на свое собственное творчество, о чем писал в «Воспоминаниях из революционного прошлого». Некоторые стихи, написанные Луначарским в это время, прямо включают ссылки на героев швейцарского поэта.

Кафешантан в Берне

Кафешантан в Швейцарии немецкой
 Особо интересен, ибо груб,
 В нем смесь веселости почти наивно-детской,
 И пакости людской почти пугает глубь.
 Звенит рояль надтреснутою полькой,
 Худая женщина на хиленьких ногах
 Какой-то незатейливую ролькой
 Развеять силится тяжелой скуки прах,
 Но, серый, он осел на всех угрюмых лицах,
 И хайбы пьют в унынии вино,
 У них кафешантан, как и в других столицах,
 А впрочем, хайбу все равно.
 Когда же женщина, накинув шубку зябко
 На грязное свое трико,
 Идет по зале с шутовскою шапкой —
 Он ей кидает су и подло-жестоко,
 Жест оскорбительный за свой пятак купивши,
 Хватает бедную, хохочет, как сатир,
 И, дань Венере грязно заплативши,
 Хайб продолжает сонный пир.
 Но вдруг как будто в бок его толкнули —
 Смеется он в хмелю, встает из-за стола
 И заливается: ай-я-эли-ули!
 Горлави вторят вокруг: ай-я-ули-ла!
 И вновь смеются все, раскрыв широко пасти...

Стихотворенье интересно своей социологической окраской: тупое мещанство, грубость, серость среднего сословия, мелкой буржуазии вызывают отвращение.

Совсем иная тональность в описании редкостной по красоте природы деревни Сен-Лежье, в которой Анатолий Васильевич провел годы с 1915 по 1917. Мне довелось побывать в этой деревне дважды в связи с установлением мемориальной доски на доме, где жил Луначарский. Удивительно, что за шестьдесят лет там ничего не изменилось.

Подробное описание дома, деревьев и луга перед ним, пейзажа, который открывается на горный хребет Дан дю Миди, оставил Ромен Роллан, посетивший Луначарского 9 мая 1917 года. Он приехал, чтобы проститься с Луначарским, уезжавшим в Россию. Дневниковую запись Роллана дополняет поэтическое описание Анатолия Васильевича. Стихотворение так и названо: «Сен-Лежье».

Saint-Lézier

Горы отступили, дали место лугу,
Луг благоуханный зелен и цветист,
И под синим небом по большому кругу
Выстроились горы. Низ их светло-мглист,
Но, поднявшись выше, кружевом убралась,
Тонким рукодельем сказочных лесов:
К бахrome той черной весело поднялись
Батальоны винных завитых кустов.
Те же горы — боги, что вонзились в небо,
В горностаи и жемчуг плечи облачив,
Молчаливой песнью под лучами Феба
Славят вечной жизни радостный прилив.
Не пугает снегом, а дает аккорды
Этих великанов старцев серебро.
Голос их молчанья, голос важный, гордый,
Говорит, что все же этот мир — добро.
Он звучит согласно с озером глубокоим,
С ясною лазурью, с рябью золотой,
С этим братом ихним, богом синеоким,
И с туманов легких тающей мечтой.
И над всем хоралом этих стройных линий,
Этих ясных красок вырос позади
Царь, пред кем склонились горы-исполины,
Царь в семи коронах, царь Dent du Midi.
Там живут титаны, рой мечты поэта,
Дети олимпийской двойственной весны,
Там они дождутся радостного лета,
Там опустят знамя красное войны,
В озере потопят злобную Ананке,
Гимн победы грянет дивный Аполлон!..
А пока играют дружно на полянке
Мать с своим ребенком... Это уж не сон.

Живя в Швейцарии, Анатолий Васильевич много ездил по стране, побывал в разных ее уголках. Многим из увиденных им городов и красот природы посвятил он стихи. Город, городской пейзаж привлекал внимание Луначарского — поэта и переводчика. Интересно звучит переведенное им мрачное, ироничное стихотворение немецкого поэта А. Лихтенштейна «Городской вечер»:

Вдоль грязной улицы дома, как барки.
Над их горбами солнца серый шар.
Безумно пуделя подрались — из-под арки
Мигает туча в мировой пожар.
В одном окне мальчишка ловит муху,
Другой, весь напомаженный, орет.
Под небом по мосту мчит, громыхая глухо,
Дымящий поезд... Ветер дым сотрет.
Как «Ундервуды», стучают упруго
Пролетки. Вот гимнастов целый строй,
Из кучерской пивной несется крепко ругань,
Но веет колокольною игрой.
По площади идет отряд атлетов.
Уж сумерки ползут на смену дню.
Шарманка плачется, и рубятся котлеты.
Какой-то муж нещадно бьет жену.

Резко контрастируют этому стихотворению четверостишия — впечатления о поездке с докладами в Баку в 1926 году:

Серо-желтою подковой
Вкруг лазоревого моря
Лег Баку и жизнью новой
Закипает, с прошлым споря.

* *

*

Черные лачуги — память капитала,
Рядом с ними новых домиков игра.
Первые просветы, первые начала —
Весть, что наступает светлая пора.

* *

*

Большой театр был полон молодежью,
Две тысячи восточных юных лиц.
Как слушают! Звучат пустою ложью
Все опасения и ропот небылиц.

В поэзии Луначарского огромное место занимает природа. Она всегда была для него источником вдохновения. Действовала на его настроение и погода.

Еще с 1905 года Анатолий Васильевич невзлюбил Женеву. Но в ноябре 1930 года, приехав в этот город на сессию Подготовительной комиссии к конференции по разоружению, он записал утром в дневнике: «Ландшафт сегодня волшебный. Солнце сияет». И стихи:

Перед окном, в золотой день

Моя немилая Женева
Оделась в светлый туалет,
Он голубой, а снег Салева,
Монблана серебро и свет
И рыжий мех садов и парков
Сегодня страшно ей к лицу.
Она красива... но не ярко,
Как будто клонится к концу
Прелестный шарм чуть грустной дамы,
Но все еще чарует взгляд,
И у исхода томной драмы
Улыбку шлет она назад —
К счастливым веснам встреч, открытий.
И вдруг... бросает взор на вас...
«Не все прошло? Я жду событий,
Не бил еще последний час.
Я хороша, пьяней и гуще
Вино на дне хрустальных чаш,
Призыв осенний и погожий
Пророчит сладкий час — он наш!»
Да, ты сегодня превосходна,
Немилая Женева, но...
Ты превосходна лишь сегодня,
А завтра — брызнет дождь в окно.
Сдружившись с осенью, легко ты
В осеннем сердце шелестишь
В венце из темной позолоты,
Твоя красноречива тишь.
Я рад твоей красивой ласке,
Я не сдаюсь, я счастье знал
И ненаглядно-летней сказки
Не допил до конца бокал.
Но ты — моя! — царица — детка —
Пленительна всегда! — и с ней —
Пусть дождь всегда висит осенней сеткой —
Танцует праздник летних дней.

Еще стихи, записанные Луначарским в дневнике:

Когда б судьба могла менять пути
И мне б исполнила одно желание,
Я б ей сказал: «Судьба, не допусти
К головке милой черное страданье.
А в остальном пусть действует закон,
Какой конец пошлешь — такой приму я.
Страданье? — я сдержу ненужный стон.
Успех? Твой дар, судьба, приму ликуя.
Но я не раб! Стараюсь как могу
Лик жребия ваять незавершенным,
Бережь ее, не уступать врагу
И строить по грядущему свои колонны».

Мысль о жене, любовь к ней всегда сопутствовали поэтическому творчеству Анатолия Васильевича. В 1926 году в Боржоме была написана тетрадь четверостиший:

Шуми, шуми, Кура! Ты всякому шумишь
 О том, что кроется в его заветной думе.
 Роман моей любви мне шепчет эта тишь,
 Роман моей любви я слышу в мерном шуме.

* * *

Чернильница, будь ларчиком волшебным,
 Дай мне черпать в тебе подарки для жены
 И помоги одеть венком хвалебным
 Мои порывы к ней, о ней мечты и сны.

Четверостишия венчает «Персидская гирлянда»:

Я дрожу при тяжелой мысли,
 Что гирлянду этих строчек
 Встретит отзыв бледно-кислый
 Да иронии кусочек.

Не хочу звучать оркестром,
 И могуч и пышнословен,—
 Твоей прелести маэстро
 И любви твоей Бетховен.

Может быть, ошибка это,
 Но меня четверостишья
 Манят, словно розы лета,
 Дети сада и затишья.

Саду в красках персы пели
 Славу пестрыми коврами
 И сады растить умели
 Слов, зажатых в строгой раме.

Я дарю, чтоб ты сверкала
 Янтарями, бирюзой,
 Смехом пурпурным коралла
 И алмазною слезою...

Примеры поэтического творчества А. В. Луначарского можно множить и множить.

Публикуя стихотворения, сохранившиеся частично в рукописях в различных архивах, я стремилась показать, что поэзия Анатолия Васильевича не только раскрывает новую грань его литературной деятельности, но и дополняет его известные высказывания «о времени и о себе», об эпохе подготовки и свершения Октябрьской революции, о становлении нового общества.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Г. ПОЛОЗОВ,

государственный советник юстиции третьего класса

ОБРАЗ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Заметки юриста

Детективный жанр переживает сейчас пору расцвета. Интерес к этим произведениям огромный. Любители расхватывают все, что издается.

В наш век стремительных скоростей и возросших стрессовых нагрузок развлекательный элемент детективного жанра играет роль как бы психологической отдушины, позволяющей людям снять нервное напряжение, отвлечься на время от суетности быта, расслабиться, разрядиться.

Однако было бы, на мой взгляд, совершенно неверно интерес к детективу объяснять только развлекательностью его содержания. Налицо большой интерес людей к проблемам и вопросам законности, правопорядка, которые приобретают все возрастающее значение в жизни нашего общества.

К детективной литературе мы, юристы, относимся с особым пристрастием. Это и понятно. Ведь речь в этих произведениях идет о нашей работе, о работе следователей, сотрудников милиции, прокуроров, судей. И нам, естественно, хочется, чтобы она находила в литературе реалистическое, правдивое отражение.

В произведениях детективного жанра я бы выделил три стороны: развлекательную, воспитательную и познавательную. Если есть острый сюжет и интересные приключения — это хорошо. Если есть к тому же и хороший воспитательный заряд — это еще лучше. А если есть к тому же и познавательный элемент, то есть писатель неназойливо, тактично приобщает людей к знанию определенных правовых принципов, существующих в нашем обществе, — это отлично.

В чем недостаток многих наших мероп-

приятий по правовой пропаганде? В том, что мы действуем часто прямолинейно, грешим морализаторством. У детективного жанра в этом смысле бесспорные преимущества. Он дает возможность, что называется, сочетать приятное с полезным: при помощи интересного, занимательного сюжета исподволь, тонко, незаметно совершенствовать правосознание людей в нужном для общества направлении.

Требования, о которых идет речь, не чрезмерны. Лучшие произведения этого жанра — прямое тому подтверждение. Интересно и квалифицированно пишут на правовые темы, например, Юлиан Семенов, Владимир Тендряков, Василий Ардаматский, братья Вайнеры, Анатолий Безуглов, Аркадий Адамов, Станислав Родионов и ряд других писателей. Им удается одновременно решать задачи чисто художественные и правовоспитательные.

Во многих произведениях авторы не ограничиваются демонстрацией техники расследования, постановкой и решением хитроумных логических задач, а поднимают серьезные нравственные вопросы, приглашая читателя задуматься над природой преступности, глубже понять человека, нарушившего закон. Говорят, чужая душа — потемки. Не берусь судить об универсальности этой формулы. Но что касается преступника, то темных закоулков в его душе действительно немало. Высветить их, вытащить наружу то, что тщательно скрывается от посторонних глаз, от дневного света, — задача, посильная только литературе.

Получил я недавно весьма любопытное письмо от активного читателя журнала «Человек и закон» З. Представился он так: «Я самый настоящий и живой уголовник.

Начал судиться за разные преступления с 1941 года. Судился в Грозном, Астрахани, Орле, Фрунзе, Пржевальске и т. д. Читал Гераклита Эфесского, Аристотеля, Платона, Юма, Фурье... Пишу, — продолжал он, — от всего своего паразитического сердца как представитель толпы уголовников и правонарушителей. Я — часть их чувств, разума, рассудка и ощущений». Дальше З. как «представитель» излагает взгляды на литературу и искусство: «Когда писатель скверно пишет об уголовниках, они на это особенно не обижаются. Посмеиваются только. Когда же книга или кино созданы умело, такое творчество захватывает и заставляет призадуматься... Знаете, — далее пишет З., — как часто бывает? Идет кино в местах лишения свободы. Зрители — уголовники. А герой картины — чекист. Чекист убивает матерого бандита Леньку Пантелеева. И вот вообразите: переживают и сочувствуют зрители-преступники чекисту. Говорят между собой уголовники: «Душа с него вон, с этого басмача Леньки Пантелеева. У него, у Пантелеева, не было предела...» А почему так говорят? Да потому, что умело поставлен фильм как „орган пропаганды“». Что ж, есть своя правда в словах моего корреспондента, ибо и впрямь вся сила автора — в компетентности, знании природы преступления и, конечно, в таланте.

Когда же писатель или кинорежиссер борется со злом, не зная или мало зная природу преступлений или преступника, такая «пропаганда» не имеет никакой воспитательной силы, не оказывает воздействия на чувства и разум.

Нередко публикуются у нас произведения вялые, невыразительные, написанные без знания предмета и потому неубедительные, не трогающие душу и сердце.

Знакомясь с ними, сразу видишь, что личность, психологический облик правонарушителя подменены схемой. Преступник то предстает в образе рокового злодея, то, напротив, выглядит совсем обычным человеком и от нормальных людей отличается только тем, что в свободное от работы время совершает преступления.

Сейчас психологическим особенностям личности преступника уделяется очень большое внимание и в юридической науке и в практике. Недавно сектор судебной психологии Института прокуратуры СССР закончил большое исследование на эту тему. Оказывается, между вором и хулиганом, к примеру, есть немалые психологические различия. Вот какой собирательный портрет хулигана нарисовали ученые: материальные блага значат для него меньше,

чем труд, способный доставить удовлетворение; эстетические удовольствия, любовь, семью, опыт прожитой жизни, жизнь вообще оценивает ниже обычной нормы; жизненные перспективы представляются ему довольно мрачными, склонен к пессимизму.

А это портрет «среднестатистического» вора: жизнь считает скучной и однообразной, на склоне лет предпочитает пассивность; от других категорий преступников его отличает более высокая оценка эстетических удовольствий и любви; о труде, полезности другим людям, альтруизме отзывается с равнодушием; желание жить выражено слабо, равно как и потребность в самореализации.

Интересные результаты. Если их примет в соображение писатель, то его работа может от этого выиграть. В закоренелых злодеях никто из преступников себя не узнает. А достоверный образ способен оказать воспитательное воздействие.

К сожалению, есть романы и повести на правовую тему, которые представляют собой не более чем беллетризованные следственные протоколы. У меня лично такие книги не вызывают интереса. Найти любопытное уголовное дело и бойко пересказать его своими словами без художественного осмысления описываемых событий и фактов — этого мало для настоящей литературы.

В условиях повышенного спроса на детективную литературу весьма посредственное произведение может получить признание у какой-то части аудитории. Интерес к жанру как таковому подогревает интерес к данной конкретной книге, хотя она, может быть, и не заслуживает этого. Наверное, всем нам, и особенно критике, издательствам, нужно быть более требовательными к авторам, эксплуатирующим популярность жанра.

Главная идея каждого детективного произведения — торжество справедливости. Юстиция — это справедливость. Таков изначальный смысл этого слова, таково содержание этого социального института. Высокое понятие «справедливость» подразумевает не только конечную цель правосудия — покарать зло, но и средства, которыми эта цель достигается. Нельзя утверждать справедливость несправедливыми, незаконными методами.

Детективная литература призвана воспитывать, укреплять в людях чувство справедливости — этого важнейшего элемента социалистического правосознания.

Не без влияния произведений данного жанра формируются представления гражд-

дан о законности, о сущности нашей правовой системы. Это показывает, в частности, ряд криминологических исследований. Жанр взял на себя весьма серьезную социальную функцию. А это, в свою очередь, налагает на его творцов и весьма серьезную социальную ответственность.

Есть книги, в которых авторы стараются обойти стороной юридические моменты, связанные с расследованием преступления. Поиск злоумышленника основан у них на чисто логическом анализе явлений и фактов, на игре ума. Не акцентируя специально правовых вопросов, авторы тем не менее ставят актуальные нравственные проблемы, пытаются художественно осмысливать истоки и мотивы противоправного поведения. И все же такие произведения обычно страдают некоторой абстрактностью, отстраненностью от реального времени и действия, от конкретных условий работы людей, охраняющих закон. Они больше похожи на занимательную логическую игру, в которой «сыщик» и «вор» — это просто функции со знаком плюс и минус, а обстановка, в которой происходят события, — лишь условие задачи. И будет ли «сыщик» называться следователем, инспектором или еще как-нибудь, значения не имеет. Типична в этом смысле опубликованная в журнале «Наука и жизнь» (1981, №8 № 8, 9, 10) повесть Л. Боброва «Нас было тринадцать», в которой расследованием трагического случая в затерянной на пустынном Памире физической лаборатории занимается не следователь, не инспектор милиции, а один из сотрудников лаборатории. Расследование не было связано с необходимостью применения определенных властных полномочий, которыми наделены работники правоохранительных органов (допрос, обыск, арест и т. д.). Оно представляло собой поиск решений целого ряда задач, требовало наблюдательности и смекалки. Герой повести, проявивший в полной мере эти качества, успешно справляется с разгадкой тайны — причины гибели человека. Что ж, такие произведения, видимо, имеют право на существование.

Но все же больший успех ждет писателей, тяготеющих к реалистичному повествованию, к точности деталей и обстановки. Герой их произведений не просто «сыщик», а следователь прокуратуры или милиции, работающий в конкретном городе или районе, облеченный строго определенными полномочиями и действующий по строго обозначенным правилам законности. Писатель сам волен выбирать жанр, но выбрав, должен следовать соответствующим

«правилам игры». Фантазии и импровизации на темы законности вряд ли здесь допустимы. Писатель должен строго учитывать в своей работе правовые требования. В противном случае он, даже создав некую иллюзию документальности, может серьезно дезориентировать читателя в вопросах законности.

Нередко появляются и такие произведения, в которых авторы, не ограничиваясь развертыванием детективной фабулы, делают попытки философского, нравственного осмысления вопросов законности, берутся за анализ этических основ предварительного следствия и правосудия. Порой в таких произведениях дается авторское толкование определенных правовых норм, разъяснение принципов уголовного права и процесса. Здесь писатель должен проявить особую ответственность: недопустимы легковесность, оригинальничанье, произвольность, потому что принципы, о которых идет речь, выстраданы опытом поколений и имеют вполне определенное социальное содержание.

Лучшие умы человечества трудились над их разработкой и внедрением в практику правосудия. Много копий было сломано в спорах о том, как в наилучшей степени сочетать принципы гуманности и принципы неотвратимого воздаяния за причиненное обществу зло. Писательское обращение с этими проблемами и принципами не должно вести к их профанации!

В интересной, умело написанной повести П. Шестакова «Давняя история» (Ростовское книжное издательство, 1982) инспектор уголовного розыска Трофимов обращается к следователю Мазину: «У вас, Игорь Николаевич, своя методика, и вы дело это, конечно, распутаете, но действуете вы как судья, а не как следователь. Предоставляете противнику все возможности для защиты. А ведь у нас охота, а не дуэль». «Свою мысль, — продолжает автор, — он выразил точно. Трофимов к работе относился, как к охоте. И хотя правила строго соблюдал и действовал в рамках лицензии, в своем праве найти и затравить зверя не сомневался».

Автор представляет здесь два подхода к следствию как два стиля работы, имеющих равное право на существование, — охота и дуэль. Разница только в этических оттенках. Дуэль, по логике автора, нравственно предпочтительнее, хотя и охота при строгом соблюдении правил и в рамках лицензии вполне допустима.

Между тем сравнение с охотой здесь неправомерно и даже бестактно. Зная тре-

бования уголовно-процессуальных правил, нельзя себе представить, как можно «найти и затравить», не нарушив при этом закона. Ведь нормы расследования предусматривают целый ряд гарантий прав личности, средств защиты подозреваемого и обвиняемого. Весь уголовный процесс подчинен гуманной задаче исправления и перевоспитания человека, преступившего закон. А это никак не согласуется с понятием «затравить» — даже при всех скидках на его метафоричность.

«Не знаю. Трофимыч. Представь, что должен чувствовать невинный человек, если в жизнь его вторгается несправедливое обвинение». Правильно ответил следователь Мазин. Только уж больно вяло, неуверенно, как бы уступая Трофимову место на трибуне проповедника

В книге С. Родионова «Долгое дело» (Лениздат, 1981) есть такие строки: «...в стремлении идти по следу, допрашивать, выпытывать, обличать, арестовывать есть что-то нездоровое, низкое. При одном условии — если следователь без идей. В чем же она? Следователем может работать только тот, кто имеет чувство справедливости. Главное качество следователя — справедливость. Моральное оправдание всех допросов и арестов — чувство справедливости».

Только ли «идея» и «чувство»? — спросим мы. Важнее, видимо, объяснить, как моральные принципы соединяются с конкретной практикой.

Справедливость, справедливость, справедливость.. В каждой детективной повести встретишь эти слова, и не единожды. Нравится оно всем — это звонкое, чеканное слово. И инспектору Трофимычу, который не сомневается в своем праве «найти и затравить», оно тоже нравится. Если брать его как понятие, символ, то кто же против, все, конечно, за. Но высокие понятия «любовь» или «справедливость» могут оставаться и пустым звуком, если они употребляются абстрактно и не наполнены реальным содержанием.

Часто можно услышать сетование: наказания наши слишком слабы, надо их ужесточить, надо сделать так, чтобы негодяям, преступникам небо с овчинку показалось. Но на практике все значительно сложнее. Как-то криминологи провели опрос присутствующих на судебном разбирательстве. 60 процентов опрошенных заявили, что назначенное судом наказание они считают слишком суровым.

На малой сцене МХАТа имени Горького идет спектакль по пьесе Н. Павловой

«Вагончик». Судят трех девчонок-подростков за злостное хулиганство. Какие же они отвратительные, эти девчонки — циничные, дерзкие, развязные! В общем, оторви да брось. Идет суд. И с каждой новой сценой перед нами все полнее раскрывается картина становления их характеров, формирования их личностей. Город-новостройка, в котором живут эти девчонки, обещает стать городом-садом. Но в строительной суеете позабыли люди, для кого они возводят город, забыли о девчонках, которым жить в городе-саде, все откладывали на потом. А девчонкам необходимы и внимание, и тепло, и человеческое участие. И не потом, а сейчас. Мы смотрим спектакль, и нам все совестнее становится за себя и все больнее за этих девчонок. И когда суд назначает им условное наказание, мы облегченно вздыхаем и уходим из театра с надеждой, что теперь возьмутся за этих неприкаянных девчонок настоящие воспитатели, сделают из них людей... В этом спектакле не было звонких деклараций о справедливости. Но было чувство справедливости, был ее зримый образ.

Принципы справедливого по своим методам установления истины при судебном разбирательстве формировались столетиями, даже тысячелетиями. И те принципы законности, которым следует советская юриспруденция, являются вершиной того, чего достигла мировая цивилизация. Во всяком случае на сегодняшний день.

Поэтому когда авторы иных детективных романов и повестей начинают фантазировать на тему о правовых принципах, это всегда неубедительно и вызывает внутренний протест. Действие детективных сюжетов происходит не на Марсе и не в созвездии Стрельца, а у нас на земле, в конкретной обстановке. А стало быть, и правила литературной «игры» должны соответствовать этой конкретности, соответствовать той системе правовых принципов, название которой — законность.

В иных произведениях автор вроде бы двумя руками голосует за законность. Но просто «голосовать» — мало... В романе Ф. Шахмагонова «Резонанс» (Профиздат, 1979) выведен некий «одержимый законник» — так называют сослуживцы начальника райотдела милиции Волкова. «Если он ведет дело, — говорят они, — то законченным его сочтет, только собрав все доказательства». И тут же возникает недоумение: а как же другие, «неодержимые», ведут следствие? Разве они считают нормальным и допустимым заканчивать дело, не собрав всех доказательств? А потом,

почему собственно «одержимый законник» Волков ведет следствие? Ведь начальнику милиции такого права закон не предоставил. И выписывать «ордера на арест», как это делает Волков, он тоже не вправе. Это функция прокурора. Я уже не говорю о самой терминологии — наш закон не знает понятия «ордер на арест», есть «санкция на арест».

Думаю, что «фантазии» некоторых авторов связаны с их невысокой компетентностью в правовых вопросах. У нашей литературы есть великие учителя — Толстой, Достоевский. Обращаясь к судебным казусам, к правовой тематике, они делали это с великолепным знанием предмета, специфики тех юридических вопросов, которые возникали по ходу сюжета...

Конечно, безукоризненное владение правовым материалом не гарантирует высокие художественные достоинства современного произведения. Но можно сказать определенно: книги, в которых допускается серьезная путаница в правовых вопросах, как правило, весьма уязвимы и с художественной стороны. Видимо, это оттого, что настоящий мастер не позволит себе верхоглядства.

Впрочем, мелкие погрешности, просчеты в деталях можно было бы авторам детективных повестей и извинить. Хуже — когда в ложном свете предстают важные понятия и принципы права.

В повести О. Эминова «Будь начеку, Бекназар!» («Молодая гвардия», 1981) есть эпизод, в котором работники милиции подслушивают телефонный разговор подозреваемого, причем подслушивание, как уверяет нас автор, произведено «с санкции прокурора». Сколь легко и лихо нарушено в этом придуманном сюжете важнейшее конституционное право граждан! Причем подано это как норма, как обычная практика следственных органов. Автору даже невдомек, что телефонные переговоры не могут быть подвергнуты следственной проверке ни при каких обстоятельствах.

Повесть В. Печенкина «Отцы» («Молодая гвардия», 1979). Милиция задержала за хулиганство трех молодых оболтусов, избивших на улице девушку. Отец одного из них, Ельников, приходит к начальнику милиции — своему фронтovому другу, чтобы выяснить ситуацию. «Если потерпевшая подаст заявление, — говорит майор, — то прокуратура, я думаю, даст санкцию на возбуждение уголовного дела». Всего одна фраза, а как искажена сущность закона. Ведь в действительности никаких заявлений для привлечения к ответственности за ху-

лиганство не требуется. Вмешательство органов правосудия не зависит от инициативы потерпевшего. Не нужна и санкция прокурора. Привлечение хулиганов к уголовной ответственности — это целиком компетенция милиции.

Ложные послышки получают соответствующее развитие. Начальник милиции намекает Ельникову: поговори, мол, с потерпевшей, упроси не подавать заявления. Порядочный человек Ельников этот ход отвергает. Но сработала другая ложная посылка — «прокуратура не дала санкцию на возбуждение уголовного дела ввиду малозначительности содеянного». Такое решение вызывает изумление даже у Ельникова: «Значит, если не искалечили, то и не виновны?» И начальник милиции начинает убеждать отца нахулиганившего оболтуса, что все правильно, что не надо загружать суды мелкими делами. А спустя несколько дней один из этих хулиганов убивает человека, убивает из мести за то, что тот вступился за девушку и пресек их преступление. Безнаказанность хулигана привела к трагическому исходу. Это, казалось бы, единственный вывод, вытекающий из предложенной автором ситуации. Не ахти какое откровение, но по сути все верно. Однако автора, видимо, не устраивала такая примитивная однозначность. И в конце повести он решил реабилитировать начальника милиции: «Майор поступил тогда так, как и должен был, сделал все, что положено». Иными словами, сделано все по закону, а результат — новое, более тяжелое преступление. Какое же представление о законе должен вынести читатель?

Наша работа по борьбе с хулиганством, разумеется, может вызывать справедливые нарекания. И вовсе не закон здесь виной, а отступление от него. В. Печенкин же эти отступления преподнес как сам закон. И получился литературно-правовой винегрет.

Нынешний читатель готов принять за условность, за художественный вымысел любую сюжетную ситуацию. Но он в большинстве своем не может относиться как к условности к закону, к юридическим принципам, на которые ссылается прямо или косвенно писатель. Он воспринимает их буквально, как реальность. Такова уж сила печатного слова. И когда дух, внутренняя логика закона в произведении искажены, искажаются и представления о нем читателя. Возникают опасные дефекты правосознания, которые не так просто устранить.

«Образ» закона в детективных повестях и романах должен соответствовать своему

реальному «прототипу». Только на основе этого принципа литература интересующего нас жанра будет укреплять в читателе правильное представление о законе.

Если вернуться к повести В. Печенкина «Отцы», то несложно предсказать реакцию читателя на допущенные автором правовые искажения. Одни будут в недоумении пожимать плечами по поводу явного либерализма Уголовного кодекса в отношении хулиганов. А кое-кто, видимо, наматает на ус намеки начальника милиции относительно легкого способа избежать уголовной ответственности — уговори потерпевшего (потерпевшую), и дело в шляпе. И ведь уговаривают, упрашивают, умоляют, убаюкают, а когда не помогает, то и угрожают... Следственной, судебной практике хорошо известны подобные случаи. И получается, что потерпевший, пострадавший от преступника, вынужден страдать вновь, теперь уже под тяжестью моральной ответственности за дальнейшую судьбу правонарушителя, которая, по В. Печенкину, целиком находится в его руках. Может ли допустить такое закон? Конечно нет, потому что это безнравственно. И несправедливо. Закон не может допустить, чтобы ответственность за его нарушение ставилась в зависимость от того, сумеет ли преступник добиться прощения у потерпевшего.

В некоторых детективных произведениях авторы, демонстрируя хорошее знание правовых принципов, тем не менее с одобрением относятся к противозаконным действиям своих героев — следователей. Авторская позиция примерно такова: следователю важно побыстрее обезвредить преступника. Оттого и отступления от строгих норм. Но, во-первых, для быстрого обезвреживания у нас есть вполне законные средства. А во-вторых, где гарантия, что мы обезвреживаем именно преступника? Преступником человека признает суд. И у нас нет права допускать произвол. Иногда следователь нарушает (по велению автора) закон, чтобы не прослыть формалистом, буквоедом, нарушает и, так сказать, для большей динамичности сюжета. И тут возражения напрашиваются сами собой.

Слово «формализм» мы употребляем всегда с негативным оттенком, как синоним бюрократизма. Но формализм в следствии — скрупулезное соблюдение процессуальной формы — есть, на мой взгляд, лучшая похвала следователю. Форма здесь имеет не меньшее значение, чем содержание. Потому что она обеспечивает объективность в исследовании обстоятельств дела, предо-

стерегает от субъективизма, предвзятости, которые чреваты серьезными, а порой и трагическими ошибками.

В противовес одобрениям следовательского практицизма хотел бы вспомнить эпизод из романа «Эра милосердия» братьев Вайнеров. Когда инспектор уголовного розыска Жеглов применяет провокационный метод, чтобы задержать матерого преступника, он получает отпор со стороны своих коллег по работе и совершенно четкое авторское осуждение. И действительно, честных целей нельзя добиваться нечестными средствами. Это один из основополагающих нравственных принципов.

К сожалению, такое понимание справедливости в уголовном процессе разделяется не всеми писателями, работающими в детективном жанре.

В романе Е. Леваковской «Нейтральной полосы нет» («Советский писатель», 1976) следователь подмосковной милиции Вадим Лобачев расследует уголовное дело о фальшивомонетчиках. Подозрение падает на инженера Карунного. Но доказательств пока нет. Обыск квартиры, если он окажется безрезультатным и подозрения не подтвердятся, чреват для следователя, как видно из сюжетной ситуации, крупными неприятностями. И вот проводится операция: к Карунному пристают на улице «пьяные», провоцируют на конфликт, и тот попадает под арест по мелкому хулиганству. «Пятнадцать-то суток, между прочим, он заработал честно», — говорит инспектор Новиков следователю. В общем, главное посадить, а там разберемся. В камере Карунному предъявляют фальшивые монеты, и тот (о везение!) сознается в преступлении.

Следователь Лобачев докладывает результаты своему начальнику Бабаяну. «Считай, отбились, и звездочки твои целы», — говорит Бабаян следователю. — Ну а если б, теоретически говоря, не пошел он на раскол? Ведь мог ты рассыпать свои заветные рублики, а он мог пожать плечами да спросить, что это за базар?» «Теория мертва, но вечно зелено древо жизни...» — отвечает Лобачев. Если отбросить прозрачную индифферентность, то получается удобная мораль: законность, дескать, формальна, а жизнь сложна и многообразна. Да здравствует ловкость которая ведет к успеху!.. Может быть, Бабаян отругал своего подчиненного Лобачева за столь непочтительное обращение с законом? Ничуть нет, даже напротив: «Вадим видел: Бабаян доволен. Пока все шло по плану, все шло в цвет. А как могло бы быть? Ну что ж, их рабо-

та — без гарантий. В их работе гарантирован только риск».

Вот ведь какие отчаянные, рискованные ребята! Только авторское умиление здесь вряд ли можно разделить. Добиться результата ценой нарушения законности — самое последнее дело в следственной работе. И зря полагаются герои Е. Леваковской на сомнительную пропись: победителей не судят. Нарушение — всегда нарушение, провокация — всегда провокация, вне зависимости от результата. На скользкую дорожку поставил автор следователя и его начальника, ибо закон существует не для удобств следователя. Закон обеспечивает строгую объективность расследования, защищает личность от необоснованных подозрений и обвинений.

В повести М. Барышева «Начало — лиха беда» («Молодая гвардия», 1971) молодой следователь Ивушкин, расследуя дело об ограблении заводской кассы, обнаруживает на сейфе следы пальцев. «Надо подвергнуть дактилоскопической проверке тех, кто посещал кассу», — предложил своему начальнику лейтенант Ивушкин. Решение, на первый взгляд, простое и эффективное. Но вот что ответил лейтенанту его начальник. Не могу удержаться, чтобы не процитировать его ответ полностью: «...давайте, лейтенант, вообразим, что я, советский гражданин Точилин Петр Алексеевич, тоже посещал заводскую кассу... и получил в связи с этим приглашение в милицию. И вот во время вежливой беседы лейтенант Ивушкин просит меня прикоснуться перстами к подушечке с краской и запечатлеть мои дактилоскопические данные. Вообразим теперь, что я человек грамотный и вдобавок еще знаю советские законы. Представляете, какой я вам вопрос задам?.. Я полюбпытствую, в качестве кого я перед вами выступаю. Если в качестве обвиняемого, то попрошу предъявить мне, как положено, обвинение. Если в качестве свидетеля, попрошу уволить от дактилоскопической процедуры... Да, товарищ Ивушкин, семьдесят четыре человека спокойно могут послать вас подальше, и их нельзя даже будет привлечь к ответственности за оскорбление лейтенанта милиции при исполнении служебных обязанностей, ибо ваши действия будут означать грубейшее нарушение гарантии неприкосновенности личности... Конституцию, лейтенант Ивушкин, надо перечитывать не только при подготовке к политзанятиям». Лучше не скажешь.

В этом отрывке я вижу пример полезной и правильной пропаганды законности.

Для преступника не существует «правил

игры». Следователь же действует по правилам, четко обозначенным в законе. В этом, кстати, и моральное преимущество следователя перед преступником. Лишить его — значит подорвать воспитательную роль правосудия, свести его к чисто механическому процессу «нашел — сказал — наказал», без высокой социальной идеи, без конечной нравственной «сверхзадачи».

Стоит предположить, что Карунный невиновен в преступлении, и допущенный по отношению к нему произвол сразу же становится очевидным.

«Человек, который сомневается», — так иногда называют следователя в литературе, был и художественный фильм с таким названием. Умение сомневаться и умение разрешать свои сомнения — это действительно одно из важнейших качеств настоящего следователя. Тот, кто работает, полагаясь на безошибочность своей интуиции, и тем более тот, кто голую интуицию кладет в основу решений, вряд ли пригоден к работе следователя.

Звездочки на погонах, о целостности и сохранности которых заботился следователь Лобачев, вступая в конфликт с законом, — это символ профессиональной чести. А честь и честность — понятия одного корня. Об этом, к сожалению, забыли герои романа Е. Леваковской. И еще досадно: книга, пропагандирующая такие «методы» следствия, оказалась отмеченной премией МВД СССР.

В издательстве «Советский писатель» вышла книга Владимира Кашина «Справедливость — мое ремесло» (1982). Художника Сосновского приговорили за убийство к исключительной мере наказания, осудили невинного — это становится вполне очевидно с первых страниц романа. Сосновский сидит в тюрьме и ждет самого худшего. Все судебные инстанции приговор оставили в силе, надеяться Сосновскому не на что. «...жизнь художника исчислялась теперь несколькими днями и могла оборваться в любую минуту», — нагнетает автор книжные страсти. Но вот на горизонте появляется инспектор милиции Коваль, у которого зародились «неясные сомнения». «По всем данным Сосновский виновен, — говорит Коваль. — Но, вопреки логике, вопреки здравому смыслу и фактам, я почему-то не могу сейчас этого утверждать». «Между тем все его сомнения, — повествует далее автор, — были вызваны только подсознательными ощущениями». В дальнейшем «подсознательные ощущения», «некие душевные томления» и «необъяснимые чувства» (терминология самого автора) сыграют решающую

роль, Коваль в самый последний момент восстановит справедливость.

Какое же впечатление вынесут читатели этой книги о гарантиях неприкосновенности личности, если даже столь острые вопросы решаются у автора на основе «неких душевных томлений» одного человека?

В книге В. Кашина много рассуждений о законности, справедливости, но, к сожалению, часто они остаются лишь правоучительными сентенциями, не более. Автор, например, оперирует таким весьма странным понятием, как «предупредительный арест». И означает оно ни много ни мало, как право арестовывать человека лишь на основании голого подозрения, так сказать, в превентивных целях. Персонаж этой книги инспектор Коваль бойко арестовывает, а затем освобождает одного за другим четырех человек, и лишь пятая попытка оказывается удачной. Подобное преподносится автором как повседневная, нормальная практика. Нет ничего более далекого от истины, чем описанное Кашиним. Не знает наш уголовный процесс такого понятия, как «предупредительный арест». Только веские доказательства, а не голые подозрения являются основанием для ареста.

В конце прошлого года в «Литературной газете» (№ 48) была опубликована статья С. Плеханова «Раскольников против Мегрэ», где анализировались тенденции развития детективного жанра. Критик поставил книгу романов В. Кашина «Справедливость — мое ремесло» в один ряд с теми произведениями, которые вносят «заметный вклад в решение задач нравственного воспитания», и подчеркнул, что она «с убедительной наглядностью воссоздает полнокровную картину сегодняшней действительности». Так ли?!

К сожалению, в детективной литературе, когда авторы вольно импровизируют на тему законности, одобряя сомнительную инициативу своих персонажей-следователей, редко возникает вопрос: «А где же был прокурор?» Дело, по моему, в том, что, с точки зрения самого автора, у него в книге с законностью все в порядке. А коль так, то и прокурор, естественно, не нужен.

Законность предварительного расследования — важнейший вопрос практики. Детективная литература должна иметь это в виду.

Повесть О. Шмелева «Три черепахи» («Огонек», 1982, № 12) начинается привычно: в милиции раздался телефонный звонок, и было принято сообщение о том, что на бульваре в кустах лежит человек с разбитой головой. «Дальше,— повествует автор,— все шло быстро и четко, в соответствии с по-

рядком, неоднократно описанным в книгах и показанным в кино». На место выехала оперативная группа и обнаружила тяжело раненного человека. «Началась обычная работа»,— пишет О. Шмелев. Сфотографировали с разных точек, тщательно осмотрели место происшествия, проверили карманы потерпевшего, переглянули содержимое его чемоданов. «Виктор, будь другом: пальчики»,— сказал эксперту НТО инспектор. Тот присел на траву, открыл чемоданчик, взял у пострадавшего отпечатки пальцев». Читаешь и диву даешься! Ведь речь-то идет о живом человеке, которого нужно немедленно спасать. Это сейчас самое главное. А работники милиции не спешат, они «откапывают пальчики»... Бездушный профессионализм без всякой нравственной самооглядки автор выдает за обычную работу следственных органов.

Правильно сказал один из героев повести В. Пронина «Ошибка в объекте» («Молодая гвардия», 1980): «Закон не может соблюдаться в ущерб чему бы то ни было. Закон может соблюдаться только во благо».

Традиционный сюжет детектива — расследование убийства. Но сейчас, по моему, детективные убийства явно превысили число настоящих. Может быть, следует поискать и другие сюжеты? Удачные опыты в этом направлении у нас есть. Назову хотя бы роман Василия Ардаматского «Суд», посвященный вопросам борьбы с хищениями и взяточничеством.

А чем, допустим, не тема — борьба с местничеством?

На ноябрьском (1982) Пленуме ЦК КПСС очень остро был поставлен вопрос об усилении ответственности за соблюдение общегосударственных, общенародных интересов, о необходимости решительно искоренять ведомственность и местничество.

Местничество, ведомственность — сложные явления. Люди, исповедующие эти принципы, вроде бы бескорыстны, пекутся об интересах своего района, завода, колхоза. Но беда в том, что при этом ущемляются общегосударственные интересы. К сожалению, далеко не все авторы над этим задумываются.

В пьесе А. Абдулина «Тринадцатый председатель» идет суд над председателем колхоза, который ценой сомнительных хозяйственных и финансовых операций добивается определенного экономического успеха. Правовой смысл пьесы сводится к вопросу: можно ли нарушать закон для пользы дела? И ответ дается весьма недвусмысленный: можно, если закон связывает руки предприимчивому хозяйственнику.

Но если ценой нарушения закона достигается какая-либо польза, то всего лишь деляческая. Если проследить цепочку последствий, вскоре обнаружится вред. Нельзя дробить «пользу» на дольки. Делячество и деловитость — разные вещи. К сожалению, автор этой разницы не заметил.

В прошлом году правление Союза писателей СССР и Прокуратура Союза ССР совместно организовали встречу писателей с юристами, работниками прокуратуры. Это была деловая и, по общему мнению, полезная встреча. Юристы рассказали об актуальных проблемах укрепления социалистической законности, о специфике труда следователя, прокурора, высказали товарищеские пожелания писателям, разрабатывающим нравственно-правовую тематику. Писатели, в свою очередь, поделились сво-

ими проблемами и планами. Была достигнута договоренность о более тесных и более регулярных контактах. Предметом дальнейших обсуждений может стать выбор тем и сюжетов, предоставление необходимых документальных материалов, консультирование по правовым вопросам и т. д.

Кстати, почему, например, для участия в постановке детективных кинофильмов приглашается консультант-правовед, а для создания детективного романа или повести этого вовсе не требуется? Во всяком случае фамилий консультантов я в книгах не встречал. Думаю, что детективная литература от сотрудничества со знающими дело специалистами-практиками или учеными только бы выиграла.

ФЕЛИКС КУЗНЕЦОВ

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ

В апрельской и майской книжках журнала «Подъем» (1983) читателю предложена публикация с весьма обязывающим названием «Совесть. Повесть о Гоголе». Она привлекает внимание не только темой, но и послесловием столичного критика, кандидата филологических наук Сергея Чуприна, озаглавленным несколько претенциозно — «Читателям Валерия Есенкова».

«Романы о великих людях удаются крайне редко. Романы о великих писателях удаются еще реже» — так начинается это послесловие. Почему?.. «Спротивление материала огромно. Возможности своевольничания — при нравственном отношении к теме — сужены до предела... Но велик и успех — в том, естественно, случае, если к нему (к Гоголю.— Ф. К.) удалось приблизиться».

По мнению критика, Валерий Есенков приблизился. Ему, кажется, удалось постигнуть и передать читателю то, что испокон веку называлось тайной Гоголя... «Приблизился» настолько, что критик призывает: «Запомним это новое для большинства читателей имя. Напишем его, чтоб лучше запомнилось, вразрядку: Валерий Есенков».

Естественно, подобная рекомендация обязывает к самому внимательному прочтению романа, ибо, по словам критика, в нем «постигнута» ни более ни менее как «тайна Гоголя», тайна, которая привела его к уничтожению второго тома «Мертвых душ» и преждевременной смерти. Мало того: Валерий Есенков, сообщает читателям С. Чуприн, «начинает обширный цикл произведений о великих русских писателях и великой классической литературе XIX века, ставшей в глазах всего мира совокупной совестью и душой русского народа. Уже завершены и готовятся к изданию романы о Гончарове и Достоевском, пишется книга о Виссарионе Белинском, исподволь вынашива-

ются дальнейшие замыслы, современность и неложная актуальность которых в стремлении классическим масштабom поверить наши сегодняшние заботы и тревоги, выявить — в прямом соотношении двух эпох — вектор духовного совершенствования личности и общества, охватить мысленным взором то несравненное богатство, которое всем нам завещано».

Как видите, замах — богатырский, недаром критик повествует о нем в стиле возвышенно-одическом. Но если есть на то возможности, есть слово, равновеликое замаху, есть культура, знания, научная амуниция — как говорят, исполать литературному богатырю!

Не беремся судить о гигантском замысле в целом — представить в цикле романов чуть ли не всю русскую литературу, — о «завершенных и готовых к изданию романах», посвященных другим классикам. Не читали. Начнем с повести о Гоголе, которую С. Чупринич почтительно поименовал романом.

Автор взялся писать о последних, самых трудных днях жизни великого писателя, исполненных подлинного драматизма и душевной муки. В трагические часы и минуты перед тем, как бросить рукопись в печь, Гоголь в повести как бы пропускает через свою душу живую прожитую жизнь, восстанавливает в памяти лики и встречи прошлого, вновь переживает испытанные им ранее муки творчества, все то, что привело его к трагическому жизненному финалу. Таков сюжет книги.

Надо ли говорить, сколько душевного такта и бережности, внутренней деликатности и тончайшего этического и эстетического вкуса необходимо писателю, взявшемуся в художественной форме проникнуть в эту тяжкую, испепеляющую тайну духа человеческого! Какая сила мысли и точность языка, глубина осмысления действительности требуются для того, чтобы понять

сложнейшую духовную и социальную драму величайшего писателя земли русской!

Об этой драме, о душевных муках Гоголя рассказывается В. Есенковым таким, к примеру, языком:

«Все обмерло в нем и застыло от страшных предчувствий. Неопределенно смотрели глаза. Челюсть отвисла. Рот чернелся дырой»;

«Лицо застыло, как белая маска. Голова упала. Глаза прикрылись черными веками»;

«Испитая белая маска вылупилась из пучины черноты. Глаза неопределенно торчали. Волосы перепутались и повисли комом. Со слезами, беспомощно закусилась губа»;

«Он дергался, стонал, прикрывал влажный рот дрожащей ладонью и размазывал по щекам эту скорбную влагу»;

«В ужасе закрыл он глаза. Фантазия представила пекло. В сверкающей тьме пылали синим пламенем черные печи. На раскаленно млевшей, мерцавшей сковороде извивалось, корчилося, чадно дымилось тощее что-то. Мохнатые бесы, дразня его языками, рвали это что-то за белые губы шипящими огневыми щипцами»;

«Он прикусил одутловатые губы. Лицо наливалось зловещим и темным. Просилась наружу дикая сила. Она рвалась сокрушать, она давно собиралась платить за белые обиды...»

И так далее.

В. Есенков, видимо, не слышит всей фальши этих слов, этого аффектированного слога, этой прямолинейной и грубой лексики, рисующих нам совершенно превратный, неэстетичный и вульгарный образ Гоголя. Словно страдающая языковой глухотой, автор не ощущает безграмотности своих подчас нелепых речений: «Он избрал небывалый эксперимент»; «Мысли приходили толчками»; «Он геребил мозг, иша вариантов»; «Он вопросительно гладил колено»; «На лице изобразилась дурацкая физиономия»; «Он... обдeldывал, обдeldывал, до изнеможения, почти до упаду обдeldывал свои „Мертвые души“»; Гоголь о себе: «писун-черепаха», «Задумалось и растерялось лицо», «Осторожно шевелились возрожденные мысли», «Все ехиднее становились колючие мысли», «Он увидел перед собой широкие плечи. белый оскал зубов. Пушкин, казалось, ему улыбался», «Птичий нос вдруг стал любопытным, осмысленным, ищущим, будто старавшимся вынюхать что-то», «Он сокрушал себя обличьем», «В Одессе он вплотную приступит к себе и вычистит себя как свинарик», «Он вжал спину в едва тлевшие кафели»; о Шевыреве: «Сверкая бельем и зубами, вкатился ру-

мяный с мороза Степан»; «Ему (Гоголю.— Ф. К.) захотелось облапошить Степана»; Гоголь «перебирал макарону за макаронной». И т. п.

А вот как Гоголь в повести видит себя: «С болезненным удовольствием уставился он на кривое свое отражение.

Что за рожа... Господи боже мой!..

И скособочился, чтобы стать еще отвратительней.

Пятно на мглистой поверхности лет десять не чищенной меди расплылось в ширину и безобразно задергалось.

Хорошо... Почти хорошо... но... можно и лучше...

Он скорчил мерзкую харю и вывалил длинный язык, ехидно ворочая гибкий насмешливый кончик.

Это было как раз!

Безвольный подбородок... бесформенный рот... бесцветное личико мозглявого кретина... пустые глазенки забитого идиота... и... убийственно растопыренный нос...»

Отвратительная сцена эта рисует нам не Гоголя, но автора, рискнувшего в таких словах, через отражение в кривом зеркале говорить о нашей национальной, общенародной святыне — великом Гоголе!

Впрочем, я не думаю, что это идет от злого умысла, — скорей всего от эстетической глухоты, от того (воспользуемся гоголевским определением) «топорного неряшества слога», которым написан роман. В этом «топорном неряшестве слога» В. Есенкова искаженно воспринимаются и слова самого Гоголя — раскавыченные цитаты из его писем, статей, цитаты из статей и писем Белинского, других литераторов, которыми буквально наводнена повесть.

Манера работы В. Есенкова незамысловата и проста: где можно и где нельзя он раскавычивает текст Гоголя и других писателей XIX века, переводит его в прямую речь и снабжает подчас убийственной по языку аранжировкой и комментарием. Скажем, приехав в Оптину пустынь в 1851 году, Гоголь, пишет автор, «начинает шептать бессмысленно, бессвязно» слова из... письма Погодину от 30 марта 1837 года.

В другой раз Гоголь говорит Белинскому раскавыченными цитатами из своего письма Прокоповичу, а Белинский отвечает ему раскавыченной цитатой из письма, написанного им Гоголю уже после этой встречи. Плетнев беседует с Гоголем раскавыченными цитатами из своего письма, написанного пять лет спустя. Гоголь же, разговаривая с Шевыревым, изъясняется словами своего письма Прокоповичу. И т. д.

Обращение с датами и фактами в повести чрезвычайно вольное. Гоголь у В. Есенкова плачет «в день смерти» Пушкина; но он не мог плакать в этот день, потому что был тогда в Италии и узнал о смерти Пушкина много дней спустя. Есенковский Гоголь в юности поступил «в департамент писцом», но «не выдержал нескольких месяцев», «схватил билет и умчался» за границу; в действительности до первой поездки за границу Гоголь нигде на службе не был. Автор описывает дачу калужского губернатора Смирнова: «Здесь он (Гоголь.— Ф. К.) два года назад гостил у Смирновых. На этом открытом балконе читал первые главы поэмы». Но читал-то Гоголь на этом балконе первые главы второго тома!.. Гоголь гордо заявляет, что его «Переписка» — «не ведомость о зарплате»; но в гоголевские времена были жалованье, оклад, содержание, а вот зарплаты не существовало.

Возможно, подобные неточности входят в те самые нравственно допустимые «возможности своевольничания», о которых пишет С. Чупринин. Однако, думается, в биографическом произведении такого рода «своевольничание» недопустимо. Да и не «своевольничание» это, а скорее элементарный недостаток исторической грамотности.

Особенно серьезные возражения вызывают временные и смысловые смещения, допущенные автором в характеристике взаимоотношений Гоголя и Белинского.

Если верить В. Есенкову, знакомство Белинского с Гоголем состоялось в январе 1842 года. В повести пространно описана сцена их первого будто бы знакомства. В действительности Белинский и Гоголь познакомились значительно раньше: они встречались у Аксаковых еще в 1835 году и дважды встречались в 1839 году в Петербурге.

Вопрос о времени знакомства Белинского и Гоголя не формальный: за ним более общая проблема о взаимоотношениях великого писателя и великого критика, не получившая, к сожалению, в повести верно-го освещения. Образ Белинского воспринимается здесь как карикатура на него.

На всем протяжении повести Белинский почему-то именуется Неистовым.

«Неистовый встретил его на пороге. Они замешкались оба...

Неистовый пожал его руку бессильной рукой, робко взглянул на него и сказал сердито:

— Входите.

Войти он не мог. Неистовый стоял на

пути... По статьям он представлял Белинского иным. Его озадачили эта растерянность, эта бесцеремонность. В них была не то невоспитанность, не то самоуверенность силы, сдавленная чуткими нервами. Беспощадная резкость статей плохо вязалась с ними» (с кем с ними?— Ф. К.).

Так начинается сцена знакомства Белинского и Гоголя. Люди, знавшие Белинского, отмечали прежде всего редкую внутреннюю его деликатность, но уж никак не «бесцеремонность», «невоспитанность», «самоуверенность силы».

Чтобы подтвердить неприятные человеческие качества, приписанные В. Есенковым Белинскому, критик в повести изъясняется таким языком: «Напорол листов шесть... может быть, даже больше... Все пошло в номер...» — объявляет он Гоголю.

И это все произносит человек, о котором И. С. Тургенев писал: «Ни у кого ухо не было более чутко; никто не ощущал более живо гармонию и красоту нашего языка».

Общее впечатление от сцены свидания Белинского с Гоголем чрезвычайно тяжелое: разговаривают прямо-таки два неврасстеника:

«Он увидел, как у Белинского задрожали щеки. Речь его упала до шепота. Болью застонали слова:

— Сменив убеждения, я вышел в новый мир бесконечных страданий... Мне необходима борьба! Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови — костей от костей моих и плоти от плоти! Но что я могу сделать для них? И я сказал себе: умирай — для тебя ничего нет в жизни, жизнь во всем отказала тебе! Но перед смертью — скажи задушевное слово!

Неистовый обессилел совсем. Ноги его задрожали. Неистовый сделал несколько неверных шагов и упал на диван, хватая воздух жадно раскрытым ртом».

В этом экзальтированном тексте еще и все неточно. Как понимать «сменив убеждения»? И почему в 1842 году, в пору высшего расцвета его жизни и творчества, Белинский выглядит развалиной, жалующейся Гоголю: «Способности мои тупеют. Здоровье видимо разрушается. Характер искажился, усох, будто выгорел?»

А что может означать такая вот сцена? Узнав от Гоголя, что московская цензура запрещает «Мертвые души», «Неистовый взмахнул кулаком, как секирой. Из голубых глаза сделались черными. Впалая грудь поднялась. Сиплый голос прерывался от ненависти:

— Пусть вывалятся у них кишки! Пусть повесятся они на собственных этих кишках! А я, я готов оказать им услугу: я расправлю, я надену петли на их гнусные шеи!»

Может, перед нами пародия? Да нет: в этих вульгарных словах и истерических страстях, сотрясающих Белинского, автором заложен свой смысл. Смысл грубо тенденциозный, не имеющий ничего общего с реальным Белинским и с действительными отношениями Белинского и Гоголя в ту пору. Отношения эти были глубоко уважительными и деликатными. Белинский боготворил Гоголя как первого писателя на Руси, а Гоголь считал Белинского самым проницательным критиком его произведений. Когда в Москве возникли цензурные трудности с первым томом «Мертвых душ», Гоголь обратился к Белинскому за помощью — взять с собой рукопись поэмы в Петербург и помочь провести ее через цензуру.

Но вот как эта просьба Гоголя преподнесена в повести: «Здесь моя рукопись. Отвезите в Петербург, подайте тамошним цензорам,— уговаривает Гоголь Белинского.— Скажите им со всей силой вашего убеждения, что в ней ничего противогосударственного нет. Убедите их пламенем вашего красноречия».

Белинский, пламенем своего красноречия убеждающий цензоров, что в «Мертвых душах» «ничего противогосударственного нет»? Может ли быть что-нибудь нелепее?!

Следом Гоголь обращается к Белинскому с еще более фантастической просьбой «написать» (!) о его поэме, просьбой, отвечающей скорей нравам нашего времени, но уж никак не времени Гоголя и Белинского:

«— Напишите... Именно вам необходимо о ней написать...»

Неистовый млеет от восторга и сладким полупшепотом восклицал:

— Прекрасный, великолепный, счастливейший труд!..

Он (Гоголь. — Ф. К.) поощрял:

— У вас превосходно выходят подобные вещи. Только прошу вас, не спешите, не промахнитесь, как с Грибоедовым...

Обомлел и остановился.

Ему стало смешно и страшно.

Забавную они отломали комедию.

Но что напишет Белинский о его поэме?..»

Все здесь вызывает недоумение и протест. И этот «млеющий» и «сладким полупшепотом» восклицающий Неистовый по поводу «великолепного, счастливейшего труда», из которого сам не прочитал пока что

и строчки. И вслед за ним «обомлевший» Гоголь, сказавший по воле автора и в самом деле явную нелепость: «...не промахнитесь, как с Грибоедовым». (Очевидно, имеется в виду статья Белинского «„Горе от ума“, сочинение А. С. Грибоедова». Статья эта слишком сложна, чтобы вот так, походя вкладывать в уста Гоголя такое упрощенное и поверхностное суждение о ней.)

А чего стоит «Забавную они отломали комедию»? Значит, все, что перед этим говорили Белинский и Гоголь друг другу, было «ломанием комедии»? И искренней была лишь тревога — «что напишет Белинский о его поэме», поймет ли он ее?

Разговор писателя и критика в повести напоминает разговор глухих. Главным в нем оказывается мотив взаимного непонимания — Белинским Гоголя и Гоголем Белинского.

В ответ на заверения критика: «Я обзерею все ваши творения в их постепенном развитии! Я напишу, напишу о вас!» — Гоголь просит не судить о его поэме «прометчиво»: «Замысел ее огромен и сразу может вам не открыться». Последующее развитие событий в повести показывает, что эти опасения Гоголя не напрасны. Попытавшись рассказать Белинскому замысел своей поэмы, Гоголь наталкивается на стену отчужденного непонимания и неприятия. «Неистовый сжал табакерку в кулак. Брови сошлись к переносью. Голос прозвучал угроюще и резко». И начался разнос Неистовым замысла не прочитанных им пока что «Мертвых душ», из которого явствует, что Белинскому и в самом деле не дано было понять этого замысла, он ему «не открылся». Но это же прямая и вопиющая неправда, опровергаемая всем тем, что написал Белинский о Гоголе и поэме «Мертвые души».

В произведении В. Есенкова с ног на голову поставлена самая суть, принципиальный характер взаимоотношений Белинского и Гоголя.

«Из существующих теперь журналов «Отечественные записки» первые и одни сказали и постоянно, со дня своего появления до сей минуты, говорят, что такое Гоголь в русской литературе... — писал Белинский. — Гоголь — великий талант, гениальный поэт и первый писатель современной России... После появления «Мертвых душ» много найдется литературных Коломбов, которым легко будет открыть новый великий талант в русской литературе, нового великого писателя русского — Гоголя...»

Уже в ранних произведениях Гоголя Белинский, по меткому замечанию Чернышевского, увидел «начало новой эпохи для русской литературы и предсказал, какое высокое место они (Гоголь и Кольцов. — Ф.К.) займут в ней».

Реальные факты взаимоотношений Белинского и Гоголя свидетельствуют, что тот исполненный взаимного непонимания разговор в январе 1842 года, который придуман В. Есенковым, в таком виде, в такой тональности никак не мог произойти. Их куда более поздние разногласия здесь антиисторически повернуты вспять, абсолютизированы и распространены на взаимоотношения Белинского и Гоголя в целом.

Антиисторизм заключается прежде всего в том, что, повествуя о трагической судьбе Гоголя последних лет, автор снимает вопрос о переломе в мирозерцании Гоголя, начавшемся в пору 40-х годов, который и привел к усилению религиозно-мистических и реакционно-романтических настроений, к творческому тупику писателя. В связи с этим снимается и вопрос об эволюции взаимоотношений Белинского и Гоголя: отношения эти представлены статичными, изначально, с первого дня знакомства, негативными.

Но вот что писал Белинский в апреле 1842 года Гоголю, в ту самую пору, к которой относится изображенная В. Есенковым встреча писателя и критика: «Вы у нас теперь один, — и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связана с Вашею судьбою: не будь Вас — и прощай для меня настоящее и будущее в художественной жизни моего отечества...»

А вот как в том же 1842 году Белинский оценивал «Мертвые души»:

«И вдруг среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этих пустоцветов и дождевых пузырей литературных, среди этих ребяческих затей, детских мыслей, ложных чувств, фарисейского патриотизма, приторной народности, — вдруг, словно освежительный блеск молнии среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патристическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстно, нервисто, кровною любовью к плодovitому зерну русской жизни; творение необычайно художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта и в то же время глубоко по мысли социальное, обще-

ственной и историческое... В «Мертвых душах» автор сделал такой великий шаг, что все, доселе им написанное, кажется слабым и бледным в сравнении с ними...»

Я в обилии цитирую Белинского, чтобы читатель лишний раз прикоснулся к личности этого необыкновенного человека, почувствовал стихию его языка, масштаб его дарования, страсти, ума и убедился воочию: неврастеник, который кликушествует на страницах повести «Совесть», никакого отношения к реальному Ненстовому Виссариону не имеет. Столь же далеки от истины и взаимоотношения между Белинским и Гоголем, представленные в этом произведении. Здесь нет главного: правды реального, действительного отношения Белинского к Гоголю. Вспомним о титанической работе, проделанной Белинским ради утверждения Гоголя как первого писателя Руси, писателя, определившего развитие ее гражданского самосознания.

Лишь в контексте именно такого отношения Белинского к гению Гоголя можно правильно понять знаменитое Письмо Белинского к Гоголю и те наметившиеся в начале 40-х годов нотки тревоги, которые появились у Белинского в связи с первой книгой «Мертвых душ». Как показывают факты, Белинский понял и принял замысел поэмы Гоголя. Однако с самого начала в этом замысле егостораживала едва намечавшаяся тенденция того «проповедничества», из которой позже выросли «Выбранные места из переписки с друзьями».

Приведа знаменитое место из лирического отступления о птице-тройке, Белинский писал: «Грустно думать, что этот высокий лирический пафос, эти гремящие, поющие дифирамбы блаженствующего в себе национального самосознания, достойные великого русского поэта, будут далеко не для всех доступны... Найдутся также и патриоты.. которые со свойственною им пронизательностью увидят в «Мертвых душах» злую сатиру, следствие холодности и не любви к родному, к отечественному... Что касается до нас, мы, напротив, упрекнули бы автора скорее в излишестве непокоренного спокойно-разумному созерцанию чувства, местами слишком юношески увлекающегося, нежели в недостатке любви и горячности к родному и отечественному...»

Такова была оценка Белинским «Мертвых душ» в первом отзыве на них, опубликованном в «Отечественных записках» в июле 1842 года. Позже, в споре с К. Аксаковым, попытавшимся вывести «Мертвые души» за пределы критического реализма, Белинский развил свою оценку, несколько

подробней и определенной сказав не только о величайших достоинствах «Мертвых душ», но и о том, что вызвало в нем определенную тревогу.

Приведа слова из поэмы Гоголя, обещающие, что в будущем на страницах его книги «пройдет муж, одаренный божественными доблестями, или русская девица, какой не сыскать нигде в мире, со всею дивной красотой женской души, вся из великодушного стремления и самоотвержения, и мертвыми покажутся перед ними все добродетельные люди других племен, как мертва книга перед живым словом», Белинский писал: «Много, слишком много обещано, так много, что негде и взять того, чем выполнить обещание, потому что того и нет еще на свете; нам как-то страшно, чтобы первая часть, в которой все комическое, не осталась истинною трагедией, а остальные две, где должны проступить трагические элементы, не сделались комическими — по крайней мере в патетических местах... Впрочем, опять таки — кто знает...»

Эти провидческие слова Белинского, написанные задолго до трагического творческого финала писателя, диктовались стремлением отстоять Гоголя в споре с К. Аксаковым, в них звучала искренняя озабоченность за судьбу великого художника. Белинский предостерегающе писал, что это только «начало воззрений, которые довольно неприятно промелькивают в «Мертвых душах» и относятся к ним как крапинки и пятнышки к картине великого мастера», при этом заметив, что они возникают в творчестве Гоголя тогда, когда «поэт сталкивается с мыслителем, то есть где дело преимущественно касается идей...».

Вот насколько тонко на самом-то деле юнинал Белинский Гоголя, из каких глубин росло, зрело, постепенно разводя их, основное, главное противоречие их отношений, завершившееся Письмом Белинского к Гоголю, их прямым и открытым столкновением.

Противоречие это возникло из принципиальной разницы подходов к результатам творчества великого сатирика; объективного с точки зрения того, что сказалось (со стороны Белинского), и субъективного с точки зрения того, что он «хотел сказать» (со стороны самого Гоголя).

Белинский видел пафос «Мертвых душ» в «противоречии общественных форм русской жизни (самодержавия и крепостничества. — Ф. К.) с ее глубоким субстанци-

альным началом», то есть народом. Гоголь же субъективно никогда на «общественные формы русской жизни» (то есть самодержавие и крепостничество) не посягал и стремился в своем творчестве к их исправлению и улучшению.

Начало 40-х годов для Гоголя и Белинского, как, впрочем, и для русского отечественного самосознания в целом, явилось переломным и поворотным этапом. Белинский как раз в это время отказывается от «примирения с действительностью», все обостреннее и глубже осознает непримиримость противоречия между самодержавно-крепостническими формами существования русской жизни и интересами народа и идет к социалистическим, революционно-демократическим идеям.

Живущий на чужбине и оторванный от России, Гоголь в это время переживает глубокий духовный и идейный поворот: творец, художник, реалист в нем все больше уступает место консервативному и даже реакционному проповеднику и идеологу, стремящемуся исправлять нравы и улучшать привычные, богом данные «общественные формы русской жизни» не только беспощадной социальной критикой, сколько «словом господним», молитвой, христианством. До конца дней эти тенденции продолжают в душе Гоголя тяжкую борьбу.

Противоречие между неистовой устремленностью к правде, свойственной великому художнику-реалисту, и столь же упорным внутренним тяготением к проповеди, несоответствие между объективными историческими потребностями развития родной страны и субъективным, исторически консервативным взглядом на пути ее развития и взорвали в конце концов впечатлительную натуру Гоголя, привели его к творческому тупику и внутреннему кризису, завершившемуся уничтожением второй книги «Мертвых душ» и преждевременной смертью великого русского писателя. И первым, кто с тревогой предсказал возможность такого печального трагического исхода, был Белинский. Точку зрения Белинского на трагедию Гоголя разделяли многие их современники.

«Эта страшная смерть — историческое событие, понятное не сразу, — писал И. С. Тургенев И. С. Аксакову — ...это гайна, тяжелая, грозная гайна — надо стараться ее разгадать, но ничего отрадного не найдет в ней тот, кто ее разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам, — ни одному человеку, самому сильному духом, не

выдержать в себе борьбу целого народа, и Гоголь погиб!»

Личность и талант Гоголя разрывались глубокими противоречиями, отражавшими внутреннюю борьбу целого народа, трагическую судьбу России самодержавия и крепостничества. Подтверждение тому — мучительная реакция Гоголя на письмо Белинского, на критический отзыв Герцена о «Переписке», стремление писателя оправдаться, разъяснить свою позицию Белинскому, передовому русскому обществу в «Авторской исповеди», которая так и не увидела света при жизни Гоголя. Ничего этого в книге В. Есенкова нет. Автор обходит документальные свидетельства того времени, говорящие, что между Гоголем и демократическим лагерем до конца дней его продолжался внутренний диалог, подтверждение чему хотя бы встреча Гоголя с Тургеневым, о которой рассказано в воспоминаниях Тургенева, в воспоминаниях Щепкина, где главной темой было отношение Герцена к Гоголю и его «Переписке».

В книге Герцена «О развитии революционных идей в России» в полный голос было сказано о значении Гоголя, о том, что «„Мертвые души“ потрясли всю Россию»; однако в то же время Герцен отмечал, что в «Переписке» Гоголь «начал защищать то, что прежде разрушал, оправдывать крепостное право и кончил тем, что бросился к ногам представителя «благоволения любви»... От православного смиренномудрия, от самоотречения, переносящего свою индивидуальность на индивидуальность государя, до обожания самодержца один только шаг».

Гоголь был глубоко обижен такой оценкой «Переписки». «Что я сделал Герцену! Он [срамит] унижает меня перед потомством,— говорил он, по свидетельству Щепкина, Тургеневу.— Я отдал бы половину жизни, чтобы не издавать этой книги.. Правда, и я во многом виноват. виноват тем, что послушался друзей, окружавших меня, и если бы можно было воротить назад сказанное, я бы уничтожил мою «Переписку с друзьями». Я бы сжег ее».

Эти материалы свидетельствуют, что мучки и терзания Гоголя были во многом отличными от тех, которые приписывает Гоголю В. Есенков. Не случайно в пространной сцене встречи Гоголя с Тургеневым, написанной по воспоминаниям Тургенева и Щепкина, В. Есенков, во многом почти дословно воспроизводя эти воспоминания, опускает то главное, ради чего Гоголь пошел на встречу с Тургеневым,— его внутренний

диалог с Герценом и оценку своей «Переписки».

Опущена автором, не принята в расчет и оценка Чернышевским мучительных внутренних борений Гоголя в конце жизни, получивших отражение в «Авторской исповеди» и других документах тех лет. Чернышевский писал: «Впечатление, произведенное исповедью Гоголя, можно сравнить с тем суждением, которое вы невольно произносите, дочитав «Confessions» Руссо, в которых так беспощадно отдает он на общий позор свои пороки и ошибки: „Да, прав был этот человек, гордо и смело говоря: каков бы я ни был, но я был одним из лучших людей в мире“».

Понять драму Гоголя невозможно, не вслушавшись в свидетельства его современников — не только К. Аксакова, Шевырева и Погодина, но и Тургенева, Белинского, Чернышевского. Кстати, Чернышевский в своей статье «Сочинения и письма Гоголя», посвященной посмертному изданию сочинений и писем Гоголя, первым дал наиболее пронизательную отгадку тайны Гоголя, убедительно раскрыв истоки мучительного духовного кризиса великого русского писателя, который привел к уничтожению им второго тома «Мертвых душ» и его трагической смерти.

Письмо Белинского к Гоголю проникнуто пафосом священного гнева и прямой, непосредственной полемики; Чернышевский же писал статью после смерти Гоголя и не столько спорил с ним, сколько разбирался, что же произошло с писателем к концу его жизни. Статья проникнута болью, сочувствием и пониманием объективных и субъективных трудностей внутренних противоречий Гоголя. Чернышевский не хочет отдавать своим идейным противникам даже Гоголя последних лет жизни его. И он прав. Ведь и Белинский в последней в его жизни статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» своеобразно продолжил этот диалог, подтвердив прежний, ни в малой степени не изменившийся взгляд на огромное значение творчества Гоголя для судеб отечественной литературы.

Впрочем, взаимоотношения русской революционной демократии и Гоголя, их диалог, начатый Белинским и продолженный Герценом, а после смерти Гоголя Чернышевским,— тема особая, заслуживающая отдельного разговора.

Ясно одно — вне данной проблемы, вне знания и постижения сложных социальных реалий и обстоятельств той эпохи, без особой исторической прозорливости, без должного такта и деликатности духовную дра

му Гоголя, одну из самых трудных тайн в истории отечественного самосознания, не разгадать.

Может возникнуть вопрос: имеет ли смысл заводить столь серьезный разговор в связи с книгой, автор которой совершенно не готов к решению трудной задачи, за которую взялся? Вопрос резонный.

Вне всякого сомнения, литературный уровень произведения В. Есенкова таков, что было бы достаточно ограничиться литературным фельетоном. Но помимо литературного уровня произведения существует еще и другое: позиция автора и то, что за ней просматривается — тенденции и веяния времени, которые эту позицию породили. Я имею в виду боязнь конкретного историзма, пренебрежение социальным анализом явлений литературы и фактов литературного процесса минувших веков, внутреннее отмежевание от той историко-культурной традиции, которая ориентировалась в своем подходе к жизни и литературе на социальный анализ и конкретный историзм. Речь идет прежде всего о традиции революционно-демократической.

Печать подобных «новомодных» веяний лежит и на повести «Совесть». Вспомним, как изображен здесь Белинский. Он не понимает Гоголя и не принимает замысла «Мертвых душ» потому, что является в представлении В. Есенкова голым отрицателем. Причем автор создает столь искаженное впечатление о Белинском, ловко препарируя цитаты из его же собственных статей.

Возвратимся к повести, к встрече Белинского и Гоголя. Итак, выслушав исповедь Гоголя о замысле «Мертвых душ», «Неистовый сжал табакерку в кулак. Брови сошлись к переносью. Голос прозвучал угрюмо и резко:

— Так много обещаете вы, что негде и взять того, чем выполнить обещание. Того еще нет на свете, что обещаете вы. Поэт не украшает действительность, не изображает людей, какими они должны быть. Он изображает их, каковы они суть. Должны быть — это прекрасно, возвышенно, превосходно. Но они — не такие. Где видите вы богатейшей? Откуда возьмете вы их, когда у нас все богатейство — носить бороду против воли начальства?»

Узнаете? Начало — почти дословный перифраз ответа Белинского К. Аксакову, данного им полгода спустя, почти дословный, но предельно неточный. У Белинского спор идет с конкретным местом в «Мертвых душах», где Гоголь тоскует о муже, одаренном божественными доблестями, или

русской девице, «какой не сыскать нигде в мире... и мертвыми покажутся перед ними все добродетельные люди других племен». Гоголь здесь, по мысли Белинского, «слишком легко судит о национальности чуждых племен и не слишком скромно предается мечтам о превосходстве славянского племени над ними». У В. Есенкова Белинский спорит с самой возможностью «богатырства» в русском народе, развивая эту мысль до полного негативизма и нигилизма в отношении родной страны. Позиция, приписываемая автором Белинскому, таким образом, входит в противоречие с действительной системой его убеждений!

Продолжая конструировать далее диалог Белинского и Гоголя, В. Есенков заставляет критика произнести целое попури из различных вырванных из контекста и перетолкованных цитат, общий смысл которых — представить Белинского негативистом и отрицателем:

«— Никакой поэт не усвоит себе содержания, не приготовленного, не выработанного еще текущей историей. Где взять вам этот всемирно-исторический дух, это равно общее для всех народов и веков содержание, когда живете вы в богом забытой России, где люди еще не сознали себя людьми, где о человеческом достоинстве нет и помину, где не исполняются даже существующие законы!» — убеждает Белинский Гоголя.

Внимательный читатель без труда обнаружит здесь источники. Первая половина фразы — раскавыченная цитата из ответа Белинского К. Аксакову (сравнивавшему «Мертвые души» с древним эпосом). «Где, укажите нам, где веет в созданиях Гоголя этот всемирно-исторический дух, это равно общее для всех народов и веков содержание?.. — спрашивал там К. Аксакова Белинский. — Никто не может быть выше века и страны; никакой поэт не усвоит себе содержания, не приготовленного и не выработанного историей». Вторая половина фразы — раскавыченная, укороченная и обескровленная цитата из Письма Белинского к Гоголю, написанного в действительности шесть лет спустя.

«...Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого Вы так неудачно приняли на себя в Вашей фантастической книге. И это не потому, чтобы Вы не были мыслящим человеком, а потому что Вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из Вашего прекрасного далека... — писал Белинский Гоголю. — Поэтому Вы

не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение. А вместо этого она представляет собой ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стёшками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей! Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уж есть».

Эти строки воплощают самую суть Письма Белинского к Гоголю. В. Есенков, как видите, произвел своеобразное усечение и изменение текста, вложив в уста Белинского — с шестилетним предупреждением — мысль об отсутствии в России человеческого достоинства, о неисполнении даже существующих законов, подменив формулу «люди торгуют людьми» формулой «люди еще не сознали себя людьми» и навязав критику, подлинному патриоту своей родины, чуждые ему слова о «богом забытой России». Такая селекция при всей ее внешней незначительности таит в себе определенную тенденциозность: социально-политическое существо конкретного спора, который велся к тому же шесть лет спустя, переносится автором в совершенно иную плоскость — отрицание критиком всего и вся в «богом забытой России».

Все отрицающий в повести Белинский категорически не признает даже права литературы — да и жизни — на мечту.

«Без мечты не бывает поэта», — отстаивает свой взгляд на искусство Гоголь, взгляд, как видите, вполне симпатичный, близкий и нам.

«Неистовый колючим взглядом смотрел на него. Лицо его отвердело. В голосе слышалось непреклонное убеждение:

— Действительность — вот пароль и лозунг нашего века, действительность во всем: и в верованиях, и в науке, и в искусстве, и в жизни! Ничего ложного, поддельного, слабого, расплывчатого, мечтательного или надуманного!»

Угрюмый догматик да и только, причем догматик неумный! Но что общего у него с Белинским? Уж Белинский-то лучше чем кто бы то ни было знал, что действительность как цель и предмет литературы не убивает мечту; он как никто умел мечтать — помните: «Завидуем внукам и правнукам нашим...»

И тем не менее сама-то фраза о действительности как «пароле и лозунге века» опять-таки принадлежит Белинскому и взята автором из статьи «Горе от ума...». «Действительность — вот пароль и лозунг нашего века, — писал здесь Белинский, — действительность во всем — и в верованиях, и в науке, и в искусстве, и в жизни. Могучий, мужественный век, он не терпит ничего ложного, поддельного, слабого, расплывчатого, но любит одно мощное, крепкое, существенное».

Только, как видите, пафос этого высказывания Белинского прямо противоположен тому, который критику приписывается: он здесь не только не занимает позиции угрюмого всеотрицания, но утверждает положительные начала жизни яростно и последовательно.

Даже в оценке Тараса Бульбы писатель и критик в повести диаметрально расходятся. Гоголь бросает своего Тараса как последний козырь в споре со всеобъемлющим отрицанием Белинского, как последнее доказательство того, что «богатство» и мечта о нем возможны на Руси.

«Полно вам, Гоголь, полно! — снисходительно бросает ему Белинский. — Поэту знать не дано, откуда берет он свои бессмертные образы! Ваш Бульба — представитель жизни целого народа, целого политического общества в известную эпоху жизни. Его породило общество, составленное из пришельцев разных племен, из удалых голов, бежавших кто из нищеты, кто от родительского проклятия, кто от меча правосудия. Это общество имело один общий характер, его связывал крепкий цемент. Наше время иное — время денег, цинизма и бездарности! Откуда быть Бульбе среди городских?»

И далее как итог:

«Да, в отрицании, в призрачности мы уже достигли всемирного содержания. Но только в ней! И если вы двинетесь дальше этой исторически определенной призрачности,

это будет другая ложь, не менее опасная, чем ложь уже существующая!»

Неправдой являются эти слова, эта позиция, приписанная Белинскому. Формально, чисто лексически, слова и в самом деле принадлежат Белинскому, но несут они в контексте все той же статьи «„Горе от ума“...» совершенно иной, пожалуй, даже противоположный смысл.

Статья эта, как известно, писалась в 1839 году, в момент «примирения» Белинского с окружающей действительностью. В высшей степени странно рисовать образ «отрицателя» Белинского, опираясь на фразы из статьи, являвшейся апофеозом «примирения» критика с действительностью. Этого можно добиться одним путем — искажая и перетолковывая по-своему слова критика.

И действительно. Белинский в статье «„Горе от ума“...» употребляет приведенные В. Есенковым слова о Тарасе Бульбе как «представителе жизни целого народа, целого политического общества в известную эпоху жизни», но говорит их не ради отрицания положительных начал, но ради их утверждения! Тарас Бульба для Белинского подлинно народный героический характер, выразивший «мощное, крепкое, существенное» в жизни народных масс, являвшийся «представителем этой жизни, идеи этого народа, апофеозом этого широкого размета души».

В той же статье Белинский говорит и об «отрицании, призрачности», но говорит так: «Действительность есть положительное жизни; призрачность — ее отрицание... Отсюда являются две стороны жизни — действительная, или разумная действительность как положение жизни, и призрачная действительность как отрицание жизни. Отсюда же выходит и наше разделение поэзии как воспроизведение действительности на две стороны — положительную и отрицательную». Самому Белинскому в эту пору ближе была «положительная», или иначе — «действительная» и уже потому «разумная, действительность», а отнюдь не «отрицательная». Увлеченный своей позицией, он и отказал гениальной поэме «Горе от ума» в художественности, поскольку она — сатира (помните у В. Есенкова: «...не промахнитесь, как с Грибоедовым»).

Не ясно ли поэтому, что утверждение, приписанное В. Есенковым Белинскому: «В отрицании, в призрачности мы уже достигли всемирного содержания. Но только в ней!» — несправедливо прежде всего в

отношении статьи, из которой взяты эти слова. Но оно ошибочно и в отношении позиции Белинского в принципе. Белинский никогда не был узким, фанатичным, бездуховным «отрицателем», каким он предстает в произведении В. Есенкова.

В начале 1840-х годов критик в своем стремительном, бурном идейном развитии со свойственной ему страстью отказался от «примирения» с самодержавно-крепостнической действительностью. Видимо, об этих внутренних переменах и было столь неточно от лица Белинского сказано: «Сменив убеждения, я вышел в новый мир бесконечных страданий». Белинский не из людей, время от времени «меняющих убеждения». Но мировоззренческий путь его был действительно трудным, противоречивым, подчас мучительным.

В начале 40-х годов для творчества Белинского характерен пафос «субъективности» и «отрицания». Но отрицания чего? И во имя чего? Здесь требуется величайшая историческая точность!

Реакционная традиция, зарождавшаяся еще при жизни Белинского, в обстоятельствах идейной борьбы, которую критику приходилось вести, представляла его и его последователей, русских революционных демократов, нигилистами, имеющими за душой только заемные идеи тотального отрицания и разрушения своего отечества. Реакция обвиняла их в антипатриотизме, точно так же как в недостатке патриотизма обвиняла и Гоголя. В первую очередь Гоголя — «Ревизора» и «Мертвых душ», Гоголя — сатирика и реалиста, бесстрашного критика самодержавно-крепостнической действительности. Вот почему Проблема патриотизма, его понимание и толкование, была ключевой для Белинского — в том числе и в битве за Гоголя. За его «отрицанием» стояла любовь, истинная любовь к своему отечеству, к своему народу. «Отрицание» Белинского было исторически конкретным и социально обусловленным; оно было направлено против порядков своего времени с позиции высокого социально-гуманистического и этического идеала. «Все больше, кровнее любя Русь... с ее субстанциальной стороны», Белинский был непримирим к действительности настоящей в тех «общественных формах жизни», которые противостоят ее «глубоким субстанциальным началам».

Спор Белинского и Гоголя — это не спор «отрицателя» и «идеалиста», как его пытается представить В. Есенков, это спор двух патриотов земли русской о социальном идеале, какой они желали бы для родной

страны. При всем различии конечного социального идеала отвергали они одно: несовершенства окружающей их действительности, вызывавшие у них боль и возмущение,— но толковали истоки этих несовершенств по-разному. Время, история рас судили их спор.

В повести же В. Есенкова позиции Белинского (впрочем, как и позиции Гоголя) лишены социальной и политической определенности, которая всегда отличала великого критика, и сведены к борьбе неких абстрактных положительных и отрицательных нравственных начал.

Приведем финал этого спора.

«Я не могу ограничить себя отрицанием...— заявляет Белинскому Гоголь, защищая «душу человеческую».— В ней все! Надо только уметь, надо извлечь из нее!»

Неистовый в ответ яростно возглашает: «— Тьма кромешная, кромешная тьма! Это ад земной, почище Дантова ада!.. Все сгнило и смердит и лежит на пути.

У него вырвался отчаянный крик:

— Свету мне! Свету!

Краем сознания он еще понимал, как бессмысленно говорить то, что он говорил, но уже никакая сила не могла заставить его замолчать:

— Пусть он горит лишь во мне! Пусть! Это лучше кромешного мрака! Из жаждущей света, наболевшей души моей, измученной горькою мукой, исторгну я нечеловеческой яркости образы! Я напою их кровью своей! Я разожгу их моим всежигающим пламенем! Я дам им силу мою! И пусть тогда гуляют они среди безумных, среди опьяненных чинами и золотом, среди погрязших в воровстве и обмане и зовут этих мертвых примером своим к настоящей, подлинной человеческой жизни! И пусть судит меня потомство!

Он вдруг огляделся, ссутулится и померк.

Неистовый стал успокаиваться:

— Хорошо... мы будем ждать... Но не просите у суда снисхождения...

Они попрощались.

Страстное письмо прислал ему Белинский из Петербурга. Объяснялся в любви. Уговаривал печататься в «Отечественных записках».

Любви он не испытывал. Готового не было ничего. Он решил промолчать.

Потом из Зальцбрунна появилось послание...

Таков финал этой вымышленной, придуманной встречи Белинского и Гоголя в январе 1842 года, о которой достоверно известно только то, что она была, но истинного характера ее никто не знает. Финал, как

бы проставляющий все точки над «и» в истории взаимоотношений Гоголя и Белинского, какими они видятся В. Есенкову.

Если в душе Белинского горит угрюмый, испепеляющий огонь разрушения, то Гоголь, как видите, жаждет «света» и стремится нести его людям. Письма Белинского Гоголю, где критик бичевал писателя за то как раз, что он поддался мраку обесию, будто не существовало вовсе, во всяком случае истина в этом споре, доказывает своей повестью В. Есенков, за Гоголем, а не за Белинским...

Не ясно ли, на чьей стороне в таком случае должны быть симпатии читателей и самого автора? Конечно же, не на стороне Белинского! И оправдано, что любви к такому Белинскому Гоголь «не испытывал». Да и можно ли ее испытывать, если Гоголь «лукаво», как сказано в произведении, вспоминает вдруг, что «Белинский ничему хорошему не учился. Способен ли он обнять своей мыслью весь мир?...— размышляет в связи с этим Гоголь.— Не должно ли его суждение поневоле быть ограниченным, даже поверхностным, может быть?»

Десять страниц спустя Шевырев в беседе с Гоголем уже прямо называет Белинского «рыцарем без имени, невеждой и пустозвоном». И эти слова никак не оспорены и даже не объяснены в повести!

Но, пожалуй, самой главной, ключевой фразой в приведенном выше отрывке да и во всей главе, посвященной встрече Белинского и Гоголя, была последняя:

«Потом из Зальцбрунна появилось послание...»

Ради нее-то, думается, и написана вся глава. Фраза эта многозначительна.

Ее многозначительность в том, что это единственная фраза, в которой автор произведения, посвященного судьбе Гоголя, его творческой драме и духовной трагедии, говорит о Письме Белинского к Гоголю. Говорит так, что интонационно как бы отстраняет, игнорирует этот документ той эпохи, по сути дела изымая его из драматического контекста времени.

Для автора повести это по-своему последовательная позиция. Тот Белинский, каким его увидел В. Есенков, далекий от Гоголя и не понимающий Гоголя, эмоционально как бы перечеркивает свое Письмо.

Но что можно понять в Гоголе, в эпохе Гоголя, в тайне Гоголя без главного документа времени, который В. И. Ленин называл «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати»?

В. Есенков не только проигнорировал этот документ, но и занял, по сути дела, по

отношению к «Выбранным местам из переписки с друзьями» апологетическую позицию.

Как известно, «крапинки и пятнышки» в «картине великого мастера», встревожившие Белинского в первом томе «Мертвых душ», постепенно усиливались, увеличивались в объеме, что нашло свое проявление в предисловии Гоголя ко второму изданию «Мертвых душ». В связи с гоголевским предисловием Белинский пророчески писал, что, «к несчастью, эти мистико-лирические выходы в «Мертвых душах» были не простыми случайными ошибками со стороны их автора, но зерном, может быть, совершенной утраты его таланта для русской литературы...». Из этого «зерна» и росла драма, а точнее трагедия Гоголя — прежде всего идейная, социальная, а потом уже нравственная и творческая. Трагедия эта, исходя из позиций Белинского и Чернышевского, первыми глубоко и серьезно, с позиции конкретного историзма и социальности рассмотренных в драму Гоголя, достаточно широко исследована в советской литературной науке.

Но что нашему литератору, имя которого С. Чупринин рекомендует писать вразрядку, наука! Куда важнее мода на дурную оригинальность, без понимания того, что эти внешние новации асоциального толка в воззрениях на прошлое и настоящее нашей литературы не более чем жалкая перелицовка старого, давно отвергнутого.

Такой методологически ложный внесоциальный подход искажает и крайне обедняет литературную мысль.

Вот и в книге о судьбе Гоголя нет практически Гоголя-художника, Гоголя «Ревизора» и «Мертвых душ», Гоголя — обличителя правопорядка самодержавно-крепостнической России, Гоголя — основателя «натуральной школы», направления критического реализма.

Нет в книге и самодержавно-крепостнической России, нет хотя бы одного-единственного, чисто случайного упоминания о существовании крепостного права и самодержавия на Руси, как не существует и вопроса об отношении Гоголя и Белинского к этим коренным общественно-политическим и социальным реалиям жизни той поры. То го главного вопроса, который и развел Гоголя и Белинского в противоположные стороны.

Нет здесь и хоть сколько-нибудь критической оценки воззрений Гоголя конца его жизни, с наибольшей полнотой и последовательностью выразившихся в «Переписке». Тех воззрений, которые своим разрывом с

действительностью и ее потребностями, как и предсказывал Белинский, резко обузили творческие возможности Гоголя, разрушили его творческий потенциал и в конечном счете привели к трагедии. Истоки этой беды, пожалуй, глубже и точнее других объяснил Л. Н. Толстой, сказав о Гоголе: то было прекрасное сердце, но робкий ум. С этой мыслью Л. Н. Толстого перекликаются слова Ф. М. Достоевского: «Гоголь в своей «Переписке» слаб, хотя и характерен. Гоголь же в тех местах «Мертвых душ», где, переставая быть художником, начинает рассуждать прямо от себя, просто слаб и даже не характерен, а между тем его создания, его «Женитьба», его «Мертвые души» — самые глубочайшие произведения, самые богатые внутренним содержанием именно по выводимым в них художественным типам». Такова, по сути дела, единая для русской культуры оценка великого творческого наследия Гоголя включая сюда «Переписку» и те места в «Мертвых душах», в коих проявились слабости Гоголя как мыслителя. В полном восторге от «Переписки» была только мрачная и тупая реакция — люди типа Булгарина, которые до этого не устали обвинять Гоголя в антипатриотизме и поливать великого реалиста самой зловонной грязью.

В чем же в таком случае «открытие» В. Есенкова, о котором столь определенно заявил критик — автор послесловия? В том, по всей вероятности, что в центре произведения, посвященного жизненной и творческой судьбе великого русского писателя, мы видим не Гоголя-художника, но Гоголя-проповедника, того самого «пророка» с его «надутым и напыщенным лиризмом», о котором с иронией писал Белинский; нам представлена не сила, но слабость Гоголя, не его разум, но его предрассудок, выдаваемые за высшее духовное и творческое достижение, за вершину внутреннего развития художника.

Трагедия Гоголя в представлении В. Есенкова вовсе не в том, что «зерна» «мистико-лирических» воззрений писателя, развившись в конце его жизни в реакционно-утопическое мирозерцание, привели к безвыходному творческому кризису, духовному и жизненному тулику. Такова общепринятая в советской науке точка зрения. Трагедия Гоголя, утверждает своей повестью В. Есенков, это трагедия не понятого современниками писателя, настолько опередившего время в своем нравственном развитии, что ему остается один удел — трагическое одиночество.

Акцентируя на его непонятость, смазывает

вая действительные причины неприятия передовой русской общественностью «Выбранных мест из переписки с друзьями», В. Есенков создает искаженную и упрощенную картину общественной реакции на книгу, той идейной борьбы, которая развернулась после ее публикации.

«Обиды и оскорбления одним потоком снова пронесли по нему (по всей вероятности, Гоголю.— Ф. К.),— пишет В. Есенков, цитируя подряд Сенковского и Губера, Чаадаева и Аксакова, Брандта из «Северной пчелы» и Белинского, Григорьева и Шевырева, называя критику «Переписки» литературной бранью. Но столь настойчиво подчеркивая в книге, будто «люди всех партий, всех взглядов оказались против него», «единым потоком» обрушившись на «Переписку», В. Есенков скрывает от читателя тот важный факт, что «Переписку» ругали далеко не все! Напротив: партия реакции подняла «Выбранные места из переписки с друзьями» на щит! Белинский в своем письме Гоголю справедливо писал «о тех воплях дикой радости, которые издали при появлении ее все враги Ваши, и нелитературные — Чичиковы, Ноздревы, городничие... и литературные, которых имена хорошо Вам известны».

С другой стороны, представив всю критику «Выбранных мест...» «единым потоком» «литературной брани», В. Есенков и Письмо Белинского к Гоголю — главный критический документ в этом споре — зачислил в «литературную брань»! Однако суровая и страстная критика «Выбранных мест из переписки с друзьями» В. Г. Белинского никакого отношения к «литературной брани» не имеет. Спор шел — вспомним Письмо Белинского к Гоголю — «об истине, о русском обществе, о России». О дальнейших путях ее исторического и социального развития.

Но, как уже говорилось, автор повести проходит мимо тех социальных явлений и того социального зла, вокруг которых билась мысль и совесть всей великой русской литературы XIX века. В книге мелькают названия произведений великого писателя, но в ней отсутствует социальный пафос гоголевской критики и обличения самодержавно-крепостнической действительности, та гражданская совесть и боль, которые и сделали Гоголя Гоголем. В книге нет правды о том, от чего отрекся Гоголь и к чему он пришел. «Переписка» и второй том «Мертвых душ» в книге представлены как вершина духовного развития Гоголя. «То, на что он лишь намекнул в «Переписке», он разжег в «Мертвых душах», уде-

сятерил и умножил, — утверждает В. Есенков.— Уже не будничным словом заговорил он там. Сила мук его, горечь слез и печалей воплотили его идеал в непоправимо-живое искусство. «Переписка» только жалила «мертвые души». Второй том обожжет и усевестит их».

Как видите, духовное развитие Гоголя в конце его жизни, по представлению В. Есенкова, идет по восходящей. Его оценки противопоставлены оценкам Белинского. Великий критик утверждал, что «Мертвые души» вызвали «вопли дикой радости» у «мертвых душ» — чичиковых, ноздревых, городничих. По мнению же В. Есенкова, «Переписка» жалила «мертвые души». Но это неправда: все здесь поставлено с ног на голову. Хотел того автор или нет, но в качестве «мертвых душ» в его книге предстают не чичиковы и ноздревы, а передовые люди России той поры, которых действительно «жалила», «обжигала» «Переписка». По Есенкову получается, что их-то суда он и боится до ужаса:

«Что скажут они, если отдаст он им «Мертвые души»? Кто поймет, одобрит и приласкает кто?

Ужас смел его волю, раздавил и растоптал его существо. Он притиснулся к спинке кресла, будто хотел отстраниться, уйти от него. Глаза шарили по углам, точно искали, куда бы деться ему.

Каждый день в течение тридцати прошедших со дня завершения он представлял себе этот кошмар, который его наверняка ожидает, чтобы хоть немного привыкнуть к нему и накопить в себе мужества пережить и его, когда он налетит в самом деле, как пережил он тот кошмар, который внезапно обрушился на него после публикации «Переписки».

Но с каждым днем кошмар этот ужасал его еще больше, непомерно разрастаясь в воображении.

Он беспомощен был перед ним.

С потухающим сознанием, иступленно страшась за себя, он жалобным шепотом умолял:

— Нет, я не имею больше сил терпеть! Боже! Что они делают со мною! Они льют мне на голову холодную воду! Они не внемлют, не видят, не слушают меня. Что я сделал им? За что они мучат меня? Чего хотят они от меня, бедного?..

Им поперек горла встали его моральные принципы».

Такова одна из опорных позиций повести, посвященной тайне Гоголя.

Вдумаемся в этот пассаж. Кто эти они, замучавшие после выхода «Переписки» Го-

голя, кому «поперек горла» встали его «моральные принципы» и перед кем он испытывает ужас в связи с завершением второго тома «Мертвых душ»? Ужас потому, что эта книга удесятит идеи «Переписки», вызовет поток брани на него? Всем известно, кто вел главный и последовательный спор с Гоголем времен «Переписки».

Здесь-то никакой тайны нет. Не Погодин, не Шевырев, не Аксаковы, не Плетнев и уж тем более не Булгарин и Сенковский были оппонентами Гоголя в конце его жизни, даже если Погодин или Аксаковы не принимали отдельных сторон его «Переписки». Если в период творческого расцвета главным противником Гоголя были реакционные силы России, то к концу жизни основной спор с ним вели силы демократические. По В. Есенкову получается, что в душевном отчаянии и одиночестве, достигших Гоголя, повинны именно эти силы, которые не поняли и не приняли его «моральных принципов» последних лет. Такова концепция книги. Очевидны ее исходная фальшь и ложь.

В Есенков объясняет драму Гоголя тем, будто в своем нравственном развитии, в открывшихся ему в конце жизни «моральных принципах», он настолько опередил время и поднялся на такие духовные вершины, что оказался не понятым современниками (читай — Белинским) и в полном одиночестве и ужасе перед всеобщим непониманием его высоких нравственных устремлений ушел из литературы и жизни.

Такой взгляд на духовную драму Гоголя поддерживает и кандидат филологических наук С. Чупринин, отрекомендовавший повесть «Совесть» как безусловную удачу автора. «И ключевым словом здесь оказалось слово совесть, оправданно давшее имя роману о самых, быть может, трудных, трагических днях и часах в жизни великого писателя», — заявляет С. Чупринин, видя в трагедии Гоголя лишь трагедию «изболевшейся, исстрадавшейся совести», будто она не требовалась писателю, «не болела» и «не страдала», когда он создавал «Ревизора» и «Мертвые души», «Тараса Бульбу» и «Вечера на хуторе близ Диканьки». Как будто трагедия Гоголя лежит в плоскости нравственно-этической, а не мировоззренческой и спор его с Белинским — это спор о некоей абстрактной совести, а не о России с ее самодержавно-крепостническим строем, не о путях дальнейшего развития родной страны.

По мнению С. Чупринина, как раз «изболевшая совесть» (а не мировоззрение, не

идейный тупик) «привела великого сатирика именно к этому финалу, обеспечив ему совершенно особое место не только в истории отечественной литературы, но и в числе тех, кто формировал нравственный облик русской интеллигенции и русского общества в целом».

Но ведь особое место в истории отечественной литературы и формирования нравственного облика русской интеллигенции обеспечил Гоголю не финал его внутреннего развития, но то именно, от чего он трагически отрекся в финале. его «Ревизор» и «Мертвые души», его великое реалистическое и подлинно гуманистическое творчество. И не «большая совесть», а религиозно-мистическое искания конца жизни привели Гоголя к этому финалу.

Подобная сверхэкстравагантная точка зрения есть вызов всей историко-культурной традиции начиная от Белинского и Чернышевского и кончая новейшими исследователями. Поражает то идейное легкомыслие, та методологическая небрежность, с которыми этот вызов автором повести и критиком бросается.

Из Гоголя выросла вся «натуральная школа», все направление критического реализма, составившее честь и славу не только отечественной, но и мировой литературы, но из Гоголя-реалиста, а не проповедника! «Влияние Гоголя на русскую литературу было огромно. Не только все молодые таланты бросились на указанный им путь, но и некоторые писатели, уже приобретшие известность, пошли по этому же пути, оставивши свой прежний. Отсюда появление школы, которую противники ее думали унижить названием натуральной. После «Мертвых душ» Гоголь ничего не написал», — утверждал Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года», имея в виду тот факт, что «Переписка» стояла особняком в творчестве великого писателя и не сыграла той роли в деле формирования русского критического реализма, какую сыграло художественное творчество Гоголя и какую приписывает «Переписке» С. Чупринин.

Да, «Выбранные места из переписки с друзьями», как и все написанное великим Гоголем, заслуживают самого внимательного анализа, исследования, но и точности научных методологических оценок, верного определения их действительной роли и места в творческом пути Гоголя и истории русской литературы. И в основе такой оценки должен лежать принцип конкретного историзма и социально-классовый подход, традиция Белинского и Герцена.

Бесперспективна попытка видоизменить историческую оценку «Выбранных мест из переписки с друзьями» и всего трагического финала в идейном, духовном и творческом развитии Гоголя, представить дело так, будто не его великое творчество, а именно этот трагический финал обеспечил ему особое место в истории отечественной литературы и русской общественной мысли. Бесперспективно стремление поменять местами те устойчивые знаки, которые дала «Переписке» и Письму Белинского к Гоголю история, попытаться выдать иному неискушенному читателю «Переписку» за некий плюс, а Письмо Белинского к Гоголю чужь ли не за минус, в крайнем случае объективистски уравнивать их, встав как бы над «схваткой». Против этого вопиет правда истории.

Подобное стремление как раз и проявилось в повести В. Есенкова. Об этом необходимо сказать с полной определенностью, коль скоро подобные новомодные асоциальные воззрения на историю, литературу и нравственность, являющиеся, по сути дела, повторением ветхозаветных задов, проникают уже и в обыденное сознание и в беллетристику.

Как тут не вспомнить вещи слова большого нашего писателя Федора Абрамова, сказанные им на VII съезде советских писателей:

«За последние годы в литературе нашей сильно повысился интерес к нравственным проблемам, к духовному миру человека с его такими древними, но вечно живыми понятиями, как совесть, доброта, сочувствие, сострадание, милосердие, жалость... Да, поворот литературы к вопросам нравственности, души можно только приветствовать, тем более что исторический опыт показал, что перестройка, обновление жизни только социальными средствами, не подкрепленные нравственной, душевной работой каждого человека, не могут дать желаемых результатов. Но вот беда наша — очередная крайность: нравственное начинает теснить социальное, гражданское, принимать самодовлеющий характер, а порой даже превращаться в моду. Больше того, послушать иных умников, так социальное, гражданское чуть ли не пройденный этап, а скажем, такая штука, как политика, так и вовсе признак примитивности, безвкусицы.

Величайшее заблуждение!

Нравственность вне социального, гражданского, вне насущных проблем жизни,

которыми живет страна, народ, партия, нравственность, наконец, вне политики, которая стала одной из самых главных сфер бытия человека XX века, такая нравственность — пустая, безнравственная болтовня...»

Слова, имеющие прямое отношение не только к текущему литературному процессу, но и к нашему взгляду на прошлое.

И последний мой недоуменный вопрос к коллеге по литературно-критическому цеху Сергею Чупринину. Как он мог рекомендовать читателю в столь панегирических словах произведение до такой степени слабое? Может быть, критик делал автору скидку на биографию, на обстоятельства его жизни?

Биография В. Есенкова и в самом деле вызывает симпатию и уважение: он работает преподавателем средней школы в Липецкой области и занимается литературой, пытается писать романы о русских классиках.

Однако в таком случае критик забыл, что русская литература — дело суровое, серьезное и ответственное. Он забыл непреходящий завет нашей литературе, данный Н. В. Гоголем как раз в его «Переписке с друзьями»: «Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще. Если писатель станет оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиной неискренности, или необдуманности, или поспешной торопливости его слова, тогда и всякий несправедливый судья может оправдываться в том, что брал взятки и торговал правосудием, складывая вину на свои тесные обстоятельства, на жену, на большое семейство, словом — мало ли на что можно сослаться. У человека вдруг явятся тесные обстоятельства. Потомству нет дела до того, кто был виной, что писатель сказал глупость или нелепость или же выразился вообще необдуманно и незрело. Оно не станет разбирать, кто толкал его под руку: близорукий ли приятель, подстрекавший его на рановременную деятельность, журналист ли, хлопотавший только о выгоде своего журнала. Потомство не примет в уважение ни кумовство, ни журналистов, ни собственную его бедность и затруднительное положение. Оно сделает упрек ему, а не им. Зачем ты не устоял противу всего этого?»

Золотые слова! И стоило бы нашей критике да и литературе неотступно следовать им.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Александр Топчян. Миссия человеческая. — В. Оскоцний. Жизнь, рассеченная надвое. — Андрей Нуйкин. Высокий счет гражданственности.

ПОЛИТИКА И НАУКА

А. Зверев. Повествование без вымысла.

Литература и искусство

МИССИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Ваагн Григорян. Запертая комната. Повесть. «Литературная Армения», 1975, № 12.

В. Григорян. Белая ворона. Повести. Ереван. «Советанан грох». 1981. 379 стр.
(На армянском языке)

Ваагн Григорян. Белая ворона. Повести. Авторизованный перевод с армянского.
М. «Советский писатель». 1982. 295 стр.

Творческая судьба армянского прозаика Ваагна Григоряна складывалась своеобразно. Десять лет назад тогда еще молодой автор после выхода двух обративших на себя внимание сборников новелл и многообещающего романа опубликовал повесть «Красный снег» и сразу оказался в центре внимания критики и читателей. В республиканской литературной газете на протяжении нескольких месяцев вокруг этой повести шла оживленная дискуссия, появилась большая рецензия на повесть в «Дружбе народов».

Затем одна за другой последовали повести «Запертая комната», «Обещание», «Отлив». На фоне бурных и продолжительных дебатов по поводу «Красного снега» казалось странным, что армянская критика мало писала об «Отливе», который, на мой взгляд, одно из ярких явлений армянской прозы этих лет. Объяснение, быть может, надо искать в растерянности критики: прозаик вроде бы отказывался от своего прежнего героя А ведь именно героем озадачил «Красный снег» армянских критиков и писателей. Молодой журналист Овик, умный, рассудительный, наделенный даром анализа и самоанализа, мог показаться преждевременно уставшим и даже циничным. Но вот Овик с большим опозданием прочел лежащие в ящике его стола мемуары старого большевика. В этих тетрадях есть эпизод, где рассказывается и о

деде Овика. В годы гражданской войны в Армении два крестьянина ночью, в пургу, рискуя жизнью, спасали ревком. Один из них свернул с полпути. Овику необходимо знать — кто именно пошел до конца? На этот вопрос он так и не получил ответа, потому что автора мемуаров уже нет в живых. В. Григорян заставляет героя задуматься над каждым своим поступком, отдать себе отчет в том, что его поступки и дела не принадлежат лишь ему одному. Герой все яснее понимает, что нравственность — понятие протяженное во времени, единое и неделимое.

Пробуждение чувства личной ответственности — главный нерв и другой повести В. Григоряна, «Младший сын короля», где избалованный сын известного историка неожиданно встает перед трудными нравственными решениями.

Обе повести написаны в самом начале 70-х годов, когда уже заканчивалась «эра» беспечного и крикливого героя-«бунтаря» (во всяком случае, на армянской литературной почве). В. Григорян раньше других сумел взглянуть на этих молодых нетерпеливых людей уже в контексте нравственных исканий 70-х годов, наметившихся, в частности, в литовском романе, в повестях и романах Ю. Трифонова и А. Битова.

Повести «Запертая комната» и «Отлив» показали, что В. Григорян полемизирует не только со стихийным «бунтом»

молодого героя 60-х годов, но и с исповедальной прозой, опирающейся на внутренний монолог. В «Запертой комнате» удивляла инертность монологической исповеди героя, назрела внутренняя потребность усилить и высветить авторскую позицию. Родилась новая форма, которую можно назвать поэтикой антимолога. Сюжет повести строится не на самораскрытии личности, а на контрастных прочтениях одного и того же факта: варианты и взаимоисключающие и оба не до конца достоверные. Герой В. Григоряна снова перед загадкой прошлого. Но он может скорректировать жизнь, выбрать тот или иной вариант, даже отказаться от обоих вариантов, начать биографию с нуля.

Героя повести мы оставили на пороге трудного выбора. Прошлое входило в его жизнь именно в тот момент, когда он чувствовал острую необходимость «сотворить себя заново» (Кьеркегор). Он уже знает, что невыполненный моральный долг его родных ложится на плечи нового поколения. Таким образом, новая жизнь продолжает другие жизни. (Сергей из «Другой жизни» Ю. Трифонова считал, что существуют нити, которые тянутся из прошлого, — «нить, проходящая сквозь поколения».)

В повести «Отлив» с первых же страниц мы сталкиваемся с ситуацией фантастической: герой одновременно оказался в разных местах — «в своем доме и на каком-то незнакомом берегу», куда, как окажется чуть позже, никогда не ступала нога человека. Героя «Запертой комнаты» мы оставили на распутье, когда наряду с существующей биографией возникла возможность «новой жизни»; герой «Отлива» не только раздвоен: его никто не слышит и не видит, он исчез с лица земли, скончался, даже похоронен!

У героя В. Григоряна есть причины быть так жестоко наказанным. «Отлив» — это своеобразная метафора, реализованная на романном пространстве. Заместитель директора одного из ереванских НИИ Геворк Геворкян исчезает среди бела дня — он жив, ест, пьет, видит, слышит, даже говорит, но никто его не видит, не слышит. А исчез, стал невидимым он потому, что люди перестали его замечать, ибо он в течение пятнадцати лет постоянно превращал себя в существо, ненужное обществу и людям.

Геворку тридцать три года, и автор не забывает провести известную аналогию. Это возраст почти всех героев В. Григоряна — возраст итога. По-разному герои Григоряна приходят на это распутье. Геворк не окон-

чательно пропавшая душа: у него была все-таки тоска «по чему-то недостижимому». Куда опасней его бывший подчиненный, а ныне заменяющий его Баграг. «...будь ты поумней, — учит он Геворка, — ты бы не наделал столько глупостей и сидел бы сейчас на своем месте. А я не дурак и никогда им не буду». Баграг абсолютно бесчувственная личность, Геворка же жизнь на необитаемом острове эгоцентризма мучает.

У известного венгерского карикатуриста Тибора Кайяна есть такой рисунок: обросший Робинзон сидит на необитаемом острове, схватившись за голову, а вокруг, не обращая на него никакого внимания, сплывают современно одетые люди. Трагикомедия современного робинзона — неразрешимый парадокс одиночества в гуще людей, двойная жизнь — иллюзорная и настоящая. Герой В. Григоряна стал робинзоном не только потому, что постепенно изолировал себя от общества, но и потому, что все больше отходил от себя самого, растворяясь в безликости и серости.

С каждой главой грани реального и фантастического стираются, необычное становится привычным, и когда по всем законам черной магии автор тринадцатую главу пропускает, выступая вдруг в качестве героя (причем в паре со своим героем), то это уже не удивляет. Созданный воображением автора персонаж больше не подчиняется ему, бунтует против своего же создателя. В сюжет входит рассказ о процессе создания романа и возможностях его продолжения. Фактически возникает спор двух авторских позиций: собственно автора, который должен окончательно оформить жизненный материал, и другого, представляющего нечто такое, что не поддается творческой дисциплине. «Писатель должен быть беспристрастным», — утверждает он.

Писательское умение сталкивается с материалом, писатель — с героем: основой сюжета становится не только жизненный факт, но и сама техника романа.

Приходит час, когда Геворк понимает, что человек в самом деле может существовать, лишь живя для других. Содержанием последних глав романа стало пробуждение и начало возврата. Полностью исчезли саркастические нотки в авторских комментариях действий героя. Появились даже намеки на сострадание. Но прежде чем направить Геворка в родной дом, автор преподносит читателю очередную сюрприз, в последний раз вступая в конфликт со своими героями. В двадцать первой главе мы читаем мнение героя о еще не завер-

шенном романе. Автор оказывается меж двумя взаимоисключающими началами, причём за оба он в ответе.

Итак, начало возвращения. Геворк «пропал» ночь и два дня» в родное село, откуда он пятнадцать лет назад приехал в город. Он, как паломник, идет к себе, к своим истокам. Но как труден этот путь! Гранту Каряну из рассказа Г. Матевосяна «На станции» ровно двое суток пришлось провести в вокзальном «чистилище», прежде чем он преодолел десяток километров и вернулся в родное село. А наш герой, вернувшись домой, не смеет переступить родной пороги и спит на крыше, с удивлением спрашивая самого себя, что же ему мешает.

И не случайно повесть кончается словами матери героя: «Я тебе постелила в комнате. Отец сказал, стели там, где он спал раньше». Она как бы вторично рождает сына...

Человек, по В. Григоряну, постоянно должен обновляться, совершенствоваться, создавать себя сам. Таковы и Овик, и герой «Запертой комнаты», и Геворк. А вот герой повести «Обещание» всю жизнь так и не мог найти себя. В повести же «Свет» точка обзора другая. Мы смотрим на героя глазами жителей Пятой улицы, представленной тремя поколениями (дед, отец и внук), участковым — представителем власти и закона, хозяйкой дома. Пятая улица — это символ той среды, в которой рождались и росли герои В. Григоряна. У писателя появилась острая необходимость очертить этот микромир.

Что мы узнаем на этот счет? Есть здесь люди, словно живущие под дамокловым мечом бездуховности, находящие себя с опозданием, их внутренний рост бедственно задержан. А вот иное — характер и судьба Васака Мнацаканяна из повести «Белая ворона». Это человек, который с первых же шагов своей сознательной жизни понимал, зачем явился на свет, четко отличал добро от зла. Однако, несмотря на все свои добродетели, Васак всю жизнь... проигрывает. И бой с новым директором сельской школы, где он работает учителем истории, кончается очередным поражением Васака: директор, молодой карьерист, прибегает к помощи элементарного формализма. Но Васак-то не считает, что проигрывает в жизни! Да и само слово «проигрывать» из лексикона героев, похожих на молодого директора или некоторых обитателей Пятой улицы, на которой живет семья Васака. Да, он донкихот, даже «белая ворона», но в чьих глазах! И на вопрос директора: «Что вы будете делать, когда проиграе-

те?» — Васак отвечает: «Есть села, близкие к границе снега, куда честолюбивых молодых людей вроде вас и автоматом не загноишь. Там меня ждут. Как тает снег в горах? Сначала у подножий, потом на склонах, потом выше и выше. Вот так же буду подниматься и я. Подобно тающему снегу».

Ответ не лишен поэтичности, но уж очень настораживает это сравнение с тающим снегом. Даже если он поднимется все выше и выше. Что же получается? Геворк «исчез», потому что ушел от самого себя, а стало быть, от общества. Васак же «уходит» (правда, поднимаясь морально), потому что остается верным себе, не идет ни на какие компромиссы со своей совестью. Геворк сам осознал свое одиночество, а у Васака — непоколебимая уверенность в правоте: он и не собирается вносить какие-либо коррективы в свое поведение и в свои принципы... Трудно сказать, не встретит ли Васак в высокогорном селе другого карьериста, возможно, он проиграет и там, но все-таки он может, как Паскаль, сказать: «...на моей стороне истина: она — вся моя сила; если я ее потеряю, я погиб». Васак прекрасно знает, как ему будет трудно, но знает также, что за нравственные идеалы надо бороться, что их отстаивают и утверждают в ежедневной борьбе.

Еще Саят-Нова, словно бы предугадывая пафос григоряновского героя, писал:

Так жить хочу, чтоб каждым днем
обязан был я лишь себе.
Чтоб сотней бед, входящих в дом,
обязан был я лишь себе
Чтоб всем сказать: своим добром
обязан был я лишь себе.
Бегу от зла, познав, что злом
обязан был я лишь себе
Я скромным стал: своим стыдом
обязан был я лишь себе.
(Перевел К. Липскеров¹)

Нет, Васак не «белая ворона», не утопист и тем более не мученик — он все делает во имя нынешнего дня, ибо уверен, «что в наше время человек за свои грехи должен отвечать на этом свете». В таких героях реализуются наши современные представления о нравственности и добре.

В. Григорян — один из активных современных армянских прозаиков. Повесть «Белая ворона» своеобразно подводит черту под десятилетним периодом его творче-

¹ Перевод цитируется по недавно вышедшему, снабженному обстоятельным и серьезным научным аппаратом изданию: Саят-Нова. Стихотворения. Вступительная статья В. С. Налбандяна. Составление и примечания Г. А. Татосяна. («Библиотека поэта». Большая серия) Л. «Советский писатель». 1982, стр. 88.

ства, периодом углубленного исследования природы человеческой нравственности. Устами Васака выражена важная идея: «Миссия человека в этом мире гораздо выше, чем мы привыкли считать».

Следует заметить, что такая высокая нравственная требовательность становится все более отчетливым лейтмотивом современной армянской прозы, представленной романами и повестями, вышедшими в свет в течение последних пяти-шести лет. Это «Одинокая орешина» В. Петросяна, «Хозяин» Г. Матевосяна, «Белая мышь» З. Ха-

лафяна, «Аршак Второй» П. Зайтунцяна, «Век потери» Вартака Григоряна и другие произведения, жанрово и тематически разнообразные. Героев этих произведений объединяет нравственный максимализм, направленный в первую очередь на самих себя, обеспокоенность заинтересованного хозяина процессами, происходящими в нашем обществе. Все это свидетельство гражданской активности, которой отмечена современная армянская проза.

Александр ТОПЧЯН.

Ереван.

ЖИЗНЬ, РАССЕЧЕННАЯ НАДВОЕ

Юрий Давыдов. Две связки писем. Повесть о Германе Лопатине. («Пламенные революционеры») М. Политиздат. 1983. 463 стр.

Сколько раз бывал в Шлиссельбурге и не помню случая, чтобы кто-то отважился спугнуть гнетущую тишину новой каторжной тюрьмы — краснокирпичного приземистого корпуса, первыми заключенными которого стали революционеры-народники. Тишина, как холод и мрак, встречает тут на пороге и неотступно сопровождает в полутемном коридоре, в камерах-склепах. В ней вязнет, останавливается время, счет которому ведется уже не по стрелкам часов, а по именам узников. Скорбный памятник на оконечности острова, за тюремной стеной, над невысоким ладожским обрывом напоминает: более тридцати человек погибли здесь — умерли, казнены, покончили с собой...

Восемьдесят после двадцати с лишним лет заточения освободила революция 1905 года; их жизнь рассечена Шлиссельбургом надвое. Не потому ли и вошло это число в название романа Юрия Давыдова? Не одна, не три и не пять — всего лишь две связки писем, не меньше, но и не больше. До и после «роковой железной калитки в угловой башне Шлиссельбургской крепости», поглотившей Германа Лопатина. «Громада изжитых лет», — скажет потом писатель. Именно: не прожитых, а и ж и т ы х...

«Письма» — основа сюжета. Не всегда хронологически последовательного, часто разрываемого наплывами воспоминаний, отступлениями в прошлое или, наоборот, взглядом в будущее — в события, которые ждут впереди. «Объезд выйдет долгим и длинным», — недаром предостерегает романист в одних случаях. «Но это все по-

том», «но все это годы и годы спустя» — предупреждает в других.

Он не просто вторгается в повествование своим авторским «я», но живет в нем. Ведет, направляет, неизменно опирая мысль не на «мертвый вымысел, а на живую действительность». И, не скрывая лабораторий мысли, приобретает к ее трудной работе, вовлекает в ее напряженное движение, не признающее проторенных путей, отвергающее облегченные ходы и приемы. Документально удостоверенные свидетельства истории и впечатления, вынесенные сегодня, равно входят в поэтику повествования, становятся в ней стилиобразующим началом, и мы, читатели, также включены в процесс не просто поиска документа, но, главное, его переживания и осмысления, додумывания того, что стоит за фактом. В этом все дело. И самый обильный фактический материал, и самая добротная документальная основа повествования — всего лишь начальное условие, но никак не конечная цель писательского творчества. Вернее всего, пожалуй, назвать книгу Ю. Давыдова монологическим романом раздумий. Развернутых вширь и вглубь раздумий писателя о чистоте революционного знамени и нравственном кодексе революционера. О нормах морали и этики, кристаллизовавшихся непосредственно в ходе борьбы с самодержавием. Об идейно-нравственном потенциале революционно-освободительного движения в России и его духовных ценностях.

Кто не помнит со школьных или студенческих лет: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Рос-

сия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий...»¹. Не восприняла, не усвоила — *выстрадала*: на редкость точный глагол, указывающий на драматизм идейного и духовного поиска, на ошибки и пробы, заблуждения и истины, потери и обретения. Каждое новое поколение борцов платило за них по наивысшему счету жизни и смерти, прежде чем на пролетарском этапе революционно-освободительного движения рабочий класс выдвинул тех новых, подлинно «народных героев русской революции», о самоотверженности и мужестве которых сказаны вещи ленинские слова: «Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоеует себе полное освобождение от всякой эксплуатации»...².

Но пока на дворе осень 1869 года. Писатель ведет нас в подмосковное Разумовское, в парк Петровской, ныне Тимирязевской, академии. Мы видим «тамошний грот, где затаились убийцы, и тускло заледенелый пруд с черной прорубью рядом с гривкой ржавых камышей»...

История революционно-освободительного движения в России, как и мировая история вообще, знает людей, которые были первыми в своем правом или неправом деле. Первый русский революционер — Александр Радищев. И первый (или, во всяком случае, — вспомним «Былое и думы» — один из первых) ренегат в революции — В. И. Кельсиев. Первый иезуит в ней — Сергей Нечаев. И первая его жертва — студент Иван Иванов.

Глубокий художественный смысл заключен в том, что в романе о Германе Лопатине сначала появляется не он сам, а Нечаев. Это позволяет с первых же страниц повествования четко обозначить два несомнимых полюса, на отталкивании которых будет в дальнейшем строиться весь сюжет. Гулкое «эхо Петровского-Разумовского» не раз отзовется в его движении. Встреча с Нечаевым откроет Лопатину его «звание и призвание», а «случайный сосед в секретной камере» иркутской тюрьмы, бывший каракозовец, окончательно утвердит в них: «Русские революционеры обрели «Капитал», избавляющий от недоумения перед временем, переломом. Но русский революционер, вот хоть тот же бородач-крепщик, еще

не владел рулем-верехом, чтоб благие порывы не гибли на порогах».

Один из таких порогов знаменовала нечаевская «Народная расправа» с ее казуистическим принципом «ложь — не ложь, ежели ради организации, ради идеи». Удушающую атмосферу инквизиторства от революции и передает Юрий Давыдов началом романа, воссоздавая Нечаева и его окружение в сплетении многих и разных психологических мотивов. Нечаевская «бесовщина» (воспользуемся хрестоматийным определением) — это не просто деспотизм и властолюбие диктатора, шантаж и интриги авантюриста. Они — в конечном итоге. А в истоках — и тщеславное «желание нравиться», только на первый взгляд «невместимое в проповедь беспощадного разрушения», и упоение «бессловесным обожанием» губастого юнца, ставшего нечаевской тенью, и актерская поза, безуспешно владея которой Нечаев умеет играть на публику, как оборотень, принимает выгодное обличье: в среде университетской «оттенял свое корневое мужичество. В Петровском помалкивал. Здесь это не произвело бы впечатления. Да и то следовало на уме держать, что вырос-то в красильне, среди кустарей, в поле не хаживал».

Последовательно и устремленно лишая Нечаева романтического ореола героя-мученика, Юрий Давыдов по высокому нравственному счету развенчивает его философию, идеологию и мораль, антигуманные в своей основе. И даже многолетнее мужество секретного арестанта Алексеевского равелина не перевешивает в его глазах позорную чашу. Мужество мужеству рознь: одно дело, когда оно сродни подвигу свободного духа, и совсем другое — когда питается фанатизмом ложной идеи, выхолащивающей гуманизм революционной борьбы, не признающей в ней ни чести, ни совести, ни благородства. В этом смысле художественная логика романа совпадает с логикой научной, близка оценкам, которые давали нечаевщине Маркс и Энгельс, вскрывая ее социальный генезис, политический облик: «Здесь анархия превращается уже во всеобщее всеразрушение; революция — в ряд убийств, сначала индивидуальных, затем массовых; единственное правило поведения — возвеличенная иезуитская мораль: образец революционера — разбойник»³. Не о том ли, по существу, ведет речь у Юрия Давыдова и Герман Лопатин в неуступчивом диалоге-споре с иркутским генерал-губернатором, чье «ваш Нечаев» больно реза-

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 8.

² Там же, т. 20, стр. 83.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., т. 18, стр. 398.

нуло не столько слух, сколько душу? Как ни умен по-своему высокопоставленный собеседник, ему не дано уразуметь, что Лопатин не себя отмежевывает от революции, а революцию от Нечаева...

Как в другом случае, дорожа честью революционера, борется он за Бакунина и Огарева, развенчивая в их глазах миф о «Народной расправе», открывая правду преступного убийства и тем самым лишая Нечаева саморекламного ореола «практического революционера», которому, дав волю пылкому воображению и близорукому благодушию, потворствовали оба «патриарха». Каждый из них делал это на свой лад, руководствуясь своими побудительными мотивами, выявленными в романе...

Разгадка характера — так, повторяя тыняновское выражение, можно сказать о художественной версии Юрия Давыдова, предложенной для объяснения бакунинской неукротимости, в которой «было нечто языческое — на юру, под синим небом, где поют жаворонки». Эта версия включает в себя элемент домысла, психологическая обоснованность которого заслуживает доверия. Ключ к Бакунину писатель ищет в его «Исповеди» — в уступке совести, готовности к компромиссу. На них сознательно шел бывший узник Петропавловской крепости, выкупая себе свободу ценой верно-подданного покаяния. «Он знал: его исповедь могут предать типографскому станку» — и холодел при мысли об этом, «мучаясь бессонницей, изводил табак, и не было иного выхода, как только гнать да гнать самого себя на костер неистовой революционности». Бурно распалая в себе неистовость предопределяет и линию поведения в нечаевском деле. Старый заговорщик, он «давно ловил обманливые колена» своего подзащитного, видел в нем «смесь иезуитчины и фанатизма». Тем тяжелей «ворочалось потаенное: вырезать-то дворян вырежут, а дальше что? Каковы победителями?» Бежит ответа Бакунин, охотно поддаваясь гипнозу успокоительного самовнушения: «Придет время — придет и решение... Русской революции быть ужасной; хочешь идти в революцию, укрепи нервы и не бойся грязи». Даже если тебя самого в ней вывалят? И на это готов ответ, услужливо подсказанный все той же «энергией самообмана», которая спешит на выручку в трудных ситуациях: «...у каждого есть душевные выгребные ямы, особенно у тех, кто занят делом политическим, невозможным без компромиссов вообще, без компромиссов с собственным «я» в частности». Так ли уж у каждого? В шлисельбургские

годы Герман Лопатин будет иметь несколько возможностей хотя бы мало-мальски облегчить свою участь. Но не в пример Бакунину с его покаянной «Исповедью» решительно отвергнет любую из них. Вплоть до того, что в знак протеста против условий заточения новой жертвы на полтора года добровольно лишит себя льгот, вырванных кровью, — книг, писем, прогулок. И такой еще смысл привносит в роман присутствие Бакунина...

Пять человек непосредственно действуют в ключевой сцене лопатинского изобличения Нечаева. Но есть и шестой, незримо стоящий за спиной Германа Лопатина. Покойный Герцен. Испытав при жизни немало разочарований в людях, некогда близких, он был тем не менее куда прозорливей Огарева. Нечаевский «змеиный взгляд» насторожил его: «...этот малый натворит страшных бед». Доподлинна фраза, дважды приведенная в романе: «А что это у вас, Сергей Геннадиевич, все резня на уме?» Так укрупняется лопатинский полюс, через него проходит связь эпох, поколений, традиций. Нравственные принципы Германа Лопатина возникли не на пустом месте, но проросли из герценовского корня, подобно тому как духовная родословная Герцена взяла начало в декабризме.

Если история вызволения Петра Лаврова из вологодской ссылки дана в романе наплывом лопатинского воспоминания, то безуспешные попытки организовать побег Чернышевского становятся собственно действием, которого жаждет беспокойная, волевая, жизненно активная натура героя. Выстраивая ведущую идейно-нравственную концепцию романа, в сибирских главах его писатель создает два смысловых центра. Первый — столкновение мировоззрений, идеологических позиций, нравственных принципов революционера и охранителя, убежденного противника и ревностного защитника самодержавия. Возможность ввести в действие генерал-губернатора Восточной Сибири Синельникова, предоставленная документальными материалами, позволяет, помимо всего прочего, высветить и такую черту в жизнедеятельном характере Германа Лопатина, как равное неприятие догматического умствования в теории и фанатичного сектантства на практике.

Второй смысловой центр сибирских глав — наступательный спор Германа Лопатина с союзником — каракозовцем. Он примечателен напряжением мысли, бесповоротным «нет», которым Лопатин отводит цареубийство как программную задачу борьбы, силой лопатинской логики вынуж-

дающей оппонента к уступчивому признанию: «...идеал у нас выше высокого, а нравственность, случается, не по мерке идеала». Идеал — идейное наследие Чернышевского, в учениках которого «совершенно искренне» числит себя собеседник. Однако, прочитав «все, или почти все, написанное Учителем», остается всего лишь «эхом, дробно-искаженным скалами обстоятельств».

Так последовательно и устремленно преломляется в сюжете романа, в расстановке действующих лиц, их притяжениях и отталкиваниях научно выверенная концепция русского революционно-освободительного движения, которая обоснована и развита современной исторической наукой. И зловещая тень нечаевщины, которую Лопатин отводит от имени и наследия Чернышевского, и недостаток нравственной щепетильности, в котором уличает каракозовскую организацию, получают в его раздумьях безошибочный социально-исторический диагноз...

Проницательно предугадывает герой романа и нравственный генезис той мутной накипи на широкой волне революционного движения, олицетворением которой в последующих главах станет сначала, в дошлиссельбургские годы Германа Лопатина, измена Дегаева, а затем, после Шлиссельбурга, предательство Азефа. Правда, разоблачение Дегаева, в котором Герман Лопатин сыграл ведущую роль, дано у Юрия Давыдова беглой ретроспекцией, немногими воспоминаниями героя. Нетрудно догадаться почему. Обо всем этом писатель уже рассказал в давнем романе «Глухая пора листопада», и новое возвращение к Дегаеву вкуче с полковником Судейкиным грозило бы неминуемыми повторами. Иное дело открытый бой, который не сломленный Шлиссельбургом Лопатин дает провокатору Азефу в последних главах повествования, развернутых в своеобразный роман в романе. Черновой заготовкой, прельсхитившей его, воспринимается теперь, задним числом, документальный очерк Юрия Давыдова «Юрисконсульт следственной комиссии» («Человек и закон», 1978, №№ 6, 7), имеющий самостоятельное научное значение. И в очерке и в романе использованы одни и те же свидетельства истории, но огромна дистанция между их протокольным изложением в первом случае и художественным воссозданием во втором. Взять хотя бы мотивы предательства Азефа. Пристрастие к «золотому тельцу», акцентированное в очерке, их не покрывает. Намного сложнее представлены они в романе, где «бомбический маг, чародей виселиц» сладостно ощу-

щает себя канатоходцем «на проволоке, туго натянутой высоко над землей», вдохновенно играет роль гения зла. Подобное лицедейство — Герман Лопатин презрительно именуется на французский лад двухкорытностью — не из тех злодейств, которые достаточно заклеить позором, не вскрыв его природы в плане как личном, так и общественном. Писатель мастерски делает это, показывая Азефа в минуты «наслаждения... своей двойной властью», которое тем упоительней, что вчерашний «сын ростовского портняжки, битого по мордасам квартальным», пестует в ничтожной, но мстительной и тщеславной душе бонапартистский комплекс. Бонапартизм же не был бы самим собой, если бы его демонический ореол и печать избранничества не опирались на теорию высшего предназначения «вершить то, что никому в целом свете не доступно». Вот и патология провокаторства и предательства получает у Азефа некие идейные обоснования: «...работая в терроре, он работал против террора. Людей, жаждущих подвига, посылал на подвиг, а вместе и на эшафот вовсе не ради подвига и эшафота. Нет, хотел, чтоб все наконец поняли, что между нами и теми, кто живет после нас, нет никакой связи, что есть лишь прижизненное счастье, независимое от того, будут ли счастливы другие. Всем лучше никогда не будет. Единственная гармония в отсутствии гармонии. Нет ничего дороже своей единственности». Не ахти как глубока эта потребительская философия местечкового мещанина, который живет одним днем, но примечательна тем, что идея вседозволенности получает в ней выразительные черты предельного эгоцентризма.

Нечаев, Дегаев, Азеф — что же, замкнулся круг, и полицейский агент, провокатор по вдохновению заступил место заговорщика-всеразрушителя? И так и не так. История диалектична. Она сохраняет преемственность развития, но не повторяет себя в одних и тех же формах. «Трупный яд» нечаевщины — «беспардонное распоряжение чужими судьбами». Но не в прямую параллель Азефу поминают Нечаева и Герман Лопатин и вслед за ним Феликс Волховской, а «как бы подчеркивая, что иксы-игреки приходят-уходят, а явление-то остается; меняет оттенок, грим меняет, но, увы, остается». Но это значит, что остается и энергичное противодействие «пошлейшей, кровавой вседозволенности, зловещей убыли души». Так понимает Герман Лопатин то капитальное, что движет его стремлением «найти и пригвоздить сверхсекрет-

ного провокатора». Вот вам и дожитие, как называл он поначалу послешлиссельбургские годы!..

А ведь и в самом деле, казалось бы, радуйся, что стоически выжил, принимай заслуженную славу героя, Ильи Муромца русской революции, а не «засучивай рукава», чтобы снова «мыть грязное белье», преодолевая здоровое чувство брезгливости. Куда там! Герман Лопатин попросту не умел поступать иначе, едва жизнь стала кивала с тем, с чем не мирилась совесть, что не принималось убеждениями. Отстаивая незапятнанность революционного знамени, он брал на себя черновую работу «ас-сенизатора» революции. Никто не принуждал его к этому — каждый раз он действовал по собственному почину. И не в докучливую обязанность вменял это себе, а просто следовал неукоснительным велениям морального долга. Смыть пятна с революционного знамени было внутренней потребностью социально активного, целеустремленного и гармоничного характера, отвечало духовному здоровью жизнедеятельной натуры. Такой нравственный максимализм не свод правил, жестко предписанных себе, а коренное свойство, привычное состояние души, настроенной по шкале высших этических ценностей.

Здесь ключ и к сложной проблеме отношения Германа Лопатина к «Народной воле». Опережая своих русских соратников по революционной борьбе в движении к марксизму, он раньше других осознал, сколь гибелен ход вещей, который «все круче сворачивал к террору». Что подвигло его в таком случае взяться за восстановление обессиленной разгромом «Народной воли» и тем самым обречь себя на шлиссельбургское заточение?

Тут также вступает в силу лопатинское «не мог» — нравственный императив, который служил неизменной доминантой характера «Герман не примыкал к «романтикам», пока те были в силе. И протянул руку, когда их дробил молот репрессий», — понимает брат Всеволод. «Ну как было оставаться на другом берегу, вчуже взирая на "стан погибающих",?» — думает о себе сам Лопатин, мысленно споря с Плехановым, осудившим его за выбор пути. Плеханов прав: недюжинные силы Германа Лопатина принесли бы куда больше пользы социал-демократическому движению. Но эта правота, как «ушат ледяной трезвости», — от холодного ума, а не от горячего сердца.

Потрясают мастерски написанные сцены освобождения узников Шлиссельбурга на волне революции 1905 года. И негустая тол-

па провожающих на берегу, и душевный порыв седоусого, морщинистого солдата, сострадающего заключенным, и оцепенение полковника, отдающего последнюю команду «чужим, тонким голосом», — эти и другие детали точны, зримы, впечатляющи. Как и переданная писателем растерянность узников. Не радость освобождения, но смятение испытывает сейчас каждый из них, потому что «Шлиссельбургская крепость была своей, потому что все они, годами грезившие о воле, сейчас боялись и не хотели новой жизни, которую надо было начинать и которая, кажется, уже началась». И вот остаются за кормой крепостные стены, конвойный офицер приглашает — не приказывает, а приглашает! — сойти в каюту, «и они послушались, не спорили, потому что уже изнемогали от обилия и пестроты впечатлений, хотя что уж тут было пестрого, в этом сумрачном осеннем закате, в этой монотонности берегов, в желтизне огней и черных вертикалях предместья». Наплывает, надвигается город, и его «негромкий, но внятный рокот» отзывается в душах «внезапной, как спазм, тоской по годам, размолотым в труху»...

В послешлиссельбургских главах в круг действующих лиц входит Лев Тихомиров. Упрощением было бы продолжать этим именем цепь Нечаев — Дегаев — Азеф. Раскаившийся грешник вымолил отпущение грехов молодости, но «никого не предал» по возвращении на родину, «в полицейском смысле — ни единого. А мог бы, очень даже мог бы: все конспирации знал, всех и каждого знал». Скорее всего он и впрямь убежден, что любит прежних друзей по борьбе, «падших», которых надеялся «поднять», «не по делам» любит, а «за честность убеждений и самопожертвование. И эта моя внутренняя привязанность неуничтожима». А рядом с таким признанием столь же убежденное неприятие бурных событий 1905 года, тщедушная тоска по гению-мессии, при котором воспряла бы самодержавная Россия, влечение к философской мистике, религиозному фанатизму. Не незрелость ума, не слабость характера привели бывшего народовольца к душевной, как говорит в романе Лопатин, «слякоти» — идейному и нравственному перерождению, отмеченному «нищетой консерватизма, нищетой мысли». Он «рenegат искренний, идейный», а к рenegатству его толкнула гибель партии, что было «для него и гибелью идеала, он изверился в социалистическом идеале». Не потому ли изверился, что воспринимал его по-книжному, больше разумом, чем душой?

И еще одну причину огступничества и падения Тихомирова называет в романе Герман Лопатин: «Силен в нем был русский шовинизм, а русский шовинист в конце концов непременно грохнется на колени перед русским самодержавием». Говоря так, он почти дословно повторяет Энгельса, как раз на примере Льва Тихомирова предостерегавшего «вульгарно-патриотическую публику» от шовинистического угафа⁴. Созвучие явно намеренное. Идея к марксизму, работая в Генеральном совете Интернационала, Герман Лопатин тем полнее воспринял великий урок интернационализма, что он отвечал его собственным убеждениям, духовному опыту, нравственным принципам. Переплавляясь в революционное действие, патриотизм и интернационализм были для него нераздельны. И, сливаясь воедино, становились одним из связующих звеньев традиций русского революционно-освободительного движения. Исторический опыт этих традиций имеет непреходяще актуальное мировое значение, подтверждаемое сегодня и неустанной борьбой с теорией и практикой

левосектантского авантюризма и экстремизма, которая широким фронтом идет на международной арене. Русским революционерам по-прежнему принадлежит в ней весомое слово. Недаром писал Энгельс о том, что «грязная — и без сомнения очень грязная — сторона», открывшаяся в нечаевской «Народной расправе», не может и не должна бросать тень на революционное движение в целом. «...русское движение может перенести спокойно подобного рода разоблачения. Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет» из-за шарлатанов от революции. «Ведь и среди молодого поколения русских мы знаем людей выдающегося теоретического и практического дарования и большой энергии»⁵. Среди этих молодых герой романа «Две связки писем» занимал ведущее, если не первое место. «Немногих людей я так люблю и уважаю, как его»⁶, — свидетельствовал Маркс, называя Германа Лопатина своим и Энгельса другом...

В. ОСКОЦКИЙ.

ВЫСОКИЙ СЧЕТ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Сергей Залыгин. Собеседования. М. «Молодая гвардия». 1982. 287 стр.

В «Собеседования» вошла лишь небольшая часть опубликованных в те или иные годы в периодике, а потом «забытых» автором критических статей, публицистических выступлений, бесед, интервью, предисловий и послесловий. Весь этот не без трудностей собранный разнородный материал (дополненный хорошо известными, не раз переиздававшимися критическими статьями) составил В. Крупин по-пробовал сгруппировать вокруг единой, сквозной темы: Залыгин — наставник молодых писателей. Этому посвящено и предисловие, на это ориентируют и названия разделов: «Уроки классики», «Современники», «Позиция», «Напутствия».

Сергей Залыгин действительно принадлежит к числу тех мастеров слова, которые всерьез относятся к задаче подготовки писательской смены. Ряд материалов книги весьма убедительно об этом свидетельствует. Но, думается, не было необходимости объяснять публикацию найденных составителем залыгинских разномасштабных и разнопроблемных материалов их

единой наставнической направленностью. С. Залыгин пустых, дежурных статей и заметок не пишет. Любую его публикацию квалифицированный читатель прочтет с признательностью и пользой независимо от того, объединены они в сборнике сквозной темой или оказались рядом по воле случая.

К тому же принцип подбора, связанный с естественным стремлением включить в книгу материалы, которые еще не попали ни в один из томиков избранного, ни в четырехтомное собрание сочинений, неожиданно выявил объединяющее их общее и очень важное для всех интересующихся творчеством С. Залыгина качество. Более фундаментальные работы любого автора (особенно когда они не раз переизданы) незаметно отделяются от повода, подтолкнувшего автора взяться за перо, от времени написания и, как бы поднимаясь над ним, обретают собственную жизнь. Есть такие работы и в «Собеседованиях». Прежде всего это относится к разделам «Уроки классики» (статьи о Гоголе, Пуш-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 22, стр. 15.

⁵ Там же, т. 18, стр. 521, 522.

⁶ Там же, т. 33, стр. 403.

кине, Твардовском) и «Современники» (статьи о Шукшине, Астафьеве, Белове, Распутине). В этих известных читателю работах Зальгина предстает перед нами как историк и теоретик литературы и весьма неординарный критик. С точки зрения весомости, эти статьи, наверное, в сборнике главные, но лицо его, как мне показалось, все же определили другие, те, что менее отшлифованы профессионально, что извлечены прямо из газет и журналов, более локальны по проблематике и почти неотделимы от конкретных фактов, событий, послуживших поводом к их написанию. Из этих материалов перед нами встает не только личность писателя, но и его биография, реальные каналы его связи с жизнью, его судьба.

В свое время Максим Горький отмечал: одно дело, что человек говорит, но всегда важно, как он это говорит. Сборник «Собеседования» тем, думается, и хорош, что дает почувствовать это самое как Хотя и содержание его интересно и весомо. Подобная гармония между что и как обретает, наверное, особую ценность, когда речь идет о воспитании юной смены (писательская исключением не является).

Может быть, во вступительной статье к сборнику отдельные моменты взаимоотношений Зальгина и участников творческого семинара, который он вел в Литературном институте, обрели чересчур идеалистический характер, но с тем, что личность писателя и его биография таят в себе большие возможности для дела воспитания молодых литераторов, трудно не согласиться. Но не стоит, наверное, связывать с темой наставничества только статьи и беседы, в которых С. Зальгин говорит с молодежью напрямую, ведь они свой глубинный смысл и подлинную весомость обретают в несравненно более широком контексте того, что можно, видимо, назвать уроками Сергея Зальгина.

А. С. Макаренко до конца дней своих не переставал удивляться непредсказуемости педагогических побед и поражений. Никак он, в частности, не ожидал, что куряжане неизменной ухмылкой отвечавшие на самые проникновенные, эмоционально насыщенные и научно продуманные его речи, замрут и, открыв рты, начнут впитывать весьма незамысловатые наставления, оказавшись перед строем горьковцев. «Нельзя же допустить, что они слушали меня только потому, что за моей спиной стоял горьковский легион... — размышляет Макаренко по этому поводу. — Какая трудная наука эта педагогика!» Но говоря

«нельзя допустить», выдающийся педагог именно допускает. Да, совсем иная весомость каждого слова у человека, когда за спиной его стоит целый легион подтянутых, веселых, загорелых, уверенных в себе юношей и девушек. Потому-то простые профессиональные советы С. Зальгина обретают для молодых литераторов особую цену, что писатель имеет за спиной такие произведения, как повесть «На Иртыше» и романы «Соленая Падь», «Комиссия», «После бури»...

Главная удача сборника «Собеседования» как раз в том, пожалуй, и состоит, что собранные в нем публикации побуждают к широкому, целостному осмыслению жизни и творчества одного из ведущих наших писателей, извлечению из его почти полувековой деятельности на литературном поприще творческих уроков, интересных и поучительных отнюдь не только для молодежи. Каких именно? Вычленим хотя бы некоторые.

«Вы идете под счастливой звездой», — сказал Зальгину Леонид Соболев в 1958 году. Что и говорить, судьба всегда была к писателю-сибиряку на редкость благосклонна. Учился ли он, служил ли агрономом или инженером-мелиоратором, преподавал в институте или занимался наукой — все у него получалось, везде ему сопутствовал успех. Как и в литературе, в которой он долгое время работал «без отрыва от производства». Выпускаемые большими тиражами произведения Зальгина расходятся тотчас же, хотя некоторые переиздавались по 20—30 раз. Романы, повести, рассказы, статьи его известны далеко за пределами страны. Критики и литературоведы не раз заводили о них самые горячие и заинтересованные споры... Но капризную фортуна писателю все-таки позволительно за все это не благодарить. Он сам сумел организовать свою жизнь так, как хотел, сам был творцом своей судьбы. В этом, наверное, и состоит особая поучительность уроков С. Зальгина для молодежи.

Здесь мне полагается завести светский разговор про всепобеждающую силу таланта. Не слишком ли любим мы возвышенные банальности, чудятся нам в них, видимо, отсветы высших миров. Ссылки на талант и гений констатируют успех задним числом, никак, в общем-то, не раскрывая его причин, его слагаемых. Поэтому когда мы объясняем удачу в искусстве талантом автора, думаю, мы ничего не объясняем. А ведь вот сидят некоторые юные дарования и ждут, когда же наконец талант их в знаменитости выведет. Сам вы-

ведет, разумеется, без каторжного труда. Иначе не по-моцартовски будет, не высший класс, не талантливо!

Писательскую одаренность Залыгина никому доказывать не требуется. «Залыгин — один из лучших наших прозаиков...»¹. «Творчество Залыгина — одно из наиболее значительных явлений современной советской прозы...»². Так вот звучит это в формулах, предлагаемых нашими критиками. Вполне заслуженных формулах притом. Но ведь тот же самый А. Кондратович, которому принадлежит первая фраза, относительно рассказов тридцатипятилетнего (отнодь не начинающего!) С. Залыгина, писал: «С такими рассказами можно благополучно жить в литературе, но мечтать о выходе к широкому читателю трудно. С такими рассказами можно всю жизнь оставаться писателем „областным“».

В том-то и дело, что Залыгин не захотел ни жить благополучно, ни лидерствовать на «областном» уровне. Не захотел — и не стал. Как же он сумел подняться над всем этим? С определенной натяжкой, разумеется, но можно сказать, что сборник «Собеседования» довольно интересно и полно отвечает на этот вопрос. Отвечает не прямо, ответ еще надо вычлнить из собранных воедино разнородных материалов, осмыслить, привести в систему. И тут мы, наверное, не без удивления увидим, что секреты успеха в искусстве достаточно несложны. Только вот воспользоваться ими не так-то просто. Как говорится в залыгинском рассказе «Фестиваль», «дело не в таланте, которого хоть отбавляй, дело в характере, который — редкость».

Итак, секрет первый. «Работаю часов пять-шесть в день. Но часто бывает, что десять — двенадцать и больше. В выходные и праздничные дни работаете даже лучше» Это 1962 год. Интервью корреспонденту «Вопросов литературы». Позже рабочий день стал еще плотнее. В прошлом году, попав во время командировки на Дальний Восток на несколько дней в больницу, Залыгин радовался — повезло! Славно удалось там поработать.

В «Интервью у самого себя», приведенном в «Собеседованиях» писатель вспоминает, что, начав писать «Гропы Алтая», он «несколько лет штудировал литературу по ботанике, лесному делу, биологии и геогра-

фии, ездил на Алтай с экспедициями не гидрологов, а опять-таки — лесников и биологов...».

Собирая материал для «Соленой Пади», писатель сделал в архивах из газет и книг столько выписок, что использовать удалось от силы десятую часть. Сам роман «я переписывал раз семь-восемь, эссе «Мой поэт» только на машинке перепечатал не то двенадцать, не то тринадцать раз». «Я иногда до боли в руке переписываю».

Так что завидующие удачливости С. Залыгина имеют полную возможность стать такими же «бловнями судьбы». Дорога никому не заказана.

Но, разумеется, не на слепое усердие нацеливает молодых писателей жизненный путь С. Залыгина. Литература не такое дело, которое гарантирует успех, прямо пропорциональный количеству затраченного труда. Тут без критериев качества никак не обойтись. Но столь общая фраза, конечно, мало что нам раскрывает.

«Для литературной работы мало лирических восторгов, мало природных способностей, даже серьезного дарования. Без фундаментального образования — и не только философского! — большой литературы у писателя не получится, хотя будут писаться произведения, печататься и даже увенчиваться лаврами» — это строки из письма одного моего знакомого писателя, жалующегося на военную свою судьбу, которая мальчишкой увела из школы на фронт и не позволила получить такого рода образования. Все верно, но ведь в день победы тем, кто ушел на фронт со школьной скамьи, было двадцать с небольшим, а прошло с той поры почти сорок лет! Трудно взрослому садиться за школьную парту? Конечно, но...

Начав писать в пятнадцать лет, рассматривать литературу как свою профессию и призвание Залыгин позволил себе уже после сорока. «Где-то только на пятом десятке я стал по-настоящему интересоваться событиями литературной жизни, жизни искусства».

А теперь взгляните с этих позиций хотя бы на литературоведческие работы писателя (в том числе и на вошедшие в «Собеседования»). Книжка-эссе о Чехове, капитальные статьи о Гоголе, Платонове, Л. Толстом, Пушкине, Мартынове, Белове, Шукшине, Астафьеве, Распутине, Парандовском, П. Васильеве, Мисюреве... И нет среди этих работ ни одной дилетантской, беспроблемной, юбилейно-благодостной. Если бы к сборнику «Собеседования» потребовалось составить предметный указатель по

¹ А. Кондратович. «Слово о времени» («Наш современник». 1973, № 11, стр. 178)

² Игорь Дедков. Человек, история, жизнь... Сергей Залыгин. Собрание сочинений в 4-х томах. М. «Молодая гвардия», т. 1. 1979, стр. 24.

вопросам теории художественного творчества, пришлось бы выделить такие вот рубрики: назначение искусства, наука и искусство, политика и искусство, искусство и нравственность, форма и содержание, сущность писательского таланта, художественная правда, писатель и природа, о функции критики, законы жанра, документальность и фантазия, о работе над языком, о композиции, историзм литературы... Ну а если бы мы стали составлять аналогичные указатели к выдержавшему уже три издания сборнику литературоведческих и критических работ «Литературные заботы», то количество теоретических рубрик увеличилось бы в несколько раз. При этом по всем затрагиваемым вопросам Залыгин высказывает весьма не стандартные мысли, пробует проникнуть в самую суть теоретических проблем.

Осознав (почти на рубеже пятидесятилетия!), что писательская работа — его удел, его профессия, С. Залыгин взялся за освоение литературного ремесла с той же дошностью и добросовестностью, с которой Степан Чаузов овладевал тонкостями любого потребного в мужицкой жизни труда. Писатель не только быстро восполнял пробелы своего гуманитарного образования, но и въедливо вникал во все тонкости технологии литературного производства. Отсюда и пылкий «допрос» классики, отсюда «процеживание» (во имя извлечения всего практически полезного) теоретических трудов, отсюда пристрастное вглядывание в сделанное и самим и товарищами по цеху. Что получилось, за счет чего? Что не вышло, почему?.. Судите сами — закрыта ли подобная дорога к литературному успеху хоть кому-то из молодых?

Но и это еще не последний секрет. В писательском деле (занятии, как известно, идеологическом, духовном) не менее важно, чем что и как, во имя чего. Тема эта столь капитальна, что говорить о ней мимоходом как-то неловко, и все же...

«...что скрывать, есть у нас литература как бы вторичная, идущая не столько от действительности, сколько от литературы же», — озабоченно сказал С. Залыгин в одном из своих интервью журналу «Дружба народов». А в статье «Рядом с молодыми» («Правда», 26 ноября 1976 года; в сборнике «Собеседования» она ошибочно помечена 1979 годом) он посвящает этой теме развернутый монолог: «Я встречал таких людей, для которых весь окружающий мир — это уже готовая книга... тут заложена не-

которая опасность заданности, подход к жизни не от жизни, а от литературы, в то время как жизнь не укладывается ведь не только в какой-либо жанр, но и во все вместе взятое искусство».

Карлу Либкнехту принадлежат слова о том, что цель искусства — не создание совершенных произведений, а создание совершенного мира. Такого рода понимание назначения литературы при всей его простоте и очевидности открылся далеко не всем. И С. Залыгину оно открылось не сразу. А ведь данная социально-эстетическая позиция — ключ к большим художественным успехам. Кто лишен этого ключа, творит только беллетристику, вход в большую литературу ему закрыт. Наглухо. Не случайно в предисловии к «Собеседованиям» В. Крушин акцентирует наше внимание на фразе, сказанной как-то молодым литераторам на семинаре Залыгиным: «Вы еще никакие не писатели. Что из того, что вы печтаетесь? Мало ли чего печтается! Будете писателями только тогда, когда закричите под тяжестью ответственности за свою эпоху».

А как же «прекрасная форма», без которой вроде бы нет искусства?

В том-то и дело, что без этой ответственности перед жизнью не создается и понастоящему прекрасная форма. Думается, С. Залыгин раскрывает один из важнейших секретов художественного творчества, когда пишет в предисловии к двухтомнику В. Шукшина (оно тоже вошло в сборник «Собеседования»): «Шукшин принадлежал русскому искусству и в той его традиции, в силу которой художник не то чтобы унижал себя, но не замечал себя самого перед лицом проблемы, которую он поднимал в своем произведении, перед лицом того предмета, который становился для него предметом искусства... И поэтому искусству в этой традиции никогда не угрожала искусственность, тем более был далек для нее фокус, пусть и очень красивый, оригинальный и занимательный... Самое же главное, что именно эта традиция в конце концов и создала непревзойденные образцы формы и стиля...»

Но реально ли это, скромно ли это — считать себя ответственным за человечество, за эпоху? Может быть, и нескромно, но скромность в бою, как иронизировали гусары, не лучшее украшение для мужчины. Гоголь разговаривал с Русью на «ты», мучительно выпытывая у нее ответ на вопрос: «Русь! чего ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные

ожидания очей?..» На Льва Толстого смотрела уже не одна Русь. Весь мир смотрел на него ожидающе и с надеждой. Не ощущая того, что он «держит в своих руках судьбы всего мира», что весь мир «ждет от него спасения», Толстой, как пишет Б. Эйхенбаум, комментируя дневниковые записи великого писателя, просто не мог работать.

Но «закряхтеть под тяжестью ответственности за свою эпоху» не каждому дано. Произвольным усилием воли такого не достичь. Очень даже просто вместо боли за все беды земли ощутить сладенькое умиление своей озабоченностью мировыми проблемами. У Залыгина на этот счет свои четкие представления. «От того, что человек много ездит в поезде, он не станет машинистом паровоза» — таков давний его жизненный принцип. Не изучать жизнь со стороны, по командировкам Союза писателей, а участвовать в ее событиях, быть задетым ими лично — вот что он означает. За спиной писателя, когда он ведет разговор с молодыми, в один ряд с произведениями сибиряды, думается, имеют право на равных встать и три небольшие газетные статьи, переизданные в сборнике «Собеседования».

Не просто, совсем не просто было бросить вызов такой могущественной организации, как Гидропроект. Упоенный все возрастающим размахом великих строек, Гидропроект разработал схематический проект Нижне-Обской ГЭС, по которому надо было затопить одну стовосьмидесятую часть Советского Союза! На дне водохранилища оказались бы огромные площади сельхозугодий, нефтеносные и газоносные площади, несколько миллиардов тонн торфа (используя который, можно было построить три тепловые станции, равные каждой по мощности задуманной ГЭС). Из 400 миллионов кубометров леса, что надо было сводить на месте водохранилища, большую часть не удалось бы даже сжечь. Огромные толщи льда, не успевающего растаять за короткое северное лето, непредсказуемо изменили бы климат севера Сибири, а может быть и не только его — Карское море недаром зовут кухней погоды Гидропроект все это нисколько не смущало.

На первую статью С. Залыгина («Леса, земли, воды» — «Литературная газета», 26 июня 1962 года) авторы проекта даже не сочли нужным реагировать. На вторую («Леса, земли, воды и ведомство» — «Литературная газета», 26 января 1963 года) откликнулись полной сдержанной иронией отпиской. Писатель в третий раз взялся за

перо. Полтора года он ничем другим не занимался — изучал материалы аналогичных строек, встречался со специалистами, заседал в комиссиях... Тысячи страничек деловых бумаг легли в его папки в подкрепление тех нескольких десятков страничек, которые были опубликованы. Тысячи и тысячи километров дорог намоталось на писательский «спидометр». Смелость, упорство и глубокое проникновение в проблему возымели действие. Во всех концах страны обнаружили союзники и единомышленники, поверившие в возможность противопоставить ведомственности здравый смысл и интересы народа. Строительство Нижне-Обской ГЭС Госпланом было приостановлено.

Сейчас кто только не клянется в любви к природе — и директор химического комбината, росчерком пера об аварийном сбросе неочищенных вод убивающий все живое в реке на протяжении нескольких сотен километров, и писатель, отказывающийся от участия в обсуждении очередного проекта, потому что ему «некогда»: роман он пишет, в котором родную природу воспекает...

С. Залыгин о защите природы много говорит и пишет, он имеет на это моральное право. Теряет ли что-то литература от таких бесконечных отключений писателя от нее на недели и месяцы (а порой, как мы видели, даже на годы) во имя активного практического участия в неотложных текущих делах реальной жизни? В связи с этим стоит вспомнить такую вот деталь творческой биографии Залыгина.

«Очерк «Весной 1954 года»... можно рассматривать как «пролог» к «диалогии», образуемой «Иртышом» и «Соленой Падью»...» — пишет критик Вс. Сурганов. И это действительно так. А ведь очерк «Весной 1954 года» знаменовал активное вмешательство писателя в самые насущные дела сельского хозяйства той поры, являлся актом делового, конструктивного отстаивания конкретных хозяйственных и социальных мер. Он был исполнен публицистичности, нацелен на злобу дня без претензии на вечные и «бессмертные» эталоны художественности.

Но включившись в обсуждение проблем современного сельского хозяйства, писатель попытался разобраться в них всерьез, в соответствии с призывом В. Овечкина «глядеть в корень вопроса и добираться до первопричины». А этого трудно было добиться, не заглянув в историю. Так и потянулась цепочка причинно-следственных взаимосвязей, вынудившая Залыгина разбираться сначала в периоде коллективиза-

ции, потом в ситуации, сложившейся в ходе революции и гражданской войны. Сейчас писатель увлеченно завершает работу над романом «После бури», о событиях, происходивших в Сибири в промежутке между 1921 и 1931 годами. Пришлось провести целое историческое расследование о сложнейшем социально-экономическом явлении, именуемом эпюмом, не осмыслив которое, не разобратся до конца и в коллективизации, и в последующих социальных процессах. Круг исследований замкнулся. Так пострадала ли, спрашивается, наша литература оттого, что Залыгин в свое время активно, почти по-журналистски приземленно вмешался в текущие проблемы сельского хозяйства? Да нет, наоборот, оказалось, что и вечные проблемы не уловить, и необходимой художественности не достигнуть, не получив для работы, для проникновения в историю живого импульса из сегодняшнего дня.

«Уроки Залыгина неисчислимы,— завершает свое предисловие к сборнику В. Крупин,— а суть их одна: писатель должен быть гражданином». К этим словам нельзя не присоединиться.

Ну вот, а про роль таланта снова забыли. скажут нам. К каждому делу, не толь-

ко к литературе, должна быть определенная предрасположенность, что и говорить. Только чего же о само собою разумеющемся разглагольствовать? Все можно при желании включить в понятие «писательский талант»: и ум, и культуру, и щедрость сердца, и опыт... Хотя певцы божественного дара обычно избегают конкретики. Ум, знания, трудолюбие, мастерство, гражданские идеалы стараются не упоминать. Раз все это можно приобрести, развить, то... А что, спрашивается, то? Надо еще доказать хоть однажды, что если исключить перечисленные компоненты, обеспечивающие творческий потенциал личности, то у личности этой хоть что-то останется!

И еще раз подчеркнем: в таланте главное для нас его нацеленность. «Какая это великая истина,— восклицает Белинский в своем письме Гоголю,— что, когда человек весь отдается лжи, его оставляет ум и талант? Бывают, конечно, исключения, но само правило бесспорно, и его легко подтвердить на примерах современного художественного процесса. Зато как расцветает талант, когда он направлен на отстаивание правды и интересов народа!

Андрей НУЙКИН.

Полигика и наука

ПОВЕСТВОВАНИЕ БЕЗ ВЫМЫСЛА

Запад вблизи. Современная документальная проза. Повествование без вымысла. Сборник. Составитель Е. Стояновская. М. «Прогресс». 1982. 794 стр.

Как-то незаметно для многих литература факта начала теснить традиционный роман, и сегодня уже трудно представить более или менее законченную картину литературной жизни, не учитывающую документальных книг. Так теперь обстоит дело повсюду в мире: различия лишь в представительности имен, но не в значимости документалистики для самосознания культуры, идет ли речь об Америке или Скандинавии, Италии или ФРГ. Эта значимость ощутима и бесспорна. И определяется она, конечно, не только большим количеством фактографических произведений, уверенно вошедших в списки бестселлеров, и постоянно растущим читательским интересом к такой прозе. Самое существенное в том, что документ отвоевал себе собственную литературную территорию. Определилась сфера содержания, в наибольшей степени характерного и доступного именно для документалистики. Наметьтесь и творческие принципы, специфичные для нее.

«Документальный образ», «поэтика документального обобщения» — мы уже привыкли к этим понятиям, нынче обычным в критическом обиходе. При всем том еще далеко не осознаны художественные возможности документа. Да и сама природа литературы факта по-прежнему вызывает немало споров. В самом деле, что это такое — повествование без вымысла? Литература или все-таки журналистика, пусть беллетризованная? Художественное направление, по каким-то причинам привлечшее множество сторонников, своего рода эстетическая мода или знак серьезных перемен в самом творческом мышлении, все чаще вдохновляющемся не пафосом конструирования «второй реальности», а потребностью прямого свидетельства о жизни вокруг нас?

Читая сборник «Запад вблизи», куда включены некоторые наиболее заметные документальные произведения двух последних десятилетий, вышедшие на Запа-

де, постоянно размышляешь над такими вопросами. Это и понятно: материал собран огромный и чрезвычайно разнообразный, так что, пожалуй, впервые литература факта представлена читателям столь полно. За исключением одного из крупнейших ее мастеров, американца Нормана Мейлера, для которого необъяснимым образом не нашлось места на страницах этой антологии, здесь объединены едва ли не все наиболее значительные авторы, работающие в документалистике. Поистине парад звезд — Трумэн Капоте, Джеймс Болдуин, Бел Кауфман, Стадс Теркел, Гюнтер Вальраф, Данило Дольчи, Мадлен Риффо, Сара Лидман...

Начать, впрочем, хочется не со звезд, а со скромной шведской работницы Майи Экелёф, чьи записки, к совершенной неожиданности для автора, привлекли всеобщее внимание и выиграли конкурс произведений на политическую тему, проводившийся в 1969 году.

История этих незамысловатых записок и характерна и показательна для документальной литературы Экелёф в ту пору было уже за пятьдесят. Всю жизнь прожив в непримечательном квартале Стокгольма, где «люди легко удовлетворяются тем, что имеют, и никаких особых устремлений у них нет... Они едят, спят, едят, спят и т. д.», рядом с соседями она выделялась лишь тем, что эта монотонная, сравнительно благополучная будничность не приглушила в ней интереса к проблемам и противоречиям сегодняшнего тревожного мира. Выжив полы в муниципалитете, Экелёф спешила на лекцию по истории, читала серьезные книги по экономике, штудировала философские труды, а когда одиночество становилось непереносимым, делилась своими переживаниями в письмах знаменитому поэту Харри Мартинсону. Она вела дневник и однажды решила послать несколько страничек в популярный еженедельник, где авторы «сплошная знать, элита общества» Экелёф поразило, что материал приняли и попросили продолжения

Так возникли «Записки уборщицы» Успех книги объяснялся, конечно не ее стилистическими достоинствами. Экелёф не стремилась к писательской славе, а добившись известности, не воспользовалась ею. Дневник был ее собеседником в старинном и прекрасном значении слова — ближайшим другом, от которого нет тайн. Заполняя странички своих тетрадок, Экелёф вовсе не предполагала, что тем самым становится причастной к литературе, которую

она благоговейно называет «душой мира». А оказалось, что и эти бесхитростные записи тоже литература, только особого типа. Не та, о которой говорят: мышление в образах, художественное обобщение, метафорическая модель бытия. Нет, просто свидетельство. Но такое, которое смогло вызвать широкий отклик, потому что в нем отразились заботы, размышления, надежды множества людей.

Книжка Экелёф — типичная литературная самостоятельность. Элемент подобной самостоятельности непременно присущ документальной прозе, даже если ее создают писатели, для которых нет секретов в своем ремесле. Вся соль в том, что литературные правила здесь не должны да и не могут иметь существенного значения для итогового творческого результата. Свое теперешнее признание документалистика как раз и стала приобретать, когда выяснилось, что прозе, сделанной «по правилам» (отнюдь не обязательно формалистичной, просто учитывающей специфические требования, по которым строится беллетристическое повествование), не по силам охватить какие-то стороны действительности, какие-то ее проблемы, важные и актуальные для массового читателя.

Фиксируя событие в его истинности, без неизбежной ретуши интерпретаций, предлагаемых беллетристикой, документальная проза в лучших своих образцах проявила умение схватывать главное и определяющее в калейдоскопе явлений жизни. Факт в ней открыт для активного читательского осмысления. Он как бы объединяет аудиторию, узнающую в событии и в реакции людей, вовлеченных в это событие, обстоятельства собственной жизни, свои сокровенные помыслы, тревоги, мечты. Подобный эффект узнавания для документальной прозы имеет значение совершенно исключительное, но он возможен лишь при том условии, что воссоздаваемый ею факт окажется подлинно существенным и отразит в себе ту или иную коллизию, напрямую затрагивающую и волнующую широкие круги читателей. Оттого литература факта неизменно и осознанно социальна. Она всегда обращена к «текущему», если воспользоваться любимым словом Достоевского. И в «текущем» она всегда отбирает то, что всего знаменательнее, всего актуальнее для стремительно движущегося времени

Очень тонко почувствовала эту особенность документальной прозы та же Майя Экелёф, как бы мимоходом объяснившая и тот острый интерес, который вызвали ее

записки. Все свободное время Экелёф отдает чтению, и в книгах ее поражает, что «есть люди, которым приходит в голову те же мысли, что и тебе, и которые переживали то же, что переживаешь ты. Они пережили тот же самый страх, убедились в бессмысленности страданий и унижения. И тогда ты не чувствуешь одиночества. Благодаря литературе...»

В тот вечер, когда была сделана эта запись, Экелёф читала Горького — «Мои университеты»...

А Деннис Смит, написавший книгу о нью-йоркской пожарной команде, где он сам проработал пятнадцать лет, после очередного вызова в трущобный квартал не раз вспомнит написанные в начале нашего века романы «разгребателей грязи» — Эптона Синклера и других. Прошли десятилетия, а картина все та же: «У обитателей Южного Бронкса по-прежнему в кармане пусто, но до них вообще никому нет дела. Они брошены на произвол судьбы, погружены в апатию, а их дети колют себе наркотики».

На страницах книги Смита властвует безысходность, порождающая отчаяние и будничные трагедии, к которым в трущобах привыкли относиться безучастно: поджоги, самоубийства, насилия среди бела дня. Для «разгребателей грязи» все эти тягостные явления имели вполне очевидную причину — несправие, отверженность массы. Смит делает выводы куда более спорные и субъективные. «...болезнь скрыта глубоко и более злокачественна, чем бездушие домовладельцев или бюрократизм школьных чиновников. Зло проникло в самое нутро человеческое, независимо от социальной среды, в которой живут люди. Мы разучились дорожить жизнью».

Несложно опровергнуть такое умозаключение, — собственно, это сделал сам же Смит, описывая совершенно определенную социальную среду, с которой ему постоянно приходилось соприкасаться, пока он был пожарным. Еще подъезжая к горящему зданию, он знал, что снова придется вытаскивать из переполненных грязных квартир негритянских и пуэрториканских детшек да разыскивать спящего в каком-нибудь закутке безнадежно опустившегося бродягу который и был невольным виновником несчастья. Документалистике трудно даются темы, не связанные с конкретикой обстоятельств — по преимуществу социальных. И книга Смита тоже убеждает, что сила литературы факта определяется главным образом, достоверностью ее свиде-

тельств, обнаруживающих болевые точки времени

«Пожарная команда № 82», как и другие произведения, вошедшие в сборник, привлекает больше своим материалом, чем авторскими комментариями. Впрочем, посвоему естественны и те нерадостные мысли о всеобщей «болезни» и всевластном «зле», которые прозвучали у Смита, и не у него одного. «Запад вблизи» — своего рода документальный портрет современного буржуазного общества, точное отражение его нынешнего состояния, его острейших проблем, которые едва ли не каждому, кто живет в этом мире, знакомы из собственного опыта. А эти проблемы, да и самочувствие общества в целом, таковы, что трудно ожидать от самодеятельных хроникеров текущего или от писателей, выбравших для себя роль секретарей-документалистов социальной жизни Запада нашего времени, иных настроений, кроме горечи и гнева — обычно бессильного. Ведь и в самом деле, как пишет Экелёф: «Действительность — это Тревога, Тревога, Тревога... Тревога за будущее детей... Тревога за завтрашний день».

О детях и о перспективах на завтра в этом сборнике размышляют многие авторы. Читатели со стажем, наверное, помнят прекрасную книгу американки Бел Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз». Отмеченная тонкой наблюдательностью и неподражаемым юмором, эта повесть была воспринята как настоящий гимн благородному призванию учителя. Книга вышла в 1964 году и вскоре была опубликована у нас в «Иностранной литературе». Прошло шесть с небольшим лет, Кауфман снова вернулась в школу, веря, что, как прежде, ей удастся найти путь к сердцам учеников и преодолеть громадные трудности, о которых — так поначалу казалось — она хорошо знала.

Но ее вера держалась недолго. В обычной городской средней школе на окраине Нью-Йорка Кауфман сразу же почувствовала, что ученики и учителя ведут друг с другом повседневную войну. Преподаватель не войдет в класс, не проверив исправность радиопередатчика который он носит на себе, не испытыв на прочности электромагнитные дверные запоры, — ведь по школьным коридорам слоняются уличные шайки, а на лестницах дежурят полицейские из отдела борьбы с наркоманией. И чему учить этих с детства озлобившихся подростков, которые не умеют и не хотят сопротивляться цинизму, поддавшимся его разъедающей ржавчине? «Можно обуз-

дать насилие, можно пресечь истерию, но как побороть апатию?»

Так, предприняв еще одну попытку взобраться по «ведущей вниз лестнице», Кауфман убедилась, что для этого восхождения у нее нет ни талантов, ни сил.

Грустно читать эти признания. Должно быть, Бел Кауфман все-таки слишком поддалась растерянности, поспешила с отречением от былых взглядов. Кстати, это непосредственно скажется и на ее писательской судьбе: отойдя от своей темы и от документального жанра, Кауфман выпустила, мягко говоря, посредственный, местами до приторности сентиментальный роман «Любовь и т. д.», а потом и вовсе замолчала. По-своему эта неудача поучительна. Она подтверждает, что невозможно сочетать документальный образ действительности и с литературными схемами и со схемами идейными.

В отличие от романа очерки Кауфман касались явлений невыдуманных и глубоко тревожных, пусть и оцениваемых ею явно односторонне. Эта «апатия» в ее многообразных последствиях — предмет давних размышлений документальной прозы Запада. Еще в 1964 году английские социологи Чарлз Хэмблетт и Джейн Деверсон, опираясь на свои беседы с тогдашними подростками, подготовили книгу «Поколение Икс», названную так по стихам страдающей депрессией девушки, состоявшим из сплошных вопросов: зачем я родилась? кому я нужна? где найти счастье? почему не покончить с собой?

Трудно судить о том, как сложились судьбы героев этой книги. Многие, вероятно, теперь сделались непримечательными обывателями, поразратив свой юношеский радикализм, а кто-то, может быть, и по сей день не сумел обжиться в равнодушном социальном окружении. Но, во всяком случае, почти двадцатилетие спустя интервью, данные «поколением Икс», по-прежнему кажутся словно бы записанными прямо сегодня. Так что навряд ли все так уж круто изменилось на Западе в мгновение ока. Просто застарелые болезни обостряются с ходом времени, и в начале 80-х годов еще актуальнее звучат мысли, неотступные для молодежи начала 60-х. «Будущее представляется мне смутным, порой мне кажется, что никакого будущего вообще не наступит. Если кое-кто не возьмется наконец за ум, начнется война». Или: «Моя жизнь, скорее всего, будет абсолютно бесполезной... В какую невообразимую мешанину превратило человечество этот мир!»

И как не понять причин такого умонастроения, упорно не исчезающего вопреки стараниям буржуазной пропаганды представить положение вещей в западном обществе в целом благополучным, улучшающимся год от года. О причинах сказали многие из авторов, представленных в книге «Запад вблизи». Так же, как участники опроса, проведенного Хэмблеттом и Деверсон, чуть не все они говорили о гнетущей атмосфере военного психоза, чуть не все сетовали на жизненную неустроенность, унижительность посещений биржи труда, на ужасающую бездуховность и холод безразличия к их заботам и интересам. А Майя Экелёф пожалеет, что из сострадания к соседке уступила ей дополнительную уборку, — как бы пригодилась в трудную минуту эти деньги, да и что поделаешь, «в этом обществе каждому приходится думать только о себе, о своем собственном благе».

Рано постиг этот закон и Гарри Тобински, бросивший школу, потому что «не мог больше видеть, как ученики готовы были утопить один другого... как распространяют вокруг ненависть». Он стал рядовым западногерманским безработным, раз в месяц являлся на биржу, чтобы отметить карточку, а потом просто читал, что попадало под руку, усилием воли заставляя себя подняться с постели, завтракать, разговаривать, «хоть это и кажется абсолютно бессмысленным».

Свой очерк «Комната 24...» он напечатал в 1979 году. Быть может, это самое выразительное описание апатии, так шокировавшей Бел Кауфман и составителей антологии «Поколение Икс». Сменяются десятилетия, но и проблемы, стоящие перед обществом, и их осмысление, точнее сказать, живая человеческая реакция на них все те же самые: по материалам сборника «Запад вблизи» это видно особенно хорошо. Впрочем, столь же отчетливо видно и другое — апатия не всегда синоним отупения и циничности, равнодушия к собственной судьбе, не говоря уж о судьбах мира. Скорее это неверие ни в какие оптимистические прогнозы насчет перспектив буржуазного социума, ни в какие успокоительные иллюзии и высокопарные пустые слова. И поэтому из апатии могут произрастать не только нигилистические и общественно опасные настроения. На той же почве возникает и нечто противоположное — ненависть к демагогии и жажда истины, трезвость взгляда и убежденность в том, что коренные перемены неотвратимы.

Зарождается и действенный протест — борьба во имя общей цели переустройства

общества на началах справедливости, человечности и духовной свободы.

Именно эту цель имел перед собой ставший разнорабочим на «Ситроене» Робер Линар. Его документальная книга «Станок» рассказала о том, как молодой западный интеллигент, испытавший и приступы апатии, и приливы легковесного левацкого энтузиазма, постигает реальную действительность. Она жестока, эта заводская будничность: предельно однообразный, иссушающий ритм, постоянная опасность если не физической, то душевной травмы, битва за выживание, повсюду шныряющие ищейки начальства. Когда соотечественница Линара Мадлен Риффо опубликовала книгу об ужасающих условиях в государственных больницах, медсестра из провинции написала ей про свой труд: «Нас дробят жерновами». Рабочие, с которыми познакомился Линар, особенно иностранные — алжирцы, турки, югославы, — имели все основания сказать о себе то же самое.

А сам Линар? На «Ситроене» он быстро убедился, как наивны были его мечты о миссии пропагандиста, который обучит массу «истинным» — гошистским — методам революции. Но ни отчаянию, ни равнодушию он не поддавался. Он не обманулся и маской покорности, он различил за нею «сопротивление... неистребимое и неожиданное», прорывающееся и в повседневных конфликтах с администрацией, и за стенами цеха, способное в любую минуту вспыхнуть пламенем подлинно революционной борьбы. И в этой борьбе он наверняка сумеет сделать правильный выбор.

«Станок» — типичная исповедь сына века, нашего века, предпочитающего и для исповедей не монологи одиноких героев, а документальный рассказ, в котором личность — в центре больших событий движущейся истории, больших социальных процессов. Перед читателем сборника «Запад вблизи» пройдет еще две такого рода исповеди-биографии, и в них исходным узлом будет та же апатия, парализующая гражданскую совесть, а финалом окажется преодоление подобной позиции, хотя и оплаченное по очень строгому, трагическому счету. Рон Ковик, родившийся 4 июля — в день национального праздника США, — был самым заурядным школьником, которому нравилось играть в футбол и смотреть фильмы с участием голливудских звезд, изображающих «настоящих мужчин». Рон верил всему, что ему внушали школа и телеэкран, «патристические» книжки и вербовщики из морской пехоты. Он отправился во Вьетнам «спасать демократию», а

вернулся оттуда калеккой, прикованным к инвалидному креслу.

Впереди была безнадежность, но он знал, что обязан «вырваться из своей мрачной тюрьмы», и помогла ему сила долга, требовавшая «заставить людей помнить, заставить их испытать такой же гнев, какой он испытывает каждый день, каждую минуту». Те, кто смотрел передачу с предвыборного съезда республиканцев, когда с речью выступал Никсон, запомнили кадр крупным планом: полицейские агенты тащат к выходу кресло безногого Ковика, кто-то с криком «предатель!» плюет ему в лицо, а он и два других ветерана, такие же инвалиды, скандируют: «Прекратить бомбардировки! Прекратить войну!»

Может быть, эту передачу смотрел у себя в госпитале и Клод Изерли, летчик, участвовавший в атомной бомбардировке Хиросимы. Австрийский писатель Гюнтер Андерс обратился к нему в 1959 году с письмом, которое открывает вышедшую два года спустя книгу, возможно, одну из самых поучительных книг нашего времени. В ней есть своя магистральная тема: вина и ответственность. Об этих категориях все время размышляют и Андерс и его корреспондент, признанный невменяемым и упрямый в лечебницу. Едва убедившись, что «жестокость, ненависть, насилие и несправедливость никогда не создадут светлого будущего ни в духовном, ни в нравственном, ни в материальном отношении», Изерли стал активным сторонником мира и обличителем американского военно-промышленного комплекса.

Понятно, что привело бывшего летчика к такой позиции. Андерс был прав, говоря, что невозможно заглушить в себе сознание вины за смерть двухсот тысяч человек. Успешно выполнивший отведенную ему роль колесика в механизме убийства, Изерли сохранил совесть и чувство раскаяния, пусть заведомо недостаточное. И, на взгляд Андерса, этот факт не может не обнадежить все человечество. «С Вами случилось то, — пишет Андерс Изерли, — что завтра может случиться со всеми нами», поскольку Хиросимой, среди многого другого, обозначена и ликвидация еще одной моральной черты, еще одного нравственного предела, который казался конечным и непосягаемым. Теперь все решается этическим убеждением «человека в эпоху техники»: сумеет ли он запретить себе действия, катастрофические для людского сообщества, пусть сам он в таких действиях лишь ничтожный исполнитель чужой воли, сумеет ли избежать ситуации,

в которой оказался Изерли, первым убедившийся, что «никогда еще не было такой огромной, как сегодня, пропасти между возможными последствиями человеческих действий и нашим скудным воображением»?

Для Андерса в данном случае важна только нравственная сторона дела. Это придает его суждениям и определенную узость и известный ригоризм. Но за каждым эпизодом его документального повествования стоит проблематика, без преувеличения важная для нашей эпохи, и присутствует человеческая трагедия, которая заставит задуматься каждого. Сегодня — в особенности.

Читая переписку Андерса с Изерли, все время ловишь себя на сожалении, что она, как и все другие материалы сборника, дается в отрывках. Документальная проза давно уже требует к себе внимания и более пристального и более серьезного. «За-

пад вблизи» — уникальная антология, впервые представившая этот жанр в таком многоцветии и такой тематической широте, но хотелось бы книг, а не извлечений, по необходимости смонтированных под одним переплетом. И тогда, знакомясь с подробными свидетельствами, проясняющими ключевые явления совершающейся сегодня истории — массовое движение против войны, крах веры в традиции и принципы буржуазного общественного устройства, острейшие идеологические коллизии, к которым приковали внимание и агрессии во Вьетнаме, и трагедия Ольстера, и парижский май 1968 года, и утергейтский скандал, и кампания запретов на профессии в ФРГ, и другие события, отразившиеся на страницах сборника «Запад вблизи», — мы еще полнее оценим незаменимые возможности литературы факта, создающей документальную летопись современного мира.

А. ЗВЕРЕВ.

КОРОТКО О КНИГАХ

ВЛАДИМИР МИРНЕВ. Знакомое лицо. Роман. М. «Советский писатель». 1981. 351 стр.

ВЛАДИМИР МИРНЕВ. Живое дерево. Повесть. М. «Детская литература». 1982. 142 стр.

Он всего лишь скромный поселковый зав-клубом. Но так ли уж скромнен этот герой? О, его душу распирают чуть ли не суперменские амбиции и страсти. Причем демонизм Боярина (таково имя персонажа) предстал бы карикатурным, одиозным, будь он вполне очевиден. Но не таков Василий Боярин, не перед всяким он открывается в своей гордыне, да и раскусить его не каждому дано. Он много учился, немало перелистал книг, надергал стовсюду мыслей и умеет произвести впечатление интеллектуала, каковым себя и почитает. Амбициозность «незауряд-личности» гнетет окружающих.

Полюбив жену своего давнего школьного друга шофера Андрея Некрахова, Василий Боярин искренне удивлен, почему Рая немедленно не оставляет мужа ради него, Боярина. Самого Некрахова он потчует своими умствованиями, пуская в ход обширный багаж начетчика. И опять он — до раздраженности — удивляется, что Некрахов не питает к нему признательности, не поступает в жизни сообразно бояринским теориям, решительно пренебрегает советами Боярина не вербоваться на далекую стройку, не поддаваться «примитивным соблазнам» заработка, заняться «духовным самоусовершенствованием» — размышлениями о смысле жизни, вечности, бесконечности и т. п.

Боярин одинок не знает ничьей ласки или участия, но его неустроенность не вызывает ни в ком сочувствия. Он и в страданиях своих эгоист. Явно переоценивая свою нахвтанную «культуру», Боярин убежден, что труд набивает лишь мозоли на руках, ничего не давая душе.

Истоки двух характеров, предопределенность их столкновения — все в романе земное, конкретное, понятное. Когда в огневые годы лейтенант Некрахов поднимал в атаку против гитлеровцев свой взвод, его сверстник Боярин отсиживался в тылу, устроившись колхозным водовозом. Когда классный шофер Некрахов едет на дальнюю стройку, едет не за длинным рублем, а желая внести свою лепту в общее дело, Боярина, оставаясь в поселке, преследует ухаживаниями жену своего друга. Так в ретроспекциях романа мы видим то ядро, из которого вырастает

каждый характер, конфликт и его альтернатива.

Поражение человека, занимающего в жизни позицию, подобную бояринской, неизбежно и предопределено самим духом нашей жизни. В этом поражении, говоря языком древних, присутствует момент катарсиса. И нам понятно: процесс духовного роста нашего общества, каждого его члена не просто закономерен, но и сложен, протекает в борениях и одолениях, в острых конфликтах, столкновении характеров. В утверждении неизбежного поражения бояриновых и победы тех сил, которые наглядно воплотились в образе Некрахова, заключен пафос романа «Знакомое лицо», художественная мысль которого нигде не срывается в риторическую однозначность.

Пафосом утверждения положительных идеалов нашего общества проникнута и повесть «Живое дерево», где проникновенно, со множеством живых подробностей рассказана история сибирского мальчика, усваивающего первые уроки нашей социалистической нравственности.

И в прежних произведениях автора привлекала в героях неброская их самобытность. Рассказывая об этих героях, В. Мирнев умеет выявить новое в привычном, знакомом в знакомом, показать жизнь не только в отчетливых и зримых, но и в глубинных ее течениях, скрытых под покровом повседневности. «Знакомое лицо», повесть «Живое дерево» — произведения остро проблемные. Их живая актуальность вызовет к ним большой читательский интерес.

Александр Ливанов.

ТАТЬЯНА КУЗОВЛЕВА. Веретено. Стихи. М. «Современник». 1982. 111 стр.

ТАТЬЯНА КУЗОВЛЕВА. Общее небо. «Молодая гвардия», 1983, № 3.

Книга Татьяны Кузовлевой о цельности существования, о неразрывном единстве таких основополагающих понятий, как родина, любовь, семья, дети, вера и верность. Стихи о духовной близости тех, кто живет и трудится на нашей земле. В эту великую семью, родню, входят «все, кто рожден под небом русским», независимо от крови и цвета кожи, потому что всех нас питает корень общей жизни, ее забот, надежд и волнений. И здесь для поэтессы исключительно важна

идея преемственности, взаимопонимания поколений, ей так хочется, чтобы потомки не только превзошли все науки и премудрости, не только сумели постичь наконец «великую тайну творенья» мира, но и поняли бы, увидели живую душу тех, кто предшествовал им, создавая будущее. «Нет, мы не Иваны, забывшие силу родства». В каждом современнике живет память былых поколений, их искания и противоречия, находки и потери, победы и заблуждения: «...прозренье — как мост между предком и мной». И это прозренье — в душе человеческой, оно навсегда.

Вообще слово душа, пожалуй, чаще других встречается в стихотворениях Татьяны Кузовлевой. В него она вкладывает сокровенный смысл. Через душу стремится поэтесса понять окружающих людей, найти путь к их сердцам. В душе искра божья — и в жизни и в искусстве, без которой «тебя, художник, нет». Через нее пролегал «весь путь от любопытства до любви»...

Татьяна Кузовлева озаглавила свою книгу «Веретено» по названию одного из стихотворений сборника. О чем это стихотворение? Жизнь — веретено, бессонное веретено всечеловеческих связей, помыслов, поступков. Вертится, кружится, тянется, наматываясь, единственная, неповторимая нить человеческой судьбы, столь зависимая от множества людей и событий. Не обходится без сомнений, и суетности, и неудач, но вертится: не прервется нить, ибо в основе судьбы — одна незаменимая любовь «и ты одна, страна».

Собственно, вся книга о стране, о родине. Мы чувствуем это, читая не только «Майскую поэму» или стихи, написанные на гражданские темы. Чувствуем в стихах, исполненных тонкого лиризма, — о гневной воде и звонкой белоствольной вышине, о луче, прикишем к неостывшему следу, о морозной вышине заката и сухом сверканье полночного льда.

За что можно попенять этой интересной книге? Уж если говорится в стихах о таком великом мастере формы, как Пушкин, то и автору самому необходимо соблюдать безукоризненную форму — никакой небрежности. Избегать этих избитых, легковесных суждений о тайне пушкинской строки, о влюбчивом, но нежном озорнике... Едва ли самого Пушкина порадовало бы утверждение, что другого любимого поэта ни у одного русского нет и быть не может. Ведь только что Кузовлева предостерегала себя и других от небрежной размашистости, поверхностности:

Не заставляй до срока душу
То раскрывать, что зреет в ней.

Стихотворения расположены в сборнике таким образом, что каждое последующее как бы наследует предыдущему, развивая его. И вместе с тем двигая главную для всей книжки мысль — об изначальной общности людей труда, верности их высокой цели. Об этом же и подборка стихотворений, опубликованная в журнале «Молодая гвардия». Она не случайно озаглавлена «Общее небо».

Над ними и светло и строго
Звучало ясно, как наказ:

У каждого — своя дорога,
Но небо общее у нас.

Это не просто наказ, но доброе и верное напутствие читателю.

Эдуард Прониловер.

★

Н. В. СТАНКЕВИЧ. Избранное. М. «Советская Россия». 1982. 256 стр.

Около пятидесяти стихотворений, два небольших рассказа и письма, вошедшие в эту книгу, интересны прежде всего как духовное наследие человека, сыгравшего не совсем обычную роль в развитии русской культуры.

«Станкевич, один из праздных людей, ничего не совершивших, был первый последователь Гегеля в кругу московской молодежи. Он изучил немецкую философию глубоко и эстетически; одаренный необыкновенными способностями, он увлек большой круг друзей в свое любимое занятие. Круг этот чрезвычайно замечателен — из него вышла целая фаланга ученых, литераторов и профессоров, в числе которых были Белинский, Бакунин, Грановский», — вспоминал Герцен.

Отзывы современников, к сожалению, не дают ответа на вопрос, почему Николай Станкевич стал центром философского кружка, сложившегося в Московском университете в годы николаевщины рядом с революционным кружком Герцена и Огарева. Ключом к нашему пониманию личности Станкевича могут послужить изданные недавно его избранные произведения и письма. Автор «Избранного» — и философ-просветитель, и человек, всей своей жизнью утверждавший высокие нравственные ценности. Эти качества и привлекали к нему в первую очередь, помогали его друзьям преодолевать духовный гнет реакции.

«Я не думаю, что философия окончательно может решить все наши важнейшие вопросы, — писал Станкевич Михаилу Бакунину в ноябре 1835 года, — но она приближает к их решению, она зиждет огромное здание, она показывает человеку цель жизни и путь к этой цели, расширяет ум его. Я хочу знать, до какой степени человек развил свое разумение, потом, узнав это, хочу указать людям их достоинства и назначение, хочу призвать их к добру, хочу все другие науки одушевить единою мыслию». Мысль, высказанная Бакунину, вскоре повторяется в письме Я. М. Неверову, затем снова в письме Бакунину. «Как жить?» — вот главный вопрос, волнующий Николая Станкевича. «Будет же о философии. Мне надобно мужаться, встать и дать ответ Грановскому на его сомнения в себе и отчаяние. Никто не может отвечать лучше того, который находится сам в его положении. Более простора уму, более любви сердцу — и все эти сомнения: как мне быть? что мне делать? что из меня выйдет? пойдут к черту. В самом деле: чтоб истина не пугала, надобно быть чище душою... счастье, достойное человека, может быть одно — самозабвение для других...»

Несмотря на обостряющуюся болезнь, Станкевич находил в себе силы быть опо-

рой для своих друзей. Звучащие в его письмах слова о высоком назначении человека — прямое следствие его собственного жизненного опыта.

Членов кружка Николая Станкевича объединяли не только интерес к истории и философии, не только критический взгляд на состояние русского общества, но прежде всего желание найти почву для деятельности, которая могла бы изменить существующее положение дел к лучшему. Время казалось для этого совершенно неблагоприятным, но тем большую цену имел героический оптимизм Станкевича, чьи стихи были воодушевлены любовью к отечеству, а духовные поиски — верой в неизбежное торжество разума.

Е. Алексеева.

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕМЕНЕ ДАНИЛОВЕ. Якутск. Якутское книжное издательство. 1983. 301 стр. (На русском и якутском языках)

Любовь к Данилову-поэту объединила всех авторов сборника. Но нам далеко не безразлично, чьи руки творят поэзию, потому так ценен образ Данилова-человека, воссозданный мемуаристами. «...он ничем и никогда не унижал свою поэзию», — утверждает Мустай Карим. Это ли не высшая похвала поэту!

Поэтическая и личная судьба Семена Петровича Данилова дает повод для раздумий о судьбе национального художника в нашей многонациональной литературе. Родился он в 1917 году. Тут уж и неграмотному якуту Петру, отцу поэта, не нужно было запоминать ни «года большой воды», ни «года черной засухи», чтобы установить потом совершеннолетие сына. Событие, потрясшее мир в год рождения поэта, позволило созреть и раскрыться его таланту, стать достоянием и гордостью соотечественников.

Любовь Данилова к Якутии не выродилась у него в ностальгические песни, слагаемые вдалеке от нее. Нет, он не покинул Якутию, став известным поэтом, лауреатом Государственной премии имени Горького. «Сообщаю я добрым знакомым, что прописан в Якутии я» — слова эти полностью соответствовали реальности. «Здесь время свежее, как из ледника. И в логове оленевода Данилов мне читает Хлебникова, понятного без перевода», — вспоминает в «Якутском дневнике» Андрей Вознесенский.

О любви своей к родному краю Данилов, конечно, говорил и писал. Но еще больше он делал для сбережения культурных памятников, созданных народом, для пропаганды его фольклора, развития его художественных традиций. Антонина Коптеева помнит, как в 1968 году тяжело больной Семен Данилов, придя к Владимиру Державину с просьбой перевести олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», ошарашил его грудой подстрочников — около 32 тысяч строк! И сколько сам сделал потом в процессе работы над этим переводом, уговорив-таки Державина взяться!

Кстати, когда дело касалось переводов его собственных стихов, Семен Данилов был всегда строг в их отборе. И общение поэта

с переводчиками далеко не всегда походило на идиллию, но всегда было творческим. Его переводили М. Светлов и М. Львов, Р. Рождественский и В. Тушнова, А. Преловский и И. Фояков.

«Бережное отношение к якутскому языку, — подчеркивает Е. Евтушенко, — это его завещание молодым якутским писателям».

«А я считал, кто равнодушен, кто мест не знает дорогих, полюбит ли, поймет ли душу других народов, стран других?» — верный пафосу этих своих строк, Данилов всегда спорил с людьми, ложно понимающими нравственную, социальную, духовную доминанту патриотизма. За это благодарит его в своих воспоминаниях Г. Ломидзе. Как об истинном интернационалисте пишут о Семене Данилове калмык Давид Кугульшинов, чех Ян Козак, татарин Заки Нури, башкир Мустай Карим, кабардинец Кайсын Кулиев. Портреты Семена Данилова многонационально и жанрово многообразны — мемуарные страницы и литературоведческие работы, поэтические зарисовки и стихи. Не оттого ли облик его предстает на страницах книги живым и объемным?

Семен Данилов, как и всякий художник, «мучился при мысли о том, что мало сделал за свои сорок творческих лет», — пишет А. Коптеева. Но нам-то со стороны виднее!

Н. Голованова.

УШАНГИ РИЖИНАШВИЛИ. Дом. Повести и рассказы. М. «Советский писатель». 1981. 239 стр.

УШАНГИ РИЖИНАШВИЛИ. Шакро. Повесть. «Знамя», 1982, № 7.

В повестях У. Рижинашвили причудливо переплетены современность и история. Прошлое высвечивается участками. Берутся острейшие ситуации, обычно связанные с историей семьи, со строительством дома, с родственными взаимоотношениями, так почитаемыми в Грузии. Прозаик выразителен и точен в живописании нравов, обычаев, передаче исторических и семейных преданий.

Обычно У. Рижинашвили ведет повествование от имени героя. М. Горький в свое время подчеркивал, что такая организация прозы суживает возможности автора, который во многом связан рамками кругозора героя-рассказчика. Раздвинуть эти рамки У. Рижинашвили позволяет многомерность создаваемых им картин, емкость образного слова.

В «Доме» отец героя — сапожник, могучего сложения, немногословный человек. По характеристике автора, он «накатывал слово на слово плотно, неотрывно, навсегда». Слово его тесно связано с поступком с представлением о справедливости, долге, достоинстве человека. Поэтому оно так весомо. «Нет без работы человека», — говорит отец. И это лейтмотив, который проходит через все повести У. Рижинашвили.

Герой повести «Дом» едет в родное село и по пути вспоминает отца, родственников, друзей. Перед его мысленным взором встают яркие картины прошлого, то радо-

стные, то печальные, и он старается осмыслить свой путь.

В повести «Роды» особенно резко обозначены переходы от светлого к печальному, даже трагическому: тут и рождение нового человека, и безвременные смерти, и одиночество центральной героини — Маргариты Захаровны, врача-акушера, чья жизнь без остатка отдана благородному делу — служению людям.

В центре повести «Шакро» (она отмечена премией журнала «Знамя» за 1982 год) тоже типичная судьба труженика, который не зря прожил свою жизнь. Герой — бывший фронтовик Шакро. Ему семьдесят два года. И он чувствует приближение смерти. У. Рижинашвили тонко передает сложную гамму переживаний старика, для которого настал час расставания с близкими, с домом, который выстроен его руками, с садом, который он даже не вырастил, а вынул, словно дитя.

Подробности этой судьбы как бы укрупняются в контексте авторских раздумий о времени, душевной красоте человека труда, национальном характере. За частной судьбой здесь угадывается движение истории, видны яркие черты судьбы народной.

Той внутренней завершенности, какая есть в «Шакро», мне не хватило в повести «Решение» (сборник «Дом») Здесь, на мой взгляд, произошло неловкое соскальзывание с темы на тему и невольное смещение акцентов. Речь идет об ученом, который перестал профессионально расти, читать новые книги, ничего нового не может сказать своим аспирантам. Но в движении сюжета на первый план вырвался вопрос, продавать или не продавать обветшалый дом, оставшийся от родителей. Тревожения, связанные с этим вопросом, как-то смазали логику первоначально заявленной темы об отношении человека науки к своему призванию.

Думаю, что по-настоящему перспективно в работе одаренного прозаика его пристальное внимание к судьбам тружеников, находящихся в самой гуще народной жизни. Именно о них У. Рижинашвили умеет сказать проникновенно и точное слово.

Василий Новиков.

Н. А. ЕРОФЕЕВ. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825—1853 гг. М. «Наука». 1982. 320 стр.

Проблема национального характера и психологических особенностей народов и наций издавна привлекает внимание исследователей — психологов, социологов, историков, этнографов, литературоведов. Проблема эта исключительно сложна. Одни авторы считают этнопсихологию разделом социальной психологии, другие полагают, что ею гораздо успешнее занимаются этнографы и культурологи. Одни отдают предпочтение аналитическому исследованию свойств индивидов, из которых состоит нация, другие предпочитают красочно, широкими мазками описывать культуру и образ жизни народа в целом.

Но в любом случае ясно, что этнические

представления одних народов о других, оказывающие немаловажное влияние на междоусударственные и международные отношения, отражают свойства не только подразаемаемого объекта, но и субъекта этнопсихологического описания и оценки, а также той исторической ситуации, в которой они осуществляются. Именно этой триадой и занимается новая междисциплинарная область знания, формирующаяся в последние годы на стыке исторических и психологических наук, — историческая имагология (от латинского *imago* — образ).

В последние десять — пятнадцать лет в нашей научно-публицистической литературе появился целый ряд интересных книг, специально посвященных английскому характеру и образу жизни, — В. И. Кобыша, О. Л. Орестова, В. Д. Осипова, Л. Н. Васильевой, В. В. Овчинникова, главы воспоминаний Мариэтты Шагинян... Монография Н. Ерофеева в известном смысле продолжает эту традицию. Однако в отличие от работ писателей и журналистов-международников, пишущих в основном о современности и в значительной мере по личным впечатлениям, «Туманный Альбион» — специальное историческое исследование. Что в России XIX столетия знали об Англии и англичанах? Как представляли себе эту страну, ее политику, экономику, культуру и психологию ее жителей? Что в этих представлениях было правильным, а что ошибочным? Как они менялись в зависимости от исторической обстановки и общественно-политических позиций авторов? Вот вопросы, на которые пытается ответить автор, опираясь на широчайший круг исторических источников — официальные документы, свидетельства и дневники современников (от Аксакова до Чаадаева), многочисленные периодические издания (от «Атеней» до «Земледельческой газеты») и архивные данные.

Словесный образ Англии и англичан в контексте истории англо-русских отношений и русского общественного мнения, естественно, не однозначен. По заключению автора, это «причудливая смесь правды и фантазии, трезвого наблюдения и грубых заблуждений». Иначе и не могло быть — люди разных классов и положений обращали внимание на разные стороны английской жизни, да и перспектива ее рассмотрения то и дело менялась под воздействием политической конъюнктуры, внешнеполитического соперничества и т. п. Н. Ерофеев приводит интересные факты и соображения о том, чем привлекали и отталкивали русских людей страны Западной Европы — Англия, Франция, Германия, Италия, кто и по каким мотивам ездил преимущественно в Англию и какие впечатления вывозились из этих путешествий. Не менее интересны сведения об английской культуре и о практической деятельности англичан в России. На этой основе автор подробно анализирует три основных системы сложившихся в русском общественном мнении стереотипов: английской «вещественной цивилизации», англичанина «Джона Буля» и самой Британии — «коварного Альбиона».

Складывается ли все это в законченный, стройный образ? Конечно, нет. Этнопсихоло-

гические образы всегда подвижны, текучи, противоречивы. Наши представления о других народах настолько тесно связаны с собственным национальным сознанием, что подчас даже не стоит спорить, истинно или ложно то или иное характерологическое суждение; важнее понять его глубинный смысл, контекст, психологическую и идеологическую функцию. Нам нет никакой нужды выбирать между англomanией и англофобией. Ценность книги Н. Ерофеева состоит именно в том, что она предметно показывает наивность всякого этноцентризма и историческую изменчивость любых этнических стереотипов. Тем самым автор вносит вклад не только в изучение конкретной истории русско-английских отношений, но и в разработку столь же сложных, сколь и увлекательных проблем этнопсихологии.

И. Кон,
доктор философских наук.

Д. БИЛЕНКИН. *Путь мысли.* М. «Детская литература». 1982. 256 стр.

В конце книги ее автор Д. Биленкин приводит мнение некоего специалиста по кибернетике о способах усмирения «слишком умных» машин. Кибернетик полагает, что если произойдет чудо и машина превзойдет уровень ее понимания человеком, то в его сознании она будет неисправна и, значит, ее следует починить. В книге Д. Биленкина, глубокой и умной, доказывается как раз противоположное: невозможность всякого рода шлагбаумов, способных остановить поступательное движение мысли.

Проследивая ее эволюцию, рассматривая историю возникновения и развития научного познания, автор сразу же обнаруживает свою убежденность в изначальном могуществе человеческого разума. Действительно, всем уже набили оскомину рассуждения о жалкой доле наших предков, беспомощных перед стихиями, слабых в борьбе за существование, подменяющих знания магией. В подобных пассажах кроется заведомая неправда, потому что человек был высшей эволюционной формой всего процесса развития Земли, а эволюционно прогрессивное неизменно одерживало победу над сколь угодно грозными «бронтозаврами». Хорошо, что Д. Биленкин недвусмысленно напомнил об этом. Причем магия на страницах его книги наконец-то перестала выглядеть «детским грехом» человечества. В действительности она

была реальной силой и способствовала развитию разума точным знанием и фантазией одновременно.

Путь мысли непрерывен, и автор, конечно, прав, утверждая, что остановки на этом пути имели локальный характер и во времени и в пространстве. Пример — европейское средневековье, которому в книге уделено большое внимание. В числе любимых героев Биленкина — философ и фантаст Роджер Бэкон, философ и логик Уильям Оккам («Бритва Оккама» — так называется целая глава в книге). От их трудов мостик научного познания легко перекидывается в наше время (летающие машины Бэкона, логические операции Оккама), и именно эти отмеченные Д. Биленкиным связки, по моему, наиболее интересны и нетривиальны.

Так, в книге «Путь мысли» рассказано о попытках совершенствования методики мышления в наши дни: о мозговом штурме, о синектике. Дело новое и, безусловно, перспективное. Однако, оказывается, нечто подобное бывало и раньше. Давайте вспомним, кто из нас не потешался над схоластами, обсуждавшими, сколько чертей может уместиться на кончике иглки и может ли верблюд пролезть в игольное ушко... Чужачества? Едва ли. Церковь возглавляли неглупые люди, и будущий пастырей они обучали казуистике неспроста: прекрасно известные отцам церкви разночтения в священных книгах требовали изощренного ума в доказательстве правильности и рго и contra... Цели сейчас, разумеется, иные, но нет ли чего-нибудь полезного и в опыте средневековых штудий?

Или: средневековый епископ Роберт Гроссетест, позаимствовав, правда, кое-что у позднеантичного философа Прокла, придумал красивую сказку: предположил, что весь мир произошел из точки, но не просто точки, а точки света, которая расширилась до Вселенной. Точку, конечно же, создал бог, но тем и ограничился; далее ее развитие шло естественным путем. Таким образом, по Гроссетесту, весь мир вокрут, включая нас, — светом рожденный мир... Сейчас модель Прокла — Гроссетеста математически разрабатывают ученые в разных странах: на долю ее действительно выпала «сказочная» судьба.

Книга Д. Биленкина содержит немало подобных параллелей, и, в сущности, вся она в чем-то переключается со сказкой Прокла — Гроссетеста. Потому что тоже рассказывает о расширяющейся вселенной — вселенной разума, торжествующего и над бездарностью, и над различного типа «ремонтными мастерскими».

И. Забелин.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ПОЛИТИЗДАТ

В. И. Ленин. Что делать? 208 стр. Цена 25 к.

Переписка Карла Маркса. Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса. 1835—1871 гг. 719 стр. Цена 1 р. 80 к.

Г. Самолис. Лейтенант Шмидт. Документальная повесть. 174 стр. Цена 30 к.
Страны мира. Краткий политико-экономический справочник. 463 стр. Цена 85 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В. Железников. Ухожу из детства. Повесть. 415 стр. Цена 1 р. 80 к.

С. Залыгин. Рассказы от первого лица. 398 стр. Цена 1 р. 70 к.

Г. Коновалов. Былинка в поле. Роман, повесть, рассказы. 460 стр. Цена 1 р. 90 к.

Б. Паннин. Путешествие длится годы. Пять публицистических очерков из жизни и литературы. 256 стр. Цена 65 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

М. Дудин. Ключ. Новые стихи и переводы. 144 стр. Цена 70 к.

В. Конецкий. Третий лишний. Повесть. 335 стр. Цена 1 р. 10 к.

Ю. Коринец. Вся жизнь и один день. Роман. 286 стр. Цена 85 к.

В. Семин. Нагрудный знак «Ост». Плотина. Романы. 543 стр. Цена 2 р. 10 к.

М. Шатров. Пьесы. 639 стр. Цена 2 р. 50 к.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Э. Гофман. Новеллы. Перевод с немецкого. 399 стр. Цена 2 р. 60 к.

Г. Гулям. Итог. Стихи последних лет. Перевод с узбекского. 111 стр. Цена 40 к.

Б. Няма. Мы троим. **Д. Гарма.** Земля и небо. Романы. Перевод с монгольского. 367 стр. Цена 2 р. 40 к.

Я. Ухсай. Избранные произведения. В 2-х тт. Перевод с чувашского. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 383 стр. Цена 2 р. 30 к.

«РАДУГА»

И. Андрич. Повести. Рассказы. Перевод с сербскохорватского. 491 стр. Цена 3 р. 60 к.

Геракл и мы. Современная греческая поэзия. Сборник. Переводы с новогреческого. 407 стр. Цена 2 р. 20 к.

А. Гидаш. Утро весеннее, тополь седой... Избранная лирика. Перевод с венгерского. 301 стр. Цена 1 р. 70 к.

Ж. Жубер. Красные сабо. Семейная хроника. Перевод с французского. 391 стр. Цена 1 р. 60 к.

Э. Петишка. Свадебные ночи. Новеллы. Перевод с чешского. 232 стр. Цена 1 р.

«СОВРЕМЕНИК»

Р. Гамзатов. Песни гор. Письмена. Пятимат. Книга стихотворений. Перевод с аварского. 401 стр. Цена 4 р. 70 к.

В. А. Жуковский. Стихотворения. Поэмы. Проза. 399 стр. Цена 2 р. 10 к.

Я. Ругоев. Вся жизнь впереди. Роман, рассказы, повесть. Перевод с финского. 463 стр. Цена 2 р.

Н. Тряпкин. Стихотворения 1940—1982. 382 стр. Цена 1 р. 40 к.

С. Шуртанов. Мысль и речь. («О времени и о себе») 399 стр. Цена 95 к.

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ч. Динкенс. Лавка древностей. Роман. Перевод с английского. 624 стр. Цена 1 р. 30 к.

М. Карим. Радость нашего дома. Таганок. Повести. 208 стр. Цена 45 к.

Повести и рассказы о Георгии Димитрове. Перевод с болгарского. Составление Е. Андреевой. 368 стр. Цена 1 р. 40 к.

А. Шаров. Кукушонок, принц с нашего двора. Повести-сказки. 224 стр. Цена 1 р. 40 к.

ВОЕНИЗДАТ

В. Кассис. Оружием лжи и диверсий. 135 стр. Цена 25 к.

А. Киреев. Сосны гудят тревожно. Повести. 318 стр. Цена 1 р. 50 к.

Г. Семенихин. Новочеркасск. Роман-дилогия. 592 стр. Цена 2 р. 60 к.

МЕСТНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Камчатка. Литературно-художественный сборник. Петропавловск-Камчатский. Дальневосточное книжное издательство. 184 стр. Цена 75 к.

Средневековые фантастические рассказы. Перевод с таджикского. Душанбе. «Ирфон». 240 стр. Цена 1 р. 60 к.

Русский сонет: XVIII — начало XX века. Составление и подготовка текста В. С. Совалина и Л. О. Великановой. «Московский рабочий». 557 стр. Цена 2 р. 30 к.

В. Шукшин. Рассказы. Составление Л. Н. Федосеевой-Шукшиной. Предисловие В. Белова. Лениздат. 477 стр. Цена 2 р.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 1983 ГОД

Л. И. Брежнев. Главы из книги «Воспоминания». I—3.

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Владимир Амлинский. Ремесло. Роман. X—11; XI—11.

А. Белай. Линия. Повесть. IV—11.

Юрий Гейко. Испытание. Повесть. XII—108.

Иосиф Герасимов. Пробел в календаре. Роман. III—6.

Грэм Грин. Почетный консул. Роман. Перевели с английского Е. Голышева и Б. Измаков. VI—138; VII—95.

Андрей Дмитриев. Штиль. Рассказ. IV—140.

Владимир Еременко. Река моего детства. Рассказ. VIII—145.

Георгий Зубков. На явку выходит Эйфелева. VII—169.

Сергей Иванов. Из жизни Потапова. Роман. Предисловие Виктора Розова. VI—5; VII—9.

Владимир Карпов. Полководец. Документальная повесть. Часть вторая. XI—101; XII—8.

Александр Крон. Капитан дальнего плавания. Повесть о друге. II—9.

Юрий Нагибин. Болдинский свет. Рассказ. III—154.

Джеймс Планкетт. Один зеленый цвет. Рассказ. Перевела с английского Л. Беспалова. IX—117.

Н. Плотников. Маршрут Эдуарда Райнера. Повесть. IV—87.

А. Приставкин. Городок. Роман. I—72; II—141.

Александр Проханов. «В островах охотник...» Кампучийская хроника. V—38.

Георгий Пряхин. У окна. Рассказ. IX—49.

Василий Росляков. Уренгой — Запад. V—8.

Аркадий Сахнин. Неотвратимость. Повесть. IX—63; X—67.

Георгий Семенов. Городской пейзаж. Повесть. VIII—10.

Юрий Черняков. Бригада. Повесть. Предисловие Владимира Карпова. IX—9.

Юлиу Эдлис. Жизнеописание. V—140.

СТИХИ И ПОЭМЫ

Ираклий Абашидзе. Высший дар. Стихи. Перевел с грузинского Михаил Синельников. VI—3.

Демьян Бедный. Мой стих. К 100-летию со дня рождения. IV—163.

Яков Белинский. Голос Анголы. Стихи. XII—102.

Виктор Бокков. Новые стихи. XI—5.

Павел Боцу. Птицу крылья уведят... Стихи. Перевели с молдавского Кирилл Ковальджи, А. Бродский. VI—4.

Константин Ваншенкин. Из лирики. XI—3.

Арон Вергелис. Из книги «Волшебство». Стихи. Перевела с еврейского Юнна Морриц. XI—97.

Евг. Винокуров. Из книги «Космогония». Стихи. X—5.

Владимиру Маяковскому: Сергей Смирнов, М. Дудин, Лариса Васильева, Марк Лисянский, Владимир Савельев, Александр Ткаченко, Джубан Мулдагалиев (перевел с казахского Вл. Савельев), Максим Танк (перевел с белорусского Н. Кислик), Ираклий Абашидзе (перевел с грузинского А. Межиров), Владимир Соколов, Емилиан Буков (перевел с молдавского Равиль Бухараев), Константин Ваншенкин, Яков Хелемский, Ирина Волобуева, Арви Сийг (перевел с эстонского Вячеслав Куприянов). Стихи. VII—3, 88.

Андрей Вознесенский. О пропорциях. Стихи. V—137.

В пути: Юрий Поляков, Виктор Крючков. Стихи. II—139.

Леонид Вышеславский. Из книги «Близкая звезда». Стихи. XI—8.

Голоса поэтов Африки и Азии: Махмуд Дервиш (перевела с арабского Римма Казакова), Алекс Ла Гума (перевел с английского Феликс Бурташов), Гоити Мацунага, Коё Ёсида, Сумако Фукуда (перевел с японского Анатолий Мамонов), Те Хань, Хоанг Минь Тяу, Тхань Тхао, Нгуен Тхюи Кха, Чан Данг Кхоа, Ха Фыонг (перевели с вьетнамского Илья Фоянков, Е. Раевский). IX—39.

Владимир Гордечев. Солнечные хлебы. Стихи. III—3.

Юрий Гордиенко. Окружная дорога. Поэма. XII—5.

Владимир Дагуров. Никитские ворота. Стихи. XII—105.

Николай Доризо. Третья дуэль. Трагедия в трех действиях. VI—91.

Евгений Елисеев. Шиповник. Стихи. II—194.

Натан Злотников. Воспоминание о первой книге. Стихи. X—9.

Мартовская тетрадь: Евгения Славороцова, Ольга Ермолаева, Нина Габриэлян, Зоя Велихова, Лариса Саенко, Галина Снегубко, Светлана Кнопина, Софья Почаповская, Татьяна Бек, Эльмира Блино-

ва, Ирина Голотина, Лорина Дымова, Ирина Антонова. Стихи. III—144.

Сергей Михалков. Новые басни. IV—161; Басни. Из новой книги. XII—156.

Лев Озеров. Земная ноша. Стихи. XII—3. Владимир Осинин. У дымного полустанка. Стихи. X—7.

Никита Парамонов. Тишина. Стихи. X—8.

Поэтическая тетрадь: Константин Ваншенкин, Равиль Бухараев, Сергей Островой, Корнелия Войткевич. I—68, 215.— Василий Казанцев, Василий Оглоблии, Марк Кабаков, Владимир Федоров, С. Крыжановский, Татьяна Голуб, Александр Волобуев. IV—156.— Владимир Жуков, Владимир Нежданов, Владимир Калинин, А. Коваль-Волков, Н. Рудой, Василий Горбенко, Игорь Селезнев, Михаил Львов, Михаил Найдич, Софья Петренко. V—3, 131.— Ст. Золотцев, Михаил Беляев, Борис Слуцкий, Евгений Евтушенко, Николай Новиков. VIII—3, 141. Роберт Рождественский. Перед грозой. Стихи. X—3.

Россия: Петр Градов, Сергей Мнацаканян, Владимир Савельев, Виктор Боков. IV—3.

Евгений Храмов. Два стихотворения. II—138.

Владимир Цыбин. Из цикла «Пробуждение». Стихи. II—3.

Феликс Чуев. Награда. Стихи. II—7.

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

Евгений Воробьев. Самая трудная должность. II—221.

Б. М. Кедров. Запечатленный образ Ленина. Глазами подростка. VII—204; Запечатленный образ Ленина. Глазами юноши. VIII—202.

И. Роднина, А. Зайцев. Последняя Олимпиада. Предисловие Мариса Лиены. Литературная запись А. Чайковского. XII—181.

Владимир Успенский. Третья монгольская. IV—207.

М. Фельдман. Встречи. Публикация В. Васильевой. III—232.

А. Щекин-Кротова. Становление художника. Предисловие М. Алпатов. X—207.

ПУБЛИЦИСТИКА

Юрий Азаров. Игра. Размышления о нравственном воспитании. VI—201.

А. Власов. Бумеранг страха. Политические заметки. X—175.

Николай Иванов. О рачительности. VII—196.

Феликс Новиков. Единство и крайности архитектуры. XII—158.

Юрий Островитянов. Критика без надежды. Социологический пессимизм и неомарксизм. IX—153.

Георгий Шахназаров. Реализм и новаторство. XI—191.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Марк Баринов. Шаги в океан. X—184.

Юрий Вигорь. У самого Белого моря. IV—164.

Григорий Резниченко. Болгарские огорды. VIII—176.

Ю. Черниченко. Комбайн косит и молотит... III—171.

В МИРЕ НАУКИ

В. Барашенков. Надежды и трудности. V—199.

Ярослав Голованов. Звездные электростанции. XI—214.

Ю. Поляков. Вечера у академика Тихомирова. V—208.

Аркадий Удальцов. В поисках энергии. XI—201.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

Б. Асоян. ЮАР: у последней черты. IX—169.

Г. Васильев. Город автокороля. IX—184. Эрнст Генри. Заговор против Европы. XII—172.

Н. Хохлов. Пакистан: кривая независимости. VI—221.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Два стихотворения Марины Цветаевой. Предисловие Е. Р. Симонова. III—169.

Овсей Дриц. Не плачу, не смеюсь. Стихи. Перевел с еврейского Владимир Цыбин. Публикация Л. С. Ионовой. IX—150.

Юрий Казаков. Мальчик из снежной ямы. Публикация У. А. Казаковой. X—130.

Михаил Кульчицкий. Неуспокоенность. Стихи. Публикация О. В. Кульчицкой. I—219.

Вл. Андри. Рассказы. Публикация Е. В. Лидиной. VIII—158.

Сергей Наровчатов. «Стихов пишу мало — наступление было». Письма матери с фронта. Предисловие Д. Тевекелян. V—186.

Вероника Тушнова. Поэма памяти. Предисловие Михаила Львова. Публикация Н. Ю. Розинской. IX—137.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

В. Архангельский. Свет над Дорой. IV—186.

А. С. Бланк. Пленники Сталинграда. IX—205.

Ирина Луначарская. Поэтическое наследие Луначарского. XII—207.

Йозеф Рыбак. Об авторе бессмертного репортажа; Юлиус Фучик — Когда спящий проснется. Публикация, перевод с чешского и предисловие Т. Мироновой. I—233.

Николай Самвелян. Гимн мудрому городу. XII—202.

В. Фридкин. Неожиданная находка. XI—225.

Н. Эйдельман. «Последний летописец». Главы из книги. II—195; III—210.

К 40-летию Сталинградской битвы

Г. В. Полуэктов. Записки фронтового артиллериста. Публикация П. С. Сиркеса. I—221.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Л. Аннинский. Почва. Воздух. Судьба. I—248.

Г. Белая. «Стиль памяти». Проблема традиции в наших спорах. IX—227.

Сергей Белов. Невольные откровения. Западный образ жизни и «массовая литература». II—238.

Уран Гуральник. Классика наша, советская. VI—233.

Игорь Дедков. О судьбе и чести поколения. V—218.

В. Камянов. Сюжет и вокруг, из опыта дебютантов 60—70-х годов. IV—218.

Феликс Кузнецов. В кривом зеркале. XII—227.

Ал. Михайлов. «Я к вам приду...» Наследие поэта и современная русская поэзия. VII—224.

Дм. Молдавский. Владимир Необходимович. Из тетрадей о Маяковском. VII—238.

А. Овчаренко. Жизнь народная. Горьковские традиции в творчестве сибиряков. III—240.

Валерий Осипов. Воспитание Тюменью. XI—232.

Г. Полозов. Образ справедливости. Заметки юриста. XII—218.

Ст. Рассадин. Большие надежды. VI—239. Столетие Гашека. IV—234.

100 лет со дня рождения Алексея Николаевича Толстого: **Сергей Герасимов.** Вдохновляющие страницы. I—239; **Л. Финк.** Эпический масштаб. I—244.

Любомир Фельдек. Маяковский в Словакии. Перевела со словацкого С. Давыдюк. VII—246.

М. Б. Храпченко. Язык художественной литературы. Статья первая. IX—235; Язык художественной литературы. Статья вторая. X—235.

Ольга Чайковская. Соперница времени. VIII—215.

Ю. Школенко. Космос, человек, книги. X—228.

Георг Эмин. Революцией мобилизованный... Перевела с армянского Арменуи Гамбарян. VII—248.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Литература и искусство

А. Алексий. «А у нас сегодня гость. А у вас?» (Сергей Михалков. Детям (Стихи, сказки, рассказы, басни, песни). Сергей Михалков. Собрание сочинений в шести томах. 1—4 тома). II—253.

Маргарита Алигер. Встреча с трубадуром (К. М. Бельман. Песни Фредмана. Послания Фредмана). X—255.

А. Аникс. Поэтика романа XX века (Т. Мотылева. Роман — свободная форма. Статьи последних лет (Черты современной прозы. Толстой и Достоевский за рубежом. О литературе ГДР). V—240.

Сергей Антонов. Роман о селе и о себе (Юрий Куранов. Глубокое на Глубоком. Роман). VII—250.

Леонид Бежин. По законам смежной прозы (Л. Аннинский. Контакты. Литературно-критические статьи. Л. Аннинский и Лесковское ожерелье). VII—257.

Андрей Василевский. Ополчившись на «шаблоны» (Ю. Галкин. Борис Шергин. Златая цепь). V—238.

М. Галлай. Полномочиями совести наделены (Артем Афиногенов. Мгновение — вечность. Роман). VIII—235.

Расул Гамзатов. Книга моего товарища (Владимир Огнев. Горизонты поэзии. Избранные работы в двух томах. Владимир Огнев. Свидетельства, Дневник критика. 1970—1974). V—234.

Ирина Гитович. Навстречу самому себе (Валерий Шевчук. Краски осеннего сада. Повести и рассказы. Валерий Шевчук. Дім на горі. Роман-баллада. Евгений Гуцало. Шутили с Катериной. Рассказы. Евгений Гуцало. Из огня воскресли. Повести, рассказы). II—258.

Гр. Горин. Читая рассказы Леонида Ленча (Леонид Ленч. Избранные произведения в двух томах). VII—254.

Ал. Горловский. В соавторстве с читателем (Ираклий Андроников. Собрание сочинений в трех томах. И. Андроников. А теперь об этом. И. Андроников. Впереди самого себя). V—236.

Игорь Дедков. Под знаком беды... (Василь Быков. Знак беды. Повесть). X—250.

Иван Драч. Приближение к Паруйру Севаку (Паруйр Севак. Путник. Паруйр Севак. Неумолкаемая колокольня. Поэма). IX—251.

Михаил Дудин. В родстве с необозримым миром (Виктор Гончаров. Избранное. Стихотворения. Поэма. Лады). IX—255.

Татьяна Иванова. Одна земля, одна любовь (Михаил Колосов. И себе и людям. Повесть). VI—259.

В. Каверин. Проза Пастернака (Борис Пастернак. Воздушные пути. Проза разных лет). VI—260.

Александр Каменский. С чем рифмуется сад (Д. С. Лихачев. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Д. М. С. Лихачев. Служение памяти). XI—260.

Руслан Киреев. Эффект отсутствия (Валерий Алексеев. Прекрасная второгонимка. Повесть). XI—258.

Яков Маркович. Мысль и форма (Леонид Тимофеев. Слово в стихе). IV—250.

Алла Марченко. Поэзия требует всего человека (Светлана Кузнецова. Гадание Светланы. Новая книга стихов). I—273; «Соразмерно пространству своего изумления» (Александр Эбаноидзе. ...Где отчий дом). XI—249.

Ал. Михайлов. «Опять война, опять блокада...» (Юрий Воронов. Блокада. Книга стихов). I—262.

П. Николаев. Вера в художественную истину (В. Ф. Переверзев. Гоголь. Достоевский. Исследования. А. Воронский. Избранные статьи о литературе). VIII—240.

Леонид Новиченко. Лирическая проза Янки Брыля (Янка Брыль. Стежки, дорожки, простор. Янка Брыль. Миниатюры). IV—247.

Андрей Нуйкин. Высокий счет гражданственности (Сергей Залыгин. Собеседования). XII—250.

В. Оскоцкий. Жизнь, рассеченная надвое (Юрий Давыдов. Две связи писем. Повесть о Германе Лопатине). XII—245.

Н. Павлова. Бесценный дар жизни (Макс Фриш. Монток. Человек появляется в эпоху голода. Повести). IV—252.

А. Павловский. Нацеленность поиска (А. Бочаров. Бесконечность поиска. Художественные поиски современной советской прозы). VIII—251.

А. Пикач. Взыскательное участие (И. Меттер. Свидание. Повести и рассказы). I—265.

Ст. Рассадин. Слово — дело (Евгений Богат. Урок. Очерки). VIII—244.

Борис Рахманин. Солдат Жуков (Владимир Еременко. Солдат Никифор Жуков. Повесть). IV—245.

Б. Руинн. Магия открытости (Григорий Козинцев. Время и совесть. Из рабочих тетрадей). I—259; Утренний свет (Павел Шубин. Стихотворения). XI—254.

Владимир Савельев. Дорога сквозь века (Анатолий Преловский. «Вековая дорога». Свод поэм). IX—257.

Д. Самойлов. Картина мира (Олег Хлебников. Письма прохожим. Книга стихов). VIII—238.

Вс. Сахаров. Предание и история (Арсений Ларионов. Лидина гарь. Роман). I—267.

Наталья Старосельская. «...В решающий момент» (Кэндзабуро Оэ. Записки пинчраннера. Роман). I—270.

Мэлоу Стурра. Вся рать советологии (А. Беляев. Идеологическая борьба и литература. Критический анализ американской советологии). VI—256.

Александр Топчян. Миссия человеческая (Ваагн Григорян. Запертая комната. Повесть. В. Григорян. Белая ворона. Повести. Ваагн Григорян. Белая ворона. Повести) XII—242.

А. Турков. Не заглушаемое ничем... (Юлия Друнина. Избранные произведения в двух томах). V—231.

Адольф Урбан. Голоса пятнадцати столетий (Средневековая армянская поэзия. Наапет Кучак. Сто и один айрен. Григор Нарекаци. Три главы из «Книги скорбных песнопений», Саят-Нова. Стихотворения). III—261.

Владимир Фирсов. Роман о великих просветителях (Слав Хр. Караславов. Солунские братья. Роман). VIII—248.

С. Фрейлих. Немеркнувшие идеи (И. Черноуцан. Живая сила ленинских идей. Статьи). VIII—233.

М. Шаталин. В лаборатории великого художника (М. Горький. Полное собрание сочинений. Варианты к художественным произведениям). III—259.

Н. Юрьев. Ядро таланта (Гариф Ахун-ов. Ядро ореха. Роман. Повести). IX—249.

Политика и наука

Сергей Абрамов. Елка для всех (Александр Кривицкий. Тень друга, или Ночные чтения сорок первого года (Повесть-хроника). Ветер на перекрестке, или Памфлеты и рассказы из цикла «Кое-что...»). Александр Кривицкий. Елка для взрослого, или Повествование в различных жанрах. Александр Кривицкий. Мужские беседы (Повесть-хроника). Александр Кривицкий. Белые скорпионы (Памфлет); Предупреждение из прошлого). II—263.

О. Алякринский. В поисках утраченной утопии. (Э. Я. Баталов. Социальная утопия и утопическое сознание в США). VIII—258.

А. Бейлис. Утопический социализм и современность (В. А. Дунаевский, Г. С. Кучеренко. Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков). I—277.

Дм. Биленкин. Под знаком гипотезы (Тайны веков. Сборник. Тайны веков. Книга вторая. Тайны веков. Книга третья). IX—259.

Юрий Гальперин. Первая среди равных (Н. Н. Михайлов. Книга о России. В союзе равных. Впечатления. Описания. Памятное). V—247.

Евгений Добровольский. Встречи на родной земле (Дорогами России. Очерки. Сборник второй. Составитель А. Л. Никитин). VII—263.

Валентина Елисеева. Разговор с интересным собеседником (Александр Штейн. Наедине со зрителем). IV—259; Возвращение (Р. Райт-Ковалева. Человек из Музея Человека. Повесть о Борисе Вильде). XI—264.

Г. Ермаш. О пользе эстетики (Александр Лилов. Природа художественного творчества). I—275.

И. Забелин. Продуктивная сила идей (И. И. Мочалов. Владимир Иванович Вернадский (1863—1945). VIII—262.

А. Зверев. Повествование без вымысла (Запад вблизи. Современная документальная проза. Повествование без вымысла. Сборник. Составитель Е. Стояновская). XII—255.

А. Кондратович. От Советского Информбюро... (От Советского Информбюро... Публицистика и очерки военных лет. 1941—1945. Составитель С. Красильщик). V—242.

И. Кузнецов. Форпост ленинской партии (У истоков большевизма. Воспоминания, документы, материалы. 1894—1903). VIII—256.

С. Кузнецова. Коренные проблемы современного Востока (Г. Ф. Ким. От национального освобождения к социальному. Социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций). X—257.

В. Лобачев. История среди нас (Н. К. Гаврюшин. Сокровища у порога. Памятники науки и техники). III—265.

В. Макаревский. На Курской дуге (Г. А. Колтунов, В. Г. Соловьев. Курская битва). VIII—254.

А. Милейковский. Канадская мозаика (В. А. Тишков, Л. В. Кошелев. История Канады). IV—261.

В. Милотенко. Удача приходит к сильным (Гюнтер Вальраф. Нежелательные репортажи). IX—262.

Юрий Мочалов. На пути к человековедению (Карл Леонгард. Акцентированные личности). I—279.

Борис Нолик. Доктор из джунглей (Пауль Герберт Фрайер. Альберт Швейцер. Картина жизни). X—262.

Ю. Орфеев. Ложные метафоры и компьютер (Дж. Вейценбаум. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям). VI—264.

Евгений Павлихин. Теоретик и пропагандист марксизма (Валерий Осипов. Подснежник. Повесть о Георгии Плеханове). II—266.

Ю. А. Трифонов. В русле памяти (Андрей Никитин. Над квадратом раскопа. Андрей Никитин. Дороги веков. Повести). IV—257.

✓ **В. Турбин.** Трактор — машина авторитетная (Л. С. Комаров, Е. Г. Ховин, Н. И. Заржевский. Летопись Челябинского тракторного (1929—1945 гг.). Л. С. Комаров, В. Г. Боярчиков. Летопись Челябинского тракторного. 1945—1980). VII—260.

Ст. Тютюкиев. Заря российского марксизма (И. Н. Курбатова. Начало распространения марксизма в России. Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда»). X—260.

М. Черепанов. «Стиль Маркса — это Маркс» (С. М. Гуревич. Карл Маркс — публицист). V—245.

Ю. Шарапов. Летопись великой жизни (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. Том 12. Декабрь 1921—январь 1924). IV—254.

КОРОТКО О КНИГАХ

Евгений Сидоров.—Роллан Сейсенбаев. Всего одна ночь. Маленький роман. Повесть и рассказы. Вик. Ерофеев.—Анатолий Макаров. Мы и наши возлюбленные. Повесть. Анатолий Макаров. Футбол в старые времена. Повести. Ст. Золотцев.—Владимир Павлинов. Говорю начистоту. Стихи и поэма. А. Нуйкин.—Елена Джичоева. Преодоление. Очерк жизни и творчества Виталия Семина. Л. Злобина.—Барбара Пим. Осенний квартет. Роман. О. Новохатко.—Н. Я. Эйдельман. Грань веков. I—282.

Игорь Тарасевич.—Иван Третьяков. Цветы и мины. Александр Лаврин.—Кирилл Ковальджи. Кольца годовые. Стихотворения. Эдуард Проиловер.—Петерис Зирнитис. Сентябрьская лирика. Петерис Зирнитис. Сон в тысячу колоколов. Петерис Зирнитис. С соевой за окном. Б. Багаряцкий.—П. В. Московский, В. Г. Семенов. Ленин во Франции, Бельгии и Дании. II—269.

Г. Петрова.—Людмила Гурченко. Мое взрослое детство. Ирина Шевелева.—Ободяв Шамхалов. Время говорить. Стихи. Д. М. Брудный.—Ю. Дмитриев. Леонид Утесов. А. Турков.—Владимир Рудный. Готовность № 1. О. Н. Г. Кузнецове. III—269.

И. Винокуров.—Железная трава. Йосиф Прекрасный. Романы. Александр Топчян.—Аревшат Авакян. Дыхание гор. Аревшат Авакян. Пять стихотворений. Григорий Левин.—Яков Белинский. Избранные произведения в двух томах. Яков Белинский. Движение души. М. Вольпе.—Нгуи Ва Тхионго. Кровавые лепестки. Роман. Ксения Бродер.—Евгений Воробьев, Дмитрий Кочетков. Я не боюсь не быть. Документальная повесть о Герое Советского Союза Поле Армане. Т. Комиссарова.—Леонид Лапцуй. На оленьих тропах. Стихи и поэмы. Перевод с неискского П. Спивак.—А. Шаров. Повесть о десяти ошибках. Повести и рассказы. Георге Барбэ.—Думитру Балан, Анета Добре. Русская советская поэзия. Лирика (Антология). А. Грунт.—Е. Н. Городецкий. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября.

М. Арапов.—Юл. Медведев. Бросая вызов. IV—265.

Любовь Кабо.—Сергей Львов. Быть или казаться? Сергей Мнацаканян.—Л. Дымова. Журавль в небе. Стихи. А. Ермонский.—Казимеж Выка. Статьи и портреты. Перевод с польского. Николай Карпов.—Геннадий Красников. Птичьи светофоры. День поэзии 1982. И. Занделов.—Виктор Русаков. Рассказы о потомках Пушкина. Евг. Симонов.—А. И. Поляков. Полус высоты. V—267.

Е. Щеглова.—Михаил Панин. Матюшенко обещал молчать. Заводские истории. А. Кацев.—Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание в двух книгах. Наталья Беккерман.—Роман Белоусов. Хвала камням. А. Аванесов.—Советские ученые. Очерки и воспоминания. Л. Пушкарёв.—А. П. Бажова. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. VI—268.

Илья Абель.—Александр Житинский. От первого лица. Повести. Светлана Анисимова.—О Сельвинском. Воспоминания. В. Нежданов.—Валерий Капранов. Забытая дорога вдаль. Стихотворения и поэма. Т. Снегирева.—Е. Горбунова. Юрий Бондарев. Очерк творчества. Р. Баландин.—Н. Н. Моисеев. Человек, среда, общество. Проблемы формализованного описания. А. Преображенский.—В. Дружинин. Державы российской посол. Роман. Анна Илупина.—Марис Лиела. Вчера и сегодня в балете. VII—266.

Е. Щеглова.—Василий Лебедев. Посреди России. Повести и рассказы. Ю. Пашков.—Н. Злотников. Единственный дом. Книга стихов. Натан Злотников. Наивный охотник. Стихи. Натан Злотников. Стихи. Ю. Архипов.—Н. С. Павлова. Типология немецкого романа. Марина Кизима.—Роберт Лоуэлл. Избранное. Л. Попов.—Николай Александрович Морозов. Ученый-энциклопедист. Михаил Кривич.—Станислав Старикович. Зверинец и крыльца. VIII—267.

Александр Панков.—Владимир Муссалитин. Восемнадцатый скорый. Повести. Лев Разгон.—Р. Рубина. Вьетса нить. Рассказы. Повести. Нина Габриэлян.—Ольга Чугай. Судьба глины. Стихи. Д. М. Молдавский.—Алексей Павловский. Память и судьба. Статьи и очерки. Ю. Орфеев.—Александр Войскунский. Я говорю, мы говорим... Очерки о человеческом общении. М. Аджиев.—А. Спиридонов. В служенье ремеслу и музам. IX—267.

Галина Гордеева.—Еремей Парнов. Витязь чести. Повесть о Шандоре Петефи Андрей Василевский.—Александр Яшин. Границы души. Стихи из дневников. Стрфы. Лирические записи. Поэмы Г. Петрова.—Николай Самохин. Сходить на войну. Три повести. Ст. Золотцев.—Давид Бромберг. Нити годов. Стихи. Л. Аннинский.—Вл. Тихвинский. Свет на горе. Повесть. А. Турков.—Виктор Утков. Предвестники. Связь времен. Александр Пистунова.—Юрий Александров. Москва: диалог путеводителей. П. Бунич.—Александр Левиков. Весы доверия. X—265.

Ксения Бродер.—Татьяна Тэсс. Друзья моей души. Владимир Кочегов.—Исаак Фридберг. Компромисс. Маленький роман. Петр Вегин.—Даниил Долинский. И небо, и земля. Стихи и поэма. Вл. Борщук.—История литературы ГДР. И. Брайнин.—И. И. Титов. «...С этой деревней знаком лично». Очерки истории села Алакаевка. XI—268.

Александр Ливанов.—Владимир Мирнев. Знакомое лицо. Роман. Владимир Мирнев. Живое дерево. Повесть. Эдуард Пронилов.—Татьяна Кузовлева. Веретено. Стихи. Татьяна Кузовлева. Общее небо. Е. Алексеева.—Н. В. Станкевич. Избранное. Н. Голованова.—Воспо-

минания о Семене Данилове. Василий Новиков.—Ушанги Рижинашвили. Дом. Повести и рассказы. Ушанги Рижинашвили. Шакро. Повесть. И. Кон.—Н. А. Ерофеев. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825—1853 гг. И. Забелин.—Д. Биленкин. Путь мысли. XII—261.

Из редакционной почты. V—250; VIII—266.

Памяти Игоря Николаевича Бубнова. I—287.

✓ Памяти Федора Александровича Абрамова. VII—271.

Книжные новинки: I—288; II—XI—272; XII—266.

Главный редактор **В. В. Карпов**

Редакционная коллегия:

Ч. Айтматов, Ф. К. Видрашку (зам. главного редактора), **Е. М. Винокуров, Р. Г. Гамзатов, А. Н. Жуков, В. Г. Казаков, А. И. Коваль-Волков, В. М. Литвинов, М. Д. Львов** (зам. главного редактора), **Д. Мулдагалиев, А. И. Овчаренко, Б. И. Олейник, Г. И. Резниченко** (ответственный секретарь), **А. Е. Рекемчук, А. Я. Сахнин**

Адрес редакции: 103806, ГСП. Москва К-6, Малый Путинковский пер., д. 1/2. Тел. 200 08-29.

Сдано в набор 26.09.83 г. Подписано к печати 24.11.83 г. А 04235.
 Формат бумаги 70×108^{1/16}. Высокая печать. Объем 17 п. л. (23,8 усл.-печ. л.)
 27,08 уч.-изд. л. Тираж 363.000 экз. (1-й завод 1—183.000 экз.) Зак. 3270.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР»
 Москва К-6, Пушкинская пл., 5.

Ордена Трудового Красного Знамени типография «Известий Советов народных депутатов СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 1 р. 20 к.

70636

Новый мир, 1983, № 12, 1—272.